
A 158/767

ВЛАДИМІРСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ДЕВЯТИСОТЛѢТІЯ

КРЕЩЕНІЯ РОССІИ.

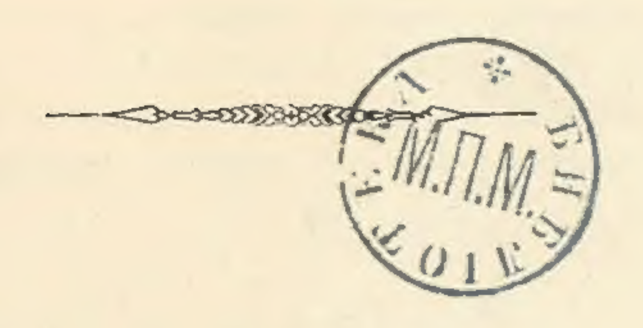

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.
1888.

ВЛАДИМІРСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПАМЯТЬ ДЕВЯТИСОТЛѢТІЯ

КРЕЩЕНІЯ РОССІИ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

1888.

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духов. Академіи“ 1888 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Празднованіе девятисотлѣтія крещенія Россіи ознаменовалось въ Кіевѣ появленіемъ нѣсколькихъ изданій, посвященныхъ начальной исторіи христіанства въ Россіи и памяти святаго просвѣтителя ея князя Владиміра. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ и предлагаемый »Сборникъ«, обнимающій собою часть трудовъ, предпринятыхъ съ указанною цѣлію коммиссіей изъ профессоровъ и преподавателей Кіевской духовной Академіи и помѣщаемыхъ предварительно въ духовномъ журналѣ »Труды Кіевской духовной Академіи«. Собраніемъ въ отдѣльное изданіе статей этого рода, выбранныхъ изъ журнала, коммиссія имѣла въ виду удовлетворить потребности времени, сосредоточившаго общественную мысль на великомъ событіи нашей начальной исторической жизни. Коммиссія надѣется продолжить свое изданіе въ той мысли, что предметъ, которому оно посвящено, не утратитъ живаго интереса для общества и въ послѣдующее время.

СКАЗАНІЕ О ПОСѢЩЕНІИ РУССКОЙ СТРАНЫ СВ. АПОСТОЛОМЪ АНДРЕЕМЪ.

Русское сказаніе о посѣщеніи нашей страны св. Андреемъ Первозваннымъ возникло и развивалось подъ вліяніемъ греческихъ сказаній о проповѣди св. Андрея. Поэтому представимъ краткій обзоръ этихъ сказаній, а потомъ сосредоточимъ вниманіе на русскомъ сказаніи.

I.

Греческія сказанія о проповѣди св. Апостола Андрея.

Отецъ Церковной Исторіи, епископъ Кесаріи Палестинской Евсевій Памфилъ († 340 г.) въ своей „Церковной Исторіи" говоритъ: „святые апостолы и ученики Спасителя нашего разсѣялись по вселенной (для проповѣди о Христѣ). Ѳомѣ, какъ говоритъ преданіе (ὡς παράδοσις περιέχει), выпалъ жребій идти въ Парѳію, *Андрею въ Скиѳію*, Іоанну въ Азію, гдѣ онъ жилъ и умеръ въ Ефесѣ". Сказавъ затѣмъ о мѣстахъ проповѣди апостоловъ Петра и Павла и о мученической кончинѣ ихъ въ Римѣ, Евсевій заключаетъ: объ этомъ слово въ слово (κατὰ λέξιν) говорится у Оригена въ третьемъ томѣ его толкованій на книгу Бытія[1]). Итакъ преданіе о проповѣди ап. Андрея въ Скиѳіи было въ вѣкъ Евсевія *историческимъ* преданіемъ въ церкви. Преданіемъ историческимъ,

[1]) Кн. III. гл. 1. Обыкновенно думаютъ, что обѣ части этого разсказа Евсевія взяты изъ Оригена, что изъ него же взято и начальное выраженіе: *какъ говоритъ преданіе*. Повѣрить это невозможно, ибо въ уцѣлѣвшихъ сочиненіяхъ Оригена не сохранилось цитуемаго мѣста толкованій. Существуетъ предположеніе, что выписка изъ Оригена начинается со второй части разсказа,

достойнымъ занесенія въ исторію церкви, могло быть для Евсевія только такое преданіе, которое имѣло авторитетъ древности, восходящей не только къ Оригену, но и къ вѣку мужей апостольскихъ, и признаки *общаго* преданія церкви. Такимъ его и видимъ [1]). Скиѳія, какъ входившая въ составъ ап. удѣла св. Андрея, упоминается во всѣхъ восточныхъ и западныхъ, древнихъ и позднѣйшихъ, краткихъ и пространныхъ сказаніяхъ о семъ апостолѣ. Чтó разумѣлось подъ Скиѳіею въ сообщаемомъ Евсевіемъ начальномъ преданіи церковномъ объ апостолѣ, остается неяснымъ. Извѣстно, что со времени Геродота, Скиѳіею называлась сѣверо-черноморская окраина Россіи отъ Истра или Дуная до Танаиса или Дона. Въ началѣ хр. эры названіе Скиѳіи для этой окраины смѣняется названіемъ Сарматіи, и переносится на великую Скиѳію или Скиѳію Азіатскую между Яксартомъ и Оксомъ (Аму-Дарья и Сыръ-Дарья). Но твердо удерживаются и теперь и надолго потомъ названія Скиѳіи для Малой Скиѳіи (придунайской) и Тавроскиѳіи [2]). Итакъ въ этихъ

гдѣ говорится о мѣстахъ проповѣди и кончинѣ ап. Петра и Павла. Есть поводъ для такого предположенія (о немъ въ изслѣдованіяхъ г. Васильевскаго и Липсіуса, о которыхъ—ниже). Но едва ли можно принять его. О мѣстахъ проповѣди ап. Петра и Павла Евсевій говоритъ словами Писанія (1 Петра 1, I; Римл. 15, 16) и тутъ не для чего было ему ссылаться на Оригена. О кончинѣ ихъ онъ говоритъ *обстоятельнѣе и съ болѣе обстоятельною* ссылкою въ 25-й главѣ предыдущей II книги, слѣд. и тутъ уже не въ пору было ссылаться на Оригена. Вѣроятнѣе, изъ Оригена выписанъ *весь разсказъ*, начинавшійся словами—какъ говоритъ преданіе, составлявшій одно цѣлое, потому и выписанный цѣликомъ.

[1]) На западѣ преданіе объ ап. удѣлѣ св. Андрея въ томъ первичномъ и самомъ общемъ видѣ, въ какомъ оно занесено въ исторію Евсевіемъ, приводится у Евхерія, еп. Ліонскаго († 449 г.). Instruct. ad Salonium, Libri duo. Patr. Lat. ed. Migne T. 50, p. 809.

[2]) Такъ у Страбона (Геогр. кн. VII, гл. 4, п. 5; гл. 5. п. 13. Въ пер. Ѳ. Г. Мищенко. М. 1879 г.), сходно или почти сходно съ которымъ обозначаютъ эти Скиѳіи и другіе писатели первыхъ временъ хр. эры. Отцы Церкви и церковные писатели вѣка Евсевія также знаютъ о Тавроскиѳіи и Малой Скиѳіи.

Скиѳіяхъ остается искать Скиѳіи преданія объ ап. Андреѣ. Впрочемъ, представленіе объ этой Скиѳіи можетъ уясниться при обзорѣ другихъ сказаній о проповѣди ап. Андрея [1]).

Начальное преданіе о Скиѳіи, какъ удѣлѣ ап. Андрея, рано получило развитіе въ цѣломъ рядѣ другихъ сказаній объ апостольской проповѣди его, выразившееся въ томъ, что къ ап. удѣлу св. Андрея присоединяются, кромѣ Скиѳіи, еще другія мѣста, а затѣмъ—и разсказы о дѣяніяхъ, страданіяхъ и кончинѣ его. Таковы прежде всего *краткія*, собственно *церковныя* или *патристическія* сказанія въ видѣ *списковъ* или *каталоговъ*, гдѣ перечисляются имена апостоловъ съ краткими замѣчаніями о мѣстахъ ихъ проповѣди и ихъ кончинѣ. Извѣстны четыре каталога, надписываемые именами Ипполита Римскаго или Портуенскаго (II в.), Дороѳея Тирскаго (IV в.), Софронія († 375), друга блаж. Іеронима и Епифанія, еп. Кипрскаго († 403 г.). Въ наукѣ остаются спорными вопросы о принадлежности этихъ каталоговъ названнымъ лицамъ, о времени происхожденія и начальной редакціи ихъ [2]). Но этою спорностію не исключается значеніе каталоговъ, какъ свидѣтельствъ христіанской древности, своею совокупностію выражающихъ отголоски мѣстныхъ церковныхъ преданій или опыты пониманія и истолкованія начальнаго преданія церкви объ апостольскомъ удѣлѣ св. Андрея. Въ каталогахъ, сверхъ Скиѳіи, заносятся въ этотъ удѣлъ Ѳракія, Виѳинія, Понтъ, т. е. южное побережье Чернаго моря, далѣе мѣстность р. Фазиса или Ріона

---

[1]) Сводъ древнихъ свидѣтельствъ и сказаній объ ап. Андреѣ и его проповѣди, сопровождаемый (болѣе или менѣе) критическимъ разборомъ ихъ, имѣется въ изслѣдованіяхъ Галланда (Patr. Graec. ed. Migne. T. II, p. 1187—1303), Липсіуса (Die Apokryphen Apostelgeschichten. Die Acten des Andreas. S. 543—622. Braunschweig 1883 г.), на русскомъ яз.—у арх. Макарія (Исторія христіанства въ Россіи до св. Владиміра), у г. Голубинскаго (Ист. Русск. Церкви) и у г. Васильевскаго (Русско-Византійскіе отрывки. Хожденіе ап. Андрея въ странѣ Мирмидонянъ. Ж. М. Нар. Пр. 1877 г. кн. 1 и 2).

[2]) Выписки изъ этихъ каталоговъ—въ цитованныхъ выше изслѣдованіяхъ.

съ г. Севастополемъ, т. е. древняя Колхида на юго-восточномъ побережьи Чернаго моря, а еще далѣе (впрочемъ, только въ нѣкоторыхъ каталогахъ) страна Согдіанъ и Саковъ; концемъ же апостольскихъ путешествій св. Андрея полагается Ахаія, гдѣ въ г. Патрахъ онъ пострадалъ мученически, бывъ распятъ на крестѣ (въ видѣ двухъ наискось сложенныхъ перекладинъ). Занесеніе въ ап. удѣлъ первыхъ трехъ странъ значимо уже тѣмъ, что по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ— Виѳинія и Понтъ принадлежали къ тѣмъ, гдѣ христіанство началось при апостолахъ, что въ Понтѣ и Виѳиніи, по преданію, проповѣдывалъ и св. Петръ, братъ Андрея, представляемаго въ другихъ сказаніяхъ спутникомъ брата въ проповѣди [1]). Такимъ обр. преданіе о проповѣди ап. Андрея могло быть взято здѣсь изъ древняго, мѣстнаго церковнаго преданія. Значимо и то, что страны эти лежали на пути въ Скиѳію и были издавна въ тѣсной связи съ сѣверо-Черноморскимъ, греко-Скиѳскимъ побережьемъ [2]). Тоже должно сказать о странѣ въ области р. Фазиса (Ріона) и г. Севастополя въ Колхидѣ. Здѣсь пролегалъ славный діоскурскій путь съ юго-восточнаго на сѣверо-восточное побережье Чернаго моря къ Меотійскому (Азовскому) Босфору [3]). Этимъ то путемъ

---

[1]) О проповѣди ап. Петра въ Виѳиніи и Понтѣ Евсевій говоритъ на основаніи словъ 1 Посл. Петра гл. 1. ст. 1, которыя въ подобномъ смыслѣ понимались и другими. О спутничествѣ ап. Андрея ап. Петру—въ апокрифическихъ сказаніяхъ о нихъ, о которыхъ—ниже.

[2]) Виѳинія начинаетъ собою юго-западное побережье Чернаго моря, а далѣе къ востоку почти все южное побережье его слыло подъ общимъ названіемъ Понта. Ѳракію каталоговъ понимаютъ въ смыслѣ то европейской, то малоазійской; въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть подъ нею сосѣднюю съ Виѳиніею Фригію, или ту область, которая у Константина Багрянороднаго называется *Ѳракисійскою* темою (Περὶ τῶν θεμάτων, Кн. 1. гл. 3. Patr. Graec. T. 113. p. 71—82.

[3]) Страбонъ въ Геогр. кн. XI, гл. 2; п. 14. 16.; гл. 5, п. 6. Севастополь; смѣнившій древнее названіе Діоскуріады, извѣстенъ греч. и римскимъ писателямъ I и II в. (D—r W. Pape's, Wörterbuch der Griechischen Eigennamen. Dritte Auflage. Zweite Hälfte. Braunschweig. 1845 г. подъ словомъ Sewastopol).

преданіе ведетъ апостола въ Скиѳію. Но этотъ путь въ одномъ (Софронія) или въ двухъ каталогахъ (Софронія и Епифанія) доводится до страны Согдіавъ и Саковъ, съ коими ставятся тутъ на ряду и Скиѳы, что даетъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ считать удѣломъ апостола Скиѳію Азіатскую, а не Европейскую. Нѣтъ основанія придавать такое значеніе свидѣтельству или домыслу однихъ сказателей, въ виду отсутствія повода для сего у другихъ, могшихъ понимать Скиѳію начальнаго преданія именно въ смыслѣ ближайшей и пограничной съ греческимъ міромъ Скиѳіи Европейской, особенно Таврической. Кромѣ каталогическихъ сказаній существуетъ много другихъ церковныхъ или патристическихъ свидѣтельствъ о св. ап. Андреѣ и его проповѣди, сообщаемыхъ отцами церкви, церковными писателями отрывочно, къ которымъ слѣдуетъ присовокупить и сказанія мартирологовъ [1]). Въ этихъ свидѣтельствахъ Скиѳія и Ахаія рѣшительно преобладаютъ въ числѣ мѣстъ ап. проповѣди Андрея, но ставятся здѣсь также Виѳинія, Понтъ, Ѳракія.

Одновременно съ краткими патристическими или церковными сказаніями о проповѣди апостоловъ существовали пространныя апокрифическія сказанія, носившія названія: дѣянія (πράξεις, acta), хожденія (περίοδοι, itinera), чудеса (θαύματα, miracula), мученичество (μαρτύριον, passio) апостоловъ и др. [2]). О существованіи подобныхъ сказаній, въ частности сказаній объ Андреѣ, впервые упоминаетъ историкъ Евсевій [3]), а за тѣмъ рядъ другихъ отцевъ и церковныхъ писателей IV, V и слѣдующихъ вѣковъ. Евсевій первый же выразилъ

---

[1]) Въ наибольшемъ количествѣ собраны эти свидѣтельства или сказанія въ изслѣдованіи Галланда, которое впрочемъ спеціально направлено къ защитѣ подлинности посланія пресвитеровъ и діаконовъ Ахайской церкви о мученичествѣ ап. Андрея въ Патрахъ.

[2]) Наиболѣе обстоятельное и спеціальное критическое изслѣдованіе объ этихъ сказаніяхъ есть изслѣдованіе Липсіуса, а въ русской литературѣ—г. Васильевскаго, сочиненія которыхъ цитованы выше.

[3]) Евсевія Церковн. Исторія кн. III, гл. 25.

сужденіе древней церкви объ этихъ сказаніяхъ, повторяемое съ нѣкоторыми восполненіями и другими отцами и писателями церкви и состоящее въ томъ, что эти сказанія— произведеніе еретиковъ, особенно гностиковъ, изъ коихъ болѣе извѣстнымъ, какъ авторъ сказаній и объ Андреѣ, считался нѣкто Левкій Харинъ, упоминаемый у церковныхъ писателей еще съ IV в. Гностики приписывали себѣ высшее знаніе въ вѣрѣ, простирая такое притязаніе какъ на область ученія, такъ и на область Евангельской, особенно Апостольской исторіи, претендуя, что и въ этой исторіи они знаютъ гораздо больше того, что сообщаютъ священныя книги, и что́ знаетъ и содержитъ церковь. Священныя книги, какъ книга Дѣяній Апостольскихъ и Посланія Апостольскія, обстоятельно говорятъ о немногихъ апостолахъ, преимущественно объ апостолѣ народовъ Павлѣ; о проповѣди другихъ апостоловъ они говорятъ или мало или совсѣмъ не говорятъ. Отсюда возникало естественное желаніе восполнить преданіями то, что́ извѣстно изъ Писанія. Но тогда какъ древніе церковные учители довольствовались только общими и краткими преданіями этого рода, гностики создали полныя и подробныя сказанія почти о каждомъ изъ апостоловъ. Разсказывая о странствіяхъ, дѣлахъ, чудесахъ, мученіяхъ апостоловъ, авторы дали просторъ своей суевѣрной фантазіи, наполнивъ эти сказанія разнаго рода вымыслами диковиннаго и сказочнаго свойства, расчитанными на заманчивость ихъ для народной массы и направленными къ проведенію еретическихъ ученій, каково особенно дуалистическое ученіе гностиковъ. Отцы и учители церкви порицали такія сказанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ допускали, что въ этихъ сказаніяхъ не все лживо, и—можетъ быть въ нихъ и своя доля истины. Отвергая въ нихъ еретическія мысли и явные вымыслы суевѣрной фантазіи, учители церкви находили, что истинное можетъ стоять въ томъ, что говорится здѣсь о дѣлахъ и чудесахъ апостольской проповѣди, и слѣд. о мѣстахъ этой проповѣди. Наука

находитъ также возможнымъ признать нѣкоторую историческую цѣнность за апокрифическими сказаніями, особенно за встрѣчающимися въ нихъ именами и названіями странъ, народовъ, лицъ [1]). Съ этой точки зрѣнія имѣютъ для насъ значеніе апокрифическія сказанія и объ апостолѣ Андреѣ. Болѣе извѣстны изъ нихъ: дѣянія Андрея и Матѳія въ странѣ Антропофаговъ или Мирмидонянъ, дѣянія апостоловъ Петра и Андрея, дѣянія и мученія ап. Андрея. Не извлекая содержанія этихъ сказаній, ограничимся въ данномъ случаѣ заимствованіемъ изъ нихъ того важнаго для насъ вывода, что мѣстомъ проповѣди Андрея полагается страна Антропофаговъ (или Мирмидонянъ), которая, со времени древнихъ классическихъ писателей, помѣщалась именно въ Европейской Скиѳіи, то внутри ея, то на сѣверномъ побережьи Чернаго моря и въ самой Тавро-Скиѳіи [2]).

Кромѣ пространныхъ апокрифическихъ сказаній о проповѣди ап. Андрея, извѣстны, но уже отъ болѣе поздняго времени, пространныя церковныя сказанія, которыя, опираясь на древнія краткія сказанія, находясь также въ извѣстной связи и съ апокрифами, очищенными отъ еретическихъ мыслей и вымысловъ, вырабатывались еще подъ вліяніемъ позднѣйшихъ мѣстныхъ преданій, слагавшіеся впрочемъ также не безъ вліянія апокрифовъ. Ранѣе другихъ выработано подробное сказаніе о мученической кончинѣ ап. Андрея въ Патрахъ Ахайскихъ. Оно изложено въ видѣ посланія пресвитеровъ и діаконовъ Ахайской церкви, и въ этомъ видѣ оно получило церковное значеніе и внесено въ церковныя книги, читается въ нашихъ Четьи-Минеяхъ подъ 30 ноября [3]). Затѣмъ являются полныя сказанія о всемъ

[1]) Спеціальныя изслѣдованія по этому предмету цитуются у Липсіуса.

[2]) О Тавроскиѳіи, какъ странѣ людоѣдовъ, пожиравшихъ плѣнниковъ, которые бурями Чернаго моря выбрасываемы были на берега, говоритъ, со словъ древнихъ греч. писателей, св. Аѳанасій.

[3]) Есть изслѣдователи, усиленно настаивающіе на подлинности этого посланія или по крайней мѣрѣ на достовѣрности преданія, лежащаго въ его основѣ.

апостольскомъ путешествіи Андрея. Таковы сказанія монаха Епифанія, жившаго въ концѣ VIII и началѣ IX в., и Метафраста X в.[1]). По разсказу Епифанія апостолъ совершилъ три путешествія, изъ коихъ въ два первыя апостолъ обошелъ западное побережье Малой Азіи, южное побережье Чернаго моря и доходилъ до Иверіи, а въ третье обошелъ все побережье юго-восточное, гдѣ былъ въ великомъ Севастополѣ и сосѣдней странѣ верхнихъ Сугдѣевъ, и сѣверное, гдѣ посѣтилъ Босфоръ или Керчь, Херсонъ и Ѳеодосію, оттуда чрезъ Синопъ отправился въ Византію, а потомъ въ Пелопонесъ, гдѣ и скончался мученически въ Патрахъ. Епифаній говоритъ, что, имѣя начальнымъ источникомъ своего сказанія свидѣтельства древнихъ церковныхъ писателей (особенно Епифанія Кипрскаго), онъ самъ обошелъ все прибрежье Чернаго моря, отъ Синопа до Босфора, Херсона и Ѳеодосіи, и какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ попутныхъ мѣстахъ своего странствія, слышалъ мѣстныя преданія о проповѣди Андрея, видалъ церкви, кресты, иконы св. Андрея и другіе памятники преданія о его проповѣди; онъ собралъ и записалъ имена учениковъ Андрея, бывшихъ первыми епископами основанныхъ имъ церквей. Замѣчательно представленіе о Скиѳіи въ сказаніи Епифанія. Первое путешествіе свое по южному побережью Чернаго моря апостолъ началъ съ *Синопа*, города Понтійскаго, лежащаго въ области *такъ называемыхъ Скиѳовъ*, жестокихъ варваровъ, слывшихъ человѣкоядцами (антропофагами). Второе путешествіе апостолъ началъ съ Ефеса, гдѣ явившійся ему Господь сказалъ ему: „ступай въ Виѳинію, Я буду съ тобой, куда ни пойдешь, потому что тебя ожидаетъ и *Скиѳія*". По такому откровенію, апостолъ, взявъ учениковъ, отправился въ Лаодикію, городъ мирной Фригіи, а оттуда въ *Одиссополь*,

---

Таково изслѣдованіе Галланда (1. с.). О другихъ см. у Липсіуса, который самъ не раздѣляетъ такого взгляда.

[1]) Сказаніе Епифанія въ Patr. Graec. ed. Migne T. 120. p. 216 и д.

городъ Мисіи, гдѣ поставилъ епископомъ Апіона, потомъ въ Никею. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ Скиѳія помѣщается на южномъ побережьи Чернаго моря, гдѣ Синопъ, во второмъ—въ Скиѳію зачисляется Мизія, подъ которою можно разумѣть и Малоазійскую и Ѳракійскую Мизію [1]). По всей вѣроятности, Епифаній распространялъ названіе Скиѳіи и на сѣверное Черноморье. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Скиѳію начальнаго преданія объ ап. Андреѣ онъ понималъ, какъ Скиѳію *припонтійскую*, а не азіатскую. Затѣмъ въ сказаніи Епифанія интересенъ для насъ тотъ фактъ, что на всемъ южномъ, восточномъ и сѣверномъ побережьи Чернаго моря преданіе о проповѣди апостола представляется общепринятымъ и утвердившимся отъ Синопа до Босфора (Керчи), Херсона и Ѳеодосіи. Особенно это должно сказать о Синопѣ, гдѣ, по сказанію, чаще всего бывалъ ап. Андрей, и о Херсонѣ, который, по видимому, оспаривалъ у Синопа честь быть излюбленнымъ городомъ Андрея, и въ которомъ составленъ былъ *Алфавитарь ап. Андрею*, т. е. Канонъ въ алфавитномъ порядкѣ [2]). На основаніи Епифанія составлено съ нѣкоторыми прибавленіями изъ мѣстныхъ преданій грузинское сказаніе объ Андреѣ, принадлежащее, имъ полагаютъ, грузинскому монаху—аѳонцу

---

[1]) Малоазійская Мизія находилась въ сосѣдствѣ съ Фригіею и Виѳиніею и прилегала къ Пропонтидѣ. О ней у Константина Багрянороднаго въ описаніи темъ Ѳракисійской и Опсикійской (l. c), гдѣ сообщаются древнія классическія сказанія о сродствѣ населенія этой Мизіи и Фригіи съ населеніемъ Ѳракіи и Мизіи Европейской. Такъ какъ Епифаній ведетъ апостола въ Мизію изъ Фригіи, а изъ Мизіи въ Виѳинскую Никею, то слѣдовало бы думать, что онъ разумѣетъ Мизію Малоазійскую. Но въ послѣдней неизвѣстенъ городъ Одиссополь, тогда какъ въ Европейской или точнѣе въ Ѳракійской Мизіи извѣстенъ г. Одессъ, полагаемый Страбономъ на югѣ граничившей съ нею Малой Скиѳіи, (Геогр. кн. VII, 6. п. 1), а хронистомъ Ѳеофаномъ близь Варны (Филар. Святые южныхъ славянъ подъ 20 января).

[2]) Объ Алфавитарѣ упоминается только въ древнемъ славянскомъ переводѣ сказанія Епифанія. См. у г. Васильевскаго и у г. Голубинскаго (l. c.), которыми предложено вѣрное на нашъ взглядъ объясненіе этого слова.

Евфимію (XI в.) и переписанное пресвитеромъ Романомъ или этому же самому Роману [1]). Оно также замѣчательно по связи съ мѣстными преданіями, по ссылкамъ на памятники пребыванія здѣсь апостола Андрея, каковы церкви въ скалахъ, образа св. апостола, къ чему присоединяютъ еще и могилу спутника Андреева Симона Кананита (въ Абхазіи). Такимъ образомъ и восточное Черноморье обиловало преданіями объ ап. Андреѣ.

Въ Византіи, послѣ Епифаніева сказанія, слѣдуетъ сказаніе Симеона Метафраста (X в.), которое также описываетъ три путешествія ап. Андрея, но нѣсколько отлично отъ Епифанія. Различіе состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что здѣсь не занимаетъ такого, какъ у Епифанія, значенія Симонъ, упоминаемый всего одинъ разъ, что апостолъ представляется бывшимъ и на западномъ побережьи Чернаго моря [2]).

Рядъ византійскихъ сказаній объ ап. Андреѣ завершился отрывочнымъ сказаніемъ о трехъ ученикахъ его *Иннѣ, Риммѣ и Пиннѣ*, которое помѣщено въ Менологіѣ импер. Василія II (976—1125 г.) подъ 20 января. По сказанію, они были изъ *Скиѳіи, страны сѣверной*, продолжали, послѣ апостола, учить здѣшнихъ варваровъ, многихъ крестили. Схваченные за это архонтомъ страны, они преданы мученіямъ. Тогда стояла жестокая зима, рѣки были скрѣплены морозомъ такъ, что по нимъ ходили не только люди, но кони и возы. Святые привязаны были къ высокимъ бревнамъ, вставленнымъ въ воду, и замучены жестокою стужею. На основаніи такого описанія нѣкоторые наклонны были мѣстность Скиѳіи, гдѣ пострадали ученики ап. Ан-

[1]) Грузинское сказаніе въ переводѣ помѣщено въ Хр. Чт. за 1869 г., также у А. Н. Муравьева въ его „Житіяхъ святыхъ“ подъ 30 ноября. Догадки о составителѣ сказанія еще—у Мартынова (Annus Ecclesiasticus подъ 30 ноября).

[2]) Сказаніе Метафраста, не находящееся въ общей агіографіи его, существуетъ отдѣльно (Г. Голубинскаго Церк. Ист. 1, стр. 15); намъ извѣстно только по выпискамъ и ссылкамъ у другихъ.

дрея, относить далеко на сѣверъ, даже за Кіевъ. Устраняя такое слишкомъ смѣлое предположеніе, преосв. Филаретъ съ своей стороны видитъ здѣсь Малую Скиѳію, ссылаясь на Епифанія, на его Скиѳію, Мизію и Одиссополь и на Одиссъ, извѣстный въ Малой Скиѳіи [1]). Пока достаточно и того, что сказаніе о трехъ ученикахъ Андрея изъ сѣверной и холодной Скиѳіи, завершающее собою рядъ греческихъ сказаній, развившихся изъ начальнаго общаго преданія о Скиѳіи, какъ удѣлѣ ап. Андрея, приводитъ насъ опять къ Скиѳіи и притомъ къ Скиѳіи, по всей вѣроятности, европейской, а не азіатской.

Въ обозрѣнныхъ греко-византійскихъ сказаніяхъ объ ап. Андреѣ особенное значеніе имѣетъ сказаніе о немъ, какъ основателѣ церкви въ Византіи, гдѣ онъ поставилъ епископомъ своего ученика Стахія. Сказаніе это, возводимое по своему началу къ такъ называемому Дороѳею, еп. Тирскому, могло имѣть свой источникъ въ мѣстномъ преданіи, но позднемъ, бывшемъ неизвѣстнымъ даже св. Іоанну Златоусту [2]). Несомнѣнно, что оно развилось и опредѣлялось подъ вліяніемъ стремленія Византіи уравнять свою патріаршую каѳедру съ другими *апостольскими* каѳедрами, особенно съ *Римскою*. Въ исторіи церкви довольно извѣстны примѣры на то, что стремленія помѣстныхъ церквей къ старѣйшинству между другими или къ іерархической независимости отъ дру-

---

[1]) Святые южныхъ славянъ подъ 20 ноября. Въ поясненіе именъ трехъ учениковъ ап. Андрея цѣнны ссылки у г. Васильевскаго (1 с. февраль стр. 185, примѣч.). По видимому объ Андреѣ существовали преданія у падунайскихъ славянъ, гдѣ напр. извѣстенъ островъ на Дунаѣ и городокъ на немъ св. Андрея, г. Кочубинскаго, „Секта Назореевъ“, въ „Новомъ Времени“ 1886 г. № 3677.

[2]) Полагаютъ, что преданіе объ основаніи ап. Андреемъ еп. каѳедры въ Византіи восходитъ къ 357 г., когда сюда, по сказаніямъ, перенесены были изъ Патръ мощи св. Андрея. Но давно указано на непонятность того обстоятельства, что св. Златоустъ, говоря въ своихъ словахъ о другихъ апостолахъ и объ ап. Андреѣ, нигдѣ не упомянулъ о томъ, что ап. Андрей былъ основателемъ церкви и еп. каѳедры въ Византіи и что здѣсь находятся его мощи.

тихъ опираются на преданія и сказанія или же даютъ поводъ къ образованію преданій и сказаній о происхожденіи ихъ непосредственно отъ апостоловъ [1]). Развитіемъ преданія о происхожденіи своей церкви отъ ап. Андрея царственная и патріаршая Византія превзошла всѣ другіе города, возводившіе начало церквей отъ сего апостола. Тогда какъ одни изъ этихъ городовъ съ преданіемъ о проповѣди у нихъ ап. Андрея не сохранили именъ епископовъ, имъ поставленныхъ, другіе сохранили только имена первыхъ епископовъ изъ учениковъ апостола, но не могли исчислить въ непрерывномъ ряду именъ преемниковъ ихъ, Византія закрѣпила преданіе объ ап. Андреѣ и его ученикѣ Стахіѣ установленіемъ непрерывнаго рода извѣстныхъ по именамъ преемниковъ ихъ въ теченіи трехъ вѣковъ и въ числѣ 18 епископовъ, предшественниковъ св. Митрофана (315—324), который въ другихъ, собственно историческихъ, источникахъ считается *первымъ* епископомъ Византіи [2]).

Византіи, себѣ по преимуществу усвоившей плоды апостольства Андрея и своей только церкви усвоившей непрерывность іерархическаго преемства отъ ап. Андрея, при-

---

[1]) Извѣстно напр., что Кипрская церковь основывала свою независимость на преданіи о происхожденіи ея отъ ап. Варѳоломея. Папа Іоаннъ VIII, ограждая независимость Паннонской епархіи св. Меѳодія отъ притязаній нѣмецкихъ епископовъ, ссылался на то, что Паннонскіе славяне приняли вѣру отъ самыхъ апостоловъ.

[2]) Историкъ Евсевій Памфилъ не знаетъ Византійскихъ епископовъ до Митрофана. Византійская Пасхальная хроника (кончающаяся 628 годомъ) и хроника ученаго Ѳеофана Сигріанскаго († 818 г.), не говоря объ ап. Андреѣ и Стахіѣ, называютъ первымъ епископомъ Византіи Митрофана. Для защиты сказанія о преемникахъ Стахія до Митрофана найдено въ послѣдствіи объясненіе, что Митрофанъ называется первымъ собственно, какъ *патріархъ*. Но такимъ онъ не называется въ первыхъ источникахъ, и самое патріаршество установилось въ Византіи позже. Разборъ византійскаго преданія о св. Андреѣ, Стахіи и преемникахъ можно видѣть у Лeквeня (Oriens Christ. T. 1), у Гергенрётера (Die Byzant. Patr. vor Photius, Erst. Buch, 1867 г. Опытъ защиты преданія—въ Хр. Чт. 1868 г. II, ст. „Византійскіе патріархи до Фотія").

надлежитъ не только собраніе преданій о проповѣди апостола въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата (что сдѣлано Епифаніемъ, Метафрастомъ и Менологомъ Василія II), но и распространеніе предѣловъ апостольской проповѣди Андрея на сѣверъ отъ Понта, въ глубь Скиѳіи, въ предѣлы русской страны. Опорою для этого служили не только тѣ же, сейчасъ названные источники, но и общее преданіе о Скиѳіи, а также, какъ справедливо полагаютъ, и *апокрифическія хожденія* ап. Андрея, исправленныя для церковнаго употребленія. Въ концѣ IX в. и нач. X в. славился въ Византіи ораторъ Никита Пафлагонскій (извѣстный врагъ Фотія), сложившій похвальныя слова апостоламъ. Въ похвальномъ словѣ ап. Андрею, онъ, между прочимъ, говоритъ: „получивъ въ удѣлъ *сѣверъ*, ты обходилъ Иверовъ и Сарматовъ, Тавровъ и Скиѳовъ, всякую страну и городъ, которые лежатъ *на сѣверъ* Евксинскаго Понта и которые расположены на югѣ"... Въ другомъ мѣстѣ: „Обнявъ благовѣстіемъ *всѣ страны сѣвера* и всю прибрежную часть Понта въ силѣ слова, мудрости и разума, въ силѣ знаменій и чудесъ, вездѣ поставивъ для вѣрующихъ жертвенники, священниковъ и іерарховъ, онъ приблизился къ *оной славной Византіи* [1]). Никифоръ Каллистъ (нач. XIV в.) въ своей Церковной исторіи, въ отдѣлѣ объ апостольской проповѣди, говоритъ о св. Андреѣ, что онъ, послѣ другихъ странъ, посѣтилъ также страну, которая называется страною *антропофаговъ*, и *Скиѳскія пустыни по обоимъ берегамъ Эвксинскаго Понта сѣверному и южному* [2]). Наконецъ, есть фактъ, что Византія готова была подѣлиться преданіемъ, что она и Русь имѣли одного и того же апостола. Такимъ фактомъ есть письмо, писанное отъ имени императора Михаила Дуки (1072—1077 г.) ученымъ секрета-

---

[1]) Patr. Graec. ed. Mign. T. 105. p. 64—65. Полнѣе выдержки у г. Васильевскаго, гдѣ сдѣланы также замѣчанія объ отношеніи „Слова" къ апокрифамъ.

[2]) О связи сказаній Каллиста съ апокрифами—тамъ же и у г. Голубинскаго.

ремъ его Михаиломъ Пселломъ († 1091) къ русскому князю Всеволоду Ярославичу, какъ полагаетъ русскій ученый въ своемъ изслѣдованіи по этому предмету [1]). Письмо писано въ видахъ заключенія политическаго и родственнаго союза съ Русскимъ княземъ чрезъ бракъ брата императора съ дочерью князя. Побужденіями къ союзу представляются единство вѣры и ея источника. Въ письмѣ говорится: „духовныя книги достовѣрныя и исторіи научаютъ меня, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, *что одни и тѣ же самовидцы Божественнаго таинства и его вѣстники провозгласили въ нихъ слово Евангелія*“. Въ письмѣ этомъ, которое дошло по назначенію, для насъ важенъ именно выражаемый имъ фактъ готовности Византіи, при удобномъ случаѣ, дѣлиться съ Русью преданіемъ объ Андреѣ и его ученикахъ, какъ благовѣстникахъ обѣихъ странъ. При такой готовности со стороны первой, для послѣдней, т. е. Руси, могли представиться и другіе случаи къ ознакомленію съ тѣмъ, что̀ говоритъ и на что̀ ссылается письмо.

II.

Русское сказаніе о посѣщеніи св. апостоломъ Андреемъ земли Русской.

Сказаніе о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ помѣщено въ начальной Кіевской, обще-русской лѣтописи, носящей заглавіе: „повѣсти о томъ, откуду есть пошла земля Русская, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть“. Начавъ выпискою изъ греческаго хрониста (Георгія Амартола) о разселеніи народовъ, произшедшихъ отъ трехъ сыновей Ноя, дополнивъ ее собственнымъ

---

[1]) Разумѣемъ прекрасное изслѣдованіе г. Васильевскаго въ Ж. М. Нар. Пр. 1875. Декабрь.

описаніемъ извѣстныхъ ей странъ и народовъ Яфетова племени, къ которому относятся и славяне, лѣтопись говоритъ затѣмъ о разселеніи славянскихъ племенъ по разнымъ странамъ и по Русской землѣ. Далѣе начинается наше сказаніе. Лѣтопись описываетъ великій историческій путь *изъ Варягъ въ Греки и изъ Греціи къ Варягамъ*, который лежалъ чрезъ Русскую землю между морями Варяжскимъ, т. е. Балтійскимъ и Понтійскимъ, или Чернымъ, и, имѣя въ Руси главною частію Днѣпръ, съ сѣвера чрезъ море Варяжское доходилъ до Рима. Заканчивая описаніе пути и остановясь на южномъ Днѣпровскомъ концѣ его, лѣтопись говоритъ: *А Днѣпръ втечетъ въ Понетское море, еже море словетъ Русское, по нему же училъ святый Андрей, братъ Петровъ, якоже рѣша*. И далѣе затѣмъ: *Андрею учащу въ Синопіи*[1]) *и пришедшу ему въ Корсунь, и видѣ, яко изъ Корсуни близъ устья Днѣпровское и восхотѣ пойти въ Римъ, и пріиде въ устье Днѣпровское и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ, и, по приключаю*[2]), *пріиде и ста подъ горами на березѣ*[3]). И заутра вставъ рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: „видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія; имать градъ быти великій, и церкви многи имать Богъ воздвигнути". И вшедъ на горы сія, благослови я и постави крестъ и помолився Богу и слѣзъ съ горы сія, идѣже послѣже бысть Кіевъ, и пойде по Днѣпру горѣ. И пріиде въ Словени, идѣже нынѣ Новгородъ и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыютъ и хвощутся, и удивился имъ. И иде въ Варяги и

---

[1]) Синопъ-городъ на южномъ берегу Чернаго моря, почти противъ Крымской Θеодосіи, при которомъ въ 1853 г. одержана славная побѣда Нахимовымъ надъ турками.

[2]) Такъ въ Лавр. сп.; въ Ипатіевскомъ—по приключаю Божію, Чтеніе Лавр. сп. надо признать болѣе древнимъ, ибо если бы въ начальномъ чтеніи стояло—приключаю *Божію*, то слово *Божію* никакъ не было бы опущено. Напротивъ, при начальномъ чтеніи—приключаю,—весьма естественно было позднѣйшему списателю прибавить—Божію.

[3]) Позднѣйшія лѣтописи прибавляютъ: и обнощевавъ.

пріиде въ Римъ и исповѣда, елико научи и елико видѣ и рече имъ: дивна видѣхъ въ землѣ Словенстѣй, идущу ми сѣмо; видѣхъ бани древяны и пережгутъ я рамяно[1]) и совлекутся и будутъ нази и облиются квасомъ усніянымъ[2]), и возьмутъ на ся прутіе младо и бьются сами и того ся добьютъ, яко едва слѣзутъ ли живи и обюльются водою студеною и тако оживуть: а то творятъ по вся дни, не мучими ни кимъ же, но сами ся мучатъ, и то творятъ не мовеніе себѣ, а мученіе". Слышавъ же се (Римляне), дивяхуся. Андрей же, бывъ въ Римѣ, пріиде въ Синопію".

Итакъ, наше сказаніе, послѣ вводной части, составляющей описаніе пути изъ Варягъ въ Греки, содержитъ въ себѣ: 1) краткое извѣстіе о проповѣди апостола Андрея по Черному морю, „еже словеть русское" и 2) другое пространное извѣстіе о посѣщеніи апостоломъ земли русской, совершившемся на пути апостола въ Римъ. Пространное извѣстіе содержитъ два разсказа весьма различнаго свойства: разсказъ о посѣщеніи апостоломъ Кіевскихъ горъ—прекрасный и назидательный, и разсказъ о посѣщеніи имъ Словенской земли—странный и недостойный апостола, какъ выражались древніе отцы о подобнаго рода разсказахъ въ апокрифическихъ повѣстяхъ объ апостолахъ.

Краткое извѣстіе о проповѣди апостола по Черному морю ограждено въ сказаніи ссылкою на источникъ, выражаемою словами: *якоже рѣша*[3]). Ссылка для насъ совершенно

---

[1]) Ипатьев.: пережгутъ я вельми.

[2]) Въ Акад. Словарѣ (изд. 2, 1868 г. т. IV), съ ссылкою на означенное мѣсто лѣтописи, объясняется: „квасъ усніянъ, знач. вода, въ которой кипятилась трава ушица или купальница, и которою мылись въ банѣ для истребленія накожныхъ нечистотъ". Въ Ипатьев. вм. *квасъ усніянъ* стоитъ—*мытелью*. Чтеніе Лавр. сп., по видимому, древнѣе, ибо къ нему ближе чтеніе всѣхъ другихъ списковъ, гдѣ стоитъ: квасомъ, квасомъ кислымъ.

[3]) Въ прежнее время слова эти относили не къ предыдущему краткому извѣстію, а къ послѣдующему пространному сказанію. Археографическая коммиссія при второмъ своемъ изданіи Ипатской (1871 г.) и Лаврентіевской (1872 г.)

понятна: это ссылка на извѣстныя намъ весьма обстоятельныя греческія сказанія о хожденіяхъ и проповѣди апостола по берегамъ и городамъ Черноморья, каковы сказанія Епифанія (IX в.) и Метафраста (X в.), особенно сказаніе перваго изъ нихъ, которое несомнѣнно было извѣстно у насъ въ вѣкъ лѣтописца[1]). Пространное же извѣстіе о посѣщеніи апостоломъ самой уже земли Русской оставлено въ сказаніи безъ ссылки на источникъ. Происхожденіе этого сказанія можетъ быть выясняемо только приблизительно. Представимъ краткій сводъ данныхъ и соображеній по этому предмету, живой интересъ котораго для насъ русскихъ христіанъ понятенъ самъ собою.

1. Сказаніе о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ находится въ несогласіи и даже явномъ противорѣчіи съ мыслію начальныхъ писателей нашихъ и съ самою лѣтописью. Мысль о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ не была мыслію м. Иларіона[2]); она противорѣчитъ и мысли препод. Нестора, который въ своемъ житіи св. Бориса и Глѣба прямо говоритъ, что „русская страна не слыхала ни отъ кого слова о Господѣ Іисусѣ Христѣ, что къ Руссамъ не ходили апостолы и никѣмъ не было имъ проповѣдано слово Божіе“. Лѣтопись также говоритъ, что „здѣ,—т. е. въ Русской землѣ,—не суть апостолы учили; тѣломъ апостолы не суть здѣ были“[3]). Отсюда не-

---

лѣтописей отнесла эту ссылку къ предыдущему краткому извѣстію. Эта основательная поправка принята и другими.

[1]) Это увидимъ сейчасъ ниже.

[2]) М. Иларіону не было извѣстно, или же не принималось имъ даже начальное краткое преданіе о проповѣди апостола Андрея въ Скиѳіи: ибо, говоря о томъ, что каждая страна хвалитъ своего апостола, Иларіонъ упоминаетъ о нѣсколькихъ странахъ и ихъ апостолахъ, въ томъ числѣ—объ Индіи и ея апостолѣ Ѳомѣ, но не упоминаетъ о Скиѳіи и ап. Андреѣ (Слово о законѣ и благодати).

[3]) Такъ выражается лѣтопись подъ 985 г. въ сказаніи о Варягахъ мученикахъ, отцѣ и сынѣ. Справедливо это сказаніе считается древнѣе нашей повѣсти о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ. Неизвѣстность начальному лѣтописцу

обходимо заключить, что сказаніе о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ явилось или по крайней мѣрѣ пріобрѣло извѣстность и авторитетъ послѣ составленія начальной лѣтописи и есть позднѣйшая вставка въ нее. Какъ произошло это сказаніе? Что послужило источникомъ для него?

2. Сказаніе о посѣщеніи Руси апостоломъ, и притомъ изложенное такъ обстоятельно—не могло имѣть прямаго и *опредѣленнаго* источника. Такого источника не могло оно имѣть въ какомъ либо, хотя бы то смутномъ, народномъ, доисторическомъ преданіи о посѣщеніи Руси апостоломъ. Совершенно немыслимо, чтобы могло существовать такое преданіе въ самой странѣ или относительно страны, ставшей христіанскою чрезъ девять вѣковъ послѣ апостоловъ. Немыслимо это такъ, какъ немыслимо, чтобы апостолу могъ принадлежать передаваемый въ сказаніи разсказъ его въ Римѣ о славянской землѣ, какъ немыслимо и то, чтобы имѣлось у составителя сказанія опредѣленное историческое извѣстіе о путешествіи ап. Андрея въ Римъ, о которомъ не существуетъ никакихъ извѣстій ни на Востокѣ, ни на Западѣ (о чемъ скажемъ далѣе). Итакъ, сказаніе должно быть признано плодомъ собственнаго домысла или творчества русской христіанской мысли личнаго или коллективнаго. Но домыслы, воплощаемые въ сказаніяхъ, образуются не иначе, какъ при существованіи какихъ либо, хотя бы то и *косвенныхъ* данныхъ, служащихъ для нихъ опорою, точкою отправленія, а также *мотивовъ*, опредѣляющихъ *цѣль* сказанія.

3. Для нашего сказанія опорою или точкою отправленія послужили тѣ же извѣстныя намъ греческія сказанія о проповѣди ап. Андрея по Черному морю, откуда взято и рус-

---

мысли о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ видно еще изъ того, что въ другомъ мѣстѣ онъ считаетъ Апостоломъ Руси св. ап. Павла (а не ап. Андрея)—на томъ основаніи, что Павелъ проповѣдывалъ въ Иллирикѣ, гдѣ жили славяне, такъ что онъ апостолъ славянамъ, а слѣд. и Руси, ибо и Русь—тоже славяне (Лавр. стр. 28).

ское краткое извѣстіе о томъ же, предшествующее сказанію о путешествіи апостола въ самую Русь. Несомнѣнно, что составитель сказанія былъ знакомъ съ сказаніемъ Епифанія и вообще съ херсонскими сказаніями. Отсюда взято въ нашемъ сказаніи представленіе о Синопѣ, какъ начальномъ и конечномъ пунктѣ апостольскаго путешествія Андрея, который, по этому сказанію, отправился изъ Синопа въ Корсунь, отсюда въ Русскую землю и далѣе Римъ, откуда опять возвратился въ Синопъ. Синопъ у Епифанія представляется тѣмъ пунктомъ, откуда выходилъ апостолъ на проповѣдь по Черному морю и куда возвращается [1]). Отсюда конечно, взятъ и Херсонъ, какъ второй главный пунктъ на пути апостола въ Русскую землю [2]). Затѣмъ необходимо думать, что кромѣ сказаній Епифанія и вообще херсонскихъ, составителю нашего сказанія были извѣстны и другія греческія сказанія, простиравшія апостольское хожденіе Андрея далѣе отъ Чернаго моря, на сѣверъ отъ него, о чемъ уже не говорится у Епифанія. Такими могли быть и самые каталоги или краткія сказанія объ апостолахъ, говорящія о проповѣди св. Андрея въ Скиѳіи, подъ которою, какъ знали у насъ, разумѣлась у Грековъ южная, прилегавшая къ Черноморью, окраина русской земли [3]). Такими могли

---

[1]) У Епифанія ап. Андрей въ каждое изъ трехъ путешествій своихъ по прибрежьямъ Чернаго моря бываетъ въ Синопѣ, то выходитъ отсюда на проповѣдь по этому морю, то возвращается сюда послѣ проповѣди, чтобы отсюда идти уже въ Іерусалимъ (въ первое и второе путешествіе) или Византію и Пелопонесъ (послѣ 3-го путешествія). Въ сказаніи Метафраста, вошедшемъ въ Минеи и представляющемъ передѣлку изъ Епифанія, Синопъ не занимаетъ такого важнаго, мѣста и упоминается всего одинъ разъ. Ясно, что составитель нашей повѣсти пользовался не Метафрастомъ, а Епифаніемъ, тѣмъ болѣе, что сказаніе Епифанія, часто ссылающееся на устные разсказы черноморскихъ христіанъ, херсонитовъ и др., должно было имѣть здѣсь большую извѣстность и распространенность, а потому и легче стало извѣстнымъ и у насъ.

[2]) Ниже увидимъ и другія заимствованія изъ Епифанія.

[3]) Краткія сказанія о 12 и 70 апостолахъ Ипполита несомнѣнно были извѣстны у насъ въ XI—XII в, ибо находятся въ „Изборникѣ Святославовомъ" 1073 г. Объ извѣстности такихъ сказаній Епифанія Кипрскаго слѣдуетъ заклю-

быть апокрифическія хожденія апостоловъ, подъ вліяніемъ которыхъ Никита Пафлагонянинъ простираетъ проповѣдь апостола Андрея на сѣверъ отъ Понта, и которыя, между прочимъ, могутъ разумѣться подъ выраженіемъ „духовныя книги и исторіи", въ письмѣ импер. Михаила Дуки къ князю Всеволоду, гдѣ на основаніи этихъ книгъ и исторіи высказывается увѣреніе, что *одни и тѣ же самовидцы Божественнаго таинства провозгласили слово Евангелія и въ Греціи и въ Руси.* Извѣстность и авторитетъ этихъ сказаній въ Греціи, интересъ ихъ для Руси обусловливали полную возможность довольно ранней извѣстности ихъ у насъ, какъ чрезъ Грековъ, приходившихъ къ намъ, такъ и чрезъ русскихъ, хаживавшихъ въ Грецію для книжнаго дѣла [1]). Само собою понятно, что сказанія эти не говорили и не могли говорить ни о Кіевскихъ горахъ, ни о словенской, т. е. Новгородской землѣ, что вообще они были смутны, общи и неопредѣленны. Но и при этихъ качествахъ они представляли нѣчто данное, могшее послужить опорою для собственнаго домысла въ желанномъ направленіи, и затѣмъ для построенія сказанія о посѣщеніи Руси апостоломъ.

4. Но въ построеніи сказанія усматривается своя реальная подкладка, которая уже не можетъ быть объяснена вліяніемъ греческихъ сказаній. Сказаніе построено на мысли

чить изъ того, что вообще писанія этого отца принадлежатъ къ болѣе извѣстнымъ у насъ въ тѣ же вѣка (У г. Голубинскаго, Ист. Р. Церкви I, 1. Библіографія, стр. 725—726). О Скиѳіи, какъ странѣ, прилегавшей къ Черному морю отъ Дуная до Днѣпра, имѣвшей славянскія поселенія и города, лѣтопись выражается, „да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скуѳь". Ип. стр. 7.

[1]) Апокрифовъ разнаго рода было извѣстно у насъ въ Кіевскій (до-монгольскій) періодъ оч. довольно (Перечень ихъ у г. *Голубинскаго*, т. 6, стр. 756—757). Это обстоятельство даетъ возможность предполагать раннюю извѣстность и апокрифическихъ сказаній о хожденіи ап. Андрея, хотя списки ихъ или упоминанія о нихъ извѣстны у насъ лишь отъ болѣе поздняго времени. (*Тихонравова*, Памятники отреченной литературы; *А. И. Попова*: Изборникъ славянскихъ и русскихъ статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 442 и д.

о путешествіи апостола чрезъ Русскую землю въ Римъ. Было упомянуто, что о путешествіи апостола въ Римъ не существовало и не существуетъ никакихъ извѣстій ни въ восточныхъ, ни въ западныхъ сказаніяхъ объ этомъ апостолѣ, и въ самомъ Римѣ никогда не было мысли о томъ, чтобы здѣсь былъ ап. Андрей [1]). Домыселъ или вымыселъ о путешествіи апостола въ Римъ принадлежитъ исключительно русскому сказанію и слѣд. онъ сложился на мѣстѣ въ самой Руси. Какъ могъ онъ сложиться? Думаемъ,—не иначе, какъ подъ вліяніемъ Варяжскихъ сказаній. Наше сказаніе ведетъ апостола въ Римъ по пути изъ Варягъ въ Греки и изъ Греціи къ Варягамъ, лежавшемъ чрезъ Русскую землю. Этотъ окольный и странный путь могъ, какъ справедливо замѣчаютъ, и не казаться такимъ въ вѣкъ составителя повѣсти. Тѣмъ не менѣе представленіе о незапамятной давности этого пути, о его полной сообразности, какъ пути въ Римъ, могло сложиться или усвоиться, всего вѣроятнѣе, подъ вліяніемъ разсказовъ, вышедшихъ изъ среды Варяговъ, этихъ бывальцевъ Востока и Запада, знакомыхъ съ близкими и дальними путями, а можетъ быть и съ тѣмъ средневѣковымъ представленіемъ, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Затѣмъ извѣстно, что Варяжское вліяніе весьма ощутительно на другихъ сказаніяхъ нашей начальной лѣтописи, примѣтно и на сказаніяхъ религіозныхъ и даже въ началѣ XIII в. [2]).

---

[1]) Нѣтъ указаній на это въ самыхъ полныхъ перечняхъ и выпискахъ извѣстій и свидѣтельствъ объ ап. Андреѣ, какъ напр. у Ассемани (Calendaria. Eccl. Univ. T. V. p. 391—398), у Галланда (Migne Patr. Graec. T. II, p 1189—1215), ни въ самыхъ полныхъ перечняхъ апокрифическихъ сказаній объ этомъ апостолѣ, какъ напр. у Липсіуса (Die Apokryphen, Erst. Band. 1883 г. p. 443—622). Поэтому Мартыновъ (Annus Eccl. p. 293—294. Bruxelles. 1863г.), по поводу нашего сказанія о путешествіи ап. Андрея въ Римъ, справедливо замѣчаетъ, что это путешествіе совершенно неслыхано и неизвѣстно у Римлянъ.

[2]) Давно указаны черты замѣчательнаго сходства нѣкоторыхъ разсказовъ нашей начальной лѣтописи съ сказаніями того сѣверо-запада Европы, который, по лѣтописи, вмѣщалъ въ себѣ, подъ общимъ названіемъ Варяговъ, англичанъ,

При томъ же Варяги въ самой лѣтописи представляются первыми, т. е. старѣйшими по времени христіанами въ Руси: естественно, что они могли являться авторитетными людьми и въ области сказаній, относящихся къ до-христіанскимъ временамъ Руси. Наконецъ, извѣстно, что на томъ Варяжскомъ сѣверо-западѣ, где, подъ общимъ названіемъ Варяговъ, лѣтопись знаетъ англянъ, готовъ, евеевъ, урменъ (норвежцевъ), существовали свои саги объ ап. Андреѣ, а также и о другихъ апостолахъ, напр., о братѣ Андрея, ап. Петрѣ, бывшемъ будто бы просвѣтителемъ Британіи [1]). Впрочемъ, мы отнюдь не думаемъ, чтобы наша повѣсть о посѣщеніи Руси апостоломъ взята въ *готовѣ* изъ Варяжскихъ сказаній: изъ нихъ заимствована только весьма удобная подкладка для построенія повѣсти, именно—въ мысли о путешествіи апостола въ Римъ Варяжскимъ путемъ, лежавшемъ чрезъ русскую землю.

5. Но имѣя опору и подкладку въ греческихъ и варяжскихъ сказаніяхъ, мысль о посѣщеніи Руси апостоломъ могла

готовъ, шведовъ, норвежцевъ и др. Извѣстно напр., что самый разсказъ лѣтописи о призваніи князей сходенъ съ разсказомъ Видукинда о призваніи Бриттами Англо-Саксовъ, которымъ первые говорятъ: terra nostra spatiosa et fertilis, говорятъ т. е. тоже, что въ нашей лѣтописи Ильменскіе Славяне и Кривичи говорятъ Варягамъ: земля наша велика и обильна. Извѣстны черты сходства въ разсказахъ о колесахъ Олега, о воробьяхъ Ольги, даже перехитреніи Ольгою царя греческаго съ Исландскими сагами. Что касается до Варяжскаго вліянія на наши *религіозныя* сказанія, то мы имѣемъ поразительный примѣръ этого въ извѣстномъ сказаніи Симона, еп. Владимірскаго (1214—1224) о созданіи печерской церкви.

[1]) Извѣстна англо-саксонская поэма „Андрей и Елена", изд. Я. Гриммомъ (Кассель, 1840 г.), который относитъ ее къ VIII или къ нач. IX в. О ней у Липсіуса (ib. p. 547) и у г. Васильевскаго (Хожденіе ап. Андрея въ страны Мирмидонянъ (Ж. М. Нар. Пр. 1877 г. Январь, стр. 68—69). Вмѣстѣ съ послѣднимъ слѣдуетъ пожалѣть, что неиздана Исландская сага объ ап. Андреѣ. Есть извѣстіе, что ап. Андрей считался въ древности патрономъ Шотландіи (Nouvelle Encycl. Chr. Dioctionnaire de Biographie Chr. T. I. p. 201. edit. Migne. Paris. 1851): не существовало ли тамъ преданія о проповѣди его въ Шотландіи, подобнаго преданію о проповѣди брата его ап. Петра въ Британіи?

быть усвоена и воплотиться въ сказаніе не иначе, какъ подъ вліяніемъ своихъ русско-христіанскихъ мотивовъ, одушевлявшихъ составителя сказанія или ту среду, къ которой онъ принадлежалъ. Почти у всѣхъ историческихъ народовъ, на извѣстной степени культуры, примѣчается стремленіе ихъ родныхъ повѣствователей возвесть начало своего народа и страны къ глубокой древности, связать ихъ исторію съ исторіею міра и рода человѣческаго. Это стремленіе присуще и нашей лѣтописи, ощущаясь на первыхъ страницахъ повѣсти о томъ, откуду пошла есть земля русская. Затѣмъ въ христіанскія времена примѣчается у народовъ или народныхъ повѣствователей желаніе связать исторію своей христ. страны и ея церкви съ начальною исторіею хр. церкви, съ церковію апостольскою. Желаніе это также присуще и нашей лѣтописи. Такъ, повѣствуя о просвѣщеніи славянъ ап. трудами св. Кирилла и Меѳодія, лѣтопись на этомъ не останавливается, а припоминаетъ еще и то, что учителемъ славянъ былъ еще ап. Андроникъ, ученикъ ап. Павла, что самъ ап. Павелъ училъ въ Илдиріи, искони населенной славянами, что слѣд. онъ есть учитель славянскому народу, а какъ Русь—тоже славяне, то ап. Павелъ былъ учителемъ и Руси. Мыслію о такомъ косвенномъ причастіи Руси къ дѣлу ап. проповѣди довольствовался начальный лѣтописецъ, смиренно сознававшій, что прямо и непосредственно въ самой Руси апостолы не учили и не бывали. Позднѣйшій русскій повѣствователь пожелалъ и нашелъ возможнымъ усвоить Руси нѣчто бо́льшее. Найдя въ греческихъ и варяжскихъ сказаніяхъ опору и подкладку для мысли о посѣщеніи ап. Андреемъ самой Руси, онъ одушевляется ею и воплощаетъ ее въ сказаніе, обработанное съ извѣстною сообразительностію. Видимо, понималъ онъ трудность и невозможность представить апостола нарочито предпринявшимъ путешествіе въ Русскую землю,—такую землю, которая въ значительной части была еще пустынна, не представляла надежнаго поприща для апостольской про-

повѣди и оставалась въ тьмѣ языческой многіе вѣка послѣ апостоловъ. Поэтому посѣщеніе апостоломъ Руси представляется совершившимся *случайно, попутно*, въ слѣдствіе того, что апостолъ, прійдя изъ Синопа въ Херсонъ и здѣсь узнавъ о начинавшемся по близости отсюда пути въ Римъ, лежавшемъ чрезъ русскую землю, пожелалъ пройти этимъ путемъ въ Римъ. Сказаніе и не представляетъ апостола проповѣдующимъ во время посѣщенія имъ Руси. Но это посѣщеніе было чрезвычайно знаменательно для Руси. По приключенію, или по устроенію Божію, апостолъ останавливается у кіевскихъ горъ, тогда еще пустынныхъ, а утромъ на слѣд. день восходитъ съ учениками на горы, указываетъ на нихъ ученикамъ, предсказываетъ о благодати Божіей, имѣвшей возсіять на сихъ горахъ, о городѣ великомъ и церквахъ, какія имать Богъ воздвигнуть здѣсь, благословляетъ горы, водружаетъ крестъ и молится, отправлясь затѣмъ далѣе въ свой путь. Нѣкоторыя черты и здѣсь взяты у Епифанія, у котораго ап. Андрей путешествуетъ съ учениками, водружаетъ крестъ на мѣстѣ бывшаго идола[1]), но въ цѣломъ, картина посѣщенія Руси апостоломъ—плодъ собственнаго творчества составителя повѣсти. И это картина величественная, назидательная и славная для Руси, знаменующая, что русская страна, хотя и позже многихъ другихъ странъ ставшая христіанскою, младшая между ними, была однако же еще при апостолахъ предъизбрана въ наслѣдіе благодати Божіей, освящена стопами апостола, его благословеніемъ и крестомъ.

6. Но кромѣ объясненнаго обще-русскаго мотива, аналогичнаго съ мотивомъ къ созданію подобныхъ сказаній и въ другихъ христіанскихъ странахъ, въ нашемъ сказаніи примѣчается участіе и мѣстнаго Кіевскаго мотива. Въ греческихъ сказаніяхъ Епифанія, Метафраста ап. Андрей, обходя берега

---

[1]) У Епифанія апостолъ водружаетъ крестъ близъ Никеи, на мѣстѣ идола Артемиды, который предъ тѣмъ онъ сокрушилъ своимъ желѣзнымъ жезломъ.

Понта, останавливается во *многихъ* мѣстахъ, въ *разныхъ* городахъ учитъ и креститъ, ставитъ епископовъ, творитъ знаменія и чудеса въ борьбѣ съ невѣріемъ и свирѣпостію людей и злобою темной силы. Если нашъ повѣствователь, находя невозможнымъ усвоить апостолу собственно проповѣднические подвиги въ землѣ Русской, усвоилъ ему только тѣ дѣйствія, какія совершилъ онъ при случайной остановкѣ на горахъ Кіевскихъ, то онъ могъ усвоить ему такія или подобныя дѣйствія еще и въ *другихъ* мѣстахъ апостольскаго шествія по землѣ Русской. Но составитель сказанія этого не дѣлаетъ: вся слава благодатнаго предъизбранія и освященія Руси дѣйствіями посѣтившаго ее апостола сосредоточена на Кіевскихъ горахъ и на будущемъ Кіевѣ. Это, конечно, и естественно. Кіевъ, старѣйшій по времени городъ земли русской, колыбель крещенія ея, былъ и въ вѣкъ составителя повѣсти славою и главою Руси, престольнымъ градомъ ея князей и первосвятителей, главою, такъ сказать, церкви русской, сіялъ обиліемъ и величіемъ храмовъ, согласно древнему апостольскому пророчественному благословенію, напоминаніе о которомъ должно было служить къ освященію и даже возвышенію и современнаго повѣствователю значенія Кіева. Тѣмъ не менѣе надлежало ожидать, что въ повѣсти о прохожденіи апостола чрезъ Русскую землю не будетъ забытъ по крайней мѣрѣ Новгородъ, какъ городъ, споривиій въ историческомъ старѣйшинствѣ съ Кіевомъ, начальнопрестольный городъ русскаго государства, городъ старѣйшаго послѣ Кіевскаго митрополита изъ русскихъ іерарховъ, наконецъ, городъ той славянской земли, которая имѣла уже людей во время посѣщенія ея апостоломъ, тогда какъ Кіевская мѣстность представляла собою еще только пустынныя горы. И Новгородъ, дѣйствительно, не забытъ въ повѣсти. Апостолъ останавливался въ славянской землѣ, видѣлъ здѣшнихъ людей. Но что онъ здѣсь дѣлалъ, что видѣлъ у здѣшнихъ людей? Онъ не училъ и не благословлялъ ни ихъ, ни земли ихъ. Онъ только былъ удивленъ при видѣ существовавшаго

у этихъ людей страннаго и дикаго обычая—мытья въ страшно жаркихъ баняхъ, которое показалось апостолу не омовеніемъ, а мученіемъ, и вообще такъ поразило его, что онъ подробно разсказывалъ о немъ въ Римѣ, гдѣ въ свою очередь также удивлялись такой диковинѣ [1]). Какъ могла зародиться у повѣствователя самая мысль сложить и внесть въ свою повѣсть подобный разсказъ? Думаемъ, что и здѣсь имѣло мѣсто вліяніе греческихъ апокрифическихъ сказаній, черты которыхъ, въ видѣ, такъ сказать, акцессуаровъ, вошли и въ сказанія Епифанія и Метафраста. Въ этихъ сказаніяхъ, какъ мы упоминали, сообщается о разнаго рода дивахъ и диковинныхъ вещахъ, встрѣчавшихся апостолу во время хожденій его по берегамъ Чернаго моря, о людяхъ съ дикими и свирѣпыми нравами, людоѣдахъ и т. подоб. Подобные акцессуарные разсказы имѣли даже свою занимательность для простодушныхъ людей. Несомнѣнно, знакомый съ Епифаніемъ, нашъ повѣствователь хотѣлъ и считалъ себя вправѣ подражать ему. Но это еще не все. Въ греческихъ сказаніяхъ объ ап. Андреѣ, бывшихъ въ ходу по городамъ Чернаго моря, примѣтно иногда желаніе жителей одного города приставочными чертами выразить что либо, такъ сказать, укорительное или насмѣшливое по отношенію къ другому городу. Такъ, напр., Херсоняне, въ своемъ „алфавитарѣ" апостолу Андрею обзывали Синоплянъ людоѣдами, какими будто бы видѣлъ предковъ ихъ ап. Андрей, когда былъ у нихъ для проповѣди [2]). Нашъ повѣствователь

---

[1]) Для огражденія достоинства или исторической значимости сказанія, нѣкоторые изслѣдователи хотѣли считать эту вторую часть его позднѣйшею прибавкою. Къ сожалѣнію, это напрасно. Сказаніе начинается усвоеніемъ апостолу мысли идти въ Римъ и оканчивается разсказомъ въ Римѣ о томъ, что видѣлъ апостолъ въ словенской землѣ: видимо, разсказъ этотъ составляетъ неотъемлемую часть цѣлаго сказанія, какъ оно опредѣлилось у начальнаго составителя.

[2]) Въ русской переводной редакціи сказанія Епифанія (выписки у г. Васильевскаго, ib. стр. 69) выражается это такъ: „и Алфавиторъ Андреевъ Херсоняне сътвориша, *Синопляны творяще человѣкоядцы*. Выше было сказано,

ограничился тѣмъ, что заставилъ предковъ Новгородцевъ, жителей славянской земли, удивлять апостола своимъ дикимъ обычаемъ мытья и хвостанія себя до полусмерти въ жаркихъ баняхъ, которые, по всей вѣроятности, и введены у насъ первоначально Новгородцами, бывъ, какъ полагаютъ, заимствованы у Варяговъ, были и потомъ любимы особенно на сѣверѣ въ Новгородѣ, но казались странными южанамъ, имѣвшимъ свои бани другаго свойства [1]). Во всякомъ случаѣ, мѣстный Кіевскій мотивъ всего сказанія, съ желаніемъ возвеличить Кіевъ, соединяетъ желаніе умалить значеніе и притязательность Новгорода.

7) Къ какому времени можно отнесть появленіе сказанія и занесеніе его въ начальную лѣтопись? Было замѣчено, что сказаніе, находясь въ прямомъ противорѣчіи съ начальною лѣтописью, должно быть признано позднѣйшею вставкою въ эту лѣтопись, писанную въ началѣ XII в. Но это еще не исключаетъ возможности появленія сказанія въ болѣе раннее время, какъ именно *частнаго*, отдѣльнаго отъ лѣ-

---

что подъ алфавитаремъ долженъ разумѣться канонъ, составленный по алфавиту. Теперь прибавимъ, что выраженіе *творяще Синопляны человѣкоядцы* можетъ означать не что другое, какъ ссылку на тѣ слова канона, гдѣ, согласно съ сказаніями Епифанія и Метафраста, Синопляне, во время пребыванія у нихъ апостола, оказывались людоѣдами, хотѣли съѣсть ап. Матѳія и когда ап. Андрей освободилъ отъ нихъ послѣдняго, то они кинулись и на самаго ап. Андрея, волочили его по землѣ, а нѣкоторые порывались *коснуться зубами тѣла его*, а одинъ жидъ откусилъ у апостола палецъ. Эти упоминанія служили къ прославленію подвиговъ и страданій ап. Андрея, а также укоромъ Синопланамъ со стороны соперничавшихъ съ ними Херсонянъ.

[1]) О баняхъ у Норманновъ, которые, ставъ христіанами, ходили въ нихъ обыкновенно по субботамъ, замѣтка у Погодина (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи III, 453). Нѣмецкій пересказъ о баняхъ по субботамъ у монаховъ монастыря Фалькени, существовавшаго будто бы въ Дерпской епархіи, цитованъ нами въ свое время въ рецензіи на Исторію Р. Церкви г. Голубинскаго. Разсказъ этотъ замѣчательно сходенъ съ разсказомъ въ нашей лѣтописи. Впрочемъ, есть, кажется, древнее классическое извѣстіе о баняхъ, и именно объ обычаѣ *париться* въ баняхъ, бывшемъ еще у древнихъ Скиѳовъ.

тописи, сказанія, или, если не сказанія, то по крайней мѣрѣ *мысли* о посѣщеніи Руси апостоломъ, какъ *мысли частной, какъ мнѣнія частнаго*[1]). Однако же этого болѣе ранняго времени никакъ нельзя простирать по начальное время нашего христіанства, время св. Владиміра и ближайшее къ нему. Въ ту пору, когда еще такъ свѣжа была память о Руси, какъ странѣ языческой, и такъ свѣжо чувство было недавности христіанства, мысль о посѣщеніи Руси апостоломъ была бы совсѣмъ невмѣстимою, непріемлемою, была бы мыслію слишкомъ смѣлою. Тогда именно слагалось у представителей русской христіанской мысли то смиренное сознаніе, повторяемое Несторомъ и лѣтописью, что въ Руси не учили и не бывали апостолы. Да и тѣ греческія сказанія, которыя послѣ дали опору для мысли о посѣщеніи Руси апостоломъ, не могли стать извѣстными въ Руси съ первыхъ поръ ея христіанства, когда настоятельнѣйшею потребностію ея были другія священныя и учительныя книги. Послѣ временъ Владиміра и Ярослава болѣе вѣроятнымъ временемъ появленія сказанія, или мысли, имъ выражаемой, можетъ считаться именно время Всеволода Ярославича (1078—1093). Къ этому именно князю писано было сватовское письмо императора Михаила Дуки, упоминавшее о духовныхъ книгахъ и достовѣрныхъ исторіяхъ, научающихъ, что одни и тѣ же самовидцы Божественнаго таинства и его вѣстники провозгласили въ обоихъ государствахъ (Греціи и Руси) слово Евангелія. Письмо это, дойдя по назначенію, ставъ извѣстнымъ при дворѣ князя,

---

[1]) Здѣсь мнѣніе наше сближается съ сужденіемъ по этому предмету г. Васильевскаго, который замѣчаетъ: „что сказаніе не принадлежитъ самому составителю первоначальной лѣтописи, а существовало *до него*, это видно изъ другихъ мѣстъ той же лѣтописи, въ которыхъ говорится, что тѣломъ апостолы не были въ русской землѣ, и которыя, слѣд., представляютъ прямое противорѣчіе сказанію". „Русско-Виз. отрывки". Съ своей стороны мы находимъ болѣе вѣроятнымъ допустить существованіе *до* лѣтописца не цѣлаго, готоваго сказанія, а только *мысли*, мнѣнія о посѣщеніи Руси апостоломъ.

могло возбудить интересъ и къ тѣмъ книжнымъ источникамъ, на которые оно ссылалось. Всеволодъ, по первой женѣ своей, греческой царевнѣ (матери любимаго сына его Мономаха), былъ въ родствѣ съ греческимъ императорскимъ домомъ, зналъ греческій языкъ (въ числѣ другихъ пяти языковъ, ему знакомыхъ), былъ вообще очень образованъ. Естественно, что при немъ могло возрастать въ Кіевѣ знакомство съ греческою книжностію, путемъ сношеній съ Царьградомъ и съ Греками, жившими въ Кіевѣ. Дочь Всеволода Янка, о которой предполагается, что она именно была предметомъ сватовскаго письма Михаила Дуки къ Всеволоду въ 1074 г., потомъ, будучи уже инокинею, путешествовала въ Царьградъ къ своимъ родственникамъ въ 1089 г. [1]). Здѣсь въ эту пору еще оставался въ живыхъ и Михаилъ Дука, который, по низложеніи съ престола, былъ инокомъ Студійскаго монастыря, а потомъ епископомъ Ефесскимъ, но постоянно жилъ въ Царьградѣ и пользовался уваженіемъ при дворѣ, былъ живъ и составлявшій письмо отъ имени Михаила Дуки, Михаилъ Пселлъ († 1096 г.), уважаемый за свою ученость въ высшихъ сферахъ Царьграда. Очень возможно, что княжна—инокиня, родственница греческаго царскаго дома, любительница книжности, книжныхъ сказаній, наклонная принимать участіе въ дѣлахъ церковныхъ, могла сближаться въ Царьградѣ съ представителями греческой книжности, заинтересоваться и ознакомиться съ тѣми книжными греческими сказаніями о св. Андреѣ, какъ апостолѣ Греціи и Руси, о которыхъ въ свое время говорили императоръ (нынѣ епископъ) Михаилъ и его секретарь (нынѣ монахъ) Михаилъ Пселлъ [2]).

---

[1]) Въ начальной лѣтописи (Лавр. 202; Ип. 146) говорится только о путешествіи Янки въ Царьградъ. Степенная книга прибавляетъ, что она ходила туда „въ родствіе матернее", т. е. къ роднимъ его матери (I, 228).

[2]) О томъ, что, будучи въ Царьградѣ, княжна имѣла сношенія съ представителями высшей церковной и придворной среды, слѣдуетъ заключать изъ того, что, по лѣтописи, она привела въ Кіевъ новаго митрополита Іоанна III. Лавр. лѣт. 202.

Интересъ къ этого рода сказаніямъ могъ быть тѣмъ живѣе у нея, что сама она была настоятельницею женскаго монастыря *при Андреевской церкви*, построенной въ 1086 г. отцемъ ея кн. Всеволодомъ. Вообще мы считаемъ возможнымъ сблизить время созданія этой церкви съ временемъ появленія если не самаго сказанія, то мысли о посѣщеніи Кіевскихъ горъ ап. Андреемъ. Кстати припомнить, что во время Всеволода въ 1089 г. построена была и другая *церковь св. Андрея*,—а именно въ Переяславѣ, епископомъ Ефремомъ, носившимъ и званіе митрополита, что этотъ Ефремъ, будучи инокомъ, также путешествовалъ въ Грецію, гдѣ и жилъ нѣкоторое время, бывалъ въ томъ Студійскомъ монастырѣ, гдѣ проживалъ б. императоръ Михаилъ Дука, знакомый съ сказаніями объ Андреѣ, какъ апостолѣ Греціи и Скиѳіи, т. е. Руси. Безъ сомнѣнія, и самъ Ефремъ былъ книжный человѣкъ уже—потому, что, происходя изъ боярскаго рода, былъ инокомъ, живалъ въ Царьградѣ, гдѣ, конечно, упражнялся, подобно другимъ, въ книжномъ дѣлѣ и вообще многое тамъ изучалъ. Тамъ могъ онъ ознакомиться съ сказаніями объ ап. Андреѣ, и подъ вліяніемъ ихъ, по возвращеніи въ Россію и поставленіи на епископство, возымѣть мысль о построеніи въ своемъ городѣ церкви св. Андрея [1]). Но если со временемъ Всеволода и митр. Ефрема совпадаютъ обстоятельства, дающія возможность относить къ этому времени начальное знакомство русскихъ грамотниковъ съ сказаніями

---

[1]) Замѣчательно, что этотъ Ефремъ, прославившійся строеніемъ церквей въ Переяславѣ, прославился и своимъ *баннымъ каменнымъ* строеніемъ, какого, по лѣтописи, не бывало на Руси дотолѣ (Лавр. 202; Ип. 146). Основательно подъ этимъ разумѣютъ баню въ буквальномъ смыслѣ, обычай строенія которыхъ при церквахъ восходитъ ко времени Константина в. и Ѳеодосія в. (Голубинскаго, Церк. Исторія, I, 1., стр. 560). Судя по разсказу лѣтописи, банное строеніе построено было Ефремомъ именно при церкви св. Андрея. Если такъ, не восходитъ ли ко времени Ефрема зарожденіе и сказки о баняхъ, видѣнныхъ ап. Андреемъ въ словенской землѣ, которыя однако же осмѣиваются, какъ бани *деревянныя*, грубаго устройства и вообще не похожія на греческія бани?

объ ап. Андреѣ, послужившими первою опорою для мысли о посѣщеніи имъ Руси; то это же время представляло условія, благопріятныя и для обнаруженія Варяжскаго вліянія на развитіе сказанія. Всеволодъ имѣлъ воспитателемъ Варяга Якуна, того самаго Якуна, который продолжалъ занимать важное значеніе и при взросломъ уже Всеволодѣ и его братьяхъ, и родъ котораго продолжалъ пользоваться значеніемъ въ Руси и послѣ. Сынъ Всеволода Мономахъ еще при жизни отца былъ женатъ въ первомъ бракѣ на Варяжской княжнѣ. Такимъ образомъ при Всеволодѣ Варяги были еще близки къ двору. И если съ именемъ воспитателя Всеволода Якуна связано Варяжское сказаніе о Кіево-Печерской церкви, передаваемое Симономъ, то возможно, что тогда же были въ ходу и другія Варяжскія сказанія, въ частности и то, которое дало подкладку русскому сказанію о путешествіи апостола чрезъ Русь по пути изъ Греціи къ Варягамъ и Римъ.

8. Но если появленіе мысли о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ съ большою вѣроятностію можетъ быть относимо еще ко времени Всеволода, то обработка ея въ сказаніе, особенно же *занесеніе сказанія въ лѣтопись*, необходимо относить къ болѣе позднему времени на томъ, уже не разъ указанномъ, основаніи, что мысль сказанія находится въ прямомъ противорѣчіи съ лѣтописью. Притомъ, время Всеволода все еще не такъ далеко отстоитъ отъ начала христіанства въ Руси, чтобы подобная смѣлая мысль могла стать твердою и внушить смѣлость создать на ней цѣлое сказаніе. Надѣемся, что люди, знакомые съ исторіею образованія сказаній, согласятся съ нами и въ томъ, что сказанія, служащія воплощеніемъ извѣстной мысли, извѣстной идеи, складываются уже тогда, когда самая эта мысль или идея *прожила* нѣкоторое время, стала преданіемъ, вѣрованіемъ, когда, съ другой стороны, появляются еще какія либо особенныя побужденія для заявленія этой, утвердившейся временемъ, идеи, для облеченія ея, какъ уже установившагося преданія, въ

цѣлый образъ. Ища въ исторіи русской церкви такого времени, останавливаемся на томъ времени почти девятилѣтняго правленія м. Климента (1147—1155), при великомъ князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ, которое было временемъ попытки устранить іерархическую зависимость нашу отъ Царьграда и устроить митрополію Кіевскую, какъ самостоятельную. Попытка эта вызвана была неудовольствіемъ на бывшаго предъ тѣмъ м. Михаила Грека, который въ 1145 г. удалился изъ Руси въ Грецію, не возвращался оттуда въ теченіи двухъ лѣтъ, а между тѣмъ наложилъ предъ отъѣздомъ въ Грецію письменное обязательство на русскихъ епископовъ—не служить въ его отсутствіи въ каѳедральномъ Софійскомъ соборѣ, такъ что престольный городъ и соборъ лишенъ былъ архіерейскаго служенія. Нелюбо это стало новому в. князю Изяславу, который, послѣ побѣды надъ соперниками, торжественно въѣхалъ въ Кіевъ, вошелъ въ Софійскій соборъ и здѣсь встрѣченъ не митрополитомъ, не архіереемъ, а только игуменами и священниками, не могъ теперь видѣть архіерейскаго служенія въ соборѣ престольнаго города, находившемся какъ бы подъ запрещеніемъ. Между тѣмъ это былъ князь, который и въ политическихъ дѣлахъ не держался старины, стоялъ за новый порядокъ престолонаслѣдія, дававшій преимущество сыновьямъ старшихъ братьевъ вел. князей предъ ихъ дядями, и вообще князь смѣлаго и независимаго образа мыслей и дѣйствій. Къ тому же нашелся у него отличный кандидатъ въ митрополиты изъ русскихъ: это Климентъ, славившійся, какъ подвижникъ, слывшій также великимъ книжникомъ и философомъ. Собравъ соборъ епископовъ, Изяславъ предложилъ ему избрать и поставить въ митрополиты Климента, не обращаясь для сего въ Царьградъ. Князь нашелъ сочувствіе и въ нѣкоторой части епископовъ, во главѣ коихъ на сторонѣ князя стоялъ Онуфрій Черниговскій. Меньшинство епископовъ, а именно два грека и одинъ русскій—Новгородскій епископъ Нифонтъ, воспротивились князю, не признали новаго м. Климента, когда онъ и былъ уже по-

ставленъ. Въ Царьградѣ, свѣдавъ о русскомъ дѣлѣ, старались разрушить его и, пользуясь политическими перемѣнами въ Кіевѣ, прислали въ 1155 г. м. Константина грека, который, прибывъ въ Кіевъ, предалъ проклятію князя Изяслава, тогда уже умершаго, объявилъ незаконнымъ м. Климента, наложилъ запрещеніе на епископовъ, его признавшихъ, священниковъ, имъ рукоположенныхъ, потомъ, разрѣшивъ ихъ отъ запрещенія, взявъ отъ нихъ „рукописаніе на Клима", т. е. обязательсто не признавать его. Смута продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и, по усиленнымъ стараніямъ Царьграда, кончилась возстановленіемъ власти патріарха надъ русскою церковію, хотя и съ предостереженіемъ Царьграду на будущее время относительно образа дѣйствій его въ назначеніи Кіевскихъ митрополитовъ. Бывшая смута оказала вліяніе на отношеніе Новгорода къ Кіеву. Новгородскій епископъ Нифонтъ, не признавшій поставленнаго въ Кіевъ м. Климента, но стоявшій за право Константинопольскаго патріарха, почтенъ былъ со стороны послѣдняго грамотою и титуломъ архіепископа, выражавшимъ въ данномъ случаѣ независимость отъ Кіевскаго митрополита. Это, безъ сомнѣнія, и было поводомъ послѣдовавшаго затѣмъ ограниченія іерархической зависимости Новгорода отъ Кіева [1]).

Время м. Климента и Князя Изяслава Мстиславича и непосредственно слѣдовавшее за нимъ есть, представляется намъ, то именно время, къ которому можно пріурочить со-

[1]) Ограниченіе состояло въ томъ, что новгородскіе епископы до Нифонта включительно *присылались изъ Кіева*, гдѣ и избирались для сего митрополитами совмѣстно съ соборомъ и княземъ. Со времени Нифонта, временно отложившагося отъ Кіева при м. Климентѣ и признававшаго надъ собою только власть патріарха и почтеннаго отъ него титуломъ архіепископа, Новгородъ уже сталъ самъ избирать себѣ кандидатовъ на епископство и только посылалъ ихъ на посвященіе въ Кіевъ. Конечно, Климентъ не отлагался отъ власти митрополита *вообще* и готовъ былъ признать ее, когда самъ митрополитъ получитъ благословеніе отъ Царьграда, или же оттуда прямо пришлютъ своего митрополита. Но все таки временное отложеніе существовало, подавшее удобный поводъ Новгороду ограничить власть митрополита въ Новгородѣ.

ставленіе нашего сказанія. Если мысль о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, въ общемъ, неясномъ и неопредѣленномъ видѣ, зародилась у насъ, весьма вѣроятно, еще во время князя Всеволода Ярославича и м. Ефрема, первыхъ у насъ строителей Андреевскихъ церквей, то теперь она, имѣя уже нѣкоторый авторитетъ преданія, пріобрѣтала новое возбужденіе подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, вызывавшихъ потребность нарочитой обработки ея въ сказаніи, сообразно съ этими обстоятельствами. Характеристическія черты сказанія оказываются въ соотвѣтствіи съ послѣдними. Мысль объ апостольскомъ предъизбраніи Кіева есть средоточная во всемъ сказаніи: она была весьма подходящею для времени, которое ознаменовано мыслію о Кіевской митрополіи, какъ достойной быть независимою отъ Царьграда и самостоятельно главенствовать въ Русской церкви и борьбою за эту мысль съ Царьградомъ и Новгородомъ, бывшимъ, въ лицѣ своего епископа, союзникомъ Царьграда. Сказаніе, говоря о Римѣ, какъ цѣли путешествія апостола Андрея, и о Кіевѣ, какъ освященномъ еще апостольскимъ предъизбраніемъ, умалчиваетъ о Царьградѣ, хотя автору сказанія, безъ сомнѣнія, было извѣстно, что Царьградъ хвалится происхожденіемъ своей церкви отъ апостола Андрея, подкрѣпляя этимъ свои права на іерархическое главенство среди другихъ церквей [1]). Возвеличивая Кіевъ, игнорируя Царьградъ, сказаніе уничижаетъ Новгородъ; то и другое не есть ли откликъ описанныхъ выше отношеній Кіева

---

[1]) У самаго Епифанія апостолъ Андрей, возвратясь изъ своего апостольскаго путешествія по Черноморью въ Синопъ, идетъ отсюда въ Византію. Составителю нашего сказанія, знавшему сказаніе Епифанія, тѣмъ болѣе подобало — привесть апостола въ Византію, что въ предшествующемъ описаніи пути, на который онъ направилъ апостола, говорится, что изъ Рима путь ведетъ далѣе къ Царьграду, отсюда опять къ Понту, т. е. Черному морю. Такимъ образомъ апостолу, на обратномъ пути изъ Рима въ Понтійскій Синопъ, надлежало бы посѣтить и Царьградъ, гдѣ однако же не счелъ нужнымъ остановить его составитель сказанія.

къ Царьграду и Новгороду въ данное время? Сближая съ этимъ временемъ составленіе сказанія, предвидимъ то возраженіе, что въ лѣтописи, при описаніи бывшихъ въ это время споровъ о Кіевской митрополіи, не дѣлается ссылки на преданіе объ апостолѣ Андреѣ. Но сказаніе могло явиться не въ самый моментъ споровъ, а уже по утишеніи ихъ, но тогда, когда еще живы были участники дѣла, потерпѣвшіе отъ него и сохранившіе интересъ къ нему, каковъ прежде всего самъ м. Климентъ, лишенный каѳедры въ 1155 году, но жившій еще въ 1164 г., когда еще надѣялся возвратиться на кіевскую митрополію. Этотъ Климентъ, „великій книжникъ и философъ", не участвовалъ ли и въ составленіи повѣсти, подобно тому, какъ въ послѣдствіи Макарій, Новгородскій архіепископъ, участвовалъ въ созданіи Новгородскихъ сказаній объ ап. Андреѣ? Если составленіе сказанія послѣдовало въ указанное время, то занесеніе его въ лѣтопись остается отнести приблизительно къ этому времени. Во всякомъ случаѣ намъ представляется труднымъ найти другое болѣе позднее время для составленія сказанія и занесенія его въ лѣтопись [1]).

---

[1]) Есть изслѣдователи, наклонные относить тѣ сказанія начальной лѣтописи, которыя считаютъ вставочными, къ очень позднему времени. Такъ, г. Иловайскій самое сказаніе о призваніи Рюрика и братьевъ относитъ ко времени Кіевскаго в. князя Рюрика Ростиславича, т. е. къ самому концу XII в. Г. Голубинскій наклоненъ отодвинуть время составленія повѣсти о посѣщеніи Руси апостоломъ еще далѣе, а именно къ началу XIV в. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаемъ мы замѣтку г. Голубинскаго о Никифорѣ Каллистѣ, писателѣ начала XIV в., который, по выраженію нашего историка, если не моложе, то, вѣроятно, не старѣе составителей повѣсти (Ист. Р. Ц. I, 1, стр. 4, прим. 1). Намъ представляется труднымъ объяснить и происхожденіе повѣсти (со всѣми наличными мотивами ея) въ столь позднее время, а также и переходъ во всѣ лѣтописи повѣсти столь послѣдняго происхожденія. Послѣднее обстоятельство, т. е. переходъ повѣсти во всѣ лѣтописи (исключая, впрочемъ, древнюю Новгородскую) заставляетъ думать, что повѣсть явилась и занесена въ лѣтопись тогда, когда еще продолжалась Кіевская лѣтопись, какъ общая лѣтопись всей Руси, когда наше лѣтописаніе еще не очень расходилось на свои мѣстныя вѣтви, что̀ наступило лишь во 2 пол. XII в.

Занесенное въ начальную лѣтопись, сказаніе пріобрѣло значеніе преданія, историческаго свидѣтельства, перешло изъ начальной лѣтописи во всѣ другія лѣтописи[1]). повторялось при удобномъ случаѣ и въ другихъ сказаніяхъ[2]). Но повторяя начальное лѣтописное сказаніе, позднѣйшіе лѣтописцы обнаруживаютъ иногда нѣсколько самостоятельное отношеніе къ нему, выражавшееся не только въ перифразахъ его, но и въ попыткахъ лучшей обработки его. Такъ напр. сказаніе пополняется предварительными сообщеніями объ апостольскомъ удѣлѣ Андрея, взятыми изъ греческихъ сказаній, становившихся болѣе и болѣе извѣстными у насъ въ славянскихъ переводахъ; исключается изъ сказанія Римъ, какъ цѣль путешествія апостола, конечно, потому, что о немъ не говорилось въ греческихъ извѣстіяхъ; сказаніе исправляется въ послѣдней, неблагопріличной части своей, касающейся Словенской земли, и эта часть замѣняется

---

[1]) Соф. первая Лѣт. (П. С. Р. Л. V, 83), Тверская (XV, 3), Никоновская (IX, 3), Воскресенская (VII, 262) и др.

[2]) Впрочемъ, до XVI в. извѣстенъ единственный примѣръ повторенія нашей повѣсти въ сказаніи не лѣтописномъ, а житійномъ. Разумѣемъ житіе св Стефана Пермскаго, писанное Епифаніемъ Премудрымъ около 1120 г. Епифаній старается, между прочимъ, доказать то, что въ Пермской землѣ никогда не было апостоловъ до Св. Стефана, и что онъ есть именно первый апостолъ Пермской страны. Съ этой цѣлію Епифаній, основываясь на древнихъ сказаніяхъ, сообщаетъ о томъ, гдѣ какіе апостолы проповѣдали. Дойдя до св. Андрея и сказавъ о проповѣди его у Скиѳовъ, Ѳраковъ, въ Инатѣхъ (т. е. въ Понтѣ), Византіи и проч., прибавляетъ: и еще и въ Русской землѣ былъ, повѣдаютъ его, рѣкою Днѣпромъ отъ моря прошедша и надъ Кіевомъ стоявша, а града Кіева тогда еще не было, но точію бяху пусты горѣ тѣ: Вшедшу ему и молитву створь, и крестъ постави и прорекъ: на семъ мѣстѣ, глаголя, будетъ градъ великъ и многочеловѣченъ и вѣра христіанская возсіяетъ и церкви святыя соградятся и *монастыри* устроятся (прибавка *монастыри* есть первый по времени опытъ прибавки къ начальному сказанію). Тако благословивъ мѣсто и отыде въ прочая грады и страны, и творя обычное свое шествованіе и благовѣствованіе, проповѣдая Слово Божіе во иныхъ странахъ, а въ Перми же не былъ (Памятники старинной Русской литературы, изд. Гр. Кушелева-Безбородко. Спб. 1862 г. стр. 124).

или общими выраженіями о дальнѣйшемъ странствіи апостола послѣ посѣщенія имъ кіевскихъ горъ, или же сообщеніемъ, что и въ Словенской землѣ у береговъ Ильменя и Волхова апостолъ изрекъ такое же благословеніе и пророчество объ имѣющемъ быть здѣсь городѣ, какое предъ тѣмъ изрекъ о кіевскихъ горахъ [1]).

Со времени Новгородскаго архіепископа (1528—1542), въ послѣдствіи Московскаго митрополита (1542—1563 г.) Макарія, становятся извѣстными мѣстныя Новгородскія сказанія о проповѣди апостола Андрея въ землѣ Русской, восполняющія начальное Кіевское сказаніе. Макарій извѣстенъ, какъ весьма ревностный и трудолюбивый собиратель книгъ, житій и сказаній, имѣвшій нѣсколькихъ сотрудниковъ по этому дѣлу. Стремясь въ другихъ родахъ дѣятельности, напр. въ дѣлѣ храмоваго устройства, къ тому, чтобы „ветхое поновить и украсить", Макарій эту въ особенности цѣль преслѣдовалъ и въ собраніи и составленіи житій и сказаній, поручаемомъ книжнымъ людямъ [2]). Древнія краткія сказанія поновлялись и распространялись, украшались витійственными и назидательными рѣчами, но рѣдко восполнялись и новыми сказаніями въ тѣхъ сторонахъ предмета, въ какихъ усматривалась неполнота, неровность, вообще какая либо несообразность. Примѣрами такой обработки древнихъ сказаній обилуетъ особенно Степенная книга Макарьевской редакціи. Здѣсь встрѣчаемъ въ новой обработкѣ и сказаніе о посѣщеніи Руси Андреемъ, помѣщенное въ краткомъ видѣ въ житіи св. Ольги и въ

---

[1]) Рѣчь исключается и у Епифанія Премудраго и въ Тверской лѣтописи. Въ послѣдней замѣнена послѣдняя часть сказанія, касающаяся Словенской земли, и представлена такъ: „и оттолѣ (отъ Кіевскихъ горъ) пошелъ по Днѣпру вверхъ до Ловати. . и пришедъ благослови мѣсто, идѣже нынѣ Новгородъ, а людіе сѣдяще подлѣ озера Ильменя, и также къ ученикамъ рече: яко будетъ здѣ градъ великъ и церкви Божественныя многи".

[2]) Ключевскій, Древне-Русскія Житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871 г. стр. 121—122.

пространномъ—въ житіи св. Владиміра[1]). Согласно жребію своего апостольства св. Андрей проповѣдалъ въ странахъ Греческихъ, Скиѳскихъ и др., по берегамъ Понта, т. е. Чернаго или Русскаго моря, поставилъ епископовъ въ Византію Стахія и въ Синопъ Филогона, проповѣдалъ и крестилъ въ Херсонѣ, затѣмъ изъ Херсона восхотѣлъ *идти въ Словенскую землю*. Придя къ берегу моря близъ Херсона, апостолъ останавливался на бывшемъ здѣсь великомъ камнѣ, помолился, благословилъ понтійское море, и памятникомъ сего остались стопы, отпечатлѣвшіяся на камнѣ и прославившіяся тѣмъ, что вода, приносимая въ нихъ морскими волнами или дождемъ, имѣла цѣлительную силу, такъ что многіе приходили брать ее для исцѣленія отъ болѣзней[2]). Повторивъ затѣмъ Кіевское сказаніе о посѣщеніи апостоломъ кіевскихъ горъ, Степенная книга продолжаетъ, что пріидя въ Словенскую земля, гдѣ нынѣ Новгородъ, апостолъ *пребылъ здѣсь нѣкоторое время, проповѣдывалъ Слово Божіе, водрузилъ и оставилъ свой жезлъ въ веси, нарицаемой Грузинѣ, гдѣ нынѣ есть церковь св. Апостола Андрея.* Отсюда по рѣкѣ Волхову, Ладожскому озеру и Невѣ отправился въ Варяги, отъ Варягъ въ Римъ *и Царьградъ.* Въ Римѣ разсказалъ объ обычаѣ людей Словенскихъ. Въ заключеніе всего Степенная книга даетъ и свои толкованія дѣйствіямъ апостола въ землѣ Русской, какъ имѣвшимъ прообразовательное значеніе. Такъ, своимъ благословеніемъ и водруженіемъ креста апостолъ прообразовалъ имѣвшее быть въ Русской землѣ св. крещеніе истиннаго благочестія и свя-

---

[1]) Степенная кн. 1, стр. 7 и 95—97.

[2]) „Пріиде къ морю близъ града Херсона, и бяше ту на берегу у моря камень великій, на немъ же стоя святый Андрей моляся Богу, и благослови море Понтское, на камени же томъ воглубленно вообразишася нозѣ святаго Андрея, яко на воску, иже и донынѣ видимо есть, егда же море зыбляшеся, и морская вода достизаша на камень, и наливахуся воображенныя стопы св. Андрея, иногда же отъ дождеваго наводненія нальяхуся. И ту прихождаху мнози человѣцы, и мазахуся тою водою, иже на камени въ стопахъ св. Андрея и многоразличнымъ болѣзнямъ исцѣленіе получаху“.

щенное чиноначаліе, а жезломъ, водруженнымъ на сѣверѣ, преобрази въ Руси самодержавное царское скипетроправленіе, которое началось отъ Рюрика, пришедшаго изъ Варягъ и бывшаго изъ потомства Пруса, брата Римскаго Кесаря Августа. О жезлѣ ап. Андрея подробнѣе разсказывается въ житіи св. Михаила Клонскаго, которое писано было въ Новгородѣ въ 1537 г. боярскимъ сыномъ Василіемъ Мих. Тучковымъ, по порученію Архіеп. Макарія. Жезлъ этотъ во время составителя „Житія" хранился въ Андреевской церкви с. Грузина; онъ былъ изъ дерева незнаемаго, неизвѣстнаго въ русской странѣ, имѣлъ грозную надпись, прославился многими знаменіями, какъ повѣдаютъ мнози достовѣрніи и благоговѣйніи мужи" [1].

Сказаніе о путешествіи апостола къ Ладожскому Озеру дало поводъ къ новому сказанію иноковъ бывшаго на островѣ этого озера Валаамскаго монастыря: по этому сказанію апостолъ проповѣдалъ, крестилъ и оставилъ жезлъ на этомъ островѣ, а двое изъ мучениковъ—Сергій, съ нимъ прибывшій,

---

[1]) Сказавъ о водруженіи апостоломъ жезла въ мѣстѣ Грузинѣ, жизнеописатель продолжаетъ: „Егда же по пророчеству св. ап. Андрея просвѣтися сія Великая Россія, тогда на томъ мѣстѣ, идѣже св. апостолъ жезлъ свой водрузи, храмъ св. Андрея поставляется и въ немъ безцѣнное и честное оное сокровище—многоцѣлебный святаго жезлъ полагается, о немъ же многа и неисповѣдима чудеса сказуются, иже и до днесь видимъ есть; вси же вѣрніи, благоговѣйніи мужіе, притечуще въ храмъ св. апостола, самовидцы бываютъ жезлу святому и вкупѣ и любовію того лобызающе, касаются и написанная на немъ зрятъ; сице бо исписано есть на жезлѣ святомъ: „аще кто дерзнетъ изнести жезлъ сей изъ храма святаго, анаѳеми предается". Мнози же достовѣрніи и благоговѣйніи мужіе повѣдаютъ, яко многажды храму святому отъ огня загорѣвшу, жезлу же святому цѣлу пребывшому молитвами святого, овогда на воздусѣ невидимо держиму, овогда на иномъ мѣстѣ водружающуся. И сія же глаголютъ о жезлѣ святомъ: яко отъ древнихъ единому архіерею славнаго сего и Великаго Новгорода хотѣвшу нѣкогда златомъ украсити жезлъ въ честь апостола, святому же сего неизволившу, и удержася святитель отъ таковаго начинанія. Древо же жезла онаго ни кимъ же знаемо бѣ, ниже въ сихъ странахъ обрѣтаемо, паки же ни мало растлѣваемо, но не вредимо и до днесь пребываетъ". Памятники Старинной Русск. Литер. IV, стр. 37.

и Германъ, новообращенный изъ мѣстныхъ язычниковъ, были основателями и самаго монастыря Валаамскаго [1]).

Происхожденіе Новгородскихъ сказаній и мотивы ихъ понятны. Опорою имъ послужили: 1) греческія сказанія, обстоятельно изученныя и восполненныя собственными русскими преданіями: такъ, жезлъ Новгородскій явился воспроизведеніемъ жезла Андреева, упоминаемымъ у Епифанія, а стопа на высокомъ камнѣ взята по всей вѣроятности изъ разсказовъ новгородскихъ купцовъ и странниковъ, ходившихъ въ Грецію [2]). 2) Кіевское начальное сказаніе, принятое уже за непреложную истину и дававшее полный просторъ собственнымъ домысламъ новгородскимъ. 3) Собственные эти домыслы, или вымыслы, опиравшіеся на мѣстные разсказы и толки, пріуроченные къ мѣстнымъ святымъ [3]). Мотивами домысловъ въ новгородскихъ сказаніяхъ служили, очевидно, желаніе сдѣлать, вслѣдъ за Кіевомъ, и Новгородъ причастнымъ дѣлу ап. проповѣди, желаніе возвесть ко времени апостола предъизбраніе и всей Русской земли, и не только предъизбраніе, но и начало самаго христіанства въ ней, совершенно параллельное желанію возвесть ко времени Августа начало скипетродержавія Русскаго.

Подкрѣпленное новгородскими сказаніями, начальное кіевское сказаніе, говорившее только о посѣщеніи апосто-

---

[1]) Преосв. Макарій, Истор. Рус. Церкви, изд. 2., т. I, стр. 202.

[2]) У Епифанія ап. Андрей путешествуетъ съ жезломъ, которымъ разбиваетъ голову змія, гнѣздившагося на каменной горѣ близъ Никеи. Тамъ же и въ другихъ греческихъ сказаніяхъ упоминается великій каменный мысъ у Чернаго моря, на который восходилъ апостолъ. Но стопа на камнѣ близъ Херсона по всей вѣроятности явилась изъ разсказовъ новгородскихъ путешественниковъ, подобныхъ тѣмъ, на какіе ссылался Василій архіепископъ новгородскій въ своемъ посланіи о раѣ.

[3]) Названія село Грузино и здѣшняя церковь св. Андрея, безъ сомнѣнія, дали поводъ домысламъ о водруженіи тутъ жезла св. Андреемъ. А самый жезлъ изъ незнаемаго дерева былъ, всего вѣроятнѣе, жезломъ какого либо странника изъ Новгородской области, принесшаго этотъ жезлъ изъ Палестины или вообще изъ Греціи.

ломъ Русской земли, обратилось именно въ преданіе о проповѣди его въ землѣ Русской и въ этомъ видѣ стало вѣрованіемъ въ обѣихъ половинахъ Руси. Оно громко заявлялось при тѣхъ особенно случаяхъ, когда требовалось защитить достоинство и независимость Русской страны, какъ страны православно-христіанской. Такъ, въ 1580 году Іоаннъ Грозный, въ отвѣтъ іезуиту Антонію Поссевину, который склонялъ царя къ соединенію съ Римскою церковію, ссылаясь на Грековъ, принявшихъ унію на Флорентійскомъ соборѣ, сказалъ: „Греки для насъ не Евангеліе; мы вѣримъ Христу, а не Грекамъ... мы получили вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, приходилъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ. Такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то самое время, какъ вы въ Италіи, и содержимъ ее ненарушимо [1]). Вообще тѣмъ иностранцамъ изъ западныхъ христіанъ, которые бывали въ Россіи или встрѣчались съ русскими за-границею и распрашивали ихъ о ихъ вѣрѣ, русскіе отвѣчали, что они приняли вѣру отъ апостола Андрея [2]). Тоже говорили они и Грекамъ, съ которыми видывались въ Россіи или за-границей. Павелъ Алепскій, бывшій спутникомъ Макарія, Антіохійскаго патріарха во время путешествія его по Россіи, сообщаетъ о такомъ вѣрованіи русскихъ въ своемъ описаніи этого путешествія [3]). Особенно настоятельно выразилъ его Арсеній Сухановъ, во время своего путешествія по Востоку и бесѣдъ и преній съ Греками въ отвѣтъ на ихъ внушенія, что Русскіе, какъ принявшіе вѣру отъ Грековъ, должны

---

[1]) Suplementum ad Historica Russiae Monumenta. Posseviui Colloguim primum de fide Catholica, p. 102.

[2]) Извѣстны сообщенія о томъ Герберштейна Фабра, Гваньини, Одерборна (ссылку у г. Голубинскаго 1, 1, стр. 7—9).

[3]) Сказаніе Павла Алепскаго въ „Чтеніи въ Импер. Общест. Исторіи и Древн. Росс.“, 1875 г. То же передаетъ и самъ патр. Макарій въ одномъ изъ своихъ сочиненій или переводовъ. Бар. Розена, Василій Болгаробойца, стр. 223.

быть во всемъ согласны съ ними... вскую вы собою хвалитеся, что мы отъ васъ крещеніе пріяли; мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея, когда онъ, по вознесеніи Господа, приде въ Византію и оттуда пойде Чернымъ моремъ до Днѣпра, и Днѣпромъ вверхъ до Кіева, и отъ Кіева даже до Великаго Новгорода, и ходя тѣмъ путемъ ученіе свое о вѣрѣ Христовѣ распространялъ, а иныхъ крестилъ..., вѣру вы изначала пріяли отъ апостола Андрея, а мы такожде отъ Апостола Андрея[1]).

Съ развитіемъ и утвержденіемъ въ сѣверной Руси, преданіе о проповѣди ап. Андрея начинаетъ оживляться и въ южной Руси или точнѣе въ Кіевѣ. Это замѣчается именно съ XVII в. со времени усиленной борьбы южно-русской церкви съ латино-уніатскою пропагандою. Въ 1621 году вышла въ Кіевѣ „Палинодія или книга обороны святой Каѳолической Всходней церкви", написанное ученымъ печерскимъ инокомъ, въ послѣдствіи (съ 1624 г.) архимандритомъ Захаріемъ Копыстенскимъ, въ защиту православной церкви и въ обличеніе цѣлаго ряда латино-уніатскихъ сочиненій противъ нея[2]). Въ книгѣ есть глава „О увѣреніи и крещеніи Руссовъ"... Послѣ общей мысли, что во время всемірной апостольской проповѣди не была лишена ея и Русская земля, авторъ разсуждаетъ о достоинствѣ ап. Андрея, какъ старшаго брата апостола Петра, какъ апостола первозваннаго, о его апостольскомъ жребіи, какимъ были болѣе просвѣщенныя греческія страны, превосходившія въ этомъ отношеніи латинскія, затѣмъ говоритъ о Византіи и церкви Константинопольской, славившейся своимъ происхожденіемъ отъ апостола Андрея, и его ученика Стахія, наконецъ, излагаетъ преданіе о посѣщеніи ап. Андреемъ Кіевскихъ горъ

---

[1]) Малый проскинитарій или статейный списокъ Арсенія, цитуемый у преосв. Макарія (XI, стр. 147), и у г. Голубинскаго (1, 1, стр. 8).

[2]) Издан. въ Русской Исторической библіотекѣ т. IV. стр. 713—1200 Спб. 1878.

и земли Новгородской, поясняя, что во время прохожденія своего по Русской землѣ апостолъ, безъ сомнѣнія, многихъ крестилъ и привелъ въ познаніе Христа: ибо апостолы никогда напрасно не ходили, но благодать св. Духа дѣйствовала въ нихъ на каждомъ мѣстѣ. Ссылаясь на житіе ап. Андрея въ Синаксарѣ подъ 30 ноября, авторъ „Палинодіи" подкрѣпляетъ сказаніе ссылкою на мѣстное кіевское преданіе о кіевской горѣ, гдѣ стоялъ апостолъ: „на той горѣ въ Кіевѣ, гдѣ стоялъ апостолъ (и которую зовутъ нынѣ „Вздыхальною", якобы отъ того, что на ней апостолъ съ учнями своими отъ трудовъ отдохнулъ, альбо (или) ижъ тая гора оттоль называется „Вздыхальницею", ижъ, высокою будучи, люди идучи вздыхаютъ, а, на верхъ вшедши, отдыхаютъ спочиваючи), тогожъ часу (т. е. во время апостола) и церковь Воздвиженія Честнаго Креста была поставлена, гдѣ и теперь есть, якъ и повѣсть и до сихъ дней относится о той церкви и о той горѣ" [1]). Въ томъ 1621 году состоялся въ Кіевѣ соборъ изъ лицъ возстановленной православной іерархіи съ м. Іовомъ во главѣ, одушевленно разсуждавшей о мѣрахъ защиты и благоустройства православной Церкви, тяжко пострадавшей отъ латино-уніатской пропаганды. Въ своемъ соборномъ дѣяніи, или „*совѣтованіи о благочестіи*, члены собора, между прочимъ, говорятъ: „поелику св. ап. Андрей есть первый архіепископъ Константинопольскій, патріархъ вселенскій и апостолъ Русскій и на Кіевскихъ горахъ стояли ноги его, и очи его Россію видѣли и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ насадилъ, то справедливымъ и богоугоднымъ будетъ дѣломъ возстановить торжественно и нарочито праздникъ его. Воистину Россія ничѣмъ не меньше другихъ восточныхъ народовъ, ибо и въ ней проповѣдалъ апостолъ" [2]). Охотно повторялось пре-

---

[1]) Ibid. стр. 968—970.

[2]) Памятники Времен. Коммисіи. Кіевъ Т. 1, Отд. 1, стр. 264—265. Кіевъ, 1845 г.

даніе и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Такъ, во время присоединенія Малороссіи къ Московскому Государству, когда въ январѣ 1654 г. московскіе бояре прибыли въ Кіевъ, чтобы и здѣсь участвовать въ торжествѣ присоединенія, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, съ соборомъ духовенства, встрѣчая ихъ въ Софійскомъ соборѣ, говорилъ: „вы приходите къ сѣдалищу Перваго благочестиваго князя, и мы исходимъ на срѣтеніе вамъ. Въ лицѣ нашемъ привѣтствуетъ васъ оный благочестивый Владиміръ, привѣтствуетъ васъ св. Андрей первозванный, провозвѣстившій на семъ мѣстѣ сіяніе великой Божіей славы". Ставъ общимъ вѣрованіемъ у кіевскихъ и вообще южно-русскихъ писателей XVII в., преданіе повторяется у нихъ при каждомъ подходящемъ случаѣ, съ указаніями на мѣсто водруженія Креста св. ап. Андреемъ и даже съ попытками точнѣе опредѣлить его. Одни изъ нихъ (такихъ больше) указывали это мѣсто согласно съ „Палинодіею" Копыстенскаго, на мѣстѣ Воздвиженской церкви. Другіе указывали его на мѣстѣ Симеоновской церкви, находившейся далѣе къ сѣверо-востоку, на горѣ Кудрявцѣ. Съ XVII в. указывалось еще одно мѣсто на холмѣ въ городской стѣнѣ (въ мѣстности Андреевской горы), гдѣ въ 1701 г. стояла Андреевская церковь, бывшая тогда уже ветхою [1]).

Преданіе о св. Андреѣ, какъ апостолѣ Руси, перешло и въ XVIII в. усвоено людьми вѣка реформы Петра В., который подъ вліяніемъ этого преданія установилъ первый въ

[1]) Старецъ, старообрядческій попъ Леонтій Лукьяновъ, бывшій въ Кіевѣ въ 1701 г. на пути въ Іерусалимъ, въ своемъ „Описаніи пути ко святому граду Іерусалиму, отъ Москвы до Кіева" и проч., говоритъ объ этой церкви: „а гдѣ св. ап. Андрей Крестъ поставилъ, и тотъ холмъ въ городовой стѣнѣ красовито зѣло. И на томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная, *ветхая*, въ честь св. ап. Андрея Первозваннаго". Болѣе раннихъ извѣстій объ этой церкви не имѣется. Если въ 1701 г. она была *ветхою*, то построена по крайней мѣрѣ за полвѣка предъ симъ. Не было ли построеніе ея плодомъ мысли о торжественномъ ознаменованіи памяти св. Андрея, высказанной на соборѣ 1621 года?

Россіи орденъ св. Андрея Первозваннаго, имѣющій надпись: S. Andreas Patronus Rossiae. По вѣрѣ въ преданіе, была въ 1744 г. на Андреевской горѣ заложена Императрицею Елисаветою Петровною церковь св. Андрея, оконченная и освященная при Екатеринѣ въ 1763 г. Между тѣмъ продолжали нарастать сказанія о самомъ путешествіи св. Андрея на землѣ русской и его проповѣди. Найдено преданіе, что одинъ изъ Днѣпровскихъ пороговъ Неясытскій носилъ названіе ап. Андрея по памяти о прохожденіи его здѣсь. Въ „Исторіи Руссовъ“, приписанной Георгію Конисскому, начальное Кіевское преданіе измѣнено во второй части своей, относящейся къ Новгороду. Вмѣсто Новгорода сѣвернаго, ставится южный Новгородъ, Новгородъ-Сѣверскъ въ нынѣшней Черниговской губерніи, въ окрестности котораго апостолъ приходилъ по рѣкѣ Деснѣ [1]). А еще позже въ Кіевѣ кто-то додумался, что во время проповѣди ап. Андрея въ Кіевѣ здѣсь тогда же явились христіане, имъ обращенные, и что они собирались на молитву въ укрытомъ мѣстѣ на нынѣшней Аскольдовой могилѣ [2]). А въ 1832 г. одинъ археологъ мечтатель (Лохвицкій), занимавшійся раскопками въ Кіевѣ, мечталъ не только съ полною точностію опре-

---

[1]) Замѣчательна та смѣлая вольность, съ какою авторъ „Исторіи Руссовъ“ передалъ начальное Кіевское сказаніе: „Первое крещеніе введено у Руссовъ во дни апостольскіе благовѣстіемъ ап. Андрея Первозваннаго, приплывшаго кораблемъ изъ Чернаго моря и рѣкою Днѣпромъ къ той горѣ Кіевской, которая и по основаніи города Кіева всегда называлась Андреевымъ холмомъ, и на которой послѣ создана церковь во имя его. Сей же апостолъ рѣкою Десною былъ тогда и въ Новгородѣ Сѣверскомъ, благовѣствалъ Евангеліе и почудился употребленію тамошнимъ народомъ бань своихъ, въ которыхъ, по словамъ его, разжигался каждый человѣкъ *на подобіе раскаленнаго камня*, а потомъ, повергаясь съ журчаніемъ въ рѣчную воду, выходилъ оттуда живъ и бодръ, какъ бы никогда не разжиганъ и не битъ“. Исторія Руссовъ, соч. Георгія Конисскаго, архіеп. Бѣлорусскаго. Москва, 1846 г., стр. 4.

[2]) Объ этомъ гласитъ слѣд. надпись внутри церкви на Аскольдовой могилѣ: „на семъ мѣстѣ тайно церковь существовала, устроенная христіанами, отъ Андрея Первозваннаго просвѣщенными“.

дѣлить мѣсто водруженія креста св. Андреемъ—въ фундаментѣ бывшей Воздвиженской церкви, но найти и остатки самаго креста.

Но тогда, какъ преданіе о проповѣди ап. Андрея продолжало восполняться новыми и новыми сказаніями или домыслами, явившаяся со времени реформы Петра наука начинаетъ колебать достовѣрность его. Естественно, что сомнѣнія въ достовѣрности преданія впервые высказаны были иностранными труженниками нашей исторической науки, какъ Байеръ, Шлецеръ и др. Важнѣе для насъ мнѣніе по этому предмету ученаго и глубоко-правдолюбиваго историка Русской церкви м. Платона. Въ своей „Краткой церковной Россійской исторіи", изложивъ лѣтописную повѣсть объ ап. Андреѣ, м. Платонъ говоритъ: „сія повѣсть Нестерова и другихъ, кои съ него списывали, требуетъ особеннаго изслѣдованія: 1) Было ли въ апостольскія времена обыкновеніе, чтобы ставить кресты на открытыхъ мѣстахъ или гдѣ нибудь? 2) Дабы св. апостолу Андрею удивляться мытью въ баняхъ, и сіе почитать добровольнымъ мученіемъ и якобы творимымъ каждый день, да и о семъ въ Римѣ сказывать, яко о вещи удивительной, можетъ ли соглашено быть съ важностію и съ Богодухновеннымъ апостоловъ просвѣщеніемъ? 3) Откуду сію повѣсть Несторъ взялъ, о семъ никакого писателя древняго не привелъ. 4) Въ греческихъ лѣтописяхъ мы не обрѣли, чтобы о семъ, то есть, о проповѣди Андрея въ Россіи было поминаемо. Повѣтствуютъ они, яко то Евсевій, Епифаній и Дорофей изъ древнѣйшихъ писателей, что св. Андрей, кромѣ другихъ народовъ, обитающихъ въ Азіи и Греціи, проповѣдывалъ Скиѳамъ. Но какіе именно были сіи Скиѳы, и въ коихъ мѣстахъ, сіе требуетъ особливаго испытанія. Но предположивъ и принявъ сіе древнее преданіе, не видно, чтобы съ сего проповѣди Андреевой времени христіанство въ Россіи началось. Ибо того не видимъ ни въ какихъ лѣтописяхъ нашихъ. Конечно, можно утвердить, что нельзя, дабы проповѣдь апостольская, во всѣхъ концахъ

вселенныя провозглашашеся, не достигла и Россіи, и чтобъ не было и тогда въ Россіи нѣкоторыхъ Богопросвѣщенныхъ христіанъ сокровенныхъ. Но сей слабый свѣтъ въ общей невѣжества и грубости тьмѣ удобно погаснуть могъ" [1]). И такъ, м. Платонъ, сомнѣваясь въ исторической достовѣрности преданія, допускалъ, такъ сказать, только идеальную возможность мысли о томъ, что проповѣдь апостольская, провозглашенная во всѣхъ концахъ вселенной, могла достичь и Россіи и оставить свѣтъ вѣры въ немногихъ сокровенныхъ христіанахъ, потомъ угасшій въ общей тьмѣ невѣжества и грубости. Иначе отнесся къ преданію другой историкъ нашей церкви, архимандритъ, впослѣдствіи Московскій митрополитъ Макарій. Въ своей „Исторіи христіанства въ Россіи до св. Равноапостольнаго князя Владиміра", въ главѣ: „проповѣдь св. апостола въ странахъ нашихъ", онъ принимаетъ: 1) за достовѣрную историческую истину, что св. благовѣстникъ Христовъ путешествовалъ въ южныхъ предѣлахъ нашего отечества: въ древней Скиѳіи, или нынѣшнемъ Новоросійскомъ краѣ, въ древней Сарматіи, или нынѣшнемъ Кавказскомъ краѣ, и древнихъ—Иверіи, Колхидѣ и Абхазіи, или нынѣшнемъ Закавказьи; и 2) за извѣстіе, весьма вѣроятное, что онъ достигалъ съ своею проповѣдью самыхъ окрестностей Кіева, а отсюда и Новгорода [2]). Защищая послѣднее положеніе, историкъ старается выяснить и то, какъ преданіе о проповѣди св. Андрея въ Россіи могло изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ сохраниться среди христіанъ въ южныхъ предѣлахъ Россіи и со временемъ дойти до Кіева и здѣсь до лѣтописца; признаетъ, что плодомъ проповѣди апостола было насажденіе христіанства среди немногихъ, жившихъ въ окрестностяхъ Кіева и Новгорода, Славянъ, которое, впрочемъ, держалось не долго. Въ частности, онъ признаетъ и ту черту въ преданіи,

---

[1]) Стр. 11—13.

[2]) Исторія христіанства въ Россіи до св. Владиміра, стр. 7—45. Спб. 1846 г.

что апостолъ чрезъ Русскую землю путешествовалъ въ Римъ и ссылается при этомъ на извѣстный съ глубокой древности путь отъ моря Варяжскаго или Балтійскаго къ Адріатическому, къ предѣламъ Италіи, и на польское преданіе о прохожденіи апостола чрезъ страны Польши, находя въ томъ и другомъ новое подтвержденіе и нашему Кіевскому преданію.

Опытъ научной защиты преданія, представленный пр. Макаріемъ, остался, впрочемъ, единственнымъ [1]); у другихъ нашихъ историковъ и изслѣдователей,—разумѣемъ тѣхъ, которые научно обсуждали преданіе,—взглядъ на это преданіе примыкаетъ къ взгляду м. Платона и склоняется къ полному отрицанію достовѣрности преданія [2]). Но этотъ отрицательный выводъ значительно вознаграждается у нѣкоторыхъ изъ нихъ попытками разъяснить происхожденіе преданія, его источники, мотивы и т. п., причемъ подвергаются пересмотру и самыя греческія сказанія о проповѣди апостола Андрея [3]).

Нашъ взглядъ на преданіе, какъ могъ замѣтить читатель, также примыкаетъ къ взгляду м. Платона, получившему развитіе въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей. Преданіе заслуживаетъ памяти, упоминанія и изслѣдованія, какъ вѣрованіе, бывшее вѣрованіемъ родовъ и вѣковъ [4]). Съ

---

[1]) Были и другіе опыты защиты преданія, но безъ научной постановки вопроса, о которыхъ поэтому не упоминаемъ.

[2]) Изъ новѣйшихъ историковъ нашей церкви преосв. Филаретъ (Гумилевскій) первый отнесся съ недовѣріемъ къ преданію объ Андреѣ (Исторія Рус. Церкви т. 1, стр. 1—2, изд. 3-е. М. 1857); а въ одномъ изъ своихъ писемъ даже очень рѣзко отозвался о попыткѣ защитить преданіе, представленной въ „Исторіи христіанства до св. Владиміра“.

[3]) Таковы особенно изслѣдованія гг. Голубинскаго и Васильевскаго.

[4]) Въ этомъ смыслѣ упоминали о преданіи весьма почтенные люди. Такъ, извѣстный изслѣдователь кіевскихъ древностей М. А. Максимовичъ въ одномъ изъ своихъ небольшихъ опытовъ по этому предмету говоритъ: „какъ только задумаешь говорить о Кіевѣ въ отношеніи церковномъ, невольно обращаешься

идеальной точки зрѣнія, конечно, мыслима возможность того, что, какъ выражается м. Платонъ, „проповѣдь апостольская, во всѣхъ концахъ вселенной провозглашенная, достигала и Россіи", южная окраина которой слыла подъ названіемъ Скиѳіи, бывшей, по болѣе древнему и общему преданію, апостольскимъ удѣломъ св. Андрея. Но съ строго научной точки зрѣнія наше русское преданіе, уясняемое въ своемъ начальномъ происхожденіи и дальнѣйшемъ развитіи или наращеніи, представляется не болѣе, какъ плодомъ собственнаго домысла или творчества русскихъ людей,—творчества, которое началось никакъ не ранѣе, какъ чрезъ вѣкъ послѣ св. Владиміра, и съ вѣками становилось все плодовитѣе и наивнѣе въ своей смѣлости. Такой научный взглядъ на сказаніе возвращаетъ насъ къ единенію въ вѣрѣ и мысли съ болѣе просвѣщенными представителями нашей вѣры и мысли ближайшаго къ св. Владиміру времени, которые смиренно сознавали и исповѣдывали, что въ Русской землѣ не были тѣлесно и не учили апостолы. Такое сознаніе совмѣстимо съ тою мыслію о предъизбраніи Русской земли въ наслѣдіе церкви Христовой, которою одушевлялись позднѣйшіе творцы сказанія о посѣщеніи ея апостоломъ. Ибо въ судьбахъ Всевѣдущаго, положившаго въ своей власти времена и лѣта для устроенія въ людяхъ и народахъ царства Божія (Дѣян. 1., ст. 7), положено было свое предуставленное (17, 26) время для устроенія сего царства и въ Русской странѣ.

За то съ научной точки зрѣнія можетъ быть признана большая вѣроятность преданія, выраженнаго въ краткомъ извѣстіи начальной лѣтописи, которое гласитъ, что св. Ан-

---

мыслію къ древнему преданію о св. Андреѣ и... его охотно признаешь". Другой достопамятный ученый А. В. Горскій, при одномъ торжественномъ случаѣ (въ адресѣ Кіевской Академіи на юбилеѣ ея 1869 г.) выразился такъ: „въ глубокомъ сумракѣ временъ таинственною рукою начертанъ образъ великой церкви. Отъ горъ Кіевскихъ Первозванный проповѣдникъ вѣры Христовой идетъ на берега Волхова и тѣмъ какъ бы намѣчаетъ двѣ главныя грани для исторической жизни этой церкви".

дрей „училъ по Черному морю, еже словется русское море". Вѣроятность эта утверждается: 1) на цѣломъ и непрерывномъ рядѣ древнихъ греческихъ преданій о проповѣди апостола Андрея. Таковы общія, болѣе древнія, преданія о проповѣди его въ Скиѳіи, подъ которою въ ближайшемъ смыслѣ должно быть понимаемо наше Черноморское побережье; таковы дальнѣйшія сказанія о проповѣди апостола въ разныхъ городахъ южнаго, восточнаго и сѣвернаго побережья Чернаго моря. 2) Съ обще-исторической точки зрѣнія на предѣлы апостольской проповѣди можетъ быть мыслимо то, что проповѣдь апостольская, обращаемая прежде всего къ іудеямъ и эллинамъ, достигала и предѣловъ Черноморья, имѣвшаго поселенія изъ эллиновъ, имѣвшаго большіе города и гражданскія общества, представлявшіе поприща для этой проповѣди. 3) Св. Писаніе (1 Петр. 1, 1) даетъ намъ свидѣтельство о существованіи христіанства въ вѣкъ апостольскій въ *Понтѣ*, т. е. въ той части южнаго побережья Чернаго моря, которая частнѣе называлась этимъ именемъ и находилась на ближайшемъ прямомъ разстояніи отъ южнаго берега Тавриды, а преданіе даетъ намъ свидѣтельство о существованіи, въ концѣ перваго вѣка, христіанства въ Херсонѣ[1]): то и другое дѣлаетъ мыслимымъ *сохраненіе* въ этихъ и сосѣднихъ мѣстахъ преданія о проповѣди ап. Андрея, какъ преданія, восходившаго ко времени самой этой проповѣди.

---

[1]) Таково извѣстное преданіе о св. Климентѣ, римскомъ епископѣ, который въ концѣ I или II в. сосланъ былъ импер. Трояномъ въ Херсонъ и здѣсь засталъ до 2 тысячъ христіанъ, работавшихъ на каменоломняхъ, и своею проповѣдію пріумножилъ ихъ. Правда, послѣ Климента дальнѣйшая исторія христіанства въ Херсонѣ прерывается въ сказаніяхъ на два вѣка и выступаетъ уже въ сказаніи о херсонскихъ епископахъ—мученикахъ, относимыхъ сказаніемъ къ первымъ десятилѣтіямъ IV в. Но существованіе христіанства въ Херсонѣ и въ предыдущіе два вѣка предполагается преданіемъ о мощахъ св. Климента и его ученика Фива, сохранявшихся здѣсь, а также памятниками пещерныхъ церквей въ окрестности Херсона, начало которыхъ съ большою вѣроятностію можетъ быть возводимо именно къ *первымъ* вѣкамъ христіанства.

Итакъ, есть основанія для признанія исторической истиною, что св. апостолъ Андрей Первозванный проповѣдывалъ по Черному или Понтійскому морю, „еже словетъ Русское море“. Онъ проповѣдывалъ и Эллинамъ здѣшней Скиѳіи и Скиѳамъ, кореннымъ жителямъ страны, согласно съ назначеніемъ всемірной апостольской проповѣди, которая, въ призваніи къ вѣрѣ и спасенію, не поставляла различія между іудеемъ и эллиномъ, варваромъ и скиѳомъ. Проповѣдь апостольская, сильная духомъ, словомъ, знаменіями и чудесами, не могла не имѣть дѣйствія на избранныя души той среды, гдѣ она слышалась. Благодатною силою проповѣди св. Андрея Первозваннаго занесенъ первый лучъ свѣта Божія, свѣта вѣры въ Скиѳскій міръ, пріобрѣтенъ *первый начатокъ* спасаемыхъ въ этомъ мірѣ,—окраинѣ будущаго Русскаго міра. Среди племенъ этого Скиѳскаго міра могли быть и *Славяне*, предки той или другой вѣтви послѣдующихъ *Русскихъ* Славянъ. Славянская Русь, ставшая христіанскою чрезъ многіе вѣка послѣ апостоловъ, можетъ однакоже имѣть утѣшеніе называть своимъ апостоломъ св. Андрея Первозваннаго, какъ апостола побережій того Чернаго моря, „еже отъ древнихъ лѣтъ слыветъ Русское море“.

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ,

КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

—

Великій князь кіевскій Владимиръ Святославичъ былъ шестымъ отъ Рюрика княземъ на Руси, и при немъ русское государство вступило во вторую сотню лѣтъ своего существованія. Нельзя сказать, чтобы зерно русской гражданственности образовалось изъ совершенно неподготовленнаго историческаго матеріала; но нельзя отрицать и того, что во взаимномъ отношеніи составныхъ частей русскаго государственнаго организма на первыхъ порахъ господствовала полная рознь и обособленность: „и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся". Такими словами лѣтописецъ харатеризуетъ взаимныя отношенія племенъ, признавшихъ надъ собою власть перваго русскаго князя. Эта рознь, эта обособленность не могли однакожъ долго сохранять свой рѣзкій и острый характеръ: съ появленіемъ одной общей верховной власти, взявшей на себя обязанность регулировать взаимныя отношенія отдѣльныхъ племенъ, въ жизнь послѣднихъ мало по малу должно было принимать новое государственное начало, которое должно было порождать новыя юридическія и государственныя понятія, требовавшія въ свою очередь новыхъ формъ для своего практическаго примѣненія. Двигателями этого естественнаго историческаго

роста русскаго государственнаго организма были, конечно, великіе князья Кіевскіе, которые первые внесли въ русскую жизнь обще-русское государственное начало и которые были его главными носителями и выразителями. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежитъ св. Владиміру. Вѣковое существованіе Руси, какъ единаго государственнаго цѣлаго, не могло не подготовить почвы для выработки новыхъ формъ политической жизни, чѣмъ въ свою очередь не могъ не воспользоваться князь съ такимъ крупнымъ политическимъ талантомъ, какимъ безспорно обладалъ Владиміръ Святославичъ. Вотъ первая мысль, которая невольно раждается въ сознаніи историка, приступающаго къ изученію Владиміра, какъ политическаго дѣятеля. Рядомъ съ нею выступаетъ и другая. Русь, сдѣлавшись еще при первыхъ трехъ Кіевскихъ князьяхъ сильнымъ государствомъ, при отцѣ Владиміра, Святославѣ Игоревичѣ, захватила въ свои руки политическую гегемонію во всей Восточной Европѣ, а своими мощными ударами, направленными на югъ и востокъ, заставила трепетать предъ собою всѣхъ своихъ сосѣдей. Такое государство, уже въ силу объема территоріи, на которую простиралось его политическое вліяніе, не могло не привлечь къ себѣ вниманія сосѣднихъ народовъ, которые должны были спѣшить вступить съ нимъ въ ту или другую связь, въ тѣ или другія отношенія. Подъ вліяніемъ этихъ общихъ мыслей въ сознаніи историка является цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ прежде всего ищетъ, конечно, на страницахъ отечественныхъ лѣтописей. Но эти первые поиски приводятъ его почти къ полному разочарованію. Если оставить въ сторонѣ занесенную подъ 986, 987 и 988 годами обширную, но полную легендарнаго вымысла, повѣсть о крещеніи Руси, то для характеристики Владиміра, какъ политическаго дѣятеля, въ лѣтописи остается лишь нѣсколько голыхъ, отрывочныхъ фактовъ, воспроизвести на основаніи которыхъ картину славнаго княженія Великаго Преобразователя представляется рѣшительно

невозможнымъ. Эти немногіе факты, давая понять, или вѣрнѣе—почувствовать, историку, что онъ имѣетъ дѣло съ великимъ дѣятелемъ, лишь раздражаютъ его научный интересъ, не представляя достаточныхъ данныхъ для его удовлетворенія. Такое состояніе отечественныхъ источниковъ совершенно понятно. Владимиръ первый положилъ начало грамотности на Руси; онъ первый, слѣдовательно, создалъ тѣ условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ появленіе у насъ писателей вообще и лѣтописцевъ въ частности. Когда же они появились, проникнутые чувствомъ благодарности къ великому просвѣтителю Русской земли, они поспѣшили записать о немъ все, что было доступно для нихъ и что они находили цѣннымъ; но во первыхъ, они не были современниками Владимира и вынуждены были писать съ чужихъ словъ, во вторыхъ, будучи людьми исключительно духовными, они по своему умственному складу не могли особенно интересоваться политическою дѣятельностью этого князя, великое историческое значеніе которой имъ трудно было понять и оцѣнить. Тѣмъ не менѣе наши отечественные источники, лѣтописи и отдѣльныя сказанія, для исторіи княженія Владимира представляютъ научный матеріалъ, самый значительный въ количественномъ и самый цѣнный въ качественномъ отношеніи.—Гораздо беднѣе въ этомъ отношеніи источники иностранные. Показанія напр., скандинавскихъ сагъ представляютъ весьма мутный источникъ, и ими приходится пользоваться съ большою осторожностью. Прямое отношеніе къ исторіи княженія Владиміра имѣетъ сага объ Олавѣ Тригтвіевѣ сынѣ.—Нѣсколько цѣннѣе данныя, встрѣчающіяся у западныхъ лѣтописцевъ, хотя и они крайне незначительны. Вниманія русскаго историка заслуживаютъ собственно извѣстія, занесенныя въ хронику Титмара, епископа Мерзебургскаго, и письмо миссіонера Бруна или Брунона къ нѣмецкому императору Генриху II Благочестивому. Что же касается розсказней римскаго кардинала Петра Даміани и французскаго монаха Адемара о никогда небывалыхъ успѣхахъ римско-католиче-

ской миссіи въ Кіевѣ, то ихъ можно отмѣтить лишь для того, чтобы показать, какъ тяжко было римскому престолу разставаться съ мыслію о томъ, что ему не удалось подчинить своей власти нашу отечественную церковь.—Гораздо большаго мы вправѣ были бы ожидать отъ историковъ византійскихъ,—во первыхъ, потому, что они, какъ люди, сравнительно очень солидно образованные, отличались болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, во вторыхъ, потому, что наша Русь при Владимирѣ вступила въ тѣсную родственную связь съ Византіей. Наши ожиданія однакожъ оказываются напрасными. Византійскіе историки, какъ бы сговорившись, почти совершенно игнорируютъ наше отечество и только случайно, какъ бы мимоходомъ, упоминаютъ о военной помощи, оказанной Владиміромъ императору Василію II, и о женитьбѣ Владиміра на царевнѣ Аннѣ; а одинъ изъ нихъ, Левъ Діаконъ, какъ бы не хотя, упоминаетъ еще о взятіи Русскими города Корсуня. Будемъ, впрочемъ, утѣшать себя надеждою, что византійская исторіографія еще не вполнѣ разработана: кое что, и можетъ быть самое цѣнное для насъ, еще хранится подъ спудомъ.—Какъ бы въ укоръ византійцамъ, арабскіе лѣтописцы, стоявшіе въ данномъ случаѣ въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, сохранили для насъ нѣсколько—немного, правда—извѣстій высокой цѣнности: въ данныхъ, встрѣчающихся, напр., въ лѣтописи араба Яхъи антіохійскаго, русскій историкъ получаетъ твердое основаніе для того, чтобы нѣкоторыя событія отечественной исторіи временъ Владимира поставить въ причинную связь съ событіями, имѣвшими мѣсто въ тогдашней Византіи. Впрочемъ, и византійскіе, и арабскіе, и армянскіе историки имѣютъ для насъ то важное значеніе, что они знакомятъ насъ съ тогдашнимъ положеніемъ византійской имперіи, съ которою наша Русь, какъ сказано было, при Владимирѣ вступила въ особенно тѣсныя отношенія.

Указанное состояніе источниковъ неизбѣжно должно было отразиться и на научныхъ изслѣдованіяхъ, посвящен-

ныхъ эпохѣ Владимира. Если гдѣ, то въ области историческої науки менѣе всего можно создать что нибудь положительное на основаніи чистаго разума; а между тѣмъ при изложеніи исторіи княженія Владимира этому послѣднему по неволѣ приходится отводить особенно видное мѣсто. Что можно сказать о княженіи Владимира, не вдаваясь въ гипотезы, догадки, предположенія, это наглядно показалъ Костомаровъ. Этотъ плодовитый, обладавшій живымъ воображеніемъ и истинно художественной фантазіей, историкъ княженію этого, по его мнѣнію, „истинно великаго человѣка“ могъ отвести въ своей исторіи три четвертушки, изъ которыхъ собственно на долю самаго Владимира досталось только двѣ. Правда, въ другихъ системахъ отечественной исторіи эпохѣ Владимира отводится гораздо больше мѣста; но въ этомъ многомъ на долю констатированія положительныхъ фактовъ и ихъ научнаго анализа достается сравнительно немногое: все это въ большинствѣ случаевъ критика сомнительныхъ показаній источниковъ, гипотезы, догадки, предположенія, о сравнительномъ достоинствѣ которыхъ говоритъ отчасти слѣдующій разительный фактъ. Возьмите, напр., изслѣдованіе о Владимирѣ преосвящ. Макарія, извлечите изъ него важнѣйшіе тезисы и сопоставьте ихъ съ тезисами, извлеченными изъ изслѣдованія профессора Е. Е. Голубинскаго, и вы увидите, что они относятся между собою въ большинствѣ случаевъ такъ, какъ *да* къ *нѣтъ*, *положеніе* къ *отрицанію*. А между тѣмъ никто не откажетъ обоимъ этимъ историкамъ ни въ крупномъ талантѣ, ни въ богатой эрудиціи, ни въ умѣньи обращаться съ наукой.—Что же касается настоящаго нашего изслѣдованія, то оно отъ изслѣдованій нашихъ предшественниковъ будетъ отличаться развѣ тѣмъ, что къ прежнимъ гаданіемъ мы присоединимъ свои собственныя. Повторяемъ: гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ трудно создать что нибудь положительное.

I.

Великій князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ придерживался языческаго обычая многоженства. Въ числѣ его женъ была „ключница" княгини Ольги, Малуша, отецъ которой Малкъ былъ родомъ изъ Любеча. Кромѣ Малуши у Малка былъ еще сынъ, по имени Добрыня, по словамъ лѣтописца—мужъ „храборъ и нарядень". Въ Никоновскую лѣтопись[1]) занесено извѣстіе, что Ольга, разгнѣвавшись за что-то на Малушу, сослала ее въ село Будутино. Здѣсь у Малуши родился сынъ, названный Владиміромъ. Есть основаніе думать, что первые годы жизни Владиміръ провелъ на попеченіи бабки своей Ольги[2]). Предъ вторымъ дунайскимъ походомъ Святославъ рѣшилъ раздѣлить свои русскія владѣнія между сыновьями. Старшему Ярополку онъ далъ стольный Кіевъ, второму, Олегу, отдалъ землю древлянскую съ стольнымъ городомъ Овручемъ, а третьяго Владиміра, по совѣту Добрыни, выпросили себѣ Новгородцы. Есть извѣстіе, что Владиміръ въ это время былъ еще „дѣтескъ"[3]) и поэтому находился подъ опекой дяди своего Добрыни, который съ этого времени является главнымъ его совѣтникомъ и руководителемъ. О жизни Владиміра въ Новгородѣ лѣтописи не говорятъ ни слова до возникновенія междоусобной борьбы между старшими Святославичами. Въ происшедшемъ въ 977 году столкновеніи между Ярополкомъ и Олегомъ послѣдній былъ убитъ и всѣ южныя русскія области соединились въ рукахъ одного Ярополка, у котораго теперь естественно могла родиться мысль завладѣть всею русскою землею. Вотъ почему, когда вѣсть о смерти Олега пришла

---

[1]) Полн. С. Р. Л. т. IX, стр. 35.

[2]) Лѣтопись, разсказывая подъ 968 годомъ объ осадѣ Кіева Печенѣгами, замѣчаетъ, что здѣсь въ это время находилась Ольга „со унуку" вообще (т. 1, стр. 28).

[3]) Тамъ же, стр. 131.

въ Новгородъ, Добрыня [1]) нашелъ нужнымъ принять мѣры предосторожности и бѣжалъ съ Владиміромъ за море къ Варягамъ, а Ярополкъ отправилъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ. Бѣгство къ Варягамъ—фактъ совершенно естественный: онъ объясняется, во первыхъ, исконною политическою и торговою связью нашего сѣвера съ балтійскимъ побережьемъ, во вторыхъ,—тѣмъ, что у Варяговъ всего легче можно было нанять военную дружину для борьбы съ Ярополкомъ. У Варяговъ Владиміръ оставался не долго [2]), и, возвратившись назадъ, изгналъ изъ Новгорода посадниковъ Кіевскаго князя и объявилъ чрезъ нихъ войну Ярополку. Но прежде чѣмъ идти на Ярополка, Владиміръ попытался опредѣлить, какую роль въ предстоящей борьбѣ займетъ сосѣдній Полоцкій князь Рогволодъ. Объ этомъ Рогволодѣ въ начальной лѣтописи сказано, что онъ пришелъ „изъ-заморья", но когда и каковы были его отношенія къ великому князю Кіевскому, объ этомъ лѣтописецъ ничего не говоритъ. При Рюрикѣ въ Полоцкѣ сидѣлъ намѣстникъ (мужъ) новгородскаго князя. Но изъ перваго договора Олега съ Греками (907 г.) узнаемъ, что при Олегѣ Полоцкъ имѣлъ уже самостоятельнаго князя, который признавалъ надъ собою власть великаго князя Кіевскаго [3]). Рогволодъ могъ быть потомкомъ этого князя; въ княженіе Святослава, отдавшагося почти исключительно дѣламъ внѣшней политики, Рогволодъ могъ получить полную независимость отъ

---

[1]) Въ отрывкѣ, занесенномъ въ Лаврентіевскую лѣтопись подъ 1128 годомъ, иниціатива въ данномъ случаѣ приписывается именно Добрынѣ, что̀ совершенно естественно въ виду малолѣтства самаго Владиміра.

[2]) Тутъ въ лѣтопись, гдѣ возвращеніе Владиміра отнесено къ 980 г., вкралась хронологическая ошибка. По свидѣтельству древнѣйшаго русскаго писателя Іакова Мниха („Память и похвала князю русскому Володимеру"), Владиміръ, одержавъ побѣду надъ Ярополкомъ, занялъ Кіевскій столъ 11 іюня 978 года; значитъ, у Варяговъ Владиміръ оставался не больше одного года.

[3]) Т. I, стр. 9 и 13.

Кіева. Теперь, когда возникала борьба между Кіевскимъ и Новгородскимъ князьями, естественно возникалъ вопросъ, какое положеніе въ этой борьбѣ займетъ князь Полоцкій, владѣнія котораго находились въ срединѣ между владѣніями Ярополка и Владимира. Оба соперника естественно должны были спѣшить заключить союзъ съ Рогволодомъ, и дѣйствительно, оба они отправляютъ пословъ къ Рогволоду просить руки дочери его Рогнѣды, съ тѣмъ, конечно, чтобы на союзѣ семейномъ основать союзъ политическій. Въ этомъ предварительномъ, такъ сказать, столкновеніи перевѣсъ оказался на сторонѣ Ярополка. Когда прибыли послы Владимира, то оказалось, что Рогнѣда уже сосватана была за Ярополка. Тѣмъ не менѣе Рогволодъ, по словамъ лѣтописца, еще будто бы колебался въ томъ, кому отдать предпочтеніе, и предложилъ (что мало правдоподобно) рѣшить этотъ существенно важный вопросъ самой Рогнѣдѣ. Рогнѣда отвѣтила: „не хочу розути робичича, но Ярополка хочу“. Этотъ гордый отвѣтъ, одинаково оскорбительный какъ для Владимира, такъ и для его дяди, произнесенъ былъ, конечно, не безъ воли отца и сразу обнаружилъ политику Рогволода. Было ясно, что въ предстоящей борьбѣ Рогволодъ явится союзникомъ Ярополка, какъ его будущаго зятя. Само собою разумѣется, что теперь не время было мстить за личное оскорбленіе; но уничтожить ближайшаго политическаго врага было дѣломъ существенной важности. И вотъ, какъ только полученъ былъ отказъ Рогнѣды, Владимиръ тотчасъ же двинулся на Рогволода, нанесъ ему пораженіе, его самаго и двухъ сыновей его приказалъ убить, и, захвативъ Рогнѣду, направилъ свои силы противъ Ярополка. Войска Владимира оказались, по видимому, превосходнѣе и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, а поэтому Ярополкъ, не рѣшившись встрѣтить Владимира въ открытомъ полѣ, затворился въ Кіевѣ „съ людми своими и съ Блудомъ“. Послѣднія слова даютъ основаніе предположить, что Блудъ не принадлежалъ къ числу людей, близкихъ къ князю, т. е. къ его собственной дружинѣ,

а былъ, по всей вѣроятности, воеводою земскаго, или вѣрнѣе городскаго, ополченія. Въ свою очередь и Владимиръ не надѣялся взять городъ приступомъ, а, окопавшись между Дорогожичемъ и Капичемъ, вошелъ въ переговоры съ Блудомъ, пытаясь склонить его къ измѣнѣ. „Помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь“, послалъ сказать онъ Блуду. Блудъ принялъ это предложеніе и обѣщалъ служить ему всѣмъ сердцемъ. Съ этого времени, по словамъ лѣтописца, Блудъ сталъ обманывать Ярополка; ссылаясь безпрестанно съ Владимиромъ и совѣтуя ему приступать къ городу, самъ онъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но въ виду сочувственнаго отношенія къ Ярополку гражданъ, исполнить этотъ коварный замыселъ нельзя было. Тогда Блудъ замыслилъ погубить своего князя другимъ путемъ: онъ не пускалъ его на вылазки изъ города и говорилъ: „Кіевляне ссылаются съ Владимиромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаются предать тебя ему; побѣги лучше за городъ“. Ярополкъ послушался этого совѣта, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, на устьѣ р. Роси. Владимиръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался большой голодъ, такъ что образовалась даже поговорка, бывшая въ ходу еще во время лѣтописца: „бѣда какъ въ Роднѣ“. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Блудъ убѣдилъ Ярополка отдаться на волю брата. Предупрежденный объ этомъ, Владимиръ встрѣтилъ Ярополка на отцовскомъ теремномъ дворѣ. При входѣ въ двери, Ярополкъ проколотъ былъ мечами двухъ Варяговъ, при чемъ Блудъ затворилъ дверь и закрылъ входъ для дружины Ярополка. Это случилось 11 іюня 978 года. Между близкими къ Ярополку людьми былъ нѣкто Варяжко, который, зная о замыслѣ Блуда, предупреждалъ своего князя. Когда же Ярополкъ погибъ, то Варяжко удалился къ Печенѣгамъ и много разъ приводилъ ихъ на Владимира, которому

стоило не мало труда примириться съ нимъ[1]). — Изъ этого лѣтописнаго разсказа видно, что Ярополкъ погибъ, благодаря измѣнѣ Блуда, имѣвшаго сильное вліяніе на своего князя; причиной же измѣны лѣтописецъ считаетъ лестныя предложенія Владимира, обѣщавшаго имѣть Блуда „въ отца мѣсто". Д. И. Иловайскій совершенно основательно находитъ эту причину не совсѣмъ вѣроятной. „Для чего же, возражаетъ онъ, Блуду нужно было искать перваго мѣста при младшемъ братѣ, когда онъ уже занималъ это мѣсто при старшемъ и когда въ отца мѣсто при Владимирѣ служилъ его дядя Добрыня, который конечно не уступилъ бы никому этого мѣста"[2]). Нужно также замѣтить, что въ разсматриваемое время не только воевода, но и самъ князь не рѣшился бы привести въ исполненіе подобнаго серьезнаго замысла безъ совѣта и согласія близкихъ людей. Въ виду этихъ соображеній необходимо предположить, что Блудъ, измѣняя своему князю, преслѣдовалъ не свои личные эгоистическіе интересы, а интересы цѣлой партіи, которая за что-то недовольна была на Ярополка и рѣшила промѣнять его на Владимира. Партія эта была настолько сильна, что, не смотря на стараніе доброжелателей Ярополка (Варажко) разрушить ея коварные замыслы, торжество все таки осталось на ея сторонѣ. Какіе же интересы могла преслѣдовать партія, вѣроломно измѣнившая своему князю въ пользу князя Новгородскаго? Для разъясненія этого вопроса необходимо обратить вниманіе на первые шаги дѣятельности вокняжившагося въ Кіевѣ Владимира. Партія, доставившая торжество Владимиру, естественно должна была потребовать отъ него возстановленія тѣхъ правъ, попраніемъ которыхъ Ярополкъ вооружилъ ее противъ себя. На что же прежде всего обратилъ вниманіе Владимиръ? „И началъ княжить Владимиръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на

---

[1]) Тамъ же, стр. 32—33.

[2]) Истор. Рос., ч. 1. стр. 62.

холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса, Дажьбога, Стрибога Симаргла и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ, осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ" [1]). Итакъ, первымъ дѣломъ вокняжившагося Владиміра было сооруженіе цѣлаго ряда идоловъ, которымъ народъ съ большимъ усердіемъ сталъ приносить жертвы. Гдѣ же причина этого не совсѣмъ понятнаго на первый взглядъ явленія? Мысль пре освященнаго Макарія, что Владимиръ въ этомъ случаѣ „хотѣлъ примириться съ богами, почитая ихъ раздраженными его братоубійствомъ", не можетъ быть принята въ виду прямаго заявленія Владимира о томъ, что онъ не считаетъ себя виновнымъ въ этомъ дѣлѣ: „не я, послалъ сказать онъ Блуду, началъ избивать братію, а онъ (Ярополкъ); я пришелъ на него, побоявшись такой же участи". Нельзя также удовлетвориться и догадкою Гедеонова, который думаетъ, что въ поведеніи Владимира въ данномъ случаѣ сказались слѣды вліянія на него прибалтійскихъ славянъ, у которыхъ будто бы скрывался Владимиръ во время своего пребыванія за моремъ, и языческій культъ у которыхъ находился на высшей степени развитія, чѣмъ у славянъ русскихъ. Мысль эта не можетъ быть принята, во первыхъ, потому, что славянское происхожденіе Варяговъ, къ которымъ удалился Владимиръ, еще не доказано, во вторыхъ, потому, что ревность въ данномъ случаѣ обнаружена не только Владимиромъ, но и мѣстнымъ населеніемъ, въ третьихъ, потому, что сооруженіе идоловъ не было новостью въ Кіевѣ: объ идолѣ Перуна, напр., упоминается еще при Игорѣ, и въ то время онъ стоялъ, по видимому, на томъ же самомъ холмѣ, гдѣ теперь вновь поставилъ его Владимиръ. Мы не можемъ удовлетвориться и тою догадкой нѣкоторыхъ ученыхъ, что Владимиръ въ данномъ случаѣ лишь замѣнилъ старыя статуи

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1. стр. 34.

новыми лучшими, придерживаясь обычая, который будто бы практиковался при занятіи кіевскаго стола каждымъ новымъ княземъ. Съ этою мыслію мы не можемъ согласиться, во первыхъ, потому, что намъ ничего неизвѣстно относительно того, какъ поступали при занятіи великокняжескаго стола предшественники Владиміра, во вторыхъ, потому, что если бы возобновленіе статуй было дѣломъ стараго обычая, то лѣтописецъ объ этомъ не счелъ бы нужнымъ упоминать, какъ не упоминаетъ онъ объ этомъ въ разсказѣ о вокняженіи предшественниковъ Владиміра, въ третьихъ, потому, что понятія *лучшій и худшій*, въ сферѣ религіознаго представленія предметовъ, имѣютъ другое, чисто условное значеніе: старое, малоцѣнное въ дѣлахъ религіи часто бываетъ лучшимъ, чѣмъ новое, дорогое. Что касается, наконецъ, предположенія, что лѣтописецъ внесъ это извѣстіе отъ себя, съ тенденціозною цѣлью, то оно не разрѣшаетъ, а устраняетъ вопросъ. Въ виду сказаннаго гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что Владиміръ, сооружая рядъ идоловъ, не дѣлалъ въ этомъ случаѣ никакого нововведенія, а лишь возстановлялъ старину, попранную, или, по крайней мѣрѣ, заброшенную при его предшественникѣ. Что язычество въ Кіевѣ при ближайшихъ предшественникахъ Владиміра находилось не въ блестящемъ состояніи, на это есть прямое указаніе въ „Похвалѣ“ князю Владиміру извѣстнаго монаха Іакова. Этотъ древнѣйшій русскій писатель, жившій ранѣе самаго начальнаго лѣтописца, прямо свидѣтельствуетъ, что св. Ольга, по возвращеніи своемъ изъ Константинополя, „требища бѣсовская съкруши“. Оспаривать этотъ фактъ трудно. Послѣ открытаго принятія христіанства въ Константинополѣ Ольга жила еще двѣнадцать лѣтъ. При извѣстномъ индиферентномъ отношеніи Святослава не только къ вопросамъ вѣры, но и къ дѣламъ внутренней политики вообще, она естественно оставалась единственною правительницею государства. Въ виду этого трудно допустить, чтобы эта высокорелигіозная женщина, „тѣломъ жена сущи, мужеску

мудрость имѣюща", „възлюбивши Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею", находясь въ роли правительницы государства, ничего не сдѣлала для готовившагося торжества надъ язычествомъ христіанства, которому она отдалась всѣмъ своимъ существомъ. Дѣла не могли существенно измѣниться и при Ярополкѣ. Хотя, благодаря своему малолѣтству, Ярополкъ лично и не могъ сильно влiять на дѣла внутренней политики, но онъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ *своихъ людей*, которые воспитаны были въ христіанской школѣ Ольги и которыхъ лѣтописецъ противополагаетъ Блуду, стоявшему, очевидно, во главѣ языческой партіи. Партія эта, не любившая Ярополка за его симпатію къ христіанству, вошла въ сношенія съ Владимиромъ и доставила ему торжество. Побѣда Владимира была, такимъ образомъ, побѣдою въ Кіевѣ языческой партіи надъ христіанскою, что сразу же обнаружилось, какъ только Владимиръ утвердился на Кіевскомъ столѣ: ревностное отношеніе къ языческимъ богамъ не только со стороны Владимира, но и со стороны нѣкоторыхъ граждапъ, было слѣдствіемъ вокняженія человѣка, относившагося къ національной религіи болѣе сочувственно, чѣмъ его предшественникъ.

Но говоря о существованіи въ Кіевѣ сильной христіанской партіи, мы однакожъ не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія преувеличивать ея дѣйствительнаго значенія. Дѣло въ томъ, что сила этой партіи заключалась не въ значительной численности ея членовъ, а въ ея исключительномъ положеніи при княжескомъ дворѣ, въ ея правительственной, такъ сказать, роли. Тогдашнее положеніе дѣлъ въ Кіевѣ мы представляемъ въ такомъ видѣ. Извѣстно, что смерть Ольги, назначеніе великимъ княземъ Кіевскимъ Ярополка и отъѣздъ Святослава въ Болгарію были фактами, слѣдовавшими почти непосредственно одинъ за другимъ. До настоящаго момента Ярополкъ жилъ при Ольгѣ и, по своему малолѣтству, въ дѣлахъ правленія не могъ принимать участія. Занимая теперь столъ Кіевскаго князя, онъ естественно долженъ

былъ позаботиться о соправителяхъ или вѣрнѣе—о дружинѣ, безъ которой онъ еще не могъ править государствомъ и которая въ тогдашнее время составляла необходимую принадлежность всякаго князя вообще. Дружиной отца своего онъ не могъ воспользоваться: она ушла со Святославомъ въ Болгарію. Но въ Кіевѣ была еще другая, такъ сказать, готовая уже дружина: это дружина только что умершей Ольги, среди которой Ярополкъ выросъ, съ которою онъ сроднился и на попеченіе которой Ольга могла оставить своихъ внуковъ. Для составленія представленія объ этой дружинѣ не мѣшаетъ вспомнить слѣдующее мѣсто изъ саги объ Олавѣ. „У сильнѣйшихъ конунговъ того времени, читаемъ здѣсь, былъ обычай, что супруга конунга имѣла половину гридней, и содержала ихъ на своемъ иждивеніи, и получала на то казну и все, что нужно было. Такъ было и у конунга Валдемара, что супруга его имѣла *не менѣе гридней, какъ и самъ конунгъ*, и они очень спорили между собою объ отличныхъ людяхъ, ибо тотъ и другая хотѣли имѣть ихъ въ своей службѣ“ (стр. 53). Едва-ли этотъ фактъ могъ имѣть мѣсто по отношенію ко всѣмъ вообще тогдашнимъ русскимъ княгинямъ. Намъ думается, что поводъ для этого извѣстія подала дружина Ольги, которая, оставаясь долго въ роли правительницы государства, не могла не имѣть у себя дружины. На существованіе у Ольги дружины въ лѣтописи есть прямое указаніе въ разсказѣ объ объѣздѣ этою княгинею земли древлянской „съ дружиною“. Въ лѣтописи есть также указаніе на то, что возмужавшій Святославъ набралъ свою отдѣльную дружину. Вотъ эта-то дружина Ольги, составлявшая до конца жизни ея свиту, и образовала при Ярополкѣ княжеское правительство. Такъ какъ свита христіанки—Ольги, если не цѣликомъ, то въ значительной степени, состояла изъ христіанъ или, по крайней мѣрѣ, изъ людей, симпатизировавшихъ христіанству, то и немудрено, что вокругъ Ярополка сгруппировалось все, что было христіансваго въ Кіевѣ. Не имѣя однакожъ твердой опоры въ языческой массѣ, новое

правительство должно было наблюдать строгую тактичность: опираясь на авторитетъ Ольги, новые правители не смѣли допускать никакихъ нововведеній въ пользу христіанства, чѣмъ, конечно, объясняется то, что Ярополкъ оставался язычникомъ. Будучи христіанскимъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, новое правительство не могло не пріобрѣсть народныхъ симпатій, о чемъ оно должно было заботиться и въ своихъ собственныхъ интересахъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, почему Блудъ въ своей измѣнѣ не могъ опереться на горожанъ, которые, очевидно, вполнѣ довольны были Ярополкомъ и которые свободны были отъ языческаго фанатизма. Но тѣ изъ язычниковъ, которые обладали болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, не могли не понимать, что въ новомъ порядкѣ вещей коренится серьезная опасность для національной религіи и что предотвратить эту опасность можно только устраненіемъ Ярополка, подчинившагося вліянію христіанъ. Во главѣ этой національной партіи и сталъ Блудъ. Не встрѣтивъ поддержки въ народной массѣ, не понимавшей его высшихъ стремленій, Блудъ съ своими сторонниками рѣшился дѣйствовать путемъ тайной измѣны и достигъ своей цѣли.

При такомъ освѣщеніи фактовъ, то, что въ представленномъ ходѣ событій раньше казалось непонятнымъ, теперь получаетъ свой опредѣленный смыслъ и значеніе. Нетрудно замѣтить, что представленный здѣсь уголъ зрѣнія есть тотъ самый, съ которымъ мы встрѣчаемся въ такъ называемой Іоакимовской лѣтописи. Изъ какихъ бы источниковъ авторъ этой лѣтописи ни заимствовалъ свои свѣдѣнія, во всякомъ слѣчаѣ проведенный имъ взглядъ на ходъ изложенныхъ событій представляется настолько соотвѣтствующимъ дѣйствительности, что игнорировать его едва ли удобно [1]). Будучи обязанъ своимъ торжествомъ надъ Яро-

[1]) Новгородская Іоакимовская лѣтопись сохранилась въ приведенномъ у Татищева отрывкѣ. Одни изъ историковъ, напр. Д. И. Иловайскій и Е. Е. Го-

поломъ языческой партіи, Владиміръ въ дальнѣйшей своей внутренней политикѣ естественно долженъ былъ сообразоваться съ ея интересами. Когда же впослѣдствіи, уступая внутреннему убѣжденію и требованію измѣнившихся обстоятельствъ, онъ вынужденъ былъ доставить у себя торжество христіанству, отношеніе его къ языческой партіи оказалось крайне щекотливымъ, что, какъ увидимъ, и обнаружилось на его образѣ дѣйствій.

Не одна языческая только партія считала Владиміра обязаннымъ ей за свое торжество надъ Ярополкомъ. Не меньшія претензіи предъявлены были ему и со стороны его заморскихъ союзниковъ-Варяговъ. Приписывая въ свою очередь побѣду Владиміра исключительно себѣ, они потребовали дани съ народа: „городъ этотъ нашъ, говорили они, мы его взяли, такъ мы хотимъ брать окупъ на народѣ, по 2 гривны съ человѣка“. Не въ интересахъ Владиміра было обирать свой народъ въ пользу этихъ временныхъ союзни-

лубинскій, совершенно ее игнорируютъ, другіе, какъ напр., преосвящ. Макарій и С. М. Соловьевъ, охотно пользуются ею, но съ осторожностью. Лѣтопись Іоакимова, по совершенно вѣрному замѣчанію Соловьева, „не заключая въ себѣ никакого противорѣчія начальной Кіевской лѣтописи“, можетъ служить въ данномъ пунктѣ прекраснымъ къ ней комментаріемъ. Любопытны слѣдующія подробности, занесенныя въ Іоакимовскую лѣтопись. Святославъ Игоревичъ, вообще не подвергавшій христіанъ гоненію, во время войны съ греками перемѣнилъ свои отношенія къ нимъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинѣ, онъ воздвигъ на нихъ гоненіе, причемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба, и послалъ въ Кіевъ приказъ разорить христіанскіе храмы. Это извѣстіе является совершенно правдоподобнымъ въ виду констатированнаго Львомъ Діакономъ факта, что въ языческой дружинѣ Святослава при неудачахъ обнаруживается особый подъемъ религіознаго духа, выражавшійся въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Таковы напр. жертвоприношенія, совершенныя послѣ неудачной для русскихъ битвы, въ которой палъ исполинъ Икморъ (Ист. Льва Діак., перев. Попова, стр. 92—93). Что же касается борьбы Владиміра съ Ярополкомъ, то успѣхъ въ этой борьбѣ Владиміра Іоакимовская лѣтопись объясняетъ главнымъ образомъ измѣной нелюбившихъ Ярополка язычниковъ.

ковъ; но, не имѣя, вѣроятно, возможности прямо и открыто отказать имъ въ этомъ требованіи, князь рѣшилъ прибѣгнуть къ слѣдующему дипломатическому пріему. Онъ попросилъ ихъ дать ему мѣсячный срокъ, въ который обѣщалъ собрать требуемую ими сумму, а въ дѣйствительности, какъ можно думать, сталъ заботиться о томъ, какъ бы усмирить расходившихся и буянившихъ въ Кіевѣ этихъ заморскихъ гостей. По истеченіи назначеннаго срока, Варяги убѣдились, что ихъ обманули и стали просить у князя отпуска въ Грецію. Владимиръ охотно исполнилъ эту просьбу: оставивъ у себя „мужей добрыхъ, смышленныхъ и храбрыхъ", остальныхъ отправилъ въ Константинополь, съ слѣдующимъ совѣтомъ императору: „идутъ къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ; не то натворятъ тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, а сюда не пускай ни одного". Въ этомъ фактѣ обнаруживается большой политическій тактъ Владимира. Наемная варяжская дружина, съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, для него не нужна была во всемъ своемъ составѣ и онъ отправляетъ ее въ сосѣднее государство. Съ Византіей у Руси были постоянныя политическія и торговыя сношенія и поэтому Владимиръ, вокняжившись въ Кіевѣ, долженъ былъ опредѣлить характеръ своихъ будущихъ отношеній къ этому сосѣднему государству, какъ это и въ настоящее время дѣлаетъ вступающій на престолъ каждый европейскій государь. И дѣйствительно, Владимиръ пользуется первымъ поводомъ, чтобы завязать сношенія съ византійскимъ императоромъ и своимъ любезнымъ предупрежденіемъ на счетъ буйства Варяговъ прямо показываетъ, какой онъ намѣренъ держаться политики въ отношеніи къ этому своему сосѣду. Но Владимиръ не всѣхъ Варяговъ отпускаетъ въ Константинополь: лучшихъ изъ нихъ онъ оставляетъ для себя. Здѣсь видны слѣды старыхъ традицій: въ войскахъ предшественниковъ Владимира варяжскія дружины, какъ это видно изъ нашей лѣтописи, всегда фигурируютъ на первомъ мѣстѣ. Мало того. При предшественни-

кахъ Владимира Варяги были первыми и самыми близкими людьми къ князьямъ. Это, напр., видно изъ того, что на нихъ главнымъ образомъ возлагались такія важныя порученія, какъ политическія посольства. Изъ пословъ, упоминаемыхъ въ договорахъ Олега и Игоря, если не всѣ, то большая часть изъ нихъ носитъ имена чисто германскаго корня. Это же слѣдуетъ сказать и о мужахъ, занимавшихъ первое мѣсто при Святославѣ, каковы: Свѣнельдъ, Сфенкель, Икморъ. Изъ лицъ, близкихъ къ Ярополку, извѣстенъ Варяжко. При Владимирѣ же въ этомъ отношеніи произошелъ крупный переворотъ. Оставляя у себя лучшихъ мужей изъ варяжской дружины, Владимиръ однакожъ не удерживаетъ ихъ при себѣ, а разсылаетъ ихъ намѣстниками по городамъ. Это фактъ не случайный. Извѣстно, что значительный контингентъ Кіевскихъ христіанъ, какъ это видно изъ договора Игоря, состоялъ изъ Варяговъ, которые, какъ, по всей вѣроятности, и всѣ христіане, не могли сочувственно относиться къ мѣстной національной партіи, которая должна была твердо держаться языческаго знамени. Вотъ почему, когда съ торжествомъ языческой партіи восторжествовала вмѣстѣ съ тѣмъ и партія національная, то Варяги, какъ лица иностраннаго происхожденія, должны были отойти на второй планъ. Что при Владимирѣ при княжескомъ дворѣ произошелъ крупный поворотъ въ пользу національнаго элемента, это видно также изъ той же саги объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ. Олавъ, пріобрѣвшій большую любовь у Владимира, по сказанію саги, долженъ былъ оставить его дворъ, благодаря интригамъ княжескихъ сановниковъ, которые не могли примириться съ нимъ, во первыхъ, какъ съ иностранцемъ, а во вторыхъ—какъ съ человѣкомъ, обнаруживавшимъ отвращеніе къ мѣстной національной религіи, на что прямо указываетъ сага [1]). Національная политика Владимира обнару-

[1]) Исландскій подлинникъ этой саги съ русскимъ переводомъ напечатанъ протоіереемъ Сабининымъ въ Русскомъ Историч. Сборникѣ Общества Истор. и Древн. Россійскихъ, т. 4, кн. 1. М. 1840 г.

жилась также и въ томъ, что онъ не стѣснялся производить въ бояре и приближать къ себѣ за заслуги лицъ незнатнаго происхожденія. Такъ онъ „великимъ мужемъ створи“ извѣстнаго „отрока“, который въ единоборствѣ задавилъ въ рукахъ Печенѣжина. Въ этой національной политикѣ Владимира лежитъ, конечно, главная причина горячей любви къ нему народа, воспѣвшаго его въ своихъ былинахъ. Первые Кіевскіе князья до Святослава включительно и по происхожденію и по характеру своей нравственной личности были Варягами въ точномъ смыслѣ этого слова. Владимиръ, рожденный отъ русской матери, воспитанный подъ руководствомъ своего дяди Добрыни, человѣка тоже чисто русскаго, и самъ былъ чисто русскимъ княземъ. Это доказывается его ревностнымъ отношеніемъ (до принятія христіанства) къ національному религіозному культу, господствомъ при его дворѣ русскаго національнаго элемента надъ иноземнымъ (при немъ видную роль начинаютъ играть народные представители „старцы и боляре“), горячею любовію къ нему народа, наконецъ, самымъ характеромъ его дѣятельности, которая устремлена была не столько на внѣшнія завоеванія, сколько на внутреннія реформы.

Внутренняя политика Владимира направлена была на выполненіе задачъ, непосредственно вытекавшихъ изъ дѣятельности его предшественниковъ. При вступленіи Владимира на великокняжескій кіевскій столъ, всѣ племена восточно славянской вѣтви, вошедшія въ составъ русскаго государства, уже приведены были подъ власть великаго князя кіевскаго; ему же платили дань нѣкоторыя изъ финскихъ племенъ; а при Святославѣ даже такіе отдаленные народы, какъ Камскіе Болгары, Буртасы, Хозары, Ясcы и Косоги, испытали на себѣ побѣдоносную руку могущественнаго русскаго князя[1]). Но это громадное политическое зданіе, воздвигнутое пер-

[1]) См. нашу статью: „Великій князь Кіевскій Святославъ Игоревичъ и историч. знач. его богатырскихъ подвиговъ“, Труды Кіев. дух. Ак. 1888г., мартъ.

выми тремя кіевскими князьями, покоилось на очень шаткомъ основаніи. Связь покоренныхъ областей съ Кіевомъ основывалась исключительно на военной силѣ. Сознаніе національнаго и религіознаго единства, привязанность къ княжившей династіи, словомъ, тѣ естественные факторы, которые играютъ такую видную роль позднѣе въ нашей исторіи, теперь еще не имѣли никакого значенія. Не видно было также, чтобы кіевскіе князья принимали какія нибудь искусственныя мѣры къ внутреннему сплоченію разрозненныхъ частей своего государства. Покоряя ту или другую область, побѣдитель обыкновенно налагалъ на нее дань, а все остальное оставлялъ по старому. Только въ нѣкоторые изъ покоренныхъ городовъ князья отправляли своихъ мужей; большей же части покоренныхъ племенъ они оставляли даже ихъ родовыхъ князей или старшинъ. Объ этихъ князьяхъ прямо упоминается въ договорахъ съ греками Олега и Игоря [1]). Въ пер-

---

[1]) Помѣщенный въ лѣтописи текстъ договоровъ признается переводомъ (копіей) съ греческаго подлинника. Основываясь на этомъ, нѣкоторые ученые высказываютъ мнѣніе, что слово „князь" въ данномъ случаѣ можетъ быть неудачнымъ переводомъ какого нибудь греческаго термина, означавшаго другое понятіе. Недоумѣніе это вполнѣ разрѣшается слѣдующимъ мѣстомъ изъ договора Олега. Здѣсь сказано, что послы отправляются отъ „*свѣтлыхъ и великихъ князь, и его* (великаго князя) *великихъ бояръ*". Въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ не было званія выше *велико-княжескаго великаго боярина*. Разсматриваемые же князья ставятся выше *великихъ бояръ* и въ отличіе отъ нихъ еще называются *свѣтлыми*. Самая мысль о возможности неточности въ переводѣ неудачна. Кто бы не былъ переводчикомъ договоровъ, во всякомъ случаѣ слова для передачи греческихъ терминовъ онъ бралъ не изъ какихъ нибудь лексиконовъ, а изъ самой жизни. Представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы въ документѣ, предназначавшемся для каждодневнаго, такъ сказать, практическаго употребленія, могли оказаться подобнаго рода грубыя ошибки. Содержаніе этихъ договоровъ заставляетъ предполагать, что списки съ нихъ находились въ рукахъ чуть ли не у каждаго русскаго купца, торговавшаго съ греками. Наконецъ, если даже допустить, что переводчикъ и могъ допустить неточность, то ея не могъ пропустить безъ вниманія самъ князь, не въ интересахъ котораго было допускать, чтобы въ оффиціальномъ документѣ его обыкновенные подданные ти-

вомъ договорѣ Олега даже перечислены города, въ которыхъ „сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще". Здѣсь названы: Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ [1]). Были самостоятельные князья и въ другихъ областяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые названы въ лѣтописи даже по именамъ. Таковы: Малъ древлянскій, Рогволодъ полоцкій, Туръ туровскій. Князья эти не могли не тяготиться своею зависимостью отъ Кіева. Нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напр. Рогволоду полоцкому, удалось, по видимому, добиться полной независимости; попытки другихъ, какъ напр. Мала древлянскаго, оканчивались неудачею. Само собою разумѣется, что такой порядокъ вещей долго не могъ продолжаться. Искусственно составленное государство должно было одно изъ двухъ: или распасться па свои части, или во взаимномъ отношеніи его составныхъ частей должны были произойти существенныя перемѣны, безъ которыхъ прочная внутренняя организація государства была невозможна. И дѣйствительно, въ Кіевѣ очень рано сознана была необходимость въ капитальныхъ внутреннихъ реформахъ. Первый опытъ въ этомъ отношеніи сдѣлала еще Ольга въ отношеніи къ древлянской области. Древляне, самое сильное когда то племя на югѣ [2]), обнару-

---

туловались ему одному принадлежащимъ титуломъ. Словомъ, если и можетъ быть рѣчь о неточности въ данномъ случаѣ, то она скорѣе могла оказаться въ греческомъ подлинникѣ, чѣмъ въ русскомъ переводѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о явленіи, имѣвшемъ мѣсто не въ греческой, а въ русской жизни.

[1]) Въ Любечѣ Олегъ сначала посадилъ своего мужа, а потомъ, вѣроятно, отправилъ туда одного изъ своихъ родственниковъ. Нужно замѣтить, что княжескій родъ въ это время былъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ принято думать. Въ договорѣ, напр., Игоря упоминаются два племянника его („нети"), слѣдовательно, у него были и братья.

[2]) По свидѣтельству начальной лѣтописи, Древляне въ старину обижали даже Полянъ (стр. 7). На основаніи археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ недавнее время В. Б. Антоновичемъ, можно предположить, что они занимали болѣе обширную область, чѣмъ Поляне: курганы древлянскаго типа встрѣчаются на всемъ пространствѣ отъ Припяти до Роси; на западѣ ихъ поселенія простирались до Случи.

жили особую живучесть въ борьбѣ за свою самобытность. Причинивъ не мало хлопотъ Олегу при ихъ покореніи, они потомъ пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для возвращенія своей независимости. Неудачно возставши въ началѣ княженія Игоря, они потомъ убили его и хотѣли было женить своего князя Мала на Ольгѣ съ тѣмъ, конечно, чтобы захватить въ свои руки политическую гегемонію. Планъ этотъ, какъ извѣстно, не удался. Подавивши возстаніе и обложивши жителей, въ качествѣ военной контрибуціи, тяжкою данью, Ольга лично, съ сыномъ и дружиною, объѣхала всю древлянскую землю и вездѣ установила *уставы* и *уроки*[1]). Въ чемъ именно заключалась эта реформа Ольги, ученые затрудняются отвѣчать категорически. Съ значительною вѣроятностью можно предположить лишь то, что Древляне съ этого времени лишились своего родоваго князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самоуправленія; а въ послѣдствіи при Святославѣ ихъ область первая изъ русскихъ областей получила удѣльнаго князя въ лицѣ Олега Святославича. Послѣ несчастнаго столкновенія Олега съ братомъ Ярополкомъ, Древляне чувствовали себя настолько ослабленными, что не рѣшились даже воспользоваться для возстановленія своей независтности наступившею скоро послѣ этого борьбою Ярополка съ Владиміромъ, какъ это дѣлали они раньше.—Кромѣ древлянской земли, Ольга произвела нѣкоторыя реформы и въ новгородской области: тамъ она установила по Метѣ *погосты* и *дани*, а по Лузѣ *оброки* и *дани*[2]). При тогдашнемъ отношеніи подчиненныхъ об-

---

[1]) Эверсъ думаетъ, что это нововведеніе вызвано было полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности древлянской: по отведеніи старшинъ въ плѣнъ, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей... Подъ именемъ *устава*, говоритъ Соловьевъ, должно разумѣть *всякое опредѣленіе*, какъ что нибудь дѣлать; подъ именемъ *урока*—всякую обязанность, которую должны выполнять къ *опредѣленному сроку* (Истор. Росс. т. I, изд. 6, стр. 127).

[2]) Какъ бы не былъ истолкованъ смыслъ этихъ словъ, во всякомъ случаѣ они даютъ намъ представленіе о какомъ-то нововведеніи, вызванномъ, безъ сомнѣнія, недовольствомъ старыми порядками. Если признать, что эти нововве-

ластей къ Кіеву вопросъ о дани, или, выражаясь нашимъ языкомъ, податной вопросъ, былъ вопросомъ первой и существенной важности. По мѣрѣ того, какъ верховная правительственная власть стала ближе вникать въ интересы подчиненныхъ областей, въ данническихъ отношеніяхъ должны были происходить перемѣны. Прежде или самъ князь собиралъ дань, причемъ, какъ это видно изъ примѣра Игоря, бралъ съ жителей столько, сколько находилъ нужнымъ, не подчиняясь никакой нормѣ,—или дань привозили въ Кіевъ мѣстные князья и старшины. Въ первомъ случаѣ при неумѣренности князя и жадности сопровождавшей его дружины, онъ являлся своего рода грабителемъ области, и его появленіе всегда должно было производить гнетущее впечатлѣніе на жителей; во второмъ случаѣ связь его съ областью имѣла внѣшній, чисто случайный характеръ. Ольга въ этомъ отношеніи производитъ существенную перемѣну: теперь князь, или его представитель, является въ опредѣленный пунктъ (погостъ), куда жители везутъ наложенные на нихъ опредѣленные оброки. Здѣсь же онъ лично могъ производить судъ и расправу и принимать, такъ сказать, апелляціи на рѣшеніе мѣстныхъ властей. Реформа эта должна была имѣть серьезныя послѣдствія: она сближала верховную княжескую власть съ областью и упорядочивала ихъ взаимныя отношенія, что, конечно, должно было служить къ сплоченію и объединенію разрозненныхъ частей государства. Какъ бы подготовленная этою реформою, новгородская область, вслѣдъ за древлянскою, получаетъ изъ Кіева самостоятельнаго князя въ лицѣ Владимира. Такимъ образомъ въ прошломъ Владимиръ видѣлъ готовый образецъ внутреннихъ реформъ, которымъ ему слѣдовало только воспользоваться, и онъ дѣйствительно воспользовался имъ.

денія вызваны были произволомъ Игоря, то необходимо будетъ допустить, что они направлены были къ упорядоченію отношеній между княземъ и землею. О значеніи этихъ словъ см. у Б. Рюмина (Русск. Истор., стр. 111).

Программу своей будущей дѣятельности по вопросамъ внутренней политики Владиміръ обнаружилъ раньше, чѣмъ сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ. Началъ онъ съ земли Полоцкой. Въ Полоцкѣ въ это время, какъ мы уже знаемъ, сидѣлъ Рогволодъ. Этотъ князь, при помощи своего подручника Тура, владѣлъ, кажется, и дреговичскою землею [1]), въ его рукахъ, слѣдовательно, находилась громадная область отъ Припяти до З. Двины включительно. Само собою разумѣется, что существованіе такого сильнаго независимаго княжества въ границахъ государственной области не могло не нарушать единства русской земли, къ которому должны были стремиться великіе князья кіевскіе; немудрено поэтому, что Владиміръ, лишивши жизни Рогвольда, не пощадилъ и его сыновей: пощадить сыновей—это значило бы оставить прямыхъ претендентовъ на княжескій столъ, который долженъ былъ перейти въ руки Рюриковичей. Какъ поступилъ Владиміръ съ полоцкою областью послѣ смерти ея князя, лѣтописецъ не говоритъ. По всей вѣроятности, онъ сдѣлалъ съ нею тоже, что сдѣлала раньше Ольга съ землею древлянскою.

Владиміръ занялъ Кіевскій столъ въ 978 году. На четвертый годъ послѣ этого, т. е. въ 981 г., онъ, по словамъ лѣтописца, побѣдилъ Вятичей и, подобно отцу своему, наложилъ на нихъ дань отъ плуга. Но неугомонные Вятичи въ слѣдующемъ году опять заратились и опять побѣждены были Владиміромъ. На седьмой годъ по вокняженіи Владиміра (984), послѣдній велъ борьбу съ Радимичами, которыхъ воевода Волчій Хвостъ разбилъ на р. Пищанѣ. Наконецъ, въ 992 или въ 993 г. самъ Владиміръ ходилъ на Хорватовъ. Встрѣтившись въ лѣтописи съ такими фактами, историкъ невольно задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ вызваны были всѣ эти возстанія, для усмиренія которыхъ потребовался рядъ военныхъ по-

---

[1]) См. нашу статью: „Область дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія“. Труды Кіев. дух. Ак. 1886 г. Августъ, стр. 587.

ходовъ? Если бы эти возстанія совпали съ годомъ борьбы Владимира съ Ярополкомъ, тогда ихъ легко было бы объяснить желаніемъ названныхъ племенъ воспользоваться междоусобною борьбой для пріобрѣтенія полной независимости отъ Кіева. При данныхъ же условіяхъ это предположеніе не имѣетъ мѣста. Намъ кажется не невѣроятнымъ, что возстанія эти были послѣдней попыткой названныхъ племенъ отстоять свой старый внутренній строй отъ поползновеній Кіевскаго князя наложить на него свою крѣпкую руку. Въ чемъ именно заключались эти реформы, сказать, конечно, трудно. Всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что области эти до самаго послѣдняго времени пользовались полной свободой самоуправленія. Владимиръ же, рѣшивъ ограничить эту свободу, сталъ разсылать по этимъ областямъ своихъ мужей, въ руки которыхъ должны были перейти такія отрасли управленія, какъ судопроизводство, собираніе виръ, дани и проч. Подобнаго рода реформы были тѣмъ непріятнѣе, что онѣ могли сопровождаться разнаго рода насиліями со стороны княжескихъ чиновниковъ, вообще славившихся не особенно блестящей репутаціей. Прежніе родовые представители власти, отодвигаемые теперь на второй планъ и потому больше всѣхъ недовольные новымъ порядкомъ вещей, пользовались этими злоупотребленіями княжескихъ тивуновъ и поднимали народъ къ возстанію. Все это, конечно, одни предположенія; но нѣкоторое основаніе для нихъ можно встрѣтить въ самой лѣтописи. Вспомнимъ извѣстное классическое мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что Владимиръ съ дружиною своею думалъ „о строеньи земленѣмъ и о ратехъ и уставѣ земленѣмъ“ [1]). Мѣсто это показываетъ, что Владимиръ глубоко вдумывался въ земскій строй своего государства и издавалъ разнаго рода постановленія для его измѣненія и улучшенія. Въ лѣтописи есть даже указанія и на

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 51.

факты подобнаго рода реформъ. Такъ, онъ, по совѣту духовенства и старцевъ, виру, снимавшуюся съ разбойниковъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ замѣнилъ казнью, а въ другихъ сталъ обращать эту виру на военные расходы—на оружіе и лошадей, поводомъ къ чему послужили частыя войны, требовавшія значительныхъ расходовъ. Если бы нашъ начальный лѣтописецъ (или вѣрнѣе—его первоисточники) больше интересовался дѣлами внутренней политики Владимира, то, безъ сомнѣнія, до насъ дошло бы гораздо больше фактовъ въ этомъ родѣ. Не лишено интереса и то свидѣтельство лѣтописца, что Владимиръ на свои пиры созывалъ не только своихъ бояръ, но и *посадниковъ и старѣйшинъ со всѣхъ городовъ* и вообще многихъ людей. Нельзя оспаривать той мысли, что пиры эти устраивались во имя христіанства и прежде всего въ интересахъ его распространенія; но трудно также оспаривать и ту мысль, что происходившія на этихъ пирахъ собранія, продолжавшіяся по нѣсколько дней сряду, не могли не оказывать вліянія и на дѣла внутренней политики. Собиравшіеся на пиры представители разныхъ городовъ приходили сюда, конечно, не для того только, чтобы заниматься бражничаньемъ: это были въ нѣкоторомъ родѣ обще-русскія вѣча, своего рода земскіе соборы, на которыхъ представители разныхъ городовъ и областей бесѣдовали съ княземъ о своихъ мѣстныхъ интересахъ, а въ общей думѣ могли обсуждать и обще-земскіе вопросы. Все это, конечно, могло происходить, такъ сказать, неоффиціально, безъ всякаго рода формальностей, а просто потому, почему дѣловые люди не могутъ не говорить о дѣлахъ, когда они собираются вмѣстѣ. Подобно тому, какъ княжеская дружина подъ пьяную руку („подъпьяхуться“) подняла, и небезуспѣшно, вопросъ объ улучшеніи своего содержанія (о серебряныхъ ложкахъ), такъ точно и представители городовъ и областей могли поднимать вопросы о своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Самъ князь, близко принимавшій къ сердцу земскія дѣла, естественно долженъ былъ пользоваться пріѣздомъ въ Кіевъ

этихъ своего рода свѣдущихъ людей для изученія нуждъ отдѣльныхъ областей и городовъ своего государства.

Въ чемъ бы, впрочемъ, ни состояли предполагаемыя мѣропріятія, во всякомъ случаѣ они должны были имѣть лишь подготовительное значеніе сравнительно съ той крупной реформой, которою долженъ былъ сопровождаться фактъ разсылки Владиміромъ сыновей по городамъ, отмѣченный лѣтописцемъ подъ 988 годомъ. У Владиміра отъ разныхъ женъ источники насчитываютъ 12 сыновей, которые размѣщены были по городамъ такимъ образомъ: старшаго Вышеслава Владиміръ посадилъ въ Новгородѣ, Изяслава въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ; когда же умеръ Вышеславъ Новгородскій, Владиміръ перевелъ въ Новгородъ Ярослава, а въ Ростовѣ посадилъ Бориса, въ Муромѣ Глѣба, въ землѣ древлянской (въ Овручѣ) Святослава, во Владимірѣ (Волынскомъ) Всеволода, въ Тмуракани Мстислава, во Псковѣ, какъ видно изъ хода послѣдующихъ событій,—Судислава; о судьбѣ Станислава и Позвизда, умершихъ, по всей вѣроятности, очень рано, древняя лѣтопись ничего не говоритъ [1]. Въ этомъ фактѣ прежде всего бросается въ глаза

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I., стр. 52. Позднѣйшіе лѣтописные своды: Никоновскій, Софійскій и Воскресенскій, а равно и Іоакимовская лѣтопись, прямо говорятъ, что Судислава Владиміръ назначилъ во Псковъ. Это извѣстіе какъ будто подтверждается извѣстіемъ древнѣйшей лѣтописи, гдѣ подъ 1036 годомъ сказано: „в се же лѣто всади Ярославъ Судислава в порубъ, брата своего, Плесковѣ, оклеветанъ (бѣ) къ нему". Но былъ ли прежде Судиславъ во Псковѣ, или только въ 1036 году сосланъ былъ туда въ заключеніе—это еще вопросъ. Возможно, что это именно мѣсто и дало поводъ позднѣйшимъ лѣтописцамъ говорить о назначеніи Судислава Псковскимъ княземъ. Тѣ же позднѣйшія лѣтописи говорятъ также о назначеніи Станислава княземъ Смоленскимъ. Это тоже, кажется, догадка самихъ лѣтописцевъ. Князь такого важнаго города, какимъ былъ въ то время Смоленскъ, непремѣнно заявилъ бы себя чѣмъ нибудь въ исторіи, особенно во время междоусобной борьбы, поднятой Святополкомъ. Всего вѣроятнѣе будетъ предположить, что Станиславъ и Позвиздъ умерли въ дѣтствѣ. О матерякъ сыновей Владиміра см. у Соловьева (Истор. Рос., т. I., изд. 6, стр. 183—184).

то обстоятельство, что самостоятельныхъ князей получаютъ главнымъ образомъ города, расположенные на окраинахъ государственной области, каковы: Тмутаракань, Муромъ, Ростовъ, Новгородъ, Псковъ, Полоцкъ, Владимиръ В.; города же, лежавшіе въ центральныхъ областяхъ, каковы: Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ, Переяславъ, не получаютъ князей; а между тѣмъ это были самые древніе и самые значительные города; Любечъ, Черниговъ и Переяславль еще въ договорѣ Олега съ Греками фигурируютъ въ числѣ городовъ, на которые взяты были особые уклады съ Грековъ; послѣ смерти Ярослава I Смоленскъ, Черниговъ и Переяславль становятся культурно-политическими центрами крупныхъ удѣловъ на Руси. Чѣмъ же объяснить это не совсѣмъ понятное на первый взглядъ явленіе? Самымъ естественнымъ намъ представляется такое объясненіе. Владимиръ оставилъ за собою послѣдніе изъ вышеназванныхъ городовъ, какъ самые богатые, съ тою цѣлью, чтобы удержать на своей сторонѣ перевѣсъ политической силы: если бы который нибудь изъ сыновей, проникнувшись мѣстными интересами, задумалъ оказать отцу неповиновеніе, послѣдній, располагая значительными средствами, всегда могъ привести его въ покорность. Изъ исторіи столкновенія съ Святополкомъ и Ярославомъ мы знаемъ, что эта предосторожность была далеко не лишнею. Владимиръ въ данномъ случаѣ могъ руководствоваться и другими соображеніями. Смоленскъ, Любечъ, Черниговъ и Переяславль, будучи связаны съ Кіевомъ удобнымъ воднымъ путемъ, уже давно могли проникнуться его политическими идеями и поэтому управлять этими городами можно было и посредствомъ мужей. Въ другомъ положеніи находились города, расположенные на окраинахъ государства, въ сосѣдствѣ съ народностями, боязливо и потому враждебно относившимися къ постоянно возроставшему могуществу Кіевскаго князя; эти города нуждались въ крѣпкой и главное—вѣрной Кіеву власти по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что они должны были выдерживать на-

поръ враждебныхъ сосѣдей, во вторыхъ, потому, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ сами лежали въ областяхъ съ сильнымъ инородческимъ населеніемъ, которое не имѣло ни малѣйшаго повода тянуть къ Кіеву, какъ къ политическому центру, созданному собственно славяно-русскимъ міромъ и проникнутому славяно-русскимъ этнографическимъ элементомъ. Здѣсь возникаетъ слѣдующій существенно важный въ данномъ случаѣ вопросъ: какими правами пользовались разосланные по городамъ князья и въ какомъ отношеніи они находились къ Кіеву? Позднѣйшая исторія выработала на Руси двѣ формы между-княжескихъ отношеній. Въ удѣльный періодъ, наряду съ Кіевомъ, появилось одновременно нѣсколько сильныхъ политическихъ единицъ, удѣловъ въ собственномъ смыслѣ слова, которые относились къ Кіеву, какъ равный къ равному, признавая за нимъ въ обще-русскихъ дѣлахъ лишь первенство чести, но не власти; таковы, напр., удѣлы: черниговo-сѣверскій, ростовско-суздальскій, волынско-галицкій, полоцкій. Но наряду съ этой формой отношеній существовала и другая: въ каждомъ крупномъ удѣлѣ, наряду съ великимъ княземъ, существовалъ рядъ мелкихъ князьковъ, въ большинствѣ случаевъ его ближайшихъ родственниковъ, занимавшихъ второстепенные столы, стоявшихъ къ нему въ подручническихъ отношеніяхъ, ходившихъ по его волѣ и составлявшихъ его главную силу. Какая же изъ этихъ двухъ формъ имѣла мѣсто въ разсматриваемомъ нами случаѣ? Безъ сомнѣнія, вторая. Изъ имѣющихся фактовъ видно, что сыновья Владимира, получая удѣлы, продолжали ходить, какъ тогда выражались, по его волѣ, были его послушными подручниками, которыми онъ распоряжался по своему усмотрѣнію. Онъ, напр., удержалъ за собою право переводить ихъ съ мѣста на мѣсто; такъ, когда умеръ Вышеславъ, Владимиръ перевелъ въ Новгородъ Ярослава, а въ Ростовѣ посадилъ Бориса; онъ, далѣе, вызывалъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ и дѣлалъ имъ свои порученія; такъ, напр., онъ поступилъ съ Борисомъ, которому поручилъ

начальство надъ войскомъ, отправлявшимся на Печенѣговъ. Если такъ, то разсматриваемый фактъ долженъ былъ повлечь за собою серьезныя политическія послѣдствія. Разсылая сыновей по областямъ, Владиміръ какъ будто удовлетворялъ сепаративнымъ стремленіямъ послѣднихъ, а между тѣмъ на дѣлѣ онъ лишь тѣснѣе привязывалъ ихъ этимъ къ Кіеву. Каждый областной князь смотрѣлъ на Кіевъ не только какъ на свою родину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ на такой политическій центръ, отъ котораго онъ зависѣлъ, изъ котораго онъ получалъ распоряженія и куда онъ долженъ былъ давать отчеты о своемъ управленіи. Благодаря тѣсной непосредственной связи, которая тогда существовала между княземъ и землею, воззрѣніями князя мало по малу должна была проникаться и земля. Не говоримъ уже о томъ, что съ появленіемъ по городамъ князей, вездѣ должно было вводиться единство управленія и судопроизводства, что должно было мало по малу сглаживать особенности мѣстной жизни и слѣдовательно способствовать объединенію разрозненныхъ частей государства. Само собою разумѣется, что подобнаго рода внутренняя работа совершается слишкомъ медленнымъ процессомъ; но извѣстна истина, что хорошее начало—половина дѣла. Вообще, скажемъ словами Д. И. Иловайскаго, Владиміръ „несомнѣнно подвинулъ впередъ объединеніе разныхъ племенъ и областей подъ властію одного княжескаго рода, т. е. подъ властію Игоревичей“ [1]).

II.

Хлопоты о внутреннихъ дѣлахъ государства у Владиміра шли рядомъ съ заботами о его внѣшней безопасности и вообще объ установленіи тѣхъ или другихъ отношеній къ сосѣдямъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего заслуживаетъ вниманія отношеніе къ Печенѣгамъ. Появившись

---

[1]) Ист. Россія. Часть 1, стр. 77

очень рано въ южно-русскихъ степяхъ, еще при отцѣ Владимира, Святославѣ, Печенѣги стали въ рѣзко-враждебныя отношенія къ Руси; при Владимирѣ же, насколько можно судить на основаніи показаній нашей лѣтописи, вражда эта достигла самой высшей степени своего развитія. Говоря о враждебномъ отношеніи Печенѣговъ къ Руси, мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія соединять съ этимъ терминомъ того представленія, какое соединяется съ нимъ въ примѣненіи къ культурнымъ народамъ, сталкивающимся между собою на пути преслѣдованія извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ, историческихъ задачъ. Печенѣги нападали на Русь, по видимому, исключительно изъ-за грабежа, т. е. изъ-за того, изъ-за чего вообще кочевникъ нападаетъ на осѣдлаго человѣка, пользующагося сравнительно большими средствами къ жизни, которыя обыкновенно и вызываютъ у кочевника завистливое желаніе поживиться на чужой счетъ. Въ древнѣйшіе лѣтописные списки занесено три случая столкновенія Печенѣговъ съ Русью; во всѣхъ трехъ случаяхъ нападающею стороною являются Печенѣги: въ 992 (или 993) году они напали на Переяславль, въ 996 году—на Василевъ, въ 997 г.—на Бѣлгородъ. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ пунктомъ нападенія избраны любимыя резиденціи Владимира, съ которыми у этихъ варваровъ, очевидно, соединялось представленіе о богатой наживѣ. Въ первомъ случаѣ бой начался единоборствомъ двухъ силачей и окончился полнѣйшимъ пораженіемъ Печенѣговъ; во второмъ случаѣ дружина Владимира, подавленная превосходствомъ силъ непріятеля, обратилась въ бѣгство и самъ князь вынужденъ былъ скрываться отъ преслѣдовавшаго непріятеля подъ мостомъ; въ третьемъ случаѣ дѣло ограничилось безрезультатной осадой Бѣлгорода. Всѣ эти случаи несомнѣнно показываютъ, что въ борьбѣ съ Русью Печенѣги разсчитывали главнымъ образомъ на быстроту своего передвиженія, позволявшую имъ заставать русскихъ въ расплохъ. При первомъ и третьемъ нападеніи Владимира не

было въ Кіевѣ: въ первомъ случаѣ онъ ходилъ на Хорватовъ, во второмъ—онъ былъ въ Новгородѣ; нападеніе на Василевъ сдѣлано было, по видимому, тоже неожиданно; иначе трудно объяснить, почему Владиміръ вышелъ противъ непріятеля „съ малою дружиною". Вообще, Печенѣги, какъ позднѣе и Половцы, по своимъ боевымъ способностямъ уступали русской рати, на челѣ которой всегда выступала храбрая и хорошо вооруженная княжеская дружина; но уступая русскимъ въ крѣпости мышцъ и въ вооруженіи, Печенѣги, какъ народъ исключительно конный, превосходили ихъ быстротою движенія, такъ какъ въ русской рати, особенно въ разсматриваемое время, несомнѣнно преобладалъ пѣшій строй. Благодаря своей легкости въ передвиженіи, Печенѣги могли часто повторять свои нападенія и въ случаѣ неудачи, уходить безъ значительнаго вреда для себя. Въ Никоновской лѣтописи, кромѣ техъ упомянутыхъ случаевъ, говорится еще о четырехъ случаяхъ столкновенія съ Печенѣгами въ княженіе Владиміра, именно: въ 990, 992, 1001 и 1004 гг.[1]). Если вѣрить этой лѣтописи, во всѣхъ этихъ случаяхъ столкновеніе окончилось полнымъ успѣхомъ со стороны русскихъ.

Какими бы, впрочемъ, блестящими результатами не сопровождалась борьба русскихъ съ этими степными варварами, во всякомъ случаѣ она была великимъ зломъ для Руси, такъ какъ она отрывала народъ отъ его мирныхъ занятій, держала его въ постоянномъ страхѣ и требовала неустаннаго напряженія военныхъ силъ. Необходимо было болѣе радикальное средство для ослабленія этого зла и Владиміръ нашелъ его: „дурно, сказалъ онъ, что мало городовъ около Кіева, и приказалъ строить города по рѣкамъ—Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; затѣмъ сталъ набирать лучшихъ мужей отъ Славянъ (Новгородцевъ), Кривичей, Чуди и Вятичей и ими населилъ вновь выстроенные города". Цѣлесообразность этой мѣры непосред-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 58, 64, 68.

ственно очевидна и она всегда сознавалась нашимъ правительствомъ. Еще объ Олегѣ извѣстно, что онъ „нача городы ставити"; позднѣйшее же русское правительство всегда смотрѣло на построеніе городовъ, какъ на лучшее средство для укрѣпленія степной границы. Построенные Владиміромъ города въ большинствѣ случаевъ были, конечно, небольшими крѣпостями, снабженными гарнизонами изъ *лучшихъ*, т. е. храбрѣйшихъ мужей, призванныхъ изъ сѣверныхъ областей. Констатируя этотъ фактъ, С. М. Соловьевъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, во первыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣдовательно, сѣверное народонаселеніе дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; во вторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины или украины; изначала—это сбродное, созванное отовсюду народонаселеніе изъ са́мыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется отчасти и козачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверскаго народонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей [1]). Упоминаніе Сулы въ числѣ рѣкъ, по которымъ Владиміръ строилъ города, важно для насъ въ томъ отношеніи, что оно даетъ возможность хоть приблизительно опредѣлить южную границу тогдашней русской государственной области на востокѣ отъ Днѣпра. Изъ данныхъ. добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ [2]), видно, что въ языческую эпоху правый берегъ Сулы по мѣстамъ очень густо заселенъ былъ славянскимъ населеніемъ; а извѣстно, что славянскія поселенія, какъ это видно изъ массы сохранившихся до нашего времени городищъ, всегда

---

[1]) Исторія Россіи. Изд. *шестое*, стр. 178—179.

[2]) См. нашу статью: „Научное значеніе археолог. раскопокъ, произвед. въ системѣ р. Сулы"... Труды Кіев. дух. Акад. 1887 г. № 8.

сопровождались построеніемъ городковъ, особенно тамъ, гдѣ населенію могла угрожать опасность отъ внѣшняго врага. Но возможно, что ко времени Владиміра посульское славянское населеніе или совершенно отодвинуто было на сѣверъ, или настолько ослаблено, что не могло оказывать серьезнаго сопротивленія надвигавшемуся изъ степи сравнительно очень сильному врагу. И вотъ, чтобы удержать за Русью уходившій изъ ея рукъ этотъ богатый край, Владиміръ и соорудилъ по Сулѣ рядъ крѣпостей, снабдивъ ихъ свѣжимъ населеніемъ, выведеннымъ изъ сѣверныхъ областей. Кромѣ приведеннаго общаго извѣстія о построеніи городовъ, въ лѣтописяхъ сохранилось также извѣстіе о построеніи Владиміромъ Бѣлгорода на Днѣпрѣ; имъ же построены были новыя стѣны вокругъ Переяславля[1]).

Владиміру же слѣдуетъ приписать построеніе городовъ, носящихъ его языческое и христіанское имя; на это есть прямое указаніе хотя и въ позднѣйшихъ источникахъ. Сюда принадлежатъ: Владиміръ Волынскій, упоминающійся первый разъ подъ 988 г.; Владиміръ на Клязьмѣ, упоминающійся тоже подъ 988 г. На заложеніе этихъ городовъ Владиміромъ существуетъ прямое указаніе. Владиміромъ же несомнѣнно основанъ былъ и Василевъ на Стугнѣ, упоминающійся первый разъ подъ тѣмъ же 988 годомъ. Владиміру съ значительною вѣроятностью можно приписать построеніе и тѣхъ городовъ степной окраины, которые носятъ названія городовъ Византійской имперіи. Таковы: Корсунь (1169) на р. Роси, Треполь (1093.) при впаденіи Стугны въ Днѣпръ, Халепъ (1096.), находившійся гдѣ-то на югѣ отъ Кіева, упоминаемый обыкновенно наряду съ именемъ Половцевъ. Первый изъ нихъ получилъ свое названіе, вѣроятно, отъ Корсуня Крымскаго; вторые два напоминаютъ собою сирій-

---

[1]) Лѣтописецъ (т. 1, стр. 53) приписываетъ Владиміру самое основаніе Переяславля; но Переяславль существовалъ еще при Олегѣ, какъ это видно изъ его договора съ Греками.

скіе города Триполь и Алепъ, часто встрѣчающіеся въ разсказѣ о событіяхъ Владимирова времени. Сюда же, вѣроятно, слѣдуетъ отнести и древній Римовъ (1096), упоминаемый и въ поученіи Владимира Мономаха и въ Словѣ о Полку Игоревѣ (Римъ). Мѣстоположенія его слѣдуетъ искать въ мѣстности, расположенной по линіи, служащею водораздѣломъ притоковъ Сулы-Олавы и Локни, вблизи идущей изъ г. Роменъ большой дороги. Мѣстность эта, носящая названіе *Римъ*, усѣяна *древними* курганами и цѣлою системой укрѣпленій, сооруженныхъ, впрочемъ, по позднѣйшей литовской системѣ. Напомнимъ кстати, что въ системѣ Сулы нерѣдко встрѣчаются названія, напоминающія собою греческій корень. Таковы, напр., Аксютинцы, Артополотъ и др. Имѣя прямое указаніе на усиленное занятіе Владимира построеніемъ городовъ на границахъ съ степью и зная о существованіи оживленныхъ сношеній его съ Византіей, можно съ значительною вѣроятностію предполагать, что всѣ названныя мѣстности впервые населены или укрѣплены были при этомъ князѣ. Возможно даже, что въ числѣ поселенцевъ этого края были плѣнники, приведенные имъ съ юга; они и принесли съ собою названія, непривычныя для русскаго уха [1]).

Другимъ источникомъ, знакомящимъ насъ съ тогдашнимъ состояніемъ южной русской границы, служитъ посланіе нѣмецкаго миссіонера Бруна къ императору Генриху II Благочестивому [2]). Прибывъ въ Кіевъ въ 1006 году, Брунъ упросилъ Владимира проводить его въ степь до границъ своего государства, которыя отстояли отъ Кіева на два дня пути. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Брунъ объ этомъ своемъ путешествіи: „Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ. Князь Руссовъ, имѣ-

---

[1]) Матеріалы для историко-географ. „Словаря Россіи". Н. Барсовъ.

[2]) Посланіе это напечатано Гильфердингомъ въ Русск. Бесѣдѣ. за 1856 г. № 1.

ющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобы я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство". Пройдя пограничную заставу, Владимиръ съ своими боярами сталъ на одномъ курганѣ, а Брунъ съ своими спутниками—на другомъ. Здѣсь они разстались. Сопоставляя показанія нашихъ лѣтописей съ этимъ показаніемъ Бруна, Д. И. Иловайскій дѣлаетъ слѣдующее вполнѣ правдоподобное заключеніе относительно укрѣпленія нашихъ степныхъ границъ при Владимирѣ. „Построенные на границѣ степей городки и сторожевые курганы, говоритъ этотъ почтенный историкъ, Владимиръ связывалъ между собою обычнымъ въ тѣ времена валомъ и частоколомъ; на извѣстныхъ пунктахъ въ этомъ валу находились свободныя для проѣзда мѣста или ворота, оберегаемыя заставами изъ ратныхъ людей. Такимъ образомъ онъ едва ли не первый изъ русскихъ князей устроилъ непрерывныя укрѣпленныя линіи, защищавшія предѣлы Руси отъ кочевниковъ" [1]). Остатки этихъ пограничныхъ валовъ сохранились и до настоящаго времени [2]). Изъ того же посланія Бруна узнаемъ, что при Владимирѣ были попытки и мирнаго сношенія съ Печенѣгами. Самъ Брунъ выставляетъ себя посредникомъ въ такихъ сношеніяхъ и его миссія въ этомъ отношеніи окончилась будто бы полнымъ успѣхомъ; главной же цѣли его путешествія къ Печенѣгамъ ему не удалось достигнуть: онъ успѣлъ обратить въ христіанство

[1]) Истор. Росс. Ч. 1, стр. 77.

[2]) Въ лѣтописяхъ часто встрѣчаются указанія на существованіе въ Кіевской и Переяславской областяхъ валовъ. Таковъ *валъ за Стугною*, упоминаемый подъ 1151 г. (П. С. Р. Л. т. II, стр. 62), *валъ за Лыбедью*—подъ 1146 г. (стр. 24); *валъ за Треполемъ*—1093 г. (т. I, стр. 95); *валы Переяславскіе*—1095 г. (т. I. стр. 97), 1149 г. (т. II, стр. 43); *валъ Половецкій*—1221 г. (т. III, стр. 39).

только 30 человѣкъ. На существованіе мирныхъ сношеній съ Печенѣгами есть намекъ и въ нашихъ лѣтописяхъ[1]). Но въ общемъ отношенія ихъ къ Руси до самой смерти Владимира отличались враждебнымъ характеромъ. Извѣстно, что набѣгъ на Русь Печенѣги готовились сдѣлать предъ самою смертію Владимира, который отправилъ противъ нихъ войско съ сыномъ Борисомъ [2]).

Борьба Владимира съ Печенѣгами, дававшая мѣсто личной храбрости, была одною изъ главныхъ причинъ того, что этотъ князь сдѣлался центральнымъ лицомъ нашего народнаго былиннаго эпоса. Главнѣйшіе изъ младшихъ богатырей (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Михайло Потыкъ Ивановичъ), откуда бы они ни были родомъ, являются дѣйствующими при немъ и вокругъ него, хотя бы ихъ подвиги стояли въ связи съ событіями позд-

---

[1]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 991 г. говорится о прибытіи въ Кіевъ Печенѣжскаго князя Кучюга, который будто бы даже крестился здѣсь; а подъ 1004 г. въ той же лѣтописи говорится объ убіеніи Печенѣжскаго князя Темиря его родственниками. Послѣдній фактъ свидѣтельствуетъ, что на Руси слѣдили за тѣмъ, что дѣлается у Печенѣговъ.

[2]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 1000 годомъ говорится, что нѣкій Володарь, забывъ благодаянія господина своего великаго князя Владимира и наущаемый демономъ, напалъ съ *Половцами* на Кіевъ и произвелъ въ немъ великое смятеніе. Владимиръ въ это время находился будто бы въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Противъ Володаря выступилъ Александръ Поповичъ, который Володаря и множество Половцевъ перебилъ, а другихъ прогналъ въ поле. Обрадованный Владимиръ возложилъ на этого богатыря золотую гривну и сдѣлалъ его у себя вельможею (стр. 68). По спискамъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ редакцій, Половцы приходятъ въ столкновеніе съ Русью только съ 1055 г., т. е. спустя полстолѣтіе; нападеніе Половцевъ на Кіевъ во время пребыванія князя въ Переяславцѣ на Дунаѣ напоминаетъ собою аналогичный фактъ съ Печенѣгами при Святославѣ; награжденіе богатыря золотою гривною и званіемъ вельможи напоминаетъ собою аналогичный фактъ, имѣвшій мѣсто во время нападенія Печенѣговъ на Переяславль въ 992; богатырь Александръ Поповичъ является дѣйствующимъ лицомъ въ разсказѣ той же Никоновской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. X, стр. 74) о Липецкой битвѣ (1216 г.). Все это заставляетъ усумниться въ достовѣрности разсматриваемаго факта.

нѣйшаго времени. Просвѣщеніе Руси христіанствомъ отразилось въ былинахъ, между прочимъ, въ прозваніи Владимира „краснымъ солнышкомъ“; а тѣ пиры, которые онъ устраивалъ для дружины, вельможъ и народа, послужили основаніемъ для былиннаго разсказа о пирахъ, устраиваемыхъ Владимиромъ для богатырей, принимающихъ изъ его рукъ чары „зелена вина“. Въ свою очередь былинный эпосъ оказалъ, кажется, вліяніе на составителя Никоновской лѣтописи, гдѣ приводятся имена нѣсколькихъ богатырей, въ дѣйствительномъ существованіи которыхъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно усумниться. Собственно дѣйствующими богатырями въ этой лѣтописи является Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ, ведущіе побѣдоносную борьбу съ Печенѣгами. Но кромѣ того здѣсь же упоминается о смерти Рагдая Удалого, Малъврѣда Сильнаго и Андриха Добрянкова Храбраго [1]).

Защищая Русь отъ Печенѣговъ, Владимиръ велъ войну и съ Болгарами. Собственно въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ редакціяхъ разсказывается только объ одномъ походѣ на Болгаръ, записанномъ подъ 985 годомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владимиръ предпринялъ этотъ походъ съ дядею своимъ Добрынею и побѣдилъ Болгаръ. Но Добрыня, замѣтивъ, что всѣ Болгары ходятъ въ сапогахъ, нашелъ, что имъ не платить дани кіевскому князю. Владимиръ заключилъ миръ, причемъ Болгары поклялись держать его до тѣхъ поръ, пока камень станетъ плавать и хмѣль тонуть. Здѣсь возникаетъ вопросъ: на какихъ именно Болгаръ совершенъ былъ этотъ походъ—на Волжско-Камскихъ или на Дунайскихъ? Желая отыскать основаніе для рѣшенія этого вопроса, ученые прежде всего обращаютъ вниманіе на слѣдующія слова

[1]) Т. IX. стр. 68. Александръ Поповичъ, какъ сказано выше (прим. 24), участвуетъ въ Липецкой битвѣ; Маларѣдъ Сильный соотвѣтствуетъ Малъфрѣди Лаврентіевскаго списка, которая, по Іоакимовской лѣтописи и Татищеву, была женою Владимира и матерью Ярослава. Такимъ образомъ въ число богатырей времени Владимира попали лица разныхъ эпохъ и разныхъ половъ.

лѣтописнаго текста: „иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею... в ладьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ". Одни ученые думаютъ, что походъ пѣшей рати въ ладьяхъ изъ Кіева могъ быть предпринятъ только на Дунайскихъ Болгаръ. Другіе, напротивъ, находятъ, что походъ *въ ладьяхъ* не исключаетъ возможности движенія по мѣстамъ *волокомъ*; а при этомъ условіи походъ въ ладьяхъ могъ предпринятъ изъ Кіева и на Волжско-Камскихъ Болгаръ. Что же касается Торъковъ, то они въ разсматриваемое время могли кочевать еще въ приволжскихъ степяхъ, откуда они берегомъ могли ходить только на Волжско-Камскихъ Болгаръ. Указаніе лѣтописнаго разсказа на хожденіе Болгаръ въ сапогахъ и употребленіе въ клятвѣ сравненія хмѣля съ камнемъ тоже не даютъ основанія для какого нибудь опредѣленнаго вывода: эти бытовыя черты въ одинаковой степени могли имѣть мѣсто какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ Болгаръ. Въ Никоновской лѣтописи въ параллельномъ мѣстѣ сказано, что Владиміръ ходилъ „на Болгары Низовскіа". И въ пониманіи этого термина ученые тоже расходятся между собою. Одни думаютъ, что *Низовскими* Кіевскій лѣтописецъ могъ назвать только Дунайскихъ Болгаръ; другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что опредѣленіе „Низовскіа" есть догадка позднѣйшаго сѣвернаго лѣтописца, на языкѣ котораго Низовскими могли называться только Волжско-Камскіе Болгары. Не даетъ основанія для какого нибудь опредѣленнаго вывода и то показаніе Іакова мниха (въ „Похвалѣ" Владиміру), что Владиміръ „сребреныя Болгары побѣди". Принимая во вниманіе показаніе свода Татищева, что Владиміръ ходилъ на Болгаръ и Сербовъ, можно подумать, что опредѣленіе „сребреныя" у Іакова произошло путемъ искаженія слова Сербы[1]). Но происхожденіе этого опредѣленія

[1]) Въ Академическомъ спискѣ „Похвалы" въ мѣсто „сребреныя Болгары" читается: „Сербяны и Болгары".

можно толковать и иначе. Изъ письменныхъ памятниковъ, а еще болѣе на основаніи данныхъ, добытыхъ путемъ археологическихъ раскопокъ, мы знаемъ, что въ старину у насъ на Руси серебро было въ большомъ употребленіи; большая часть украшеній, къ которымъ такъ неравнодушны были наши предки, приготовлялось изъ серебра, которое шло къ намъ изъ двухъ источниковъ: съ одной стороны, изъ Угріи и Чехіи, съ другой стороны—изъ Волжско-Камской Болгаріи, славившейся, между прочимъ, серебряными диргемами, привозившимися въ большомъ количествѣ изъ странъ мусульманскаго востока. Нѣтъ поэтому ничего неправдоподобнаго и въ томъ предположеніи, что наши предки Волжско-Камскихъ Болгаръ, какъ главныхъ поставщиковъ серебра, назвали „серебряными", въ отличіе отъ Дунайскихъ, чрезъ которыхъ шло къ намъ изъ Византіи золото.—Но кромѣ приведенныхъ показаній, не дающихъ, какъ сказано, основанія для какого нибудь опредѣленнаго вывода, есть и такія, которыя рѣшаютъ этотъ вопросъ съ категорическою точностью. Въ Воскресенской лѣтописи прямо сказано, что Владимиръ покорилъ „Болгары, иже по Волзѣ". Въ Степенной книгѣ читаемъ: „и нижніе Болгары Волжскіе и Камскіе покори подъ ся". Обще-историческія соображенія не противорѣчатъ этому показанію. Хотя разгромомъ Святослава, какъ это видно изъ показаній арабскаго писателя Ибнъ-Хаукаля, Волжско-Камскіе Болгары приведены были въ крайнее уничиженіе, но послѣдовавшая затѣмъ продолжительная война за Дунаемъ, неожиданная смерть самаго Святослава и послѣдовавшая затѣмъ на Руси междоусобная борьба, дали возможность Болгарамъ настолько оправиться, что они, въ отмщеніе за прежнее пораженіе, могли нападать на сосѣднія русскія владѣнія въ Ростовско-Суздальскомъ краѣ. Подобнаго рода столкновенія и могли дать поводъ къ разсматриваемому походу. Въ виду представленныхъ соображеній неудивительно, что многіе изъ нашихъ выдающихся историковъ, напр. Ка-

рамзинъ[1]), Арцыбашевъ[2]), Б. Рюминъ, Иловайскій, не сомнѣваются утверждать, что Владиміръ въ 985 г. ходилъ на Волжско-Камскихъ Болгаръ.—Но есть точно также прямыя показанія и въ пользу другаго мнѣнія. Таково показаніе, съ которымъ встрѣчаемся въ сводѣ Татищева. Здѣсь читаемъ: „Владиміръ собралъ воинство великое, и Добрыню вуя своего призвавъ съ Новгородцы, пошелъ на Болгаръ и Сербы; а конныя войска русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенскихъ послалъ прямо въ землю Болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца и брата договоровъ,—и причиненныя подданнымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія. Болгары же, не хотя платить онаго, но совокупившись со Сербы[3]), вооружились противо ему, и по жестокомъ сраженіи побѣдилъ Владиміръ Болгаровъ и Сербовъ, и поплѣни землю ихъ; но по просьбѣ ихъ учинилъ миръ съ ними, возвратился со славою въ Кіевъ, взятое же раздѣлилъ на войско, и отпустилъ въ домы ихъ“[4]). По поводу этого мѣста Соловьевъ замѣчаетъ, что, „самыя подробности разсказа не позволяютъ намъ отвергнуть его“. Мнѣніе о по-

---

[1]) Карамзинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „обстоятельство, что Добрыня съ любопытствомъ осматривалъ одежду плѣнниковъ, свидѣтельствуетъ, что Россіяне еще не знали сихъ Болгаровъ, но Дунайскіе были уже имъ давно извѣстны“ (Т. I. прим. 436). Такъ категорически выражаться нельзя. У Руссовъ давно существовали торговыя сношенія съ Волжскими Болгарами и поэтому нельзя утверждать, чтобы при Владимирѣ они ихъ *еще не знали*; но несомнѣнно то, что знакомство съ Волжскими Болгарами у Руссовъ было слабѣе, чѣмъ съ Дунайскими.

[2]) Арцыбашевъ дѣлаетъ слѣдующее соображеніе. „Добрыня, говоритъ онъ, находился въ Новгородѣ, а Владиміръ въ Кіевѣ, изъ чего можно заключить, что первый ѣхалъ по Волгѣ, а второй по Окѣ, и оба соединились тутъ, гдѣ теперь Нижній“ (Повѣствованіе о Россіи, 1838 г., т. I, стр. 47, прим. 206).

[3]) Взаимныя отношенія Болгаръ и Сербовъ въ это именно время не выяснены наукой. Съ увѣренностью можно сказать только то, что отношенія эти не были безразличными. См. Гильфердингъ. Собран. сочиненій. т. I., стр. 213 и слѣдующ.

[4]) Т. II, стр. 63.

ходѣ Владимира на Дунайскихъ Болгаръ раздѣляютъ и другіе историки. Особенно сильно отстаиваетъ его въ своей „Исторіи" проф. Голубинскій. Намекъ на помощь, оказанную Владимиромъ императору Василію II противъ Болгаръ, есть и въ византійской литературѣ. Профессоръ Василевскій относитъ сюда слѣдующее мѣсто изъ стихотворенія Іоанна Геометра—„На Болгаръ": „Примите, Ѳракійцы, Скиѳовъ своими союзниками противъ друзей, прежнихъ союзниковъ противъ Скиѳовъ"... Нашъ почтенный византистъ по поводу этого мѣста замѣчаетъ: „Стихотвореніе—во многихъ отношеніяхъ заслуживающее вниманія. Подъ Ѳракійцами, несомнѣнно, разумѣются Греки; если жъ ихъ друзья и прежніе союзники суть Болгары, какъ это ясно само собою, то подъ Скиѳами могутъ быть понимаемы только Русскіе. Противъ нихъ Болгары боролись вмѣстѣ съ Греками во времена Цимисхія и Святослава, но теперь отношенія представляются измѣненными: Скиѳы, т. е. Русскіе, будутъ союзниками Грековъ противъ ихъ прежнихъ друзей и союзниковъ, Болгаръ. Такъ какъ стихотвореніе должно относиться ко времени Болгарскаго возстанія при Самуилѣ—оно и стоитъ рядомъ съ стихами на Комитопула,—то, съ точки зрѣнія русской исторіи, это есть время князя Владимира". Далѣе г. Василевскій видитъ здѣсь „намекъ на заключеніе союзнаго договора между Василіемъ II и Владиміромъ, намекъ на то, что первое обращеніе Византійскаго двора къ Кіевскому князю вызвано было опаснымъ для имперіи развитіемъ Болгарскаго возстанія, вѣроятно, послѣ 986 года, послѣ пораженія при Сардикѣ и современно съ первымъ взрывомъ и успѣхами возмущенія Варды Фоки. Мы можемъ догадываться, продолжаетъ г. Василевскій, что шеститысячный Русскій корпусъ, очутившійся въ Византійской столицѣ весною 989 года (вѣрнѣе—въ концѣ 988 г.), прибылъ сухимъ путемъ, чрезъ Болгарію, вызванный туда, гдѣ грозила наибольшая опасность, и что именно къ нему могутъ относиться слова Іоанна Геометра" [1]). Если приве-

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1876 г. Мартъ, стр. 171—172.

девныя слова Іоанна Геометра дѣйствительно имѣютъ тотъ смыслъ, какой имъ придаетъ почтенный византистъ, то, по нашему мнѣнію, ихъ слѣдуетъ относить къ другому времени. Есть основаніе думать, что съ 986 г. по 990 г. включительно, т. е. отъ пораженія Василія II при Сардикѣ до его втораго Болгарскаго похода (991 г.), Болгары оставлены были въ полномъ покоѣ. Ихъ, во первыхъ, не могъ въ это время безпокоить Василій II, всецѣло занятый борьбою сначала съ Вардою Фокой, а потомъ съ Владиміромъ, осадившимъ Корсунь и превратившимся изъ союзника въ врага; во вторыхъ, ихъ не могъ безпокоить и Владиміръ, сначала помогавшій Василію одновременно, какъ увидимъ ниже, въ двухъ пунктахъ—противъ В. Фоки и противъ его кавказскихъ союзниковъ, а потомъ занявшійся осадой Корсуня. Что въ этотъ промежутокъ времени Болгарамъ не угрожала внѣшняя опасность, это видно изъ того, что въ это именно время они, производя нападенія на греческія области [1]), по свидѣтельству Льва Діакона, захватили между прочимъ городъ Веррію, который, какъ свидѣтельствуетъ Асохикъ, Василій долженъ былъ отнимать у нихъ въ 991 г. Вотъ почему гораздо естественнѣе будетъ предположить, что Владиміръ оказалъ помощь противъ Болгаръ Василію во время этого втораго на нихъ похода и что Іоаннъ Геометръ въ своемъ стихотвореніи имѣетъ въ виду тотъ шеститысячный отрядъ, который, по словамъ Асохика, „выпросилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго" [2]), т. е. послѣ взятія Корсуня и

---

[1]) „Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ имперіи, говоритъ М. С. Дриновъ, Самуилъ дѣятельно продолжалъ ниспроверженіе ея власти на полуостровѣ; особено успѣшно онъ велъ это дѣло во время гражданской войны между 987 и 989 г.; не подлежитъ сомнѣнію, что въ это именно время онъ завоевалъ всю Диррахійскую тему, вмѣстѣ съ главнѣйшими Византійскими городами"... („Южн. Славяне и Византія въ X в."—Чтен. въ Императ. Общ. Истор. и Др. Росс. 1875 г. кн. 3, стр. 143).

[2]) „Всеобщ. Истор." Переводъ Эмина, 1864 г., стр. 200.

заключенія брачнаго союза.—Но въ данномъ случаѣ возможна и другая комбинація фактовъ. Есть основаніе думать, что походъ Василія на Болгаръ, относимый къ 986 г., вызванъ былъ сильнымъ движеніемъ Болгарскаго народа, охватившимъ не только Восточную, но и Западную Болгарію [1]). Василій, основываясь на договорѣ Цимисхія съ Святославомъ, обратился къ Владиміру за помощью. Владиміръ, согласно съ показаніемъ нашей лѣтописи и свода Татищева, въ 985 г. двинулся на Дунай, напалъ на область Западныхъ Болгаръ и ихъ сосѣдей Сербовъ, побѣдилъ ихъ и, заключивъ миръ, возвратился домой. Въ то же время Василій предпринялъ походъ въ Восточную Болгарію, но потерпѣлъ пораженіе при Сардикѣ.

Впрочемъ, ссылка въ данномъ случаѣ на договоръ Цимисхія съ Святославомъ едва ли можетъ быть признана своевременною. Со времени этого договора прошло уже около 15 лѣтъ и прежнія отношенія между Русью и Византію могли существенно измѣниться. Обращеніе Василія за помощью къ Владиміру можетъ быть объяснено иначе. У армянскаго историка Асохика сохранилось слѣдующее любопытное извѣстіе, на которое, насколько намъ извѣстно, до этого времени не обращали вниманія наши изслѣдователи. Подъ 986 годомъ Асохикъ передаетъ слѣдующій фактъ: „въ томъ же году царь Василій отправилъ его (митрополита севастійскаго) въ страну Булхаровъ водворить миръ. *Булхарія просили царя Василія отдать сестру свою замужъ за ея царя.* Императоръ въ сопровожденіи митрополита отправилъ (къ Булхарамъ) какую-то женщину изъ своихъ подданныхъ, похожую на сестру свою. По прибытіи той женщины въ землю Булхаровъ, узнали, кто она, и потому осудили митрополита, какъ прелюбодѣя и обманщика: цари булхарскіе сожгли его, обложивъ хворостомъ и соломою: это было сдѣлано двумя братьями *Комсадцы*ами, изъ которыхъ старшій, Армянинъ родомъ изъ

---

[1]) М. С. Дриновъ Тамъ же.

держанскаго округа, назывался Самуиломъ" [1]). Здѣсь подъ *Комсадиаг*-ами слѣдуетъ, конечно, понимать Комитопуловъ византійскихъ историковъ, т. е. четырехъ сыновей комита (боярина) Шишмана, между которыми Самуилъ былъ не старшимъ, какъ утверждаетъ Асохикъ, а самымъ младшимъ, но за то самымъ воинственнымъ и властолюбивымъ. Шишманъ очень рано получилъ извѣстность въ Болгаріи, какъ вожакъ національной партіи, враждебно относившейся къ старой Аспаруховой династіи, симпатизировавшей ненавистному для Болгаръ византійскому вліянію. Когда дѣти Петра Симеоновича—Борисъ и Романъ заключены были Цимисхіемъ въ Константинополѣ, въ Болгаріи не осталось представителей царствовавшей династіи и Шишманъ, какъ есть основаніе думать, провозглашенъ былъ царемъ. У него было четыре сына: Давидъ, Моисей, Аронъ и Самуилъ. Честолюбивый и крайне жестокій Самуилъ очень рано сталъ проявлять свои властолюбивые замыслы. Есть извѣстіе, что онъ сначала ослѣпилъ, а потомъ убилъ своего отца, а затѣмъ думалъ было приняться и за старшихъ братьевъ. Судьба помогла осуществленію его намѣреній. Два старшихъ брата Давидъ и Моисей погибли въ борьбѣ за независимость отечества, а третьяго Арона онъ самъ потомъ убилъ [2]). Разсказанный у Асохика эпизодъ относится, очевидно, къ тому времени, когда Аронъ еще былъ живъ. Вышеприведенное извѣстіе имѣетъ, по нашему мнѣнію, слѣдующій смыслъ. Руководимое Самуиломъ и его братьями болгарское возстаніе достигло громадныхъ размѣровъ и распространилось гораздо далѣе границъ прежняго Болгарскаго царства. „Съ помощью народныхъ силъ славянскихъ, народнаго сочувствія, дѣйствія Самуила, говоритъ Гильфердингъ, въ короткое время превзошли своимъ успѣхомъ всѣ многолѣтнія усилія такихъ завоевателей, какими были Крумъ

---

[1]) „Всеобщая Исторія". Перев. Эмина. М. 1864 г, стр. 175.

[2]) Гильфердингъ. Собраніе сочин. т. 1, стр. 195 и слѣд.

и Симеонъ. Отъ Дуная царство Болгарское простиралось, черезъ Преславъ, до границъ Өракіи, черезъ Охридъ до Адріатическаго моря, черезъ Меленикъ, Сѣръ и Веррію до Архипелага, черезъ Ларису до Өермопилъ. Полки Самуила, овладѣвъ всѣмъ Эпиромъ до Артскаго залива, вступили уже на древнюю почву Эллады. Коринөская крѣпость не удержала ихъ; они проникли и въ Пелопоннисъ, освобождая и тамъ славянскія племена отъ Византіи" [1]). Понятно, что такіе успѣхи, если даже допустить, что они представлены здѣсь въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, должны были вскружить голову даже менѣе честолюбивому человѣку, чѣмъ былъ Самуилъ. Въ пылкомъ воображеніи послѣдняго естественно долженъ былъ родиться грандіозный планъ образованія подъ своимъ скипетромъ могущественнаго славянскаго государства, долженствовавшаго обнять собою весь Балканскій полуостровъ. Но Самуилъ не могъ не чувствовать, что съ этимъ смѣлымъ замысломъ слишкомъ мало гармонировало его скромное происхожденіе. Сына Шишмана не могла не смущать къ тому же мысль и о томъ, что въ Константинополѣ находились два порфирородныхъ болгарскихъ царевича, которыхъ хитрая и предусмотрительная византійская дипломатія не даромъ не выпускала изъ своихъ рукъ. Византійское правительство, зорко слѣдившее за тѣмъ, что дѣлалось въ Болгаріи, могло легко воспользоваться малѣйшей неудачей Самуила и, выдвинувъ родовитыхъ царевичей, дать перевѣсъ партіи, остававшейся вѣрною старой династіи. Вотъ эти то обстоятельства, въ связи съ общимъ стремленіемъ всѣхъ мелкихъ владѣтельныхъ особъ къ вступленію въ родственный союзъ съ домами могущественныхъ государей, и заставили, какъ намъ кажется, Самуила искать руки греческой царевны. Вспомнимъ, какъ дорожили даже у насъ на Руси бракам отца Владиміра Мономаха, а потомъ Ивана III—съ греческими царевнами.

---

[1]) Тамъ же, стр. 203—204.

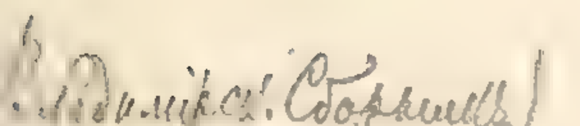
Какъ бы то ни было, Самуилъ, согласно съ показаніемъ Асохика, сталъ требовать для себя руки сестры императора Василія. Можно вообразить себѣ, какое впечатлѣніе эта претензія произвела на византійскій дворъ. Какъ ни велики были успѣхи болгарскаго возстанія, но византійское правительство пока не имѣло основанія окончательно терять надежды на его подавленіе и превращеніе Болгаріи въ византійскую провинцію. Но если бы даже Болгарія и успѣла пріобрѣсти полную независимость, то во всякомъ случаѣ сынъ простаго комита (Самуилъ) не могъ быть признанъ подходящимъ женихомъ для гордой византійской принцесы, сестра которой была замужемъ за германскимъ императоромъ и руки которой потомъ добивался могущественный государь грозныхъ Тавро-скиѳовъ (Владимиръ). Не смотря однакожъ на всю несообразность притязаній Самуила, въ Византіи найдено было невозможнымъ послать прямой отказъ: византійское правительство, очевидно, чувствовало себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы позволить себѣ нанести оскорбленіе болгарскому народу, обнаружившему въ патріотическомъ увлеченіи небывалую силу и руководимому даровитымъ и крайне честолюбивымъ вождемъ. Другое правительство при такомъ положеніи дѣлъ потеряло бы голову; но византійскіе дипломаты скоро придумали, какъ имъ казалось, выходъ изъ этого затруднительнаго положенія: пріискана была женщина, похожая на сестру императора, и отправлена была въ Болгарію въ сопровожденіи севастійскаго митрополита, служившаго, по видимому, посредникомъ въ переговорахъ съ Самуиломъ. Обманъ скоро былъ разоблаченъ и злополучный сватъ получилъ, по русской пословицѣ, вмѣсто первой чарки первую палку. Жестокая смерть, какою казненъ былъ митрополитъ, показала сильное раздраженіе Болгаръ. Византійцы должны были ожидать мести за нанесенное оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что Болгары и безъ того находились въ разрывѣ съ имперіей. Естественно было также ожидать, что Самуилъ, при счастливомъ для

него исходѣ предстоявшаго столкновенія, не помирится иначе, какъ подъ условіемъ выдачи за него императорской сестры. Чтобы избавить имперію отъ грозившей бѣды и отклонить въ тоже время сватовство грубаго варвара, обагрившаго руки кровью своего отца, византійскіе дипломаты и рѣшились послѣдовать примѣру Никифора Фоки, т. е. противопоставить одного варвара другому. Мы не думаемъ, чтобы византійское правительство, высылая въ Болгарію простую женщину вмѣсто царевны, вѣрило въ полный успѣхъ своего обмана; ему нужно было только выиграть время для пріисканія средствъ для борьбы съ Самуиломъ. Въ то время, какъ шли переговоры съ Самуиломъ и высылалась въ Болгарію мнимая царевна, могли быть завязаны сношенія и съ нашимъ Владиміромъ, котораго византійскіе политики, слѣдуя обычному своему правилу, попытались вооружить противъ Самуила. Теперь-то, по всей вѣроятности, и поднятъ былъ вопросъ о женитьбѣ Владиміра на Аннѣ. Предлагая Владиміру въ невѣсты сестру императора, руки которой домагался Самуилъ, хитрые византійцы разсчитывали возбудить въ русскомъ князѣ, такъ сказать, политическую ревность и вызвать его на борьбу съ Самуиломъ. Выходило, такимъ образомъ, что не Василій просилъ у Владиміра милости, а самъ оказывалъ ему любезность, предпочитая его Самуилу. Это совершенно согласно съ духомъ византійской политики. Маневръ этотъ удался, хотя не совсѣмъ. Владиміръ двинулся на Болгаръ „и побѣди Болгары". Но побѣдитель отнесся къ побѣжденнымъ на этотъ разъ крайне своеобразно: Владиміръ не только не обнаружилъ поползновенія подчинить себѣ Болгаръ, но онъ не наложилъ на нихъ дани, не взялъ даже съ нихъ обычнаго военнаго окупа, а, напротивъ, заключилъ съ ними вѣчный миръ. Любопытно и сужденіе о Болгарахъ Добрыни: „оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ". Въ этихъ словахъ слышится какъ бы сознаніе превосходства болгарской христіанской культуры надъ русскою языческою, слышится

голосъ собственнаго уничиженія, который въ устахъ побѣдителей звучитъ какъ-то неестественно. Для того, чтобы наложить и собирать дань, нужно лишь обладать превосходствомъ грубой физической силы. Превосходство византійской культуры не мѣшало однакожъ ей платить дань (собственно „поминки") сосѣднимъ варварскимъ народамъ, въ томъ числѣ и Русскимъ. Въ виду всего этого позволительно будетъ спросить: не произошелъ ли въ Владимирѣ на болгарской территоріи переворотъ по отношенію къ его прежнимъ намѣреніямъ и планамъ? не заговорило ли въ немъ славянское чувство? не сознаалъ ли онъ того, что просвѣщенная христіанствомъ славянская Болгарія, на случай принятія Русью христіанства, можетъ оказать ей гораздо большія услуги, чѣмъ Греки? Не будемъ забывать и того, что все это происходило, такъ сказать, на канунѣ крещенія Руси, о которомъ Владимиру не разъ пришлось серьезно подумать. Вѣдь на ряду съ вопросомъ о крещеніи народа неизбѣжно поднимался и вопросъ объ устройствѣ церкви, объ іерархіи, о богослужебныхъ книгахъ и пр. Всѣмъ этимъ нуждамъ славянская Болгарія могла удовлетворить съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ иноплеменная Византія. Если такъ, то византійскіе политики, подымая Владимира противъ Самуила, жестоко ошиблись въ своемъ разсчетѣ. Въ виду сказаннаго мы не находимъ ничего неправдоподобнаго даже въ томъ предположеніи проф. Успенскаго, что русскія войска участвовали въ пораженіи Василія при Сардикѣ [1]). Не совсѣмъ понятное бѣгство греческаго войска въ такомъ случаѣ проще всего можно будетъ объяснить неожиданнымъ превращеніемъ Русскихъ изъ союзниковъ въ враговъ, а показаніе лично присутствовавшаго въ греческомъ лагерѣ Льва Діакона о томъ, что онъ чуть-чуть „не сдѣлался жертвою *скиѳскаго* меча", можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ этой догадки. Характеръ дальнѣйшихъ русско-ви-

---

[1]) Журн. Мин. Н. Пр. 1884 г. Апрѣль, стр. 293—294.

затійскихъ отношеній не противорѣчитъ этой догадкѣ. Если допустимъ, что Владиміръ соблазненъ былъ на войну съ Болгарами планомъ женитьбы на Аннѣ, то нескорое осуществленіе этого плана можетъ тоже служить подтвержденіемъ нашей догадки. Это же слѣдуетъ сказать и о томъ обстоятельствѣ, что Василію потомъ не легко, по видимому, было добиться помощи отъ Владиміра для борьбы съ Фокою. По крайней мѣрѣ не видно, чтобы Владиміръ былъ въ данномъ случаѣ хоть сколько нибудь предупредителенъ въ отношеніи къ Василію. Не препятствуетъ признанію нашей догадки и хронологія. Правда, этому нашему предположенію какъ будто противорѣчитъ то обстоятельство, что столкновеніе Болгаръ съ Византіей изъ за сватовства Асохикъ относитъ къ 986 году; слѣдовательно, фактъ этотъ не могъ, по видимому, служить поводомъ къ походу Владиміра, относимому нашимъ лѣтописцемъ въ 985 году. Но показаніе Асохика въ этомъ случаѣ не заслуживаетъ довѣрія: подъ этимъ годомъ у него помѣщены такія событія, которыя, какъ увидимъ ниже, къ нему, несомнѣнно, не относились. Почему этотъ годъ сдѣлался предметомъ особаго вниманія Асохика, понять не трудно. 17-го августа этого года Василій потерпѣлъ вышеупомянутое пораженіе при Сардикѣ и спасенъ былъ отъ плѣна, а можетъ быть даже и отъ смерти, благодаря стойкости армянской пѣхоты, которая, окруживъ императора, другою дорогою вывела его въ Македонію. Вѣсть объ этомъ подвигѣ армянскаго отряда быстро дошла, конечно, до его соотечественниковъ и навсегда сохранилась въ памяти Армянъ; а Асохикъ, какъ извѣстно, самъ былъ Армянинъ. Имѣя эту прочную дату, Асохикъ поставилъ ее центральнымъ пунктомъ въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ и сталъ группировать около нея факты, точныя даты которыхъ ему неизвѣстны были. Подъ 986 годомъ, напр., онъ помѣстилъ начало бунта Варды Фоки, хотя это событіе, несомнѣнно, случилось въ 987 году, ровно годъ спустя послѣ сардикскаго пораженія. Но если онъ могъ

допустить такой промахъ по отношенію къ событію, разыгравшемуся въ Каппадокіи, слѣдовательно, по сосѣдству съ его отечествомъ, то тѣмъ естественнѣе ему было допустить неточность въ отношеніи къ событію, имѣвшему мѣсто въ отдаленной Болгаріи. Замѣтимъ, что фактъ сожженія Болгарами митрополита севастійскаго, по показанію самого же Асохика, предшествовалъ сардиксному пораженію. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что болгарскій походъ Владимира принесъ нѣкоторую пользу и Византіи. Когда потомъ византійцамъ удалось заключить союзъ съ Владимиромъ, то послѣдній, въ качествѣ недавняго побѣдителя и союзника Болгаръ, произвелъ на нихъ дипломатическое давленіе и, какъ увидимъ ниже, остановилъ на время ихъ наступательное движеніе противъ Византіи.

Куда бы, впрочемъ, ни относились слова стихотворенія Іоанна Геометра, во всякомъ случаѣ походъ Владимира на Дунайскихъ Болгаръ представляется не невѣроятнымъ. Если бы почему нибудь оказалось, что этотъ походъ не можетъ быть отнесенъ ни къ 985, ни къ 991 гг., то его можно отнести къ 994 г. Въ лѣтописныхъ спискахъ древнѣйшихъ редакцій (Лаврент. и Ипатск.) этотъ годъ оставленъ пустымъ. Но въ Никоновской лѣтописи подъ 994 годомъ встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „ходи Владимиръ на Болгары, и много ратовавъ ихъ побѣди, и възвратися съ радостію къ Кіевъ". Никоновская лѣтопись, называющая въ другихъ случаяхъ Болгаръ то Низовскими (985 г.), то Агарянами, Измаильтянами и Срацинами (990 г.), то прямо Волжскими и Камскими, въ данномъ случаѣ не придаетъ имъ никакого опредѣленія. Если допустить, что это извѣстіе не есть простой вымыселъ, то естественно возникаетъ вопросъ о томъ, на какихъ же именно Болгаръ ходилъ Владимиръ въ 994 г. По отношенію къ Волжско-Камскимъ Болгарамъ мы этого извѣстія не имѣемъ возможности провѣрить; но въ отношеніи къ Дунайскимъ, оно представляется не только правдоподобнымъ, но даже необходимымъ.

Дѣло въ томъ, что новая война Василія съ Болгарами, открывшаяся взятіемъ самимъ императоромъ въ 991 г. Верріи, скоро приняла для Византіи неблагопріятный оборотъ. Оставленный въ Болгаріи магистръ Григорій погибъ со всѣмъ войскомъ, его товарищъ хандцитскій князь Саакъ попалъ въ плѣнъ. Чтобы поправить дѣла, императоръ вызвалъ съ востока патрика Жана и, сдѣлавъ его магистромъ, отправилъ съ войскомъ въ Македонію противъ Болгаръ. Жанъ далъ имъ нѣсколько сраженій, но, наконецъ, былъ разбитъ и тоже попалъ въ плѣнъ. „Такимъ образомъ, говоритъ Асохикъ, война съ Болгарами затянулась на многіе годы". Затянулась она, между прочимъ, потому, что на Византійскую имперію надвинулась въ тоже время гроза съ Востока. На антіохійскую область напало большое войско египетскаго эмира Азиса. Высланный противъ него небольшой отрядъ подъ начальствомъ магистра Романа не рѣшился напасть на непріятеля, который, пограбивъ нѣкоторыя мѣста, возвратился въ Египетъ. Чрезъ два года тотъ же эмиръ двинулъ на туже область громадное полчище, составленное изъ войскъ аравійскихъ, іерусалимскихъ и ливійскихъ. Высланный противъ него магистръ Буртчъ въ 994 г. былъ разбитъ и обратился въ бѣгство. Тогда самъ императоръ выступилъ противъ непріятеля, который поспѣшилъ уйти, а Василій раззорилъ нѣкоторые округи эмира [1]). Такимъ образомъ представляется совершенно естественнымъ, что Василій, потерпѣвъ неудачу въ Македоніи и будучи вынужденъ въ тоже время направить свои военныя силы на Востокъ, обратился къ своему союзнику и родственнику Владиміру, который и оказалъ ему помощь противъ Болгаръ.

Но признавая вѣроятнымъ походъ Владиміра на Дунайскихъ Болгаръ, историкъ не имѣетъ права отвергать возможность такого же похода и на Болгаръ Волжско Кам-

---

[1]) Асохикъ. стр. 188—189.

скихъ. Кромѣ разсмотрѣнныхъ мѣстъ, въ Никоновской лѣтописи встрѣчаемъ еще слѣдующія извѣстія объ отношеніяхъ русскаго князя къ этимъ Болгарамъ. Подъ 990 г. говорится, что Владиміръ отправилъ къ нимъ съ миссіонерскою цѣлью „философа, нарицаемаго Марка Македонянина". Философъ этотъ на мѣстѣ не имѣлъ успѣха, потому что Болгары „безуміемъ своимъ объюродѣша". Тѣмъ не менѣе проповѣдь его не прошла, по видимому, даромъ, такъ какъ „того же лѣта пріидоша изъ Болгаръ къ Володимеру въ Кіевъ четыре князи, и просвѣтишася божественнымъ крещеніемъ; Володимеръ же чествова ихъ и много удовольствова" [1]). Въ той же лѣтописи подъ 997 г. читаемъ: „ходи Володимеръ на Болгары Воложскіа и Камскіе, и одолѣвъ, плѣни ихъ." [2]). Извѣстія эти, взятыя сами по себѣ, вполнѣ правдоподобны. Не попали же они въ лѣтописные списки древнѣйшихъ Кіевскихъ редакцій потому, что свѣдѣнія о нихъ, по всей вѣроятности, сохранились только въ сѣверовосточной Руси, т. е. по сосѣдству съ мѣстомъ происшествія событій.

Объ отношеніяхъ Владиміра къ сѣвернымъ и западнымъ сосѣдямъ въ русскихъ источникахъ сохранилось еще меньше извѣстій. Въ частности, объ отношеніяхъ къ скандинавскому сѣверу наши древнія лѣтописи не говорятъ буквально ни слова, хотя трудно допустить, чтобы Владиміръ не поддерживалъ связи съ страною, которая оказала ему гостепріимный пріемъ въ критическую минуту его жизни, которая доставила ему значительныя средства для борьбы съ Ярополкомъ и откуда, кажется, была родомъ его первая жена Олава [3]). Положимъ, состояніе тогдашней Скандинавіи было

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IX, стр. 58—59.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

[3]) Въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ Олава называется Чехиней; но С. М. Соловьевъ, выходя изъ того факта, что сынъ Олавы Вышеславъ былъ первымъ его сыномъ и что онъ долженъ былъ родиться отъ брака, заключеннаго или въ Новгородѣ, или во время пребыванія Владиміра въ Скандинавіи, когда

не таково, чтобы съ нею у Владимира могли завязаться правильныя дипломатическія сношенія. На скандинавскихъ островахъ и полу-островахъ въ это время еще продолжалось то внутреннее политическое броженіе, которое завершилось образованіемъ на сѣверѣ трехъ сильныхъ государствъ: Швеціи, Норвеніи и Даніи. Въ борьбѣ за власть, многіе мелкіе владѣтели, боясь преслѣдованія королей, или просто не желая сдѣлаться ихъ подданными, уходили съ своими слугами въ чужія страны, гдѣ, между прочимъ, поступали на службу мѣстныхъ государей. Такимъ путемъ нѣкоторые изъ нихъ попадали на службу и къ русскимъ князьямъ, область которыхъ на сѣверѣ извѣстна была подъ именемъ земли Гардовъ или Гардарикіи. Извѣстія объ этомъ встрѣчаются, между прочимъ, въ Скандинавскихъ сагахъ, которыя, будучи вообще источникомъ довольно мутнымъ, часто содержатъ весьма цѣнныя историческія указанія. Для эпохи Владимира такія указанія находимъ въ вышеупомянутой сагѣ объ Олавѣ, сынѣ Триггвіевѣ. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „многіе молодые люди и дѣти сильныхъ мужей выѣхали изъ Норвегіи, отъ насилія сыновъ Гуннгильды. Одни изъ нихъ пустились на разбой въ различныя страны, другіе искали себѣ славы у иностранныхъ государей, какъ напримѣръ, Гаральдъ Гренландецъ былъ въ Свитіодѣ у Тосты Скогулина. Сигурдъ, сынъ Эрика въ Офростадахъ и братъ Астриды, жилъ на востокѣ въ Гардарикіи у конунга Валдамара, и былъ у него въ большой чести и силѣ" [1]). Изъ дальнѣйшаго хода разсказа видно, что этотъ Сигурдъ жилъ богато, ѣздилъ великолѣпно съ большою свитою и, между прочимъ, посылаемъ былъ Владимиромъ для сбора дани въ Эстляндіи. Такимъ же точно путемъ попалъ ко двору Владимира и племянникъ Сигурда,

---

ему было 18 лѣтъ, совершенно резонно отдаетъ предпочтеніе извѣстію Іоакимовской лѣтописи, называющей Олаву женою варяжскою (Ист. Рос. т. I, изд. 6, стр. 183—184).

[1]) Русск. Истор. Сборн. т. 4, кн. I, стр. 33.

герой саги, Олавъ, снискавшій въ теченіе девятилѣтняго пребыванія здѣсь любовь самаго князя и особенно его супруги Адлогіи, въ названіи которой нельзя не видѣть сходства съ Аделью Іоакимовской лѣтописи. Оставивъ дворъ Владиміра по интригамъ вельможъ, Олавъ, по сказанію саги, спустя нѣкоторое время, опять побывалъ въ Гардарикіи проѣздомъ въ Грецію, возвратившись откуда, онъ убѣдилъ Владиміра принять крещеніе, а пріѣхавшій вслѣдъ за нимъ епископъ Павелъ крестилъ Владиміра, Адлогію и весь народъ и утвердилъ ихъ въ святой вѣрѣ. Къ подробностямъ этого разсказа можно относиться такъ или иначе; но въ общемъ нельзя не видѣть отраженія здѣсь того вѣрнаго факта, что Владиміръ хотя и не отводилъ Варягамъ той роли, какую они играли при его предшественникахъ, но все же не переставалъ пользоваться ихъ услугами, что Русь въ его княженіе не переставала служить проходнымъ путемъ съ отдаленнаго сѣвера въ Грецію, что Варяги, побывавъ въ Греціи и крестившись тамъ, въ свою очередь оказывали вліяніе на распространеніе христіанства и у насъ на Руси. Тутъ невольно вспоминаются слова нашего начальнаго лѣтописца въ сказаніи объ убіеніи въ 983 г. въ Кіевѣ двухъ извѣстныхъ Варяговъ—отца съ сыномъ: „бѣ же Варягъ тъ пришелъ отъ Грѣкъ, и дѣржаше вѣру втайнѣ крестьяньскую“.

Изъ отношеній къ западнымъ сосѣдямъ прежде всего заслуживаетъ вниманія занесенное нашимъ лѣтописцемъ подъ 981 годомъ извѣстіе о походѣ Владиміра на Ляховъ и о занятіи у нихъ городовъ Червеня, Перемышля и другихъ. Нѣкоторые историки находятъ, что фактъ этотъ переданъ нашимъ лѣтописцемъ неточно, что названные города отняты были русскимъ княземъ не у Ляховъ, а у Чеховъ; другіе думаютъ, что Червень и Перемышль расположены были въ области, не подчиненной ни Чехамъ, ни Ляхамъ, а заселенной малочисленными, до тѣхъ поръ свободными, славянскими племенами, которыя теперь впервые покорены были Владиміромъ. Соловьевъ, находя, что доводы, на которыхъ основы-

ваются эти предположенія, не настолько серьезны, чтобы они могли заставить отказаться отъ точнаго пониманія прямаго и отчетливаго показанія нашего лѣтописца, думаетъ, что Владиміръ въ данномъ случаѣ лишь возвратилъ Руси то, что пріобрѣтено было ею при Олегѣ, но что потомъ утрачено было его преемниками. Въ походѣ Владимира въ 992 г. на Хорватовъ этотъ историкъ видитъ продолженіе борьбы съ Польшею за пограничныя области, на что дѣйствительно есть указанія въ другихъ источникахъ. Борьбу эту, по мнѣнію Соловьева, Владимиръ могъ вести съ Мечиславомъ и его преемникомъ Болеславомъ Храбрымъ, въ союзѣ съ Болеславомъ II Чешскимъ [1]). Затѣмъ подъ 983 г. лѣтописецъ говоритъ о войнѣ Владимира съ Литовскимъ племенемъ Ятвягами, жившими между Бугомъ и Наревомъ; Владиміръ будтобы побѣдилъ Ятвяговъ „и взя землю ихъ". Независимый отъ лѣтописца писатель монахъ Іаковъ тоже свидѣтельствуетъ, что Владиміръ „Ятъвяги взя". Въ виду того, что позднѣйшая исторія не подтверждаетъ факта зависимости Ятвяговъ отъ Кіева, необходимо предположить или то, что Ятвяги потомъ освободились отъ этой зависимости, или то, что Владиміръ взялъ не собственно Ятвяжскую землю, а отнялъ захваченную ими сосѣднюю русскую область. Борьбу съ Ятвягами продолжали и преемники Владимира: въ 1038 году ходилъ на нихъ Ярославъ I, а въ 1113 году ихъ побѣдилъ Ярославъ Святополчичъ. Изъ этого, кажется, можно сдѣлать то заключеніе, что борьба съ Ятвягами имѣла скорѣе оборонительный, чѣмъ наступательный характеръ: это дикое воинственное племя, по видимому, часто нападало на сосѣднія русскія области и вызывало мщеніе со стороны русскихъ князей. Подъ конецъ жизни Владиміру пришлось еще разъ столкнуться съ Поляками по слѣдующему поводу. Сынъ Владимира Святополкъ Туровскій былъ женатъ на дочери Боле-

---

[1]) Ист. Рос., изд. 6, т. 1, стр. 171—173.

слава Храбраго, который рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для своихъ религіозно-политическихъ цѣлей. Съ дочерью Болеслава ко двору Туровскаго князя прибылъ Рейнбернъ, епископъ колобрежскій, который, занявшись интригами, сталъ, по видимому, возмущать Святополка противъ отца. Узнавши объ этомъ, Владимиръ предупредилъ замыселъ и лишилъ свободы Святополка съ женою и Рейнберномъ. За Святополка вступился Болеславъ и началъ войну съ Владимиромъ въ союзѣ съ Нѣмцами и Печенѣгами. Но союзники не поладили между собою и Болеславъ приказалъ избить Печенѣговъ. Война эта, какъ можно думать, ограничилась опустошеніемъ русскихъ областей и повела, по видимому, къ освобожденію Святополка [1]). Въ этомъ фактѣ историки видятъ, съ одной стороны, тайные замыслы Болеслава, разсчитывавшаго воспользоваться междоусобіемъ на Руси для своихъ политическихъ цѣлей, съ другой стороны,—замыслы римско-католическаго духовенства, пытавшагося подчинить юную русскую церковь власти римскаго папы [2]). Что въ тогдашнемъ католическомъ мірѣ существовала надежда подчинить русскую церковь Риму, на это есть намеки и въ другихъ источникахъ. Такъ, въ хроникѣ французскаго монаха Адемара († около 1030) говорится, что извѣстный миссіонеръ Брунъ (Бонифацій), отправившись при императорѣ Оттонѣ III (983—1002) на проповѣдь въ Угрію, прибылъ оттуда въ Россію и обратилъ ее „къ вѣрѣ". Но „спустя немного дней пришелъ въ Россію нѣкоторый греческій епископъ и обратилъ низшій классъ народа этой провинціи, который еще былъ преданъ идоламъ, и заставилъ ихъ принять обычай греческій относительно ращенія бороды и прочаго". Отправившись отсюда къ Печенѣгамъ, онъ былъ убитъ ими. Петръ Даміани († 1027)

---

[1]) Объ этомъ разсказываетъ въ своей хроникѣ Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій. VII, 244.

[2]) Соловьевъ. Истор. Рос. т. I, изд. 6, стр. 175—176; Иловайскій, Истор. Рос. ч. I, стр. 82.

разсказываетъ объ этомъ гораздо подробнѣе, причемъ украшаетъ разсказъ чудесами. Поводомъ для сочиненія этихъ сказокъ послужило дѣйствительное путешествіе Бруна (около 1006—7 гг.) къ Печенѣгамъ чрезъ Кіевъ, въ которомъ онъ дружественно принятъ былъ Владиміромъ. Но это случилось при Генрихѣ II Благочестивомъ (1002—1024), когда наша Русь уже была христіанскою. О своемъ пребываніи въ Кіевѣ разсказываетъ самъ Брунъ въ письмѣ къ этому императору [1]. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть указаніе даже на непосредственныя сношенія Владиміра съ папою [2]. Съ другими ближайшими западными сосѣдями Владиміръ жилъ въ мирѣ [3]. Не лишено интереса извѣстіе, занесенное Никоновскою лѣтописью подъ 1001 годомъ. Здѣсь читаемъ: „того же лѣта посла Володимеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ, въ Римъ, а другыхъ во Іерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ, съ глядати земель ихъ и обычаевъ ихъ". Извѣстіе это интересно не со стороны самаго факта, въ дѣйствительномъ существованіи котораго можно усумниться, а со стороны приписываемой здѣсь Владиміру тенденціи. Владиміръ посылаетъ гостей, т. е. купцовъ, конечно, потому, что купцы принадлежали къ числу бывалыхъ и слѣдовательно самыхъ подходящихъ людей въ данномъ случаѣ. Но онъ посылаетъ ихъ не съ торговою, не съ дипломатическою, не съ религіозно-миссіонерскою, не съ паломническою цѣлью, а для того, чтобы *„съглядати зе-*

---

[1]) Голубинскій. Истор. Русск. Церкв. т. I, перв. полов. тома, стр. 186 и слѣд.

[2]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 991 г. говорится о прибытіи пословъ отъ папы къ Владиміру, а подъ 994 г. сообщается о возвращеніи изъ Рима пословъ Владиміра, стр. 64—65. См. также подъ 988 г. стр. 57.

[3]) „И бѣ живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскымъ и съ Стефаномъ Угрьскымъ, и съ Андрихомъ Чешьскымъ, и бѣ миръ межю ими и любы" (Лѣт. по Лавр. списку, стр. 124). Въ Ник. лѣт. кромѣ того подъ 992 г. упоминаются послы отъ Болеслава Лятцкаго и отъ Андриха Чежскаго (стр. 64), а подъ 1001 г. „Послы отъ папы Римскаго и отъ королей Чежьскихъ и Угорскихъ" (стр. 68).

мелъ ихъ и обычаевъ ихъ", т. е. для расширенія своихъ географическихъ, этнографическихъ и политическихъ свѣдѣній, словомъ, для расширенія своихъ знаній, своего умственнаго кругозора. Въ этой тенденціи позднѣйшаго лѣтописца нельзя невидѣть отраженія взгляда древнѣйшихъ писателей, восхвалявшихъ *добрый смыслъ и острый умъ* Владиміра (Иларіонъ).

III.

Гораздо большею сложностью и болѣе серьезными послѣдствіями для русской жизни отличались отношенія Владиміра къ Византійскому двору. Тогдашняя Византія, будучи хотя слабой, но въ тоже время единственной представительницей древней греко-римской классической образованности, невольно привлекала къ себѣ вниманіе сосѣднихъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ: дикіе варвары смотрѣли на нее, какъ на лакомый кусочекъ для грабежа и наживы, народы полуобразованные завидовали блеску формъ ея сравнительно очень высокой для тогдашняго времени культуры. Родства и дружбы съ византійскимъ императоромъ одинаково домогался и нѣмецкій императоръ и русскій князь и хазарскій каганъ. Но этому блеску внѣшнихъ формъ жизни далеко не соотвѣтствовала внутренняя сила государства: слѣды одряхлѣнія и органическаго разложенія имперіи сказывались, во первыхъ, въ терзавшихъ ее постоянныхъ внутреннихъ смутахъ, во вторыхъ, въ томъ сравнительно слабомъ сопротивленіи, какое она оказывала нападавшимъ на нее врагамъ. Время княженія нашего Владиміра было моментомъ особенно тяжкихъ испытаній для Византійскаго государства. На императорскомъ престолѣ теперь сидѣли тамъ два юныхъ Романовича: Василій II Болгаробойца и его родной братъ, слабодушный Константинъ. Въ малолѣтство этихъ двухъ порфирородныхъ государей, имперіей, съ титуломъ императоровъ, управляли два даровитыхъ человѣка: сначала Никифоръ Фока

(963—969 гг.), а потомъ Іоаннъ Цимисхій (969—976 гг.). Время правленія этихъ лицъ было временемъ благоденственнаго состоянія государства сравнительно съ тѣмъ, что наступило послѣ смерти Цимисхія (10-го января 976 г.). Для характеристики послѣдовавшаго за смертію Цимисхія времени воспользуемся слѣдующимъ весьма интереснымъ мѣстомъ изъ исторіи Льва Діакона. Лѣтомъ 975 г. Цимисхій возвращался изъ своего успѣшнаго сирійскаго похода. „Въ это время, говоритъ этотъ историкъ, въ началѣ августа мѣсяца, явилась на небѣ удивительная, необыкновенная и превышающая человѣческое понятіе комета. Въ наше время никогда еще не видали подобной, да и прежде не случалось, чтобы какая нибудь комета столько дней была видима на небѣ. Она восходила на зимнемъ востокѣ, и, поднимаясь вверхъ, высясь, какъ кипарисъ, достигала наибольшей высоты, а потомъ, тихо колеблясь, склонялась къ полудню, горя сильнымъ огнемъ, испуская блестящіе и яркіе лучи и являясь чѣмъ то полнымъ страха и ужаса для людей. Бывъ усмотрѣна, какъ сказано, въ началѣ августа, она совершала свой восходъ въ продолженіе 80 дней, будучи видима отъ полудня до самаго бѣлаго дня. Императоръ, замѣтивъ необыкновенное знаменіе, спрашивалъ людей, занимавшихся наблюденіемъ воздушныхъ явленій: что означаетъ это страшилище. Они объяснили появленіе кометы не такъ, какъ это давала разумѣть ихъ наука, а примѣняясь къ желанію государя и обѣщая ему побѣду надъ врагами и долготу дней. Этими толкователями были Логоѳетъ и магистръ Симеонъ и архіепископъ Никомидійскій Стефанъ—мужи избраннѣйшіе изъ тогдашнихъ мудрецовъ. На самомъ дѣлѣ явленіе кометы означало не то, что они подсказывали изъ угожденія царю; напротивъ, оно *предвѣщало страшные мятежи, нашествіе народовъ, междоусобныя брани, переселеніе городовъ и странъ, голоды и моровыя язвы, ужасныя землетрясенія и почти совершенную гибель Римской имперіи, какъ мы въ этомъ убѣдились изъ послѣдовавшихъ затѣмъ собы-*

тій" [1]). Это извѣстіе дорого потому, что оно писано 15 лѣтъ спустя послѣ появленія кометы и поэтому на него можно смотрѣть, какъ на краткій перечень тѣхъ бѣдствій, которыя разразились надъ имперіей въ этотъ промежутокъ времени. Подъ *междоусобными бранями*, о которыхъ здѣсь говорится, Левъ Діаконъ разумѣлъ, конечно, два бунта, поднятыхъ двумя Вардами, сначала Скиромъ, а потомъ Фокою. Первый былъ родственникомъ императора Іоанна Цимисхія, второй—Никифора Фоки. Оба они были даровитыми полководцами, личными врагами и соперниками. Когда, послѣ смерти Цимисхія, кормило правленія перешло въ руки эвнуха Василія, прославившагося своими интригами, темными и кровавыми происками, правительство потеряло популярность въ глазахъ византійской аристократіи, чѣмъ и поспѣшилъ воспользоваться Варда Склиръ для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Занимая высокій постъ главнокомандующаго восточной (азіатской) арміи, Склиръ вызвалъ тревожныя опасенія въ Эвнухѣ Василіѣ, который поспѣшилъ перевести его простымъ губернаторомъ (дукою) въ Месопотамію. Здѣсь онъ провозгласилъ себя императоромъ, и, получивъ помощь отъ сарацинскихъ эмировъ за-евфратскихъ городовъ Амиды и Мартирополя, онъ двинулся въ Малую Азію, гдѣ, преодолѣвъ цѣлый рядъ затрудненій, явился подъ Абидосомъ, взялъ Никею и уже готовился приступить къ осадѣ Константинополя. Въ эту критическую минуту, для борьбы съ опаснымъ врагомъ, правительство вызвало изъ ссылки постриженнаго въ монахи Варду Фоку и вручило ему команду надъ войскомъ. Началась борьба двухъ соперниковъ, сопровождавшаяся страшнымъ раззореніемъ Малоазійскихъ областей. Послѣ первыхъ неудачъ, Фокѣ наконецъ удалось нанести пораженіе Склиру

---

[1]) Истор. Льва Діакона. Переводъ Д. Попова. С.-пб., 1820 г., стр. 104. Но мы воспользовались мастерскимъ переводомъ этого отрывка, сдѣланнымъ г. Васильевскимъ съ Боннскаго изданія (Жур. М. Н. Пр. 1876 г, Мартъ, стр. 117—118).

(979), который, спасаясь бѣгствомъ, на сарацинской территоріи былъ схваченъ, отправленъ въ Багдадъ, гдѣ подвергся заключенію. Попытка византійскаго правительства вытребовать его не удалась. Багдадскій эмиръ смотрѣлъ, по видимому, на Склира, какъ на сильное орудіе противъ Василія, и поэтому дорожилъ имъ. Побѣдитель Фока назначенъ былъ главнокомандующимъ (доместикомъ) всей азіатской арміи.

Между тѣмъ приходившій въ возрастъ Василій сталъ обнаруживать сильный и самостоятельный характеръ. Вельможи, пользовавшіеся прежде полнымъ произволомъ, стали тяготиться надзоромъ императора, который на все сталъ налагать свою властную руку. Въ придворныхъ сферахъ стало обнаруживаться недовольство, сопровождавшееся устраненіемъ отъ должностей разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ оказался и временщикъ евнухъ Василій. Принимая во вниманіе всѣ тогдашнія весьма разнообразныя обстоятельства, приводя къ единству запутанныя извѣстія разныхъ источниковъ, баронъ Розенъ весьма остроумно предполагаетъ, что въ Византіи въ это время готовился цѣлый заговоръ противъ Василія, во главѣ котораго стоялъ паракимоменъ (евнухъ Василій), давно уже тяготившійся тѣмъ, что юный императоръ смѣлъ дѣйствовать самостоятельно. Составленъ былъ уже планъ осуществленія этого заговора, который однакожъ не вполнѣ удался, потому что императоръ слишкомъ рано напалъ на слѣдъ его и во время заточилъ главнаго дѣятеля, т. е. паракимомена [1]). Для усложненія затрудненій императора заговорщики рѣшили, по видимому, подогрѣть начавшееся въ Болгаріи движеніе, во главѣ котораго сталъ знаменитый Самуилъ съ братьями. Съ этою, какъ думаютъ, цѣлью выпущены были изъ плѣна два болгарскихъ царевича, Борисъ и Романъ Петровичи, заключенные въ Константинополѣ еще Цимисхіемъ. Старшій Борисъ, по недоразумѣнію, былъ убитъ на пути самими Болгарами,

---

[1]) Императоръ Василій Болгаробойца. Прим. 141, стр. 173.

а Романъ благополучно возвратился въ отечество, хотя, какъ скопецъ, не могъ занять здѣсь положенія, принадлежавшаго ему по рожденію. Тѣмъ не менѣе возстаніе росло и стало принимать опасные размѣры: „дышущіе убійствомъ, говоритъ Левъ Діаконъ, они (Болгары) по дерзости своей и звѣрству вредили Римскому государству: опустошали Македонскія области и всѣхъ безъ пощады убивали“. Рѣшено было подавить возстаніе военною силою. Во главѣ отправлявшагося въ Болгарію войска, къ немалой досадѣ Варды Фоки и нѣкоторыхъ другихъ, сталъ самъ императоръ. О результатахъ этого похода пусть намъ разскажетъ непосредственный участникъ въ немъ, Левъ Діаконъ. „Движимый пламеннымъ гнѣвомъ болѣе, нежели благоразуміемъ, говоритъ этотъ историкъ, онъ (императоръ) спѣшилъ однимъ нападеніемъ завоевать Мисію (Болгарію). Прошедши тѣсныя и гористыя мѣста, онъ приступилъ къ Сардикѣ, обыкновенно называемой по скиѳски Тралицею, расположился тамъ станомъ и двадцать дней осаждалъ сей городъ безъ всякаго успѣха: ибо войско отъ неудачи въ сраженіяхъ своихъ предводителей предавалось безпечности и бездѣйствію. Посему еще сначала, какъ выходили изъ шатровъ искать корму и сѣна, Мисяне напали на него, великое число положили на мѣстѣ и отбили множество коней и вьюковъ. Когда ни осадныя, ни другія воинскія орудія, по неопытности приставлявшихъ оныя къ стѣнамъ, никакой не дѣлали пользы и наконецъ сожжены были, когда притомъ всѣ привезенные припасы отъ неумѣреннаго употребленія вышли и войско имѣло въ нихъ недостатокъ, тогда государь, уложивши всѣ свои вещи, немедленно отправился въ Византію. Онъ шелъ непрерывно цѣлый день, а вечеромъ остановился со всею своею ратью для отдохновенія.—Ночью, когда не смѣнилась еще первая стража, вдругъ, съ восточной стороны стана, явилась большая звѣзда, освѣтила чрезвычайнымъ свѣтомъ шатры и, упавши у самаго рва, на западной сторонѣ, разсыпалась на многія искры и погасла. Ея паденіе предвѣщало *совершенное истреб-*

леніе воинства: сіе явленіе вездѣ, гдѣ только случалось, всегда означало *гибель всего*, находящагося на томъ мѣстѣ... На другой день войско проходило по одной лѣсистой и наполненной оврагами равнинѣ; но лишь только вышло изъ оной въ гористыя и наполненныя пещерами мѣста, какъ Мисяне напали на него, *множество побили, захватили царскую палатку со всьми сокровищами и весь обозъ отбили.* Въ то время и я самъ (добавляетъ авторъ), описывающій сіе бѣдствіе, по несчастію находился при государѣ въ должности *діакона*" [1]). Изъ передачи этого факта другими современными историками отмѣтимъ слѣдующіе, не лишенные вѣроятія, варіанты. Яхъя говоритъ, что императоръ не добровольно оставилъ осаду города, а поспѣшно бѣжалъ, и что это бѣгство вызвано было неожиданно пущеннымъ по войскамъ слухомъ о томъ, что горный перевалъ отрѣзанъ непріятелемъ [2]). Асохикъ сообщаетъ, что Болгары, „окруживъ въ горныхъ проходахъ царя со всѣмъ его войскомъ, всѣхъ предали мечу; только армянская пѣхота, спереди и сзади обступивъ царя Василія, другою горною дорогою вывела его въ Македонію. Вся же конница (греческая) со всѣмъ скарбомъ и царскимъ убранствомъ предалась непріятелю" [3]). Это случилось 17 августа 986 года. Это страшное пораженіе имѣло рѣшающее значеніе на ходъ послѣдующихъ событій; постигшее императора несчастье придало смѣлости его врагамъ; а враговъ у него было немало. Самымъ опаснымъ на этотъ разъ оказался Варда Фока. Василій, по видимому, еще раньше заподазрѣвалъ его въ честолюбивыхъ замыслахъ и поэтому, лишивъ его военнаго поста доместика (главнокомандующаго) надъ всею восточною (азіатскою) арміей, назначилъ дукою (губернаторомъ) надъ востокомъ и правителемъ Антіохіи и

---

[1]) Переводъ Попова, стр. 105—107.

[2]) Яхъя. Бар. Розенъ, стр. 20.

[3]) Всеобщ. Истор., стр. 177.

всѣхъ областей востока,—т. е. повторилъ въ отношеніи къ нему тотъ же пріемъ, какой раньше примѣненъ былъ въ отношеніи къ Склиру. Честолюбивый Фока и его сторонники ждали лишь удобнаго случая для того, чтобы поднять противъ императора знамя бунта. Такой случай скоро представился. Неудача императора въ болгарскомъ походѣ вызвала надежды и въ старомъ бунтовщикѣ Склирѣ, котораго эмиръ все еще держалъ въ заключеніи. „И дошло это (слухъ о пораженіи Василія) до Склира и онъ послалъ къ Самсам-ал-даулѣ, прося его отпустить его, чтобы онъ могъ воспользоваться случаемъ; и просилъ его помочь ему людьми и припасами, и обѣщалъ ему исполнить то, къ чему онъ обязался предъ его отцемъ Адуд-ал-даулой [1]). И согласился Самсам-ал-даула на это и взялъ со Склира, его брата Константина и Романа, сына Склира, клятвы и обязательства въ честномъ выполненіи всего этого. И освободилъ онъ всѣхъ его людей и всѣхъ ихъ—а ихъ болѣе трехсотъ человѣкъ—и отпустилъ имъ лошадей и оружіе изъ числа того, что онъ прежде у нихъ отобралъ" [2]). Имя Склира снова загремѣло на востокѣ. Его громкая извѣстность снова собрала около него достаточное количество войска: „и усилилось положеніе Склира и собралось къ нему большое число арабовъ-акайлійцевъ и нумерійцевъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ, и армянъ". Діарбекирскій владѣтель Бадъ прислалъ ему своего брата Абу-Али съ сильнымъ войскомъ [3]). Итакъ, не успѣлъ Василій оправиться отъ одной бѣды, какъ съ востока нагрянула на него другая. Оказавшись въ критическомъ положеніи, императоръ, еще ничего не зная о замыслахъ Фоки, вынужденъ былъ возвратить ему званіе глав-

---

[1]) Склиръ далъ обѣщаніе Адуд-ал-даулѣ, въ случаѣ успѣха въ борьбѣ съ Василіемъ, уступить ему „нѣсколько изъ тѣхъ крѣпостей, которыя греки заняли и вырвали изъ рукъ мусульманъ". Яхъя. Тамъ же, стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

[3]) Тамъ же, стр. 22.

нокомандующаго, отправилъ къ нему войска и предписалъ ему идти на Склира, „(но) предварительно послалъ онъ къ Фокѣ человѣка, который долженъ былъ взять съ него клятву всѣми святыми и крѣпкія обязательства въ искреннемъ доброжелательствѣ и преданности его царю и полной покорности ему“. Получивъ въ свое распоряженіе армію, Фока немедленно вошелъ въ сношеніе съ Склиромъ и предложилъ ему дѣйствовать за одно противъ Василія, съ тѣмъ, чтобы потомъ, завладѣвъ государствомъ, раздѣлить его пополамъ на извѣстныхъ условіяхъ. Склиръ согласился; но когда явился къ Фокѣ для переговоровъ, послѣдній приказалъ схватить его и заключилъ въ одномъ замкѣ, обѣщавъ, впрочемъ, исполнить заключенное съ нимъ условіе, когда затѣянное имъ дѣло доведено будетъ до конца [1]).

Между тѣмъ 15 августа 987 года, въ округѣ Харсіанскомъ (въ Арменіи), въ домѣ богатаго магната Евстафія Малеина собрались военные вожди и богатые властители византійскіе, недовольные Василіемъ, и провозгласили императоромъ Варду Фоку [2]). Но по какимъ-то соображеніямъ заговорщики нашли нужнымъ пока удержать это рѣшеніе въ тайнѣ. Возможно, что Фока въ это время еще не успѣлъ лишить свободы Склира. Когда же и это препятствіе было устранено, Фока, наконецъ, сбросилъ съ себя маску и 15 сентября того же 987 года открыто провозгласилъ себя императоромъ.

Но здѣсь мы должны остановиться и сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Фактъ возникновенія бунта Фоки мы передали подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, какой придается ему въ лѣтописи Яхъи. Но кромѣ показаній этого лѣтописца, наука располагаетъ и другими источниками, знакомящими насъ съ разсматриваемымъ событіемъ. Сюда прежде всего относятся

---

[1]) Тамъ же, стр. 22—23.

[2]) Georgius Cedrenus. Bonnae, t. II, pag. 438.

показанія византійскихъ историковъ. Что же говорятъ намъ эти историки о началѣ бунта Фоки? Показанія ихъ въ данномъ случаѣ существенно расходится съ показаніями Яхъи. Пунктомъ разногласія въ этомъ случаѣ является вопросъ о томъ, кому изъ двухъ бунтовщиковъ, т. е. Склиру или Фокѣ—принадлежитъ инниціатива бунта, или точнѣе—кто изъ нихъ первый поднялъ знамя возстанія? Специфическая особенность показаній Яхъи по этому вопросу заключается въ слѣдующемъ. Какъ только извѣстіе о пораженіи императора при Сардикѣ доходитъ до Багдада, находившійся въ заключеніи Склиръ начинаетъ хлопотать о своемъ освобожденіи и получаетъ свободу въ промежутокъ времени между 6-мъ декабря 986 г. и 3 января слѣдующаго 987 года. Угроза со стороны мусульманъ заставляетъ его спѣшить въ Малатію, куда онъ, при помощи арабовъ, прибываетъ въ мѣсяцѣ февралѣ. Здѣсь усиливается его положеніе и онъ провозглашаетъ себя имераторомъ; слухъ объ этомъ заставляетъ императора Василія возвратить Фокѣ званіе доместика, выслать ему войска и отправить противъ Склира. Это случилось между 3 апрѣля и 2 мая того же 987 г. Только теперь, получивши въ свое распоряженіе войска, Фока начинаетъ думать о бунтѣ; но дѣйствуетъ пока тайно и крайне осторожно: его открытому образу дѣйствій мѣшаетъ опасный соперникъ Склиръ, къ устраненію котораго онъ прежде всего принимаетъ мѣры. Фока первый начинаетъ переговоры съ своимъ соперникомъ, избравъ посредникомъ брата его Константина. Переговоры эти оканчиваются договоромъ, по которому бунтовщики дѣлятъ государство на двѣ половины: „и будетъ Фока въ городѣ Константинополѣ (царствовать), а Склиръ внѣ его“. Все это дѣлается пока тайно; по крайней мѣрѣ, императоръ ничего не знаетъ объ этомъ планѣ своихъ враговъ. Но когда договоръ былъ заключенъ между бунтовщиками и оставалось только принять мѣры къ соединенію обѣихъ армій, родной сынъ Склира Романъ спѣшитъ къ императору и открываетъ ему тайну заговора. Романъ, ока-

завшійся дальновиднѣе своего отца, сразу понялъ, какую ловушку готовитъ для Склира Фока и пытался убѣдить отца, „что все это хитрость со стороны Фоки во вредъ ему". Когда же отецъ не внялъ ему, Романъ рѣшился на послѣднее средство—на доносъ, надѣясь, вѣроятно, этимъ заслужить милость императора и такимъ образомъ спасти отца. Но было уже поздно: при второмъ свиданьи Фоки съ Склиромъ, послѣдній былъ схваченъ и заключенъ „въ замокъ, гдѣ находилась его (Фоки) жена". При этомъ Фока сказалъ своему обманутому союзнику: „ты останешься въ такомъ положеніи въ этой крѣпости, гдѣ моя жена; а когда я достигну того, къ чему стремлюсь и овладѣю царствомъ, то сдержу тебѣ то, о чемъ мы съ тобою условились и не обману тебя". Такое, не совсѣмъ понятное на первый взглядъ, великодушіе со стороны Фоки въ отношеніи къ попавшемуся въ его руки сопернику всего естественнѣе объяснять опасеніемъ Фоки за то, какъ бы собравшіяся подъ знаменемъ Склира войска не отказались служить ему—Фокѣ, когда ихъ настоящій вождь лишенъ былъ свободы. Только теперь, когда опасность со стороны Склира была устранена, хитрый Фока, получившій безъ особаго труда въ свои руки двѣ арміи, нашелъ возможнымъ открыто поднять знамя бунта, что и случилось 15 сентября.—Изъ хода изложенныхъ событій видно, что, по показанію Яхъи, Фока сталъ принимать рѣшительныя мѣры къ подготовкѣ бунта не раньше того, какъ получилъ званіе главнокомандующаго надъ арміей, назначавшейся для борьбы съ Склиромъ, что случилось около четырехъ мѣсяцевъ спустя послѣ освобожденія Склира изъ заключенія и около мѣсяца спустя послѣ прибытія его въ Малатію, гдѣ онъ открыто провозгласилъ себя императоромъ. А между открытымъ провозглашеніемъ императоромъ Склира, съ одой стороны, и Фоки—съ другой, прошло приблизительно около шести или семи мѣсяцевъ (февраль—сентябрь). Совершенно иначе передается вся эта исторія у Кедрина (Скилицы), занимающаго въ отношеніи

къ данному вопросу первое мѣсто между византійскими историками. О мотивахъ освобожденія эмиромъ Склира Кедринъ ничего не говоритъ. По словамъ Кедрина, Склиръ освобождается изъ заключенія παραδόξως. О первыхъ шагахъ освобожденнаго Склира, о его успѣхахъ въ Малатіи, объ отправленіи противъ него императоромъ войскъ подъ начальствомъ Фоки—Кедринъ тоже ничего не знаетъ. О времени возвращенія Склира изъ плѣна говорится глухо. Сказавъ о вышеупомянутомъ собраніи заговорщиковъ въ домѣ Малеина, Кедринъ продолжаетъ: τούτου δὲ ἀναγορευθέντος, ἠγγέλλετο καὶ ὁ Σκληρὸς ἥκων ἀπὸ Συρίας [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: καὶ ὁ μὲν Σκληρὸς ἑνὶ τῶν εἰρημένων τρόπων τὴν Ῥωμαίων καταλαμβάνει γῆν, εὑρὼν Βάρδαν τὸν Φωκᾶν ὡς βασιλέα ἀνευφημούμενον, καὶ αὐτὸς ὁμοίως παρὰ τῶν συνόντων ἀνευφημούμενος [2]). Словамъ Кедрина: εὑρὼν... у Зонары соотвѣтствуетъ аналогичный оборотъ: μαθὼν τὸν Φωκᾶν ἤδη βασιλειῶντα καὶ τυραννίδος ἀρξάμενον... Изъ приведенныхъ словъ видно, что, по представленію византійскихъ историковъ, въ то время, когда Склиръ появился въ предѣлахъ византійскаго государства, Фока уже бунтовалъ, т. е. мы здѣсь встрѣчаемъ мысль совершенно противоположную той, какую раньше встрѣчали у Яхъи. Далѣе, по показанію Яхъи, Фока первый завязалъ сношенія съ Склиромъ; по показанію же Кедрина, это случилось наоборотъ: Склиръ γράμματα μὲν οὖν αὐτὸς ἐκπέμπει πρὸς τὸν Φωκᾶν, κοινοπραγίαν ἐξαιτῶν καὶ τῆς βασιλείας διανομήν, εἰ καταγωνίσασθαι δυνηθεῖεν τὸν βασιλέα [3]). Въ иномъ свѣтѣ представленъ у Кедрина также и фактъ отправленія сына Склира—Романа къ императору. По Кедрину, не самъ Романъ уходитъ съ доносомъ, а его тайно посылаетъ отецъ, разсчитывая на то, что если одолѣетъ Фока въ борьбѣ съ императоромъ, то Склиръ заступится за сына предъ побѣдителемъ, а если побѣдитъ императоръ,

---

[1]) Bonnae, II, 438.
[2]) Ibid. 441.
[3]) Ibid. 442.

то Романъ исхлопочетъ у него прощеніе отцу [1]). Какой же изъ этихъ двухъ традицій слѣдуетъ отдать предпочтеніе? Мы не сомнѣваемся стать на сторону Яхъи. Его разсказъ изобилуетъ фактическими подробностями, сопровождаемыми хронологическими датами; отдѣльные эпизоды въ его разсказѣ находятся въ причинной связи между собою и взятые вмѣстѣ прекрасно выясняютъ исторію возникновенія бунта Фоки: пораженіе Василія при Сардикѣ влечетъ за собою освобожденіе Склира изъ заключенія; успѣхи поднявшаго возстаніе Склира вынуждаютъ императора возвратить Фокѣ званіе главнокомандующаго надъ арміей; переходъ арміи въ руки Фоки даетъ возможность ему привести въ исполненіе свою завѣтную мысль, т. е. поднять возстаніе противъ Василія; будучи не въ состояніи одновременно дѣйствовать на два фланга, Фока самъ первый входитъ въ сношеніе съ Склиромъ и съ истинно византійскою хитростію успѣваетъ обмануть своего соперника, съ которымъ поступаетъ такъ, какъ требовали обстоятельства. Что же касается эпизода съ Романомъ, то онъ, намъ кажется, правдоподобнѣе переданъ у Кедрина. Много видѣвшій на своемъ вѣку и много знавшій старый Склиръ, взвѣсивъ шансы обоихъ противниковъ (Василія и Фоки), могъ найти, что положеніе Василія не безвыходное и поэтому, принимая лично сторону Фоки, обѣщавшаго больше, чѣмъ могъ дать ему императоръ, онъ въ тоже время позаботился устроить себѣ выходъ и на тотъ случай, если бы верхъ одержалъ императоръ. Хотя нужно замѣтить, что и въ передачѣ Яхъи нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Вспомнимъ, какъ когда-то Мстиславъ Изяславичъ, оказавшись дальновиднѣе своего отца, убѣждалъ его не заключать мира съ вѣроломнымъ Владимиркомъ Галицкимъ. Но самымъ сильнымъ доводомъ въ пользу разсматриваемыхъ показаній Яхъи слѣдуетъ признать полное согласіе ихъ съ показаніями Асохика, писателя, тоже современнаго описы-

---

[1]) Ibid. 442.

ваемымъ событіямъ и вполнѣ независимаго. Передавъ также, какъ и Яхъя, только въ болѣе сокращенномъ видѣ, фактъ прибытія Склира въ Малатію и замѣтивъ, что „въ Греціи снова начались прежнія смуты“, Асохикъ продолжаетъ: „Вардъ, онъ же Фока, *по приказанію Василія,* пошелъ противъ него (Варда Склероса) войною во главѣ всѣхъ греческихъ и иверійскихъ войскъ. *Онъ отправилъ* къ послѣднему пословъ съ (слѣдующимъ) обманчивымъ предложеніемъ: „приди (ко мнѣ), мы заключимъ миръ и раздѣлимъ между собою Грецію, уничтоживъ владычество Василія“. Царь Вардъ согласился на это и отпустилъ бывшія при немъ войска Татчиковъ. Но когда они встрѣтились другъ съ другомъ, то Вардъ, онъ же Фока, измѣнивъ своей клятвѣ, по прошествіи семи дней, схватилъ Варда Склероса и съ вооруженнымъ конвоемъ приказалъ отвести его въ крѣпость Жервасъ“. По Кедрину, Склиръ посаженъ былъ въ Каппадокійскую крѣпость Тиропею. Любопытно то, что рѣчь, съ которою здѣсь послы Фоки обращаются къ Склиру, совершенно напоминаетъ вышеприведенныя слова письма, съ которымъ, по Кедрину, Склиръ обратился къ Фокѣ. Отвѣтное же письмо Фоки, по Кедрину, содержало въ себѣ болѣе опредѣленное предложеніе: „если одержимъ верхъ—писалъ Фока Склиру—ты царствуй въ Антіохіи надъ Финикіею, Сиріею, Палестиною и Месопотаміею, а я воцарюсь въ Константинополѣ надъ остальною частью“. Проэктъ этотъ, и по показанію Яхъи, принадлежалъ Фокѣ, который представляетъ его заключительнымъ актомъ начатыхъ Фокою переговоровъ. Изъ сказаннаго видно, что Фока первый обратился къ Склиру сначала съ предложеніемъ общаго характера; когда же встрѣтилъ въ Склирѣ сочувствіе, то онъ предложилъ ему уже опредѣленное условіе, на которое Склиръ далъ свое согласіе.

Мы довели разсказъ до того момента, когда событія, имѣвшія мѣсто въ Византіи, начинаютъ вступать въ причинную связь съ событіями изъ русской исторіи и когда,

слѣдовательно, на помощь иностраннымъ источникамъ являются наши русскіе источники. Но совмѣстное пользованіе этими двоякаго рода источниками встрѣчаетъ немалое затрудненіе въ замѣчаемомъ между ними разногласіи въ хронологическихъ показаніяхъ. Такъ какъ въ послѣдовательномъ ходѣ ряда слѣдующихъ событій исходнымъ пунктомъ является начало бунта Варды Фоки, то мы предварительно и остановимся на этомъ моментѣ и постараемся съ возможною твердостію закрѣпить его хронологическую дату. Прямое указаніе на начало этого бунта мы встрѣчаемъ у трехъ писателей: Кедрина (Скилицы), Яхъи и Асохика. У Кедрина находимъ слѣдующее показаніе: „15 индикта, 6494 года, въ мѣсяцѣ октябрѣ, случилось большое землетрясеніе, были разрушены многіе домы и храмы и часть свода великой церкви, что потомъ опять императоръ любочестиво исправилъ, издержавъ десять кентинаріевъ золота на однѣ тѣ машины для восхода, на которыхъ рабочіе, стоя и принимая поднимаемые вверхъ матеріалы, строили вновь обрушившееся“. Сказавъ это, Кедринъ непосредственно переходитъ къ сообщенію уже извѣстнаго намъ факта собранія заговорщиковъ въ домѣ Малеина, которое, по его словамъ, состоялось 15 августа 15 индикта (ιέ τοῦ Αὐγούστου μηνός, τῆς ιέ ἰνδικτιῶνος) [1]). Дата эта заключаетъ въ себѣ двоякую несообразность. По этому показанію, собраніе заговорщиковъ случилось въ одинъ годъ съ вышеописаннымъ землетрясеніемъ, каковымъ годомъ признается 6494, т. е. 986 годъ. Между тѣмъ профессоръ Васильевскій [2]), на основаніи цѣлаго ряда свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ, вполнѣ доказалъ, что землетрясеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, случилось не въ 986, а въ 989 году. Невѣрность этой даты по отношенію къ факту землетрясенія не даетъ однакожъ права заключать о ея невѣрности и по отношенію къ

---

[1]) Bonnae, t. II, стр. 438.

[2]) Журн. М. Нар. Пр. 1876 г., мартъ, стр. 158 и слѣд.

собранію заговорщиковъ. Но тутъ приходится имѣть дѣло съ другою несообразностью. Дѣло въ томъ, что дата эта страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ; противорѣчіе это заключается въ несоотвѣтствіи индикта году: октябрь 15-го индикта есть октябрь не 6494, а 6495 года. Это же слѣдуетъ сказать и объ августѣ мѣсяцѣ. Итакъ, если въ этой датѣ мы примемъ годъ, то заговоръ въ домѣ Малеина должны будемъ отнести къ августу 986 года, если же примемъ индиктъ, то должны будемъ отнести его къ слѣдующему 987 году. Непосредственно очевидно, что изслѣдователю въ этомъ случаѣ нечего колебаться: непосредственное отношеніе къ заговору въ текстѣ имѣетъ дата индикта, а не года, и слѣдовательно остановиться приходится на первой, а не на второй. Такимъ образомъ, если за начало бунта принять заговоръ въ домѣ Малеина, то его, по Кедрину, придется отнести къ 15 августа 987 года.—Другимъ характеромъ отличается дата, занесенная въ лѣтопись Яхъи. Яхъя говоритъ, что „взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ среду, день праздника Креста, 14 Айлуля (сентября) 1298 (987), т. е. 17 Джумады I 377" [1]). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двойной датой: христіанской и мусульманской; здѣсь кромѣ того даны: мѣсяцъ, число, день недѣли и пріуроченный къ нему христіанскій праздникъ. Словомъ, здѣсь дата обставлена такими точными подробностями, что изслѣдователь ничего лучшаго и представить себѣ не можетъ. Замѣтимъ также, что дата эта, рядомъ посредствующихъ второстепенныхъ датъ, непосредственно связана съ датой пораженія Василія при Сардикѣ, такъ что обѣ эти даты взаимно поддерживаютъ и оправдываютъ одна другую. Итакъ, по показанію Яхъи, бунтъ Варды Фоки открыто начался 15 сентября 987 года. Чтобы устранить противорѣчіе этого показанія съ выше разсмотрѣннымъ показаніемъ

---

[1]) Баронъ Розенъ, стр. 23.

Кедрина, необходимо признать, что оба эти писателя датируютъ въ данномъ случаѣ различные факты: Кедринъ говоритъ о провозглашеніи Фоки императоромъ въ *тайномъ* собраніи заговорщиковъ, которое случилось 15 августа, Яхъя говоритъ объ *открытомъ* провозглашеніи его императоромъ, которое случилось 15 сентября, т. е. мѣсяцемъ позже. Показанію этихъ писателей противорѣчитъ показаніе Асохика, который утверждаетъ, что „Вардъ, онъ же Фока, въ 435—986 году отложившись, началъ во главѣ греческихъ и иверійскихъ войскъ войну противъ царственнаго города Константинополя, (продолжавшуюся) два года“ [1]). Чтобы понять силу этого противорѣчія, нужно помнить слѣдующее. Каждый изъ этихъ трехъ историковъ придерживается различной системы счисленія. Кедринъ ведетъ счетъ годамъ отъ Р. Х. и по индиктамъ, и придерживается принятаго на первомъ вселенскомъ соборѣ *сентябрскаго* года, который начинается сентябремъ и оканчивается августомъ.—Яхъя большую часть своихъ хронологическихъ показаній отмѣчаетъ по мусульманскому счету (годъ гиджры); нѣкоторыя же изъ нихъ, главнымъ образомъ тѣ, которыя касаются византійскихъ или христіанскихъ дѣлъ, отмѣчены у него по христіанскому счету съ переложеніемъ на мусульманскій; но христіанскій счетъ у него не тотъ, что у Кедрина, т. е. не византійскій, а счетъ восточныхъ христіанъ, которые вели свое счисленіе по эрѣ такъ называемыхъ „греческихъ лѣтъ“ или Александра, т. е. по эрѣ селевкидовъ; годъ у нихъ былъ *октябрскій*, т. е. начинался октябремъ и оканчивался сентябремъ. Этого года придерживается и Яхъя, что видно изъ порядка слѣдованія у него мѣсяцевъ въ году. Асохикъ придерживается армянской системы счисленія, но годъ у него *мартовскій*, т. е. тотъ же, что и у нашего лѣтописца: разсказавъ подъ 988 годомъ о хрисопольской битвѣ и переходя къ разсказу о битвѣ абидоской, онъ замѣчаетъ: „съ наступ-

---

[1]) Всеобщ. Истор., стр. 178.

леніемъ слѣдующаго (989) года—время стояло еще *весеннее*"...[1]) и пр. Ясно, что, по счисленію Асохика, годъ начинался весною, т. е. съ марта мѣсяца. Взаимное отношеніе этихъ трехъ системъ счисленія, какъ это видно изъ прилагаемой таблицы, слѣдующее: впереди всѣхъ шелъ сентябрскій годъ; со *втораго* мѣсяца сентябрскаго года начинался тотъ же октябрскій годъ, а съ *седьмаго* мѣсяца сентябрскаго года начинался тотъ же мартовскій годъ. Правда, извѣстный знатокъ хронологіи Хавскій доказывалъ въ свое время противное, т. е. что не сентябрскій годъ *предшествуетъ* мартовскому, а наоборотъ—мартовскій сентябрскому; онъ же пытался доказать, что нашъ лѣтописецъ придерживался не мартовскаго, а сентябрскаго года. Но еще Погодинъ въ полемикѣ съ нимъ, а затѣмъ и новѣйшіе хронологи, напримѣръ Лалошъ, доказали, что Хавскій заблуждался въ данномъ случаѣ. Что Хавскій дѣйствительно заблуждался, это видно хотя бы, напр., изъ того, что всѣ разсматриваемые писатели[2]) сходятся между собою въ показаніи года абидоской битвы, которая, по точному показанію Яхъи, случилась 13 апрѣля 989 года. Если бы мартовскій годъ шелъ впереди сентябрскаго и октябрскаго годовъ, тогда бы это согласіе было бы не возможно, такъ какъ апрѣль 989 мартовскаго года въ такомъ случаѣ соотвѣтствовалъ бы 8-му мѣсяцу сентябрскаго и 7-му мѣсяцу октябрскаго 988 года.—Изъ сказаннаго получается слѣдующій выводъ: мѣсяцы, въ которые случилось собраніе заговорщиковъ въ домѣ Малеина и открытое возстаніе Варды Фоки, т. е. августъ сентябрскаго и сентябрь октябрскаго 987 года, соотвѣтствовали 6-му и 7-му мѣсяцамъ мартовскаго того же 987 года. Если же Асохикъ относитъ начало бунта Фоки въ 986 году, то это значитъ, что онъ выдвигаетъ этотъ фактъ minimum на 5 мѣсяцевъ впередъ. Такое противорѣчіе въ показаніяхъ Кедрина и

[1]) Тамъ же, стр. 179.

[2]) Тамъ же: Кедринъ, стр. 446; Яхъя, стр. 25; Асохикъ, стр. 179.

Яхъи—съ одной стороны, и Асохика—съ другой, не должно однакожъ смущать изслѣдователя. Дѣло въ томъ, что Асохикъ не изъ тѣхъ историковъ, которые отличаются точностью хронологическихъ показаній. Прежде всего замѣтимъ, что у него вообще очень рѣдко встрѣчаются даты съ точнымъ указаніемъ мѣсяца и числа и поэтому неточность въ нѣсколько мѣсяцевъ у него дѣло обычное. Что же касается въ частности даннаго случая, то неточность и ошибочность его показанія доказать не трудно. Отмѣтивъ подъ 986 годомъ смерть выселеннаго въ Македонію армянскаго іерея Гавріила, Асохикъ говоритъ далѣе, что послѣ этого завязалась переписка между митрополитомъ севастійскимъ и армянскимъ патріархомъ Хачикомъ и тутъ же помѣщаетъ отвѣтъ, который митрополитъ успѣлъ получить отъ патріарха. Непосредственно за этимъ у него передается уже извѣстная намъ исторія неудачнаго сватовства болгарскаго царя Самуила на сестрѣ императора, столкновеніе между Самуиломъ и Василіемъ, окончившееся пораженіемъ послѣдняго при Сардикѣ и, наконецъ, подъ этимъ же годомъ у него говорится и о началѣ бунта Фоки[1]). Ясно, что показаніе Асохика, позволившаго себѣ такую хронологическую несообразность, не можетъ быть предпочтено показанію Яхъи, хронологія котораго можетъ быть признана образцовою. Итакъ, по нашему мнѣнію слѣдуетъ считать доказаннымъ, что бунтъ Фоки, открывшись 15 сентября 987 нашего январскаго года, продолжался, согласно прямому показанію Яхъи, одинъ годъ и семь мѣсяцевъ и окончился абидоской битвой, случившейся 13 апрѣля 989 года. Теперь мы можемъ перейти къ продолженію нашего разсказа.

Объявивъ себя императоромъ, Фока двинулся къ столицѣ. Современникъ этихъ событій, тотъ же Левъ Діаковъ, такъ описываетъ ходъ дѣйствій этого бунтовщика. Возставъ на государей, Фока „покорилъ азіатскія римскія области,

---

[1]) Тамъ же, стр. 142, 175, 178.

Сравнительная хронологическая таблица,

Показывающая взаимное отношеніе годовъ по четыремъ системамъ счисленія — сентябрской, октябрской, январской и мартовской — въ примѣненіи къ исторіи бунта Варды Фоки.

Общій счетъ мѣсяцевъ по годамъ 986—989.	Годы.				
	Сентябрскій.	Октябрскій.	Январскій.	Мартовскій.	
Сентябрь. . .	986 1				
Октябрь . . .	2	986 1			
Ноябрь. . . .	3	2			
Декабрь . . .	4	3			
Январь. . . .	5	4	986 1		
Февраль . . .	6	5	2		
Мартъ . . .	7	6	3	986 1	
Апрѣль. . . .	8	7	4	2	
Май.	9	8	5	3	
Іюнь	10	9	6	4	
Іюль.	11	10	7	5	
Августъ . . .	12	11	8	6	Пораженіе при Сардикѣ.
Сентябрь. . .	987 1	12	9	7	
Октябрь . . .	2	987 1	10	8	
Ноябрь . . .	3	2	11	9	
Декабрь . . .	4	3	12	10	Освобожденіе Склира изъ заключенія.
Январь. . . .	5	4	987 1	11	
Февраль . . .	6	5	2	12	Прибытіе Склира въ Малатію.
Мартъ. . . .	7	6	3	988 1	
Апрѣль . . .	8	7	4	2	Возвращеніе Фокѣ званія доместика
Май.	9	8	5	3	
Іюнь.	10	9	6	4	
Іюль.	11	10	7	5	
Августъ . . .	12	11	8	6	Собраніе заговорщиковъ въ домѣ Маленна.
Сентябрь. . .	988 1	12	9	7	Открытое возстаніе Фоки.
Октябрь . . .	2	988 1	10	8	
Ноябрь . . .	3	2	11	9	
Декабрь . . .	4	3	12	10	
Январь . . .	5	4	988 1	11	
Февраль . .	6	5	2	12	
Мартъ. . . .	7	6	3	988 1	
Апрѣль . . .	8	7	4	2	
Май.	9	8	5	3	
Іюнь	10	9	6	4	
Іюль.	11	10	7	5	
Августъ . . .	12	11	8	6	
Сентябрь . .	988 1	12	9	7	
Октябрь . . .	2	989 1	10	8	
Ноябрь . . .	3	2	11	9	
Декабрь . . .	4	3	12	10	
Январь . . .	5	4	989 1	11	
Февраль . . .	6	5	2	12	
Мартъ. . . .	7	6	3	989 1	
Апрѣль . . .	8	7	4	2	Абидосская битва.
Май.	9	8	5	3	
Іюнь.	10	9	6	4	
Іюль	11	10	7	5	
Августъ . . .	12	11	8	6	

овладѣлъ приморскими торговыми городами и крѣпостями, заградилъ проливъ Геллеспонта множествомъ судовъ, не пропуская купеческихъ кораблей въ столицѣ, и у Абидоса высадилъ на берегъ великое войско подъ начальствомъ магистра Льва Парсакутинскаго, какъ для охраненія судовъ, такъ и для осады сего города. *Послѣ того* онъ поставилъ крѣпкій станъ на Хрисопольскомъ холмѣ (Скутари), противъ Византіи, и отправилъ туда многочисленную конницу и пѣхоту, подъ предводительствомъ брата своего Патрикія Никифора и Патрикія Калокира Дельфинаса" [1]). При такихъ обстоятельствахъ императоръ Василій оказался въ безвыходномъ положеніи. Весь Востокъ и вся Малая Азія были въ рукахъ бунтовщика. Одержавшіе недавно блестящую побѣду, „Болгары, скажемъ словами Яхъи, воспользовались случаемъ и воевали страну Грековъ нѣсколько разъ, и опустошали ее до города Салуники и дѣлали набѣги на тѣ области Грековъ, которыя на Западѣ" [2]). Къ довершенію зла съ далекаго запада стали приходить извѣстія о происходившихъ въ Италіи безпорядкахъ [3]). Прекрасной характеристикой тогдашняго положенія императора служатъ слѣдующія немногія, но полныя жгучей горечи, слова новеллы, данной отъ 4 апрѣля 988 г.: „съ тѣхъ поръ, говоритъ Василій, какъ это законоположеніе (о монастыряхъ) вошло въ силу и до настоящаго дня, никакой даже самомалѣйшей удачи мы не встрѣтили въ нашей жизни, но, напротивъ, не осталось такого вида несчастья, котораго мы не испытали бы" [4]). Было ясно, что искать помощи внутри государства, частію добро-

---

[1]) Стр. 107. Асохикъ говоритъ: „насупротивъ царственнаго города онъ построилъ крѣпость, назначивъ въ ней магистромъ Дельфинаса, давъ ему охранительное войско и приказавъ никого не выпускать изъ города, ниже впускать кого нибудь изъ постороннихъ" (стр. 178).

[2]) Стр. 27. Здѣсь Яхъя говоритъ вообще о дѣйствіяхъ Болгаръ въ продолженіи бунта Фоки вплоть до 990 года.

[3]) Журн. М. Н. Пр., 1889 г. Мартъ, стр. 122—123.

[4]) Тамъ же, 1879 г., стр. 229.

вольно, частію по неволѣ подчинившагося врагу, въ распоряженіи котораго къ тому же находилась почти вся армія, было нечего. И вотъ Василій рѣшается искать ея у русскаго князя Владимира и отправляетъ къ нему съ этою цѣлью пословъ. Прямое извѣстіе объ отправленіи къ Владимиру пословъ дошло до насъ въ двухъ источникахъ: у Яхъи и въ нашей русской лѣтописи. Косвеннымъ образомъ подтверждаютъ этотъ фактъ и тѣ писатели, которые говорятъ о результатахъ переговоровъ, происходившихъ между Константинопольскимъ и Кіевскимъ дворами. Послѣ превосходной, полной глубокаго смысла и всесторонняго знанія, критики, какой профессоръ Голубинскій[1]) подвергъ въ своей исторіи извѣстное сказаніе нашей лѣтописи о *посольствахъ*, возвращаться къ этому вопросу, не имѣя новыхъ фактическихъ данныхъ, мы считаемъ научнымъ анахронизмомъ. Но раздѣляя вполнѣ то мнѣніе, что это сказаніе есть плодъ позднѣйшаго измышленія, вопросъ о причинахъ, подавшихъ поводъ къ этому измышленію, мы считаемъ открытымъ. Для рѣшенія этого вопроса сдѣлано уже нѣсколько догадокъ, къ которымъ мы присоединяемъ и свою. Зная, что въ половинѣ 987 лѣтописнаго мартовскаго года въ Византіи открылся бунтъ Фоки, сразу поставившій императора Василія въ критическое положеніе (почти вся наличная армія оказалась въ рукахъ бунтовщика), зная, что это именно критическое положеніе заставило Василія отправить пословъ къ Владимиру, и встрѣчая въ тоже время въ нашей лѣтописи извѣстіе о томъ, что около этого времени дѣйствительно „присылаша Грьци къ Володимеру философа", мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не признать, что и Яхъя и нашъ лѣтописецъ говорятъ въ данномъ случаѣ объ одномъ и томъ же фактѣ. То обстоятельство, что прибытіе греческаго посольства въ Кіевъ въ лѣтописи отнесено къ 986 году, не можетъ препятствовать признанію этого пред-

---

[1]) Истор. Русск. Церкви. Т. I, перв. полов. т., стр. 90 и слѣд

положенія, такъ какъ вставленная въ лѣтопись повѣсть о посольствахъ и крещеніи Владимира, какъ увидимъ ниже, вообще не отличается хронологическою точностію и ея хронологія не заслуживаетъ довѣрія. Правда, нашъ лѣтописецъ придаетъ греческому посольству исключительно религіозно-миссіонерское значеніе. Но, во первыхъ, и по показанію Яхъи вопросъ о крещеніи Владимира былъ существенно важнымъ пунктомъ въ завязавшихся дипломатическихъ переговорахъ; во вторыхъ, мы уже раньше согласились признать, что сказаніе нашей лѣтописи о посольствахъ есть дѣло позднѣйшаго измышленія. Не нужно также забывать и того, что авторъ разсматриваемой повѣсти все любитъ освѣщать подъ религіознымъ угломъ зрѣнія и что политическою стороною современной жизни онъ сравнительно мало интересуется. Но въ лѣтописи говорится, что наряду съ философомъ греческимъ, въ томъ же году приходили послы и отъ Болгаръ „вѣры Бохъмичѣ“ и Нѣмцы „отъ папежа“ и послы отъ Жидовъ Козарстиихъ“. Какъ нужно относиться къ этому извѣстію? Возможно, что это есть плодъ личной изобрѣтательности автора, задавшагося тенденціей придать дѣйствительному единичному факту, такъ сказать, всесторонность, полноту и округленность. Но возможно и другое предположеніе. Допустимъ, что авторъ сказанія намѣренно Дунайскихъ Болгаръ превратилъ въ Волжско-Камскихъ для того, чтобы, на ряду съ другими вѣрами, сказать нѣсколько словъ и о Магометанской, и тогда мы получимъ поразительное совпаденіе фактовъ: послы приходятъ къ Владимиру главнымъ образомъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ въ это время кипѣло возстаніе противъ Василія. Главные союзники Фоки и враги Василія были на Кавказѣ (грузинскій царь Давидъ) и вотъ оттуда чрезъ Хазаръ присылается одно посольство. Вторыми естественными союзниками Фоки были Болгары, продолжавшіе свое возстаніе, и оттуда присылается другое посольство. Нельзя-ли въ этихъ посольствахъ хоть отчасти видѣть дѣйствія опытной руки пред-

усмотрительнаго Фоки, рѣшившаго поразить Василія не только военнымъ оружіемъ на полѣ брани, но и оружіемъ мирнымъ на полѣ дипломатическаго состязанія? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы позволимъ себѣ напомнить слѣдующее замѣчаніе профессора Васильевскаго. „Если бы мы могли возстановить точную хронологію всѣхъ этихъ событій, то для насъ стала бы яснѣе не только общая связь между затруднительнымъ положеніемъ Византіи и успѣхами Болгаръ, съ одной стороны, крещеніемъ князя Владиміра Русскаго—съ другой стороны, но въ иномъ, болѣе яркомъ, свѣтѣ выставились бы многія частныя подробности исторіи не только византійской, но также болгарской и русской. Вмѣсто наивныхъ представленій лѣтописца-монаха, мы познакомились бы съ широкимъ кругозоромъ византійской политики. Старыми преданіями умной и ловкой дипломатіи Византія много разъ сама себя выручала изъ самыхъ затруднительныхъ положеній; но ходы и пріемы этой дипломатіи, составляя наслѣдіе старой культуры, не были доступны разумѣнію и пониманію простодушныхъ лѣтописцевъ не только русскихъ, но и всякихъ другихъ“ [1]).

Нельзя ли предположить, что нашъ Кіевъ въ разсматриваемое время сдѣлался той именно ареной, на которую два достойныхъ борца—Василій и Фока спѣшили преломить свои копья въ дипломатическомъ поединкѣ? Такой умный человѣкъ, какимъ, несомнѣнно, былъ Фока, рѣшаясь на роковой шагъ, естестественно долженъ былъ предварительно взвѣсить всѣ шансы предстоящей борьбы—какъ свои, такъ и своего противника. Время для бунта выбрано было вполнѣ удачное: два-три успѣшныхъ движенія со стороны бунтовщика и запертый въ столицѣ императоръ оказался почти совершенно обезоруженнымъ. Но Фока не могъ не сообразить, что, обезсиленный извнутри, Василій станетъ искать внѣшней помощи. Будучи хорошо знакомъ съ политикой византійскаго двора, Фока также не могъ не предвидѣть,

[1]) Жур. М. Н. Пр., 1876 г. Мартъ, стр. 123—124.

куда именно его врагъ обратится за помощью. На тогдашнемъ политическомъ горизонтѣ для Василія почти со всѣхъ сторонъ виднѣлись однѣ мрачныя тучи. Дѣйствуя не только подъ своимъ знаменемъ, но и подъ знаменемъ Склира, Фока имѣлъ на своей сторонѣ весь востокъ не только христіанскій, но и мусульманскій, и оттуда императору нельзя было ожидать помощи. Все Закавказье тоже находилось на сторонѣ Фоки; тамъ у него былъ вѣрный союзникъ Давидъ грузинскій, по волѣ котораго ходили всѣ тамошніе мелкіе владѣтели[1]). Грузинскія войска сражались подъ знаменами бунтовщика и составляли чуть ли не главную его силу. Возставшая Болгарія тоже была естественною союзницею Фоки. Италія, какъ замѣчено было, занята была своими безпорядками. Куда же, какъ не къ русскому князю Василію, оставалось обратиться за помощью при такихъ обстоятельствахъ? Фока этого не могъ не сообразить и не могъ не понять, какая серьезная опасность могла угрожать ему съ этой стороны. Византійцы уже давно знакомы были съ силой русскаго оружія; но при отцѣ Владимира Святославѣ слава русской доблести достигла своего высшаго апогея. Не говоря уже о блестящихъ походахъ на востокъ этого новѣйшаго Александра Македонскаго, самая борьба его съ Цимисхіемъ, не смотря на ея неудачный исходъ, была актомъ величайшаго прославленія русской храбрости, для изображенія которой византіецъ Левъ Діаконъ не находитъ словъ. Страшною грозою для тогдашней Западной Европы, какъ извѣстно, были Норманны; но имя этихъ разбойниковъ блѣднѣло предъ именемъ нашихъ Руссовъ. Въ битвѣ при Каннахъ, въ 1019 году, противъ французскихъ Норманновъ выставленъ былъ отрядъ изъ русскихъ. Одинъ западный лѣтописецъ, передавая этотъ фактъ, между прочимъ замѣчаетъ: „Когда императоръ услыхалъ, что смѣлые рыцари

---

[1]) Асохикъ говоритъ о Давидѣ: „Онъ прекратилъ войны, безпрестанно со всѣхъ сторонъ возникавшія, восторжествовалъ надъ всѣми окрестными народами, такъ что всѣ государи добровольно покорялись ему“ (стр. 199).

напали на его землю, онъ противъ Норманновъ отправилъ *самыхъ храбрыхъ людей, какихъ только могъ найти*". — „Въ первыхъ трехъ сраженiяхъ, добавляетъ другой повѣствователь, Норманны остались побѣдителями, но въ четвертой битвѣ, гдѣ имъ пришлось бороться съ *народомъ Русскимъ, они были побѣждены, обращены въ ничто* и въ безчисленномъ количествѣ отведены въ Константинополь..." [1]). Вспомнимъ также извѣстный случай, имѣвшiй мѣсто въ Арменiи въ 1000 году, когда шеститысячный отрядъ русскихъ, поднявши драку изъ-за клочка сѣна, разгромилъ цѣлую грузинскую армiю: „всѣ князья и вассалы тайскiе, говоритъ Асохикъ, выступили противъ нихъ (Русскихъ) и были побѣждены"; въ этой битвѣ погибло много знатныхъ лицъ [2]). Фока, будучи самъ опытнымъ боевымъ генераломъ, не могъ не знать и не цѣнить этихъ высокихъ боевыхъ качествъ тогдашнихъ русскихъ людей и онъ не былъ бы византiйцемъ, если бы не сдѣлалъ попытки отвести отъ себя эту страшную грозу. Къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ свѣдѣнiй о тогдашнихъ отношенiяхъ между Византiей и Русью, а поэтому трудно сказать что нибудь опредѣленное о путяхъ, какими дѣйствовали при кiевскомъ дворѣ оба соперника. Яхъя называетъ Русскихъ *врагами* Василiя. Истолковать смыслъ этого извѣстiя не легко. Возможно, что здѣсь имѣется въ виду старая вражда временъ Святослава. Но возможно, что и позднѣе происходили какiя нибудь новыя столкновенiя между Русью и Византiей. Мы раньше признали вѣроятнымъ предположенiе, что Владимiръ въ 985 году ходилъ на Дунайскихъ Болгаръ и, побѣдивъ ихъ, заключилъ миръ вопреки интересамъ византiйскаго правительства и даже обнаружилъ враждебныя дѣйствiя въ отношенiи къ Византiи. Возможно, что этотъ именно фактъ и имѣлъ въ виду Яхъя. Какъ бы то, впрочемъ, не было, во всякомъ случаѣ императоръ вынужденъ былъ об-

---

[1]) Жур. М. Н. Пр. 1874 г. Ноябрь. Васильевскiй. Варяго-русская дружина..., стр. 129—130.

[2]) Всеобщ. Истор., стр. 260.

ратиться за помощью къ русскому князю, а Фока съ своей стороны долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы предотвратить вредныя для него послѣдствія возможнаго между Василіемъ и Владиміромъ союза. И вотъ, когда Василій отправилъ пословъ изъ Константинополя, въ то же время, а можетъ быть еще *раньше*, по требованію Фоки, его союзники тоже отправили своихъ пословъ въ Кіевъ. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что, по смыслу лѣтописнаго разсказа, появленіе въ Кіевѣ позднѣйшихъ пословъ ставится въ причинную связь съ появленіемъ первыхъ. Сначала пришли послы отъ Болгаръ и отъ Нѣмцевъ. Затѣмъ приходятъ хазарскіе послы и заявляютъ: „слышахомъ, яко приходиша Болгаре и хрестеяне". Наконецъ приходитъ греческій философъ и тоже повторяетъ: „слышахомъ яко приходили суть Болгаре"...; „слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима"... Выходитъ какъ будто, что появленіе позднѣйшихъ пословъ вызвано было приходомъ предыдущихъ. Любопытно также и взаимное отношеніе этихъ посольствъ. Первыми приходятъ Болгары. Затѣмъ являются Нѣмцы, но они какъ будто не знаютъ о приходѣ Болгаръ. Далѣе, приходятъ Хазары, которые уже знаютъ о приходѣ и Болгаръ и Нѣмцевъ, но почему то полемизируютъ только противъ Нѣмцевъ, а Болгаръ не касаются. Наконецъ, является греческій философъ, который направляетъ свою полемику противъ всѣхъ предыдущихъ. Если допустить, что всѣ эти посольства имѣли политическій характеръ, а въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ выразились политическія отношенія приславшихъ ихъ правительствъ, то отсюда можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Греческій философъ, конечно, былъ посломъ отъ императора Василія. Послы Болгарскіе и Хазарскіе были присланы союзниками Фоки по его инициативѣ, потому то между ними не видно вражды. Нѣмецкіе послы были присланы императоромъ Оттономъ III (983—1002 г.). Этотъ императоръ былъ сыномъ родной сестры Василія Ѳеофано. Въ виду безвыходнаго положенія послѣдняго,

правительство Оттона III могло оказать ему поддержку, заступившись за него предъ Владиміромъ. Отъ отца Оттона III, Оттона II, Василій, не смотря на свое близкое родство съ нимъ, не могъ бы получить помощи: пытаясь овладѣть Южной Италіей, Оттонъ II вынужденъ былъ вступить за нее въ борьбу съ Византіей. Но послѣ несчастнаго пораженія въ іюлѣ 983 года при Безентелло Оттонъ II скоро скончался, а за малолѣтствомъ его сына и преемника Оттона III дѣла правленія перешли въ руки матери Θеофано. Съ прекращеніемъ борьбы за Италію прекратился и поводъ къ враждебнымъ отношеніямъ, и между родственными нѣмецкимъ и византійскимъ дворами могли опять завязаться дружественныя сношенія, благодаря которымъ Василію и оказана была поддержка при дворѣ Владиміра. Здѣсь можно искать объясненія того, почему греческое посольство является послѣднимъ въ Кіевѣ: Василій не рѣшался отправлять своихъ пословъ до тѣхъ поръ, пока почва при Кіевскомъ дворѣ не была подготовлена его союзниками нѣмцами. Этой поддержкѣ нѣмецкаго императора Василій можетъ быть и былъ обязанъ успѣхомъ своего посольства при русскомъ дворѣ и разрушеніемъ плановъ Фоки и его союзниковъ. Обратимъ вниманіе на то, что въ условія заключеннаго договора между Василіемъ и Владиміромъ, какъ увидимъ ниже, внесенъ былъ пунктъ о женитьбѣ Владиміра на Аннѣ; а Анна, какъ извѣстно, была родная сестра матери императора Оттона—Θеофано. Возможно поэтому, что послы Оттона, явившись посредниками въ переговорахъ между Владиміромъ и Василіемъ, и возобновили планъ женитьбы Владиміра на Аннѣ съ тѣмъ, чтобы на союзѣ семейномъ основать союзъ политическій. Что Оттонъ принималъ участіе въ судьбѣ Василія, на это есть намекъ и въ другихъ источникахъ. Асохикъ, говоря о войскахъ, сражавшихся въ хрисопольской битвѣ (988) со стороны Василія, различаетъ его собственныя войска и „войска запад-

ныхъ странъ" [1]). Мы согласны съ мнѣніемъ профессора Василевскаго, что здѣсь подъ войсками *западныхъ* странъ слѣдуетъ подразумѣвать Русскихъ; но однихъ ли только Русскихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ у Михаила Псела, который объ этомъ фактѣ говоритъ такъ: „императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ не задолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиѳовъ (Русскихъ) значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ и устроивъ *другую наемную силу*, выслалъ (ихъ) противъ расположенной на другой сторонѣ фаланги" [2]). Не была ли эта другая наемная сила прислана Василію Оттономъ или вѣрнѣе—его матерью Ѳеофано, и не дала-ли она Асохику поводъ всѣ вспомогательныя войска, бывшія въ распоряженіи у Василія, назвать войсками *западныхъ странъ?* Если бы эта наша догадка была принята, то получился бы между прочимъ тотъ выводъ, что Василія, въ его борьбѣ съ Фокой, выручили изъ бѣды два родственника: одинъ настоящій, другой—будущій. Но если нѣмецкое посольство приходило отъ Оттона III съ цѣлію склонить Владимира на сторону Василія, то чѣмъ же объяснить полемику греческаго философа противъ римской вѣры? Рѣшить этотъ вопросъ не трудно. Императоръ могъ воспользоваться обстоятельствами и на политическое посольство возложилъ и религіозную миссію. Греческій философъ, на котораго тоже могла быть возложена двойная миссія—политическая и религіозная, не могъ удержаться отъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ противъ особенностей римской церкви; но полемика его на этотъ разъ отличается необыкновенною сдержанностію. Онъ снисходительно замѣчаетъ, что римская вѣра *мало чѣмъ разнится* отъ греческой, и затѣмъ дѣлаетъ лишь замѣчаніе по вопросу о прѣсномъ и квасномъ хлѣбѣ. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 178.

[2]) Жур. М. Н. Пр. 1874 г. Ноябрь, стр. 122 и 127.

сочиненія первыхъ нашихъ полемистовъ противъ латынянъ уже дышутъ настоящимъ фанатизмомъ. Такъ, напр., преподобный Θеодосій Печерскій въ приписываемомъ ему посланіи къ в. кн. Изяславу о вѣрѣ Варяжской учитъ, что латыняне *„всѣхъ языкъ поганѣйши и злѣйши суть..., что его же ни жидове творятъ, то они творятъ..., что нѣстъ жизни вѣчныя живущимъ въ вѣрѣ латинской..., что это татіе и разбойницы евангельской притчи“*, и пр. Ясно, что нѣсколько словъ, снисходительно сказанныхъ греческимъ философомъ по адресу латинской церкви, скорѣе доказываютъ, чѣмъ опровергаютъ нашу мысль. Эта снисходительность и сдержанность, при несомнѣнно позднѣйшемъ происхожденіи разсматриваемаго сказанія, можетъ служить доказательствомъ того, что въ источникѣ, послужившемъ поводомъ къ написанію этого сказанія, нѣмецкое посольство представлено было въ симпатичномъ видѣ, благодаря чему его составитель не поддался уже господствовавшему въ его время въ русскомъ духовенствѣ враждебному отношенію ко всему римскому.—Нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее обстоятельство. Въ самой древней (Лаврент.) лѣтописной редакціи не сказано, откуда именно приходили нѣмецкіе послы, хотя и замѣчено, что они посланы были папою. Въ позднѣйшихъ же спискахъ появляется поясненіе, что они приходили „отъ Рима“. Это поясненіе явилось, по видимому, какъ необходимое разъясненіе того недоумѣнія, что отъ папы естественнѣе было придти не *нѣмцамъ*, а *римлянамъ* или *волохамъ*, т. е. итальянцамъ, которыхъ лѣтописецъ не смѣшиваетъ съ нѣмцами. Если такъ, то чѣмъ же въ такомъ случаѣ руководствовался составитель сказанія, когда, пренебрегши точной терминологіей, которая такъ ясно выступаетъ у лѣтописца, рѣшился назвать папскихъ пословъ *нѣмцами?* Ему могло быть хорошо извѣстно, что послы эти приходили не изъ Италіи, а изъ сѣверной Германіи, гдѣ дѣйствительно въ это время находился дворъ Оттона III. Представляетъ же онъ этихъ по-

словъ папскими, а не императорскими, подъ вліяніемъ той же тенденціи, которая заставила его политическое посольство превратить въ религіозно-миссіонерское. Изъ сказаннаго видно, что хотя сочинитель сказанія о посольствахъ и радикально измѣнилъ смыслъ данныхъ своего первоисточника, но тѣмъ не менѣе онъ не съумѣлъ совершенно освободиться отъ его вліянія.

На посольства Владиміръ отвѣтилъ посольствами. Но и тутъ выступаетъ на сцену фактъ, доказывающій, что мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ политическими послами. Владиміръ отвѣчаетъ только на посольства Болгарское, Нѣмецкое и Греческое; къ Хазарамъ же онъ не отправляетъ пословъ. Почему? Потому, что въ слѣдующемъ 988 году онъ, какъ увидимъ ниже, двинулся на нихъ войною. Игнорированіе хазарскаго посольства было, такимъ образомъ, обычной формой выраженія политическаго разрыва. Но почему же въ такомъ случаѣ Владиміръ отвѣтилъ на посольство болгарское, которое, какъ мы раньше предположили, должно было дѣйствовать за одно съ хазарскимъ? Этотъ фактъ можетъ послужить доказательствомъ того, что послы присланы были не отъ Дунайскихъ, но отъ Волжско-Камскихъ Болгаръ. За эту мысль стоитъ прямое показаніе лѣтописи, называющей ихъ Болгарами „вѣры Бохъмичѣ". На этой мысли будутъ настаивать и тѣ ученые, которые признаютъ, что въ 985 году Владиміръ ходилъ не на Дунайскихъ, а на Волжско-Камскихъ Болгаръ, явившихся теперь для окончательнаго утвержденія заключеннаго въ прошломъ году договора. Мысль эта сама по себѣ возможна, вполнѣ вѣроятна и отвергать ее категорически было бы не логично; но имѣетъ она слѣдующую слабую сторону. Всѣ разсматриваемыя посольства связаны у лѣтописца одной опредѣленной, хотя и не совсѣмъ вѣрной, тенденціей: всѣ они приходятъ по одной причинѣ и преслѣдуютъ одну опредѣленную цѣль. Признавая, что посольства нѣмецкое, хазарское и греческое (императорское) дѣйствительно вызваны были одними и тѣми же

обстоятельствами, мы признаемъ неудобнымъ дѣлать исключеніе для посольства болгарскаго, одновременное появленіе котораго съ остальными является такимъ образомъ чѣмъ то случайнымъ; а случай, какъ извѣстно, ненадежный товарищъ науки. Вотъ почему намъ представляется все таки болѣе вѣроятнымъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ Дунайскими Болгарами. Возможно, что при содѣйствіи русскаго князя Василію удалось заключить съ Болгарами перемиріе, по которому они обязывались пріостановить свои нападенія на греческія области, начавшіяся послѣ сардикскаго пораженія. Вѣдь, собственно говоря, прямыхъ фактическихъ указаній на то, что Болгары вели войну съ Греками въ теченіи 987 и 988 года, мы не имѣемъ. Вышеприведенное свидѣтельство Яхъи отличается общимъ характеромъ: оно можетъ относиться къ началу (до перемирія) и къ концу этого періода. Единственное фактическое указаніе, насколько намъ извѣстно, встрѣчается у Льва Діакона, который говоритъ, что огненные столбы, видѣнные, какъ видно изъ показанія Яхъи, въ апрѣлѣ 989 года, предвѣщали взятіе Болгарами Верріи. Но эти же столбы, по словамъ того же писателя, предвѣщали также и взятіе Русскими Корсуня. Вотъ почему можно предположить, что Болгары исполняли условія перемирія лишь до тѣхъ поръ, пока Владиміръ находился въ мирѣ съ Василіемъ. Когда же Владиміръ перемѣнилъ свою политику и, превратившись изъ союзника Василія въ его врага, осадилъ Корсунь, тогда и Болгары, никѣмъ не сдерживаемые, а можетъ быть даже и подстрекаемые русскимъ княземъ, возобновили свои нападенія на греческія области. Около этого же, по видимому, времени Самуилъ покорилъ побережье Адріатическаго моря съ городами Драчемъ и Лѣшемъ, и чрезъ землю Сербовъ проникъ на сѣверъ до Дубравника (Рагузы). Но еще вопросъ, кому принадлежали въ это время города Драчъ и Лѣшь (Alessio)—Византійцамъ или Сербамъ? Если, слѣдуя византійскимъ историкамъ, признаемъ, что Драчъ занятъ

былъ въ это время греческимъ гарнизономъ, то еще нерѣшеннымъ является вопросъ о томъ, когда же именно Самуилъ захватилъ этотъ городъ въ свои руки. Извѣстіе о принадлежности Драча Болгарамъ встрѣчается не раньше 995 года. Въ виду этого возможно предположить, что побережье Адріатики захвачено было Самуиломъ или послѣ 989 года или, что еще вѣроятнѣе, —послѣ 991 года, когда послѣ успѣшнаго возвращенія захваченной Болгарами Верріи, византійцы снова стали терпѣть неудачи въ Болгаріи. Наконецъ, то обстоятельство, что Самуилъ, оставляя прежнюю столицу и нѣкоторые другіе болгарскіе города въ рукахъ разслабленной Византіи, создаетъ новую столицу въ гнилой Охридѣ, и, удалившись на западъ, вступаетъ въ борьбу съ Сербами, даетъ право предполагать, что свобода его дѣйствій въ отношеніи къ Византіи чѣмъ-то связана была въ это время. Безъ этого предположенія указанное поведеніе побѣдителя при Сардикѣ представляется страннымъ и непонятнымъ [1]).

Соблюденіе предполагаемаго нами перемирія со стороны болгарскаго правительства не исключаетъ однакожъ возможности враждебнаго дѣйствія противъ Грековъ со стороны отдѣльныхъ народныхъ бандъ. Разсматриваемое болгарское движеніе было, судя по всему, поголовнымъ народнымъ возстаніемъ; а Самуилъ былъ добровольно признаннымъ вождемъ. Въ подобныхъ случаяхъ строгое соблюденіе условій международныхъ договоровъ не легко достигается. Но поведеніе въ разсматриваемое время самаго Самуила невольно заставляетъ предполагать, что его дѣйствія чѣмъ то связаны были. „Прежніе Болгарскіе государи, говоритъ Гильфердингъ, при такихъ обстоятельствахъ непремѣнно пошли бы осаждать Цареградъ. Самуилъ на это и не покушался“. Почему? Гильфердингъ думаетъ, что Самуила въ это время „занимало ус-

[1]) Фактическія данныя по этому вопросу собраны у Гильфердинга. Собраніе сочиненій. Т. I, стр. 205—221. Сравн. „Исторія Болгаръ“ Иречка. Изд. 2. Одесса, 1878 г., стр. 248 и слѣд.

тройство новыхъ своихъ областей, и что побережье Адріатики болѣе привлекало его вниманіе, нежели Босфоръ" [1]). Едва-ли это объясненіе можно признать удовлетворительнымъ. Народный вождь не могъ заниматься внутреннимъ устройствомъ областей тогда, когда въ государствѣ часть городовъ еще находилась въ рукахъ непріятеля и когда обстоятельства какъ нельзя лучше благопріятствовали окончательному освобожденію Болгаріи изъ подъ власти Византіи, раздираемой внутренними междоусобицами. То обстоятельство, что Самуилъ, одержавъ при Сардикѣ блестящую побѣду надъ Василіемъ, не обнаружилъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, по нашему мнѣнію, несомнѣнно доказываетъ, что его удержала отъ этого какая-то крѣпкая рука. Такою крѣпкою рукою при данныхъ обстоятельствахъ могла быть только рука Владимира. Вотъ почему, не имѣя ни малѣйшаго намека ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ источникахъ на то, чтобы Владимиръ ходилъ на Дунайскихъ Болгаръ непосредственно послѣ Сардикскаго пораженія, мы и дѣлаемъ предположеніе, что Болгары въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Византіи остановлены были дипломатическимъ вмѣшательствомъ русскаго князя, встрѣтившаго поддержку въ Оттонѣ III. Это вмѣшательство Владимира повлекло за собою роковыя послѣдствія для Фоки: произведши дипломатическое давленіе на однихъ его союзниковъ и, устроивъ военную демонстрацію, какъ увидимъ ниже, противъ другихъ, русскій князь совершенно разрушилъ планы этого бунтовщика, который и сдѣлался жертвою своего невѣрно составленнаго расчета. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же замѣтимъ, что результатомъ завязавшихся дипломатическихъ переговоровъ между Константинопольскимъ и Кіевскимъ дворами былъ договоръ, съ главнѣйшими пунктами содержанія котораго

---

[1]) Собран. сочиненій. Т. I, стр. 210. Хронологія у Гильфердинга невѣрная. Битва при Сардикѣ у него отнесена къ 981 году (стр. 206). Сравн. Васильевскій. Русск. Виз. отрывки. Журн. М. Н. Пр. 1876 г. Мартъ, стр. 144.

знакомитъ насъ Яхъя [1]). По этому договору Василій обязался выдать замужъ за Владимира свою сестру Анну, а Владиміръ обязался креститься и оказать Василію военную помощь. При какихъ обстоятельствахъ исполнены были эти условія договора—это вопросъ очень запутанный и требуетъ предварительнаго критическаго разбора источниковъ, къ чему мы теперь и обратимся. А въ заключеніе разсмотрѣннаго отдѣла позволимъ себѣ выразить надежду, что люди науки не посѣтуютъ на насъ за то, что мы, вмѣсто того, чтобы проводить какую нибудь одну опредѣленную тенденцію, выставили цѣлый рядъ догадокъ и предположеній. Мы думаемъ, что историкъ не имѣетъ права произносить категорическаго сужденія, когда подъ ногами у него нѣтъ твердой фактической почвы. Опять напомнимъ, что мы имѣемъ дѣло съ событіями, ходомъ которыхъ управляла *умная и ловкая* византійская дипломатія, уразумѣть всѣ *ходы* и *пріемы* которой не легко и при болѣе счастливомъ состояніи источниковъ.

IV.

Между древне-русскими литературными памятниками, прямо или косвенно знакомящими насъ съ обстоятельствами, при которыхъ выполнены были статьи вышеупомянутаго договора между нашимъ Владиміромъ и византійскимъ императоромъ Василіемъ II, первое мѣсто безспорно принадлежитъ нашей *Начальной лѣтописи.* Хотя древнѣйшій лѣтописный списокъ (лаврентіевскій) относится ко второй половинѣ XIV в. (1377), но несомнѣнно то, что первая редакція лѣтописнаго свода появилась въ свѣтъ въ самомъ началѣ XII вѣка, слѣдовательно, въ нашей начальной лѣтописи мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ русской письменности. Научною критикою вполнѣ обнаружено, что нашъ первый лѣтописецъ для составленія своего свода пользовался двоякаго рода источниками, устными и

---

[1]) Бар. Розенъ, стр. 23—24.

письменными. Для нашей цѣли достаточно будетъ отмѣтить слѣдующихъ два факта. Подъ 1106 годомъ въ лѣтописи читаемъ: „в се же лѣто преставися Янь, старець добрый, живъ лѣтъ 90, в старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужѣй бѣ первыхъ праведникъ, *отъ него и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ в лѣтописаньи семь отъ него же слышахъ*". Если въ 1106 году Яну было 90 лѣтъ, то онъ родился, слѣдовательно, приблизительно въ годъ смерти Владимира (1015), а отецъ его Вышата былъ, значитъ, современникомъ этого князя, о которомъ онъ многое могъ разсказать своему сыну. Замѣтимъ также, что Вышата принадлежалъ къ знаменитому боярскому роду, занималъ при Ярославѣ должность тысяцкаго и слѣдовательно былъ человѣкомъ близкимъ къ княжескому двору. Второй фактъ, заслуживающій нашего вниманія, записанъ лѣтописцемъ подъ 1051 годомъ. Сказавъ о поставленіи знаменитаго Ѳеодосія игуменомъ Печерской обители и замѣтивъ, что онъ принималъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, лѣтописецъ добавляетъ: „к нему и азъ придохъ, худый и недостойный рабъ, прiятъ мя лѣтъ ми сущу 17 отъ роженія моего". Итакъ, нашъ лѣтописецъ былъ инокомъ печерскаго монастыря, который служилъ центромъ просвѣщенія на Руси и въ которомъ, слѣдовательно, больше чѣмъ гдѣ нибудь, могли понять и оцѣнить значеніе заслугъ св. Владимира и гдѣ поэтому должны были собирать и хранить преданія о немъ. Но что всего важнѣе, въ этомъ же монастырѣ жилъ старецъ Еремия, „иже помняше крещенье землѣ Руськыя". Вотъ почему, если даже допустить, что отъ временъ Владимира не осталось никакихъ письменныхъ записей, что представляется мало вѣроятнымъ, то и тогда, въ виду указанныхъ фактовъ, подобныхъ которымъ въ дѣйствительности могло быть гораздо больше, изслѣдователь имѣетъ полное право ждать отъ лѣтописца болѣе или менѣе точныхъ и во всякомъ случаѣ вполнѣ добросовѣстныхъ показаній о жизни и дѣятельности этого князя.

Такъ какъ самымъ крупнымъ фактомъ въ жизни Владимира было безспорно принятіе имъ христіанства и объ-

явленіе послѣдняго государственною религіей, то лѣтописецъ, равно какъ и другіе писатели, въ своемъ повѣствованіи о немъ, останавливаются главнымъ образомъ на этомъ моментѣ, ставя его центральнымъ пунктомъ въ своемъ разсказѣ. Что же говоритъ лѣтописецъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось крещеніе Владиміра? Этому факту въ жизни Владиміра лѣтописецъ посвящаетъ цѣлую повѣсть, которую дѣлитъ на три части и размѣщаетъ ихъ подъ тремя годами: 986, 987 и 988 гг. Въ первой части говорится о прибытіи къ Владиміру иновѣрныхъ миссіонеровъ и о ихъ проповѣди, причемъ особенно видное мѣсто отводится проповѣди греческаго философа; во второй части говорится объ отправленіи Владиміромъ пословъ для провѣрки показаній иновѣрныхъ миссіонеровъ и сообщаются результаты этой своего рода экспертизы; третья часть, начинаясь разсказомъ о походѣ Владиміра на греческій городъ Корсунь, передаетъ рядъ слѣдовавшихъ затѣмъ событій и оканчивается сообщеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ прямаго отношенія къ главному предмету разсказа—къ крещенію князя и народа. Всѣ эти три части находятся между собою въ тѣсной связи: вторая предполагаетъ первую, третья—вторую. Свой взглядъ на первыя двѣ части мы высказали раньше. Содержаніе третьей части слѣдующее. Убѣжденный греческимъ философомъ и возвратившимися назадъ собственными послами, встрѣтивъ поддержку въ боярахъ, сославшихся на примѣръ Ольги, Владиміръ рѣшился креститься и поставилъ вопросъ: „то гдѣ крещение приимемъ“? Бояре отвѣтили: „гдѣ ти любо“. Въ отвѣтъ на это, Владиміръ, „минувшу лѣту“, предпринимаетъ походъ на Корсунь, ведетъ правильную осаду и, при помощи измѣнника Анастаса, лишаетъ жителей воды, вслѣдствіе чего „людье изнемогаху жажею водною“ и сдаются. Взявъ городъ, побѣдитель входитъ съ Константинополемъ въ дипломатическія переговоры по вопросу о женитьбѣ на сестрѣ императоровъ Аннѣ; затѣмъ слѣдуетъ крещеніе и бракосочетаніе Владиміра, построеніе въ Корсу-

ни церкви, возвращеніе въ Кіевъ, истребленіе идоловъ, крещеніе въ рѣкѣ народа, построеніе церкви св. Василія, устроеніе школы для обученія дѣтей грамотѣ, размѣщеніе сыновей по городамъ, причемъ говорится, что, когда посаженный въ Новгородѣ Вышеславъ умеръ, то изъ Ростова переведенъ былъ туда Ярославъ, а въ Ростовѣ посаженъ былъ Борисъ,—наконецъ сообщается извѣстіе о построеніи на южной окраинѣ цѣлаго ряда городовъ и о снабженіи ихъ гарнизонами изъ мужей, набранныхъ по всей русской землѣ. Для всякаго, надѣемся, непосредственно очевидно, что всѣ эти событія никакимъ образомъ не могли совершиться въ одномъ и томъ же году. Уже одинъ фактъ назначенія сыновей по городамъ съ ихъ позднѣйшими перемѣщеніями даетъ понять, что здѣсь сгруппированы событія за нѣсколько лѣтъ. Но если даже отбросить послѣдніе факты и имѣть въ виду только событія, непосредственно слѣдовавшія за отправленіемъ Владимира въ походъ до крещенія Кіевлянъ включительно, то и относительно этихъ событій можно съ увѣренностію утверждать, что они не могли имѣть мѣста въ одномъ и томъ же году. Извѣстно, что лѣтописный годъ начинается съ марта мѣсяца. Допустимъ, что Владимиръ въ корсуньскій походъ отправился въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, т. е. съ открытіемъ судоходства по Днѣпру. Допустимъ также, что крещеніе Кіевлянъ совершилось въ началѣ сентября; позже этого крещеніе народа въ рѣкѣ было невозможно въ нашемъ климатѣ. Такимъ образомъ, maximum времени, которое можетъ быть отведено для всѣхъ этихъ событій, не превышаетъ *пяти* мѣсяцевъ; а между тѣмъ одна осада Корсуня продолжалась, по „Житію“ Владимира, *шесть* мѣсяцевъ. Академикъ Бутковъ, правда, признаетъ эту цифру „неимовѣрной“ и предпочитаетъ ей извѣстіе Супрасльской лѣтописи, по которому осада Корсуня продолжалась только *три* мѣсяца [1]). Но самый ходъ осады, какъ онъ описанъ въ лѣ-

[1]) Разборъ трехъ древн. Памятн. Русск. Дух. Литературы. Современ. 1852 г., ч. II, отд. II, стр. 87 и 88.

тописи, скорѣе говоритъ въ пользу перваго мнѣнія, чѣмъ втораго. Осада началась блокадой города: „и ста Володимеръ объ онъ полъ града в лимени". Затѣмъ начинаются приступы: „и боряху крѣпко горожанѣ с ними, Володимеръ обьстоя градъ". Борьба приводитъ горожанъ въ изнеможеніе: „изнемогаху людие въ градѣ". Пользуясь этимъ, Владимиръ вступаетъ съ осажденными въ переговоры и требуетъ сдачи: „аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣтъ". Здѣсь цифра *три* намекаетъ, по видимому, на то, что эти переговоры начались послѣ трехмѣсячной осады. Владимиръ какъ бы такъ говорилъ горожанамъ: „вотъ я стою уже три мѣсяца, а если вы не сдадитесь, то я готовъ стоять три года". Это же мѣсто могло подать поводъ Супрасльской лѣтописи утверждать, что вся осада продолжалась три мѣсяца.—Получивъ отказъ, Владимиръ придумалъ новое средство: „Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ приспу сыпати къ граду". Но и это мѣропріятіе ни къ чему не привело: жители чрезъ подкопъ уносили землю и сыпали ее посрединѣ города; а „Володимеръ стояше". Затѣмъ наступаетъ третій періодъ осады. Въ городѣ оказывается измѣнникъ, который открываетъ осаждающимъ положеніе водопровода, чрезъ который городъ снабжался водой. Владимиръ разрушаетъ водопроводныя трубы и лишаетъ горожанъ воды; но послѣдніе сдаются не сразу: Корсунь, какъ это видно изъ теперешнихъ развалинъ, обиловалъ цистернами, которыя могли вмѣщать значительное количество запасной воды. И только когда эта вода истощилась, Корсуняне, истомленные „жажею водною", вынуждены были сдаться. Въ ходѣ осады, такимъ образомъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ три отдѣльныхъ момента, предполагающихъ значительный промежутокъ времени.—Но допустимъ, что осада города продолжалась только три мѣсяца; тогда на долю другихъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ разсматриваемый промежутокъ времени, остается два мѣсяца; а между тѣмъ въ числѣ этихъ событій встрѣчается нѣсколько такихъ, изъ которыхъ каждое отдѣльно требовало

для себя не мало времени: таково, напр., передвиженіе громаднаго флота изъ Кіева въ Корсунь и обратно; таковы, далѣе, дипломатическія сношенія съ Константинополемъ, которыя велись такимъ образомъ: сначала Владиміръ 1) отправляетъ пословъ къ императорамъ съ предложеніемъ выдать за него свою сестру; императоры отвѣчаютъ 2) своимъ посольствомъ, посредствомъ котораго изъявляютъ согласіе на предложеніе Владиміра, но требуютъ, чтобы онъ крестился; Владиміръ 3) возвращаетъ императорскихъ пословъ съ изъявленіемъ согласія креститься; императоры 4) вновь отправляютъ пословъ съ предложеніемъ, чтобы онъ прежде крестился, а потомъ они вышлютъ свою сестру; Владиміръ опять 5) возвращаетъ пословъ съ заявленіемъ, что онъ приметъ крещеніе изъ рукъ духовенства, которое прибудетъ съ невѣстой. Императоры, наконецъ, соглашаются и 6) высылаютъ въ Корсунь свою сестру. Итакъ, во время этихъ переговоровъ посольскій флотъ шесть разъ долженъ былъ переправляться чрезъ Черное море: изъ Корсуня въ Константинополь и обратно. Прибавимъ къ этому, что это путешествіе совершалось по бурному морю, на парусныхъ судахъ, безъ компаса. Сколько затѣмъ потребовалось времени на крещеніе и бракосочетаніе Владиміра, изъ лѣтописи не видно; но что русскій князь не скоро оставилъ Корсунь, это видно изъ указанія на существованіе въ этомъ городѣ двухъ отдѣльныхъ палатъ: Владиміра и „царицыной". Палаты эти были, по видимому, вновь выстроенными зданіями и предназначались спеціально служить дворцами для Владиміра и Анны. Это видно изъ того, что онѣ построены были на торговой площади, возлѣ церкви, въ которой совершилось крещеніе и вѣнчаніе Владиміра: „полата Володимеря во скрай церкви стоить и до сего дни, а царицина полата за олътаремъ". Допустимъ что царицына палата была легкимъ, поспѣшно воздвигнутымъ, сооруженіемъ; но и въ такомъ сооруженіи не было бы нужды, если бы Владиміръ собирался скоро увезти Анну въ Кіевъ. Наконецъ,

построеніе Владиміромъ въ Корсуни церкви также заставляетъ предполагать, что онъ оставался здѣсь не малое время.— Сказаннаго, думаемъ, достаточно для того, чтобы понять, что въ разсматриваемомъ разсказѣ мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительною лѣтописью, т. е. не съ погодною записью, а съ отдѣльною повѣстью, въ которой сгруппированы событія за нѣсколько лѣтъ и которая помѣщена подъ однимъ годомъ (988) только потому, что помѣщавшій ее или оказался не въ состояніи разобраться въ ея содержаніи, или не хотѣлъ нарушать цѣльности разсказа. Подтвержденіе этой мысли можно отчасти видѣть и въ томъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ, въ томъ числѣ и въ Ипатскомъ, 989 и 990 годы оставлены пустыми. Пустота эта образовалась, по всей вѣроятности, отъ того, что событія этихъ лѣтъ оказались помѣщенными подъ однимъ 988 годомъ.

Мысль, что лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра есть отдѣльно написанная повѣсть, впервые высказана преосвящ. Макаріемъ, которому удалось отыскать эту повѣсть въ одномъ рукописномъ сборникѣ начала XVI вѣка, гдѣ она помѣщена въ сокращенной редакціи подъ заглавіемъ: „Житіе блаженнаго Володимера" [1]. „Житіе" представляетъ болѣе краткую редакцію той части лѣтописной повѣсти, которая помѣщена въ лѣтописи подъ 987 и 988 гг. Съ открытіемъ „Житія" естественно долженъ былъ возникнуть въ наукѣ вопросъ объ его авторѣ и объ отношеніи его къ лѣтописной повѣсти, съ которою оно сходно до буквальнаго повторенія однихъ и тѣхъ же мѣстъ. Преосвященный Макарій, издавая „Житіе" въ „Христіанскомъ Чтеніи"

---

[1]) Преосвященный Макарій напечаталъ это „Житіе" въ „Христіанск. Чтен." за 1849 г. ч. II., а потомъ перепечаталъ его въ прилож. ко 2 издан. 1 тома Истор. Русск. Церкв., стр. 246. Професс. Голубинскій издалъ его въ „Истор. Русской Церкви" параллельно съ лѣтописною повѣстью. т. 1., перв. пол. т., стр. 194. Здѣсь же указаны извѣстные списки и редакціи „Житія".

(1849 г.), высказалъ мысль, „что не авторъ житія позаимствовалъ что либо у препод. лѣтописца, а напротивъ, преподобный Несторъ воспользовался готовымъ уже сочиненіемъ, и внесъ его цѣликомъ въ свою лѣтопись“. Что же касается автора житія, то ученый издатель нашелъ возможнымъ допустить, „что оно написано тѣмъ же самымъ Іаковомъ мнихомъ, которому принадлежитъ и *Похвала* князю русскому Володимеру“ [1]). Предположеніе о принадлежности „Житія“ монаху Іакову не встрѣтило сочувствія среди ученыхъ спеціалистовъ и его можно считать совершенно оставленнымъ [2]). Но мысль, что „Житіе“ написано было независимо отъ лѣтописи и потомъ внесено было въ лѣтопись, раздѣляется большинствомъ ученыхъ. Мнѣнія этого придерживаются: Срезневскій [3]), Сухомлиновъ [4]), Бестужевъ-Рюминъ [5]), Голубинскій [6]) и нѣкоторые др.. Въ доказательство этой мысли учеными представлено нѣсколько соображеній; но мы отмѣтимъ только важнѣйшія изъ нихъ. „Въ древней Руси, говоритъ проф. Голубинскій, авторская слава вовсе не составляла чего нибудь слишкомъ высоко цѣнимаго, такъ чтобы люди имѣли побужденія дорожить ею и слишкомъ искать ея. А поэтому у насъ не только не являлось обычая создавать себѣ эту славу подобнымъ путемъ контрафакціи и плагіата; но даже и настоящіе авторы весьма нерѣдко не выставляли своихъ именъ подъ своими произведеніями.

---

[1]) Хр. Чтен. 1849 г. ч. II, стр. 308, 309. Эту же мысль пр. Макарій потомъ повторилъ и въ своей Исторіи. т. 1, изд. 1, стр. 108—109.

[2]) Первые, насколько намъ извѣстно, представили возраженіе противъ принадлежности „Житія“ Іакову Бутковъ и Тюринъ, которые, сравнивъ его съ „Похвалою“ Іакова, нашли между ними „дѣйствительное противорѣчіе“. Извѣст. II. отд. Импер. Акад. Н., листъ 32, стр. 92—93. Сравн. Разбор. трехъ др. пам. стр. 89. Проф. Голубинскій называетъ мнѣніе пр. Макарія „несправедливымъ“ стр. 106.

[3]) Извѣст. II отд. Ак. Н., листъ 34, стр. 117.

[4]) О древней Русск. лѣтоп. 1856 г., стр. 77.

[5]) О составѣ русск. лѣтописей. 1868 г., стр. 47.

[6]) Истор., тамъ же, стр. 107—108, 118—119.

Между тѣмъ авторъ „Житія" Володимирова говоритъ о немъ, какъ о своемъ настоящемъ сочиненіи. Въ заключеніи „Житія", обращаясь съ молитвою къ царямъ Константину и Владиміру, изъ коихъ послѣдняго сравнилъ предъ тѣмъ съ первымъ, онъ взываетъ: „молюся (вама) и мило васъ дѣю, *писаніемъ грамотица* сея малыя, юже, похваляя ваю, *написахъ недостойнымъ умомъ и худымъ и невѣжественнымъ смысломъ*". Очевидно, продолжаетъ авторъ, что въ этихъ словахъ „Житіе" представляется намъ, какъ настоящее сочиненіе говорящаго ихъ, и если мы примемъ во вниманіе то, что говорящій хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, не назвавъ себя по имени, слѣдовательно не искалъ себѣ авторской славы, то у насъ не будетъ совершенно никакого повода подозрѣвать обмана, т. е. того обмана, чтобы простое сокращеніе чужаго готоваго труда выдавалось за настоящее сочиненіе. Такимъ образомъ, „Житіе" Володимера необходимо принимать не за сокращеніе изъ лѣтописи, а за *настоящее самостоятельное сочиненіе*" [1]).— Другимъ доказательствомъ той же мысли служатъ слѣдующія слова „Житія": „Дивно же есть се, колико добра сътворилъ (Володимеръ) рустѣй земли, крестивъ ю; мы же, крестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданію... Да аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносили Богу зань въ день преставленія его, вида бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и, намъ бо достоитъ зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ". Здѣсь, такимъ образомъ, Владиміръ представляется еще не прославленнымъ, нуждающимся въ молитвахъ за него людей. По поводу этого мѣста Срезневскій замѣчаетъ: „въ Словѣ (Житіи) это не противорѣчитъ ничему, доказывая только, что оно писано до установленія праздника 15 іюля; но въ Лѣтописи (гдѣ это мѣсто тоже находится), продолженной до 1110 года, когда безъ сомнѣнія уже славилась память святаго князя, это, кажется, не совсѣмъ у мѣста, если только

---

[1]) Стр. 108.

разсматривать Лѣтопись, какъ сочиненіе одного писателя, всюду высказывавшаго только свои убѣжденія. Если же Слово такъ писано до установленія праздника 15 іюля, то оно должно быть отнесено къ памятникамъ XI в." [1]). Иначе смотритъ на дѣло г. Голубинскій. Онъ думаетъ, что „Житіе" появилось послѣ Лѣтописи, что авторъ „Житія", сочинивъ повѣсть о крещеніи Владимира, присоединилъ къ ней нѣсколько отрывочныхъ историческихъ извѣстій, взятыхъ изъ лѣтописи, которая написана была до него, и затѣмъ уже повѣсть цѣликомъ внесена была въ лѣтопись [2]). Мысль, что „Житіе" появилось позже Лѣтописи, раздѣляетъ и Бутковъ и нѣкоторые новѣйшіе ученые, напр. А. И. Соболевскій; но они думаютъ, что оно есть ничто иное, какъ сокращеніе лѣтописной повѣсти. „Сочинитель Владимирова житія, говоритъ Бутковъ, очевидно, извлекъ свой разсказъ изъ Несторова же Временника, сокративъ его не вездѣ исправно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребилъ Несторовы выраженія" [3]).—Какое бы изъ этихъ мнѣній не было принято, во всякомъ случаѣ необходимо, по нашему мнѣнію, признать за доказанную истину, что разсматриваемая повѣсть писалась не такъ, какъ обыкновенно пишется лѣтопись, и что авторъ ея, если онъ былъ даже самъ лѣтописецъ, въ данномъ случаѣ поставилъ своею задачею создать цѣльный, болѣе или менѣе законченный разсказъ, и поэтому, игнорируя интересы хронологіи, сгруппировалъ въ своей повѣсти событія нѣсколькихъ лѣтъ. Почему эта повѣсть занесена въ лѣтописи подъ тѣмъ, а не другимъ годомъ, это вопросъ открытый, требующій спеціальнаго разсмотрѣнія. Итакъ, высказанное раньше довѣріе къ лѣтописи по отношенію къ данному случаю не имѣетъ мѣста, тѣмъ болѣе, что относящіяся къ Владимиру лѣтописныя хронологическія

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Стр. 118—119.

[3]) Разборъ... стр. 87.

показанія вообще не отличаются точностью. Мы уже видѣли раньше, что лѣтопись, противорѣча сама себѣ, занятіе Владиміромъ Кіевскаго стола относитъ къ 980 году; а между тѣмъ по точному показанію другаго древняго писателя, Іакова мниха, это случилось 11 іюня 978 года. Нашъ скептицизмъ еще болѣе увеличится, когда мы взглянемъ на отношеніе автора лѣтописной повѣсти къ своимъ первоисточникамъ. Сказавъ о крещеніи Владимира въ Корсуни, авторъ добавляетъ: „се же, не свѣдуще право, глаголютъ, яко крестилъ ся есть в Кievѣ; инии же рѣша: Василеви; друзии же инако скажють". У автора повѣсти, значитъ, были подъ руками источники, которые совсѣмъ иначе разсказывали о крещеніи Владимира, чѣмъ самъ онъ разсказалъ. Тѣ, которые утверждали, что Владиміръ крестился не въ Корсуни, а въ Кіевѣ или въ Василевѣ, могли ставить въ совершенно другую связь событія, предшествовавшія акту крещенія и слѣдовавшія за нимъ, равно и хронологія у нихъ могла быть другая. Правда, нашъ авторъ пренебрежительно относится къ мнѣнію своихъ противниковъ, называя ихъ людьми „несвѣдущими право". Но кто же можетъ поручиться за то, что эти противники не были такого же мнѣнія о нашемъ авторѣ и объ его мнѣніи по вопросу о крещеніи Владимира? Вѣдь голословный, хотя и смѣлый, отзывъ самъ по себѣ не только ничего недоказываетъ, но еще даетъ поводъ заподозрить критика въ тенденціозности. Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что разсказъ автора лѣтописной повѣсти о крещеніи Владимира требуетъ всесторонней критической провѣрки. Къ счастію, наука на этотъ разъ находится не въ безвыходномъ положеніи: она располагаетъ другими, не менѣе древними, источниками, къ которымъ она свободно можетъ обратиться за данными для провѣрки показаній лѣтописной повѣсти. Между такими источниками первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ другому „Житію" Владимира или такъ называемой „Памяти и Похвалѣ", написанной монахомъ Іаковомъ.

V.

„Похвала“ Іакова, также какъ и „Житіе“ Владиміра, впервые открыто и напечатано было преосвящ. Макаріемъ въ „Христ. Чтен.“ за 1849 годъ [1]). Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Мѣсяца Июля въ 15 день. Память и Похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимеръ, и дѣти своя крести и всю землю рускую отъ коньца и до коньца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Іиаковомъ мнихомъ. Господи благослови отче“. Издавая этотъ памятникъ, преосв. Макарій высказалъ и свое мнѣніе по вопросу о времени его написанія и объ его авторѣ. Ссылаясь на примѣръ древнихъ священныхъ писателей, авторъ этого сочиненія замѣчаетъ: „такоже и азъ, худый мнихъ Іиаковъ, *слышавъ* отъ многихъ о благовѣрнемъ князѣ Володимери всеа рускыа земля, о сыну Святославлѣ, и мало събравъ отъ многихъ я добродѣтели его написахъ, и о сыну его,реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба“. Ссылаясь на это мѣсто, издатель находитъ, что „Похвала“ написана была „по однимъ *слухамъ* или устнымъ преданіямъ о равноапостольномъ князѣ и, слѣдовательно, написана въ такое время, когда письменныхъ общеизвѣстныхъ памятниковъ о святомъ Владимірѣ, которыми бы могъ воспользоваться сочинитель, еще не существовало, и когда слухи о просвѣтителѣ Россіи были довольно свѣжи, т. е., по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XI вѣка. Въ этомъ убѣждаютъ также самый слогъ сочиненія, нисколько не уступающій, по древности своей, слогу препод. Нестора и слогу митрополита Иларіона; а вмѣстѣ и то, что сочинитель, подобно обоимъ упомянутымъ писателямъ, называетъ русскихъ еще людьми *новоизбранными*

---

[1]) „Похвала“ потомъ перепечатана была въ Исторіи въ приложеніи ко второму изд. I т., стр. 255. Затѣмъ она вновь напечатана проф. Голубинскимъ въ его Исторіи; т. 1, перв. пол. перв. т., стр. 207 и слѣд.

по отношенію къ вѣрѣ, и слѣд. недавно принявшими христіанство" [1]). По вопросу о личности автора „Похвалы" преосв. Макарій высказалъ слѣдующее мнѣніе. „Изъ отечественныхъ иноковъ, жившихъ въ XI столѣтіи, намъ извѣстны только два Іакова: во первыхъ, тотъ, котораго предлагалъ преп. Ѳеодосій Печерскій въ послѣднія минуты своей жизни (въ 1074 г.) собравшейся къ нему братіи, вмѣсто себя, во игумена, и который, значитъ, отличался и высокимъ благочестіемъ, и духовною мудростію; а во вторыхъ, тотъ *черноризецъ* Іаковъ, который осмѣлился предложить нѣкоторые вопросы о церковныхъ правилахъ митрополиту русскому Іоанну (1080—1089) и удостоился получить отъ него отвѣтное посланіе,—слѣдоват. также лице довольно важное въ свое время и принадлежавшее къ числу людей образованныхъ. Каждый изъ этихъ Іаковов, судя по ихъ умственному состоянію, *могъ* написать разсматриваемое нами сочиненіе...; но точно ли и написалъ кто нибудь изъ нихъ, и точно ли эти Іаковы суть два лица, а не одно—рѣшить не имѣемъ возможности" [2]). Тогда же преосв. Макарій высказалъ предположеніе о написаніи тѣмъ же Іаковомъ „Житія" Владимира и одного изъ *Сказаній* о Борисѣ и Глѣбѣ. Еще раньше преосв. Макарія въ томъ же духѣ и съ такою же осторожностью высказался объ Іаковѣ и Погодинъ. Спустя же десять лѣтъ, печатая первое свое изслѣдованіе, онъ нашелъ возможнымъ заговорить по этому вопросу уже другимъ тономъ. „Это (первое) изслѣдованіе, говоритъ Погодинъ, написано было въ началѣ 1842 года. Съ тѣхъ поръ новыя открытія утвердили меня совершенно въ истинѣ прежняго предположенія, которое теперь выдаю я за *историческое положеніе:* Черноризецъ Іаковъ, *современникъ св. Ѳеодосія, жилъ во время Ярослава и сына его Изяслава*, написалъ житіе св. Бориса и Глѣба, житіе св. Владимира и похвалу ему, посланіе къ Великому князю

[1]) Христ. Чтен. 1849 г., ч. II, стр. 303.

[2]) Тамъ же, стр. 304.

Изяславу, и вѣроятно еще какое нибудь историческое сочиненіе. Онъ же предлагалъ митрополиту Іоанну, прозванному пророкомъ Христа, вопросы, на кои тотъ и отвѣчалъ ему"[1]). Мнѣніе о Іаковѣ, какъ о писателѣ XI в., принято было и другими учеными, напр., Срезневскимъ, Голубинскимъ и др. Но явились и такіе ученые, которые отнеслись къ этому мнѣнію скептически. Данныя для этого они нашли въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ. Мы уже видѣли, что преосв. Макарій и Погодинъ приписали тому же Іакову мниху и одно изъ Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ. Сказаніе это впервые было открыто преосв. Макаріемъ въ томъ же рукописномъ сборникѣ XVI в., въ которомъ находятся и „Похвала" Іакова и „Житіе" Владимира. Полное заглавіе его слѣдующее: „Мѣсяца Июля въ 24 день. Сказаніе страстей и похвала о убьеніи святую мученику Бориса и Глѣба. Господи благослови отче"[2]) Въ этомъ „Сказаніи" между прочимъ читаемъ: „Сице убо бысть малымъ преже сихъ лѣтъ, сущу самодержцю рускыя земля князю Володимеру, сыну Святославлю, внуку же Игореву, иже святымъ крещеніемъ просвѣти всю землю рускую. *Прочая же того добродѣтели индѣ скажемъ;* нынѣ же нѣсть время". Пиша о Борисѣ и Глѣбѣ, авторъ обѣщаетъ въ другомъ мѣстѣ написать и о *добродѣтеляхъ* Владимира. Въ „Похвалѣ" же Владимиру Іакова, авторъ, говоря о добродѣтеляхъ Владимира, сознается, что раньше онъ уже написалъ „и о сыну его, реку же святую и славную мученика Бориса и Глѣба". Сопоставляя эти свидѣтельства, ученые приходятъ къ заключенію, что авторъ

---

[1]) Извѣст. втор. отдѣл. Акад. Наукъ. Листъ 21, стр. 332.

[2]) Преосвящ. Макарій издалъ это „Сказаніе" въ той же книжкѣ Христ. Чт., въ которой помѣстилъ и „Похвалу" Іакова и „Житіе" Владимира. Затѣмъ оно издано было Срезневскимъ отдѣльно вмѣстѣ съ Сказаніемъ о тѣхъ же Святыхъ Нестора. С. Пб. 1860 г., стр. 41 и слѣд. Далѣе оно вновь издано было Бодянскимъ сразу по двумъ древнѣйшимъ спискамъ въ Чтен. Импер. Общ. Истор. и Др. Росс., 1870 г., кн. 1.

„Похвалы“ Владиміра и авторъ „Сказанія“ о Борисѣ и Глѣбѣ—есть одно и то же лицо. Изслѣдователи сознаются однакожъ, что данное въ „Сказаніи“ обѣщаніе написать о *добродѣтеляхъ* Владимира еще не влечетъ за собою необходимости признанія того, что это обѣщаніе исполнено было въ написаніи именно „Похвалы“, равно какъ и сознаніе автора „Похвалы“ въ томъ, что онъ раньше писалъ о Борисѣ и Глѣбѣ, еще не даетъ права предполагать, что здѣсь непремѣнно идетъ рѣчь о разсматриваемомъ нами „Сказаніи“, а не о какомъ нибудь другомъ литературномъ памятникѣ, трактующемъ о Борисѣ и Глѣбѣ. Словомъ, сопоставленіе разсматриваемыхъ показаній даетъ лишь поводъ искать доказательствъ въ пользу принадлежности этихъ двухъ памятниковъ одному и тому же автору, но само по себѣ не можетъ быть признано доказательствомъ. Но такихъ именно доказательствъ, насколько намъ извѣстно, не представилъ ни одинъ изслѣдователь. Тюринъ, правда, указалъ на „разительное сходство въ характерѣ заглавій“ „Похвалы“ и „Сказанія“ [1]). Сходство несомнѣнно существуетъ, но оно ничего не доказываетъ, такъ какъ данная форма заглавія представляетъ обычное, постоянно встрѣчающееся явленіе въ памятникахъ нашей древней письменности. Вотъ примѣры. Въ одномъ Торжественникѣ конца XV в. помѣщено произведеніе, которому предшествуетъ слѣдующее заглавіе: „Мѣсяца іоуліа 15. Успеніе благовѣрнаго великаго князя Владимера, нареченнаго въ святѣмъ крещеніи Василія. Господи благослови отче“ [2]). Форма заглавія здѣсь таже, что и въ разсматриваемыхъ памятникахъ; а между тѣмъ о принадлежности „Успенія“ Іакову мниху не можетъ быть и рѣчи. Такая же форма заглавія и въ извѣстномъ „Сказаніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ, написанномъ Преподобнымъ Несторомъ Печер-

---

[1]) Извѣст. II отд. Импер. Ак. Наукъ. Листъ 32, стр. 91.

[2]) Рум. Муз. № 435, стр. 393.

скимъ [1]). Повторяемъ, что доказательствъ въ пользу принадлежности „Похвалы“ и „Сказанія“ одному и тому же автору не представлено. Если же прочитать эти два памятника одинъ за другимъ и сравнить ихъ между собою въ литературномъ отношеніи, то, намъ кажется, можно придти къ совершенно противоположному заключенію. „Похвала“ обличаетъ въ авторѣ человѣка совершенно неопытнаго въ литературномъ дѣлѣ. Пробѣгая это сочиненіе, читатель чувствуетъ, что авторъ всѣ силы напрягаетъ къ тому, чтобы выразить то чувство благоговѣнія, которымъ онъ несомнѣнно проникнутъ въ отношеніи къ Владиміру и Ольгѣ; но это ему совершенно не дается: въ изложеніи мыслей у него нѣтъ ни хронологическаго, ни логическаго порядка; этотъ недостатокъ рѣзко бросается въ глаза не только въ общемъ построеніи сочиненія, но и въ развитіи деталей. Бѣдность лексикона и отсутствіе школьной выправки, при сильномъ напорѣ чувствъ, заставляютъ его повторять однѣ и тѣ же фразы, однѣ и тѣ же мысли, причемъ его рѣчь иногда переходитъ просто въ безпорядочный наборъ фразъ. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, совершенно неподготовленнымъ къ литературному дѣлу.—Совершенно другое явленіе представляетъ разсматриваемое „Сказаніе“ о Борисѣ и Глѣбѣ. Не смотря на то, что авторъ любитъ переплетать свой разсказъ рѣчами, которыя онъ обильно влагаетъ въ уста мучениковъ, послѣдовательность разсказа у него нигдѣ не перерывается. Въ его рѣчахъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ проф. Голубинскій, „замѣтна *искусственная сочиненность*, онѣ смотрятъ не столько рѣчами, которыя непосредственно выливаются изъ души у говорящихъ, сколько рѣчами, которыя *сочинены ими и произносятся*. Эти рѣчи напоминаютъ собою произведенія тѣхъ ораторовъ, которые, не обладая ораторскимъ талантомъ, обладаютъ искусственно пріобрѣтеннымъ умѣньемъ, предполагающимъ

---

[1]) См. списокъ, изданный Срезневскимъ.

въ человѣкѣ извѣстную литературную выправку, извѣстную, такъ сказать, шлифовку мысли, которая достигается или школьнымъ воспитаніемъ или серьезной литературной начитанностью. Ничего подобнаго и слѣда нѣтъ въ „Похвалѣ" Іакова мниха, который, по нашему мнѣнію, совершенно не подготовленъ былъ къ тому, чтобы написать такое отдѣланное въ литературномъ отношеніи произведеніе, какимъ безспорно является разсматриваемое „Сказаніе" о Борисѣ и Глѣбѣ. Если бы было принято, что Іаковъ написалъ сначала „Похвалу", а потомъ „Сказаніе", тогда можно было бы предположить, что между написаніемъ того и другаго произведенія прошелъ значительный промежутокъ времени, въ продолженіи котораго авторъ могъ усовершенствоваться въ дѣлѣ литературнаго творчества. На дѣлѣ же, какъ на зло, выходитъ какъ разъ наоборотъ. Тѣмъ не менѣе, если не всѣ, то громадное большинство изслѣдователей—одни предположительно, другіе категорически—утверждаютъ, что и „Похвала" и „Сказаніе" написаны однимъ и тѣмъ Іаковомъ мнихомъ. Въ пользу этого мнѣнія высказались: пр. Макарій, Погодинъ, Срезневскій, Бутковъ, Тюринъ, Сухомлиновъ, Бестужевъ-Рюминъ. Голубинскій. Уступая давленію столь сильнаго авторитета, мы по неволѣ должны считаться съ слѣдующимъ фактомъ, который, по нашему личному мнѣнію, не заслуживаетъ вниманія. Изслѣдователи, признавая „Сказаніе" произведеніемъ Іакова мниха, заимствуютъ изъ него данныя для опредѣленія времени жизни этого писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и времени написанія „Похвалы". При этомъ одни, на основаніи „Сказанія", доказываютъ, что Іаковъ жилъ въ XI в., слѣдовательно, раньше составленія перваго лѣтописнаго свода; другіе, напротивъ, думаютъ, что онъ писалъ свое „Сказаніе" не раньше половины XII в. Первые, кромѣ ссылки на древность языка, приводятъ въ доказательство своего мнѣнія еще слѣдующіе доводы. Почти въ самомъ началѣ „Сказанія" читаемъ: „сице убо бысть маломъ преже сихъ лѣтъ, сущю самодержцю всея рускыя земля Володимеру"... Здѣсь, гово-

ратъ, прямо указывается на то, что авторъ писалъ „Сказаніе“ *мало лѣтъ спустя послѣ мученической кончины Бориса и Глѣба.* Но противъ этого вывода послѣдовали возраженія. Бутковъ замѣтилъ, что „слова сіи относятся скорѣе къ изложеннымъ въ статьѣ событіямъ (т. е. къ мучен. смерти Бориса и Глѣба), нежели къ сочинителю, какъ явившемуся на свѣтѣ не ранѣе XII вѣка“ [1]). Тюринъ къ этому добавилъ, что „понятіе о маломъ очень не опредѣленно“. Притомъ же эти слова, по мнѣнію Тюрина, напоминаютъ извѣстное греческое техническое выраженіе, означающее „незадолго“; что иногда означало у греческихъ писателей слишкомъ цѣлое столѣтіе [2]). Не трудно замѣтить, что оба эти возраженія страдаютъ натяжкой и поэтому они легко опровергнуты были пр. Макаріемъ, который остроумно замѣтилъ, что „малое всегда означало, какъ и нынѣ означаетъ, *малое, а не многое*“ [3]). Далѣе, представители перваго мнѣнія указываютъ на то, что „Сказаніе“ написано было до 1072 года. „иначе, говорятъ, трудно объяснить, почему сочинитель, изложивъ извѣстія о убіеніи св. мучениковъ Бориса и Глѣба, объ открытіи ихъ мощей и перенесеніи мощей, бывшемъ при в. к. Ярославѣ, вовсе не упоминаетъ о другомъ, болѣе торжественномъ и славномъ, перенесеніи ихъ въ новую церковь, послѣдовавшемъ при в. к. Изяславѣ 1072“ [4]). Противъ этого довода Бутковъ и Тюринъ возразили, что есть списки, въ которыхъ говорится не только о перенесеніи мощей, бывшемъ въ 1072 году; но и о перенесеніи, случившемся въ 1115 г. Въ отвѣтъ на это возраженіе пр. Макарій указалъ на то, что о позднѣйшихъ событіяхъ говорится не въ „Сказаніи“, а въ разсказѣ *о чудесахъ*; „но Сказаніе и Разсказъ

---

[1]) Разборъ трехъ Пам.. стр. 90.

[2]) Извѣст. II отд. Ак. Н. листъ 32, стр. 80.

[3]) Тамъ же. Листъ 36, стр. 152

[4]) Макарій. Хр. Чт. 1849 г. ч. II, стр. 313. Голубинскій. Истор., стр. 616 и др.

суть два отдѣльныя сочиненія". Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ сослался, во первыхъ, на то, что „Сказаніе" есть цѣльное, вполнѣ законченное произведеніе и что составитель его выражаетъ даже мысль, что онъ не намѣренъ описывать чудесъ братьевъ. Во вторыхъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что есть рукописи, въ которыхъ „Сказаніе" о св. страстотерпцахъ помѣщено *одно* и за нимъ не слѣдуетъ Разсказъ о чудесахъ, равно какъ есть другія рукописи, въ которыхъ встрѣчается Разсказъ о чудесахъ безъ этого „Сказанія"; есть, далѣе, третьяго рода рукописи, въ которыхъ Разсказъ о чудесахъ помѣщенъ не въ полномъ своемъ объемѣ; наконецъ, есть и такого рода рукописи, въ которыхъ „Сказаніе" и Разсказъ встрѣчаются вмѣстѣ; но между нимъ нѣтъ никакой связи [1]) Изъ этого непосредственно очевидно, что Разсказъ о чудесахъ написанъ былъ отдѣльно, не сразу и, по всей вѣроятности, другимъ авторомъ. Самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ принадлежности „Сказанія" XI вѣку признается слѣдующее. Восхваляя св. Бориса и Глѣба, авторъ „Сказанія" говоритъ: „по истинѣ ни весь миръ можетъ понести, яже дѣются предивьная чюдеса, и паче пѣсъка морьскаго, и не ту едине, но... и намѣстѣ, идеже *мученическыимъ вѣньцемъ* увязостася, соьданѣ быста *церкви* въ имя его, да и ту такоже многа чюдеса посѣщающа съдѣваета". Здѣсь говорится о существованіи церквей на мѣстѣ мученической кончины св. братьевъ. А такъ какъ, по свидѣтельству лѣтописи, церковь на р. Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ, построена была въ 1117 году, а на р. Смя-

---

[1]) Изв. II отд. Ак. Н. Лист. 36, стр. 149—150.—Изъ древнѣйшихъ списковъ „Сказанія" одинъ сохранился въ харатейномъ Сборникѣ Московскаго Большаго Успенскаго Собора XII или начала XIII в.; другой въ харатейномъ Сборникѣ Московскаго Чудова монастыря XIV в.. Въ первомъ разсказъ о чудесахъ представленъ въ неполномъ видѣ, во второмъ его совершенно нѣтъ. Оба эти списка изданы Бодянскимъ въ Чтен. въ Импер. Общ. Истор. и Др. 1870 г. кн. 1. Объ отношеніи Сказанія къ лѣтописи см. у Срезневскаго: Изв. II отд. Ак. Н. листъ 34.

динѣ, гдѣ убитъ Глѣбъ,—въ 1145 году, то Бутковъ и Тюринъ изъ этого сдѣлали заключеніе, что „Сказаніе“ писано позже 1145 года. Отвѣтъ на это возраженіе одновременно послѣдовалъ со стороны Срезневскаго и пр. Макарія. Они прежде всего обратили вниманіе на то, что слова: „иде же мученическымъ вѣнцемъ увязостася“, находятся не во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ, слѣдовательно возможно, что они вставлены позднѣе, когда указанныя церкви уже были выстроены. Затѣмъ, пр. Макарій указалъ еще и на то, что въ 1117 и въ 1145 гг. были выстроены собственно каменныя церкви; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что на томъ же мѣстѣ раньше не было церквей деревянныхъ, на существованіе которыхъ въ лѣтописи дѣйствительно есть прямое указаніе, по крайней мѣрѣ—относительно церкви на Альтѣ [1]). Такимъ образомъ всѣ попытки перенести время написанія „Сказанія“ на XII в. оказались неудачными. Итакъ, если бы даже было доказано, что „Сказаніе“ и „Похвала“ написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ, то и тогда трудно было бы опровергнуть то мнѣніе, что Іаковъ мнихъ жилъ и писалъ въ XI, а не въ XII вѣкѣ. Признавая же Іакова писателемъ XI вѣка, съ значительною вѣроятностію можно признать и то, что это былъ тотъ самый инокъ Іаковъ, котораго преп. Θеодосій предлагалъ въ 1074 году поставить игуменомъ Печерской обители. Зная же, что Іаковъ былъ инокомъ Печерской обители, въ которой жилъ и нашъ первый составитель лѣтописи, и встрѣчая въ „Похвалѣ“ ясное доказательство того, что авторъ ея не пользовался лѣтописью, изслѣдователь имѣетъ полное право сдѣлать заключеніе, что „Похвала“ есть не только древнѣйшій, но и самый первый памятникъ нашей древней *исторической* письменности. А что Іаковъ не пользовался лѣтописью при написаніи своей „Похвалы“, это видно изъ того, что заключающіяся въ ней нѣкоторыя историческія извѣстія, какъ увидимъ ниже, находятся въ полномъ про-

[1]) Тамъ же. Листъ 34, стр. 128—129, и л. 36, стр. 148.

тиворѣчіи съ показаніями лѣтописца. Прибавимъ къ этому, что Іаковъ, проникнутый глубокимъ благоговѣніемъ къ памяти св. Владиміра, по собственному сознанію, съ особенною тщательностью, *спеціально* собиралъ о немъ свѣдѣнія и что изъ *многаго*, что ему удалось узнать объ этомъ князѣ, въ своей „Похвалѣ" онъ рѣшился передать только то *немногое*, что было признано имъ вполнѣ достовѣрнымъ. Изъ сказаннаго уже само собою вытекаетъ тотъ выводъ, что заключающійся въ „Похвалѣ" историческій матеріалъ имѣетъ для науки значеніе самой высокой цѣнности. Словомъ, въ авторѣ „Похвалы" мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, который могъ и искренно желалъ узнать истину о св. Владимірѣ и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія скрывать ее отъ другихъ. Что же говоритъ намъ этотъ древнѣйшій и достовѣрнѣйшій писатель по интересующему насъ вопросу?

Изъ содержанія „Похвалы" можно предположить, что Іаковъ первоначально задался было цѣлью написать *похвальное слово* Владиміру и Ольгѣ, т. е. нѣчто въ родѣ того, съ чѣмъ мы встрѣчаемся въ „Похвалѣ Кагану нашему Владиміру", помѣщенной въ знаменитомъ *Словѣ* митр. Иларіона о законѣ и благодати. Но, къ счастью для историковъ, онъ уклонился отъ этой задачи и помѣстилъ въ концѣ нѣсколько извѣстій чисто историческаго характера, на которыхъ мы теперь и остановимъ свое вниманіе. Восхваливъ Владиміра за то, что онъ, крестившись самъ, крестилъ всю землю русскую, а также за его щедрую милостыню, Іаковъ въ концѣ Похвалы говоритъ: „такоже пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлехъ, благодать Божія просвѣщаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его вси. Идѣже идяше, одолѣваше: Радимицѣ побѣди и дань на нихъ положи. Вятичи побѣди и дань на нихъ положи на обоихъ, и Ятьвягы взя, и сребреныя Болгары побѣди, и на Козары шедъ побѣди я и дань на нихъ положи. Умысли же и на грѣчьскый градъ Корсунь, и сице моляшеся князь Володимеръ Богу: „Господи

Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошю, даси ми градъ, *да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научать люди закону крестьянскому*". И послуша Богъ молитвы его, и прия градъ Корсунь. И взя съсуды церковныя и иконы, и мощи святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ. Въ ты дни бѣяста царя два въ Цариградѣ: Констянтинъ и Василій. И посла къ нимъ Володимеръ, прося у нихъ сестры оженитися, да ся бы болма на крестьяньскый законъ направилъ. И даста ему сестру свою, и дары многы присласта к нему, и мощи святыхъ даста ему; положи и. Тако добрѣ поживе благовѣрный князь Володимеръ, и скончя житіе свое въ правовѣрнѣй вѣрѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ... По святомъ же крещеніи поживе блаженный князь Володимеръ 28 лѣтъ. На *другое лѣто по крещеніи къ порогомъ* ходи, *на третье лѣто Корсунь городъ взя*, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложи, а на пятое лѣто Переяславль заложи, въ девятое лѣто десятину блаженый и христолюбивый князь Володимерь вда церкви святѣй Богородици и отъ имѣнія своего".

Въ приведенной тирадѣ еще первые изслѣдователи обратили вниманіе на то, что Іаковъ отдѣляетъ крещеніе Владимира отъ его похода на Корсунь и ставитъ эти два факта въ совершенно другую послѣдовательность, чѣмъ авторъ лѣтописной повѣсти. Срезневскій, анализируя содержаніе „Похвалы", между прочимъ говоритъ: „но важнѣе многихъ другихъ слѣдующее показаніе сказанія: „Умысли же и на грѣчьскый градъ Корсунь, и сице моляшеся князь Володимеръ Богу: Господи Боже, владыко всѣхъ! сего у Тебѣ прошу, даси ми градъ, да приму, и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьянскому". Изъ этого можно заключить—продолжаетъ этотъ знаменитый ученый,—что сочинитель *отдѣлялъ фактъ крещенія Владимира отъ факта о водвореніи вѣры въ землѣ Русской*, и могъ даже считать походъ Владимира совершившимся

уже тогда, когда *самъ былъ просвѣщенъ св. крещеніемъ* въ Кіевѣ или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ. Свести это показаніе съ показаніемъ о походѣ къ Корсуню на третій годъ послѣ крещенія Владимира, видимъ, что онъ *дѣйствительно такъ и считалъ.* Это показаніе мнѣ кажется важнымъ потому, что оно болѣе всего показываетъ *несогласіе мнѣній* сочинителя съ мнѣніями лѣтописца и взаимную ихъ независимость"[1]). Согласно съ Срезневскимъ, но независимо отъ него, высказались по этому вопросу и другіе авторитетные изслѣдователи. По мнѣнію Погодина, авторъ именно говоритъ, что Владимиръ предпринималъ походъ на Корсунь, *уже принявъ св. крещеніе*, на третій годъ"[2]). А Бутковъ съ особою силою оттѣнилъ ту мысль, что Владимиръ предпринималъ Корсуньскій походъ „на тотъ *единственно* конецъ, чтобы привести оттуда христіанъ и поповъ въ свою землю, къ наученію народа русскаго вѣрѣ православной"[3]). Мнѣніе это охотно принято было и пр. Макаріемъ[4]), и вообще, насколько намъ извѣстно, въ свое время не встрѣтило возраженій. . Такъ было до тѣхъ поръ, пока проф. Голубинскій не положилъ разсматриваемаго показанія Іакова въ основаніе своихъ сужденій по вопросу о мѣстѣ и времени крещенія св. Владимира. Теперь только защитники разсказа лѣтописной повѣсти поняли, какая серьезная опасность угрожаетъ ихъ взгляду со стороны показаній Іакова и стали придумывать средства къ тому, какъ бы устранить эту опасность. Не рѣшаясь отрицать компетентности автора „Похвалы", они избрали другой путь для предотвращенія направленнаго противъ нихъ удара. Въ то время какъ проф. И. П. Малышевскій, въ своей извѣстной рецензіи на *Исторію* г. Голубинскаго, даже не усумнился въ *точности*

---

[1]) Тамъ же, стр. 119.

[2]) Тамъ же, л. 21, стр. 330.

[3]) Разборъ трехъ пам., стр. 86.

[4]) Изв. Ак. Н. л. 35, стр. 154.

вышеуказанныхъ выводовъ изъ показаній Іакова мниха, изслѣдователи, о которыхъ идетъ рѣчь, стали доказывать, что между показаніями Іакова и показаніями лѣтописной повѣсти нѣтъ разногласія и что оба эти источника вполнѣ солидарны во взглядѣ на фактъ крещенія Владиміра. Первый, насколько намъ извѣстно, высказался по этому вопросу авторъ помѣщенной въ „Кіевской Старинѣ“ статьи: „Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ“, скрывшій свое имя подъ иниціаломъ П. Л.[1]). Г. П. Л. высказалъ довольно остроумную мысль, что показаніе Іакова о взятіи Владиміромъ Корсуня на третій годъ послѣ крещенія нужно понимать въ томъ смыслѣ, что этотъ князь по крещеніи взялъ Корсунь *во второй разъ*. Но мы тогда же заявили[2]), что эта мысль, какъ ничѣмъ не доказанная и даже не мотивированная, не можетъ быть принята, такъ какъ трудно допустить, чтобы Владиміръ, взявши послѣ шестимѣсячной осады Корсунь въ 988 году, возвратилъ его Грекамъ съ тѣмъ, чтобы чрезъ годъ вновь предпринимать на него походъ. Тогда на защиту г. П. Л. выступилъ г. М—ко и сталъ доказывать, что мысль о вторичномъ походѣ Владиміра на Корсунь не есть простая догадка, что она представляетъ единственно возможный выводъ изъ показаній Іакова, и что, слѣдовательно, прежніе изслѣдователи, т. е. Срезневскій, Погодинъ, Бутковъ, преосв Макарій, Голубинскій и др.,—не умѣли понять свидѣтельства Іакова и въ своемъ толкованіи подвергли его искаженію. Въ подтвержденіе такого смѣлаго сужденія г. П. М—ко, на показаніе Іакова, что Владиміръ „на третье лѣто (по крещеніи) Корсунь городъ взя“, представилъ слѣдующее толкованіе. „Выше, говоритъ онъ, Іаковъ перечислилъ завоеванія и по-

---

[1]) 1887 г. Сентябрь, стр. 184.

[2]) „О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ“, стр. 2. Первоначально напечатано въ „Труд. Кіевск. Дух. Ак.“ 1888 г. № 1.

ходы Владимира *до крощенія*, помѣстивъ въ концѣ, что согласно и съ лѣтописью, походъ и завоеваніе Корсуня—въ связи съ важными религіозными послѣдствіями этого событія для Руси. Далѣе же перечисляетъ дѣла Владимира *по крещеніи:* на другое лѣто—походъ къ порогамъ, на третье—взятіе Корсуня, на четвертое—заложеніе церкви св. Богородицы, на пятое—построеніе Переяславля, на девятое—назначеніе десятины для церкви св. Богородицы... Что же, взятіе Корсуня въ первомъ и во второмъ случаѣ—одно и тоже событіе, два раза упоминаемое въ предѣлахъ какихъ нибудь десяти строкъ, или, можетъ быть, рѣчь идетъ здѣсь о двухъ различныхъ походахъ? Обратимъ вниманіе на то, что всѣ исчисленные походы Владимира—*до крещенія* дѣйствительно относятся къ этому времени, и ни одинъ изъ нихъ, кромѣ похода на Корсунь, не повторяется вновь въ спискѣ дѣяній Владимира—*по крещеніи*,—какъ равно и послѣднія, не говоря опять о взятіи Корсуня, принадлежатъ опять ко времени послѣ крещенія, а нѣкоторыя изъ нихъ—какъ построеніе церкви св. Богородицы и назначеніе десятины—и по лѣтописи значатся подъ тѣми же годами послѣ крещенія..." [1]). Ошибочность представленной здѣсь аргументаціи тоже разоблачена была нами въ свое время [2]). Главная ошибка г. П. М—ко заключается въ томъ, что онъ совершенно произвольно навязываетъ Іакову мысль о расчлененіи дѣяній Владимира на такія, которыя совершены были имъ *до крещенія и послѣ крещенія*. Что у Іакова нѣтъ и намека на такое дѣленіе, это видно изъ контекста рѣчи. Вотъ слова Іакова. Перечисливъ христіанскія добродѣтели Владимира, Іаковъ говоритъ, что въ награду за эти добродѣтели „*благодать* Божіа просвѣщаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя, и бояхутся его всѣ. Иде же идяше, одолѣваше: Радимичѣ побѣди... Вятичи, Ятьвяги, Болгары, Ка-

---

1) „Кіевлянинъ" 1888 г. № 28, столб. 1—2.

2) Тамъ же, № 35.

зары“ и т. д. Изъ этого мѣста выходитъ, что Владимиръ побѣды надъ Радимичами, Вятичами, Ятвягами, Болгарами и Хазарами, одержалъ при помощи *благодати* Божіей, которую онъ получилъ въ актѣ крещенія и которая почивала надъ нимъ за его добрыя христіанскія дѣла; а между тѣмъ извѣстно, что всѣ эти племена, кромѣ Хазаръ, побѣждены были Владимиромъ до крещенія. Какъ же объяснить это противорѣчіе? Противорѣчіе это произошло именно отъ того, что Іаковъ не дѣлаетъ разчлененія дѣяній Владимира на до христіанскія и христіанскія. Смыслъ разбираемаго мѣста слѣдующій. Задавшись цѣлью написать *Похвалу* св. Владимиру, Іаковъ восхваляетъ и его военныя доблести, причемъ перечисляетъ *всѣ* тѣ племена, которыя имъ были побѣждены, независимо отъ того, когда одержаны были эти побѣды, т. е. до крещенія или по крещеніи. Четыре изъ перечисленныхъ здѣсь побѣдъ, именно: надъ Радимичами, Вятичами, Ятвягами и Болгарами—одержаны были имъ до крещенія, остальныя двѣ—послѣ крещенія. Изъ событій, слѣдовавшихъ послѣ крещенія, здѣсь отмѣчены только побѣда надъ Хозарами и взятіе Корсуня—потому, что изъ другихъ позднѣйшихъ военныхъ походовъ Владимира ни одинъ не могъ служить къ увеличенію его военной славы. Въ 992 году онъ предпринималъ походъ на Хорватовъ; но этотъ походъ въ лѣтописи отмѣченъ терминомъ „иде“, который, въ противоположность термину „побѣди“, означаетъ нерѣшительный исходъ военныхъ дѣйствій, если, конечно, за нимъ не слѣдуетъ извѣстіе о самой побѣдѣ. Если же мы вспомнимъ, что подъ этимъ же годомъ въ лѣтописи записано извѣстіе о появленіи за Сулою Печенѣговъ и о борьбѣ съ ними Владимира подъ Переславлемъ, то легко поймемъ, почему Хорваты не были побѣждены: Владимиръ, очевидно, поспѣшно возвратился изъ хорватскаго похода для того, что бы отразить нападеніе Печенѣговъ. Послѣ крещенія Владимиръ велъ также борьбу съ Печенѣгами; но о Печенегахъ никакимъ образомъ нельзя было сказать, что Владимиръ ихъ „побѣди“. По-

слѣдніе ихъ два набѣга—на Василевъ, когда Владиміръ вынужденъ былъ скрываться подъ мостомъ, и Бѣлгородъ—не увеличивали славы Владиміра. Наконецъ, столкновеніе съ Болеславомъ Храбрымъ по поводу извѣстной исторіи Святополка, окончилось, насколько извѣстно, ничѣмъ.—Вообще, разсматриваемый взглядъ есть плодъ простаго недомыслія и можетъ быть объясненъ простымъ неумѣньемъ извлекать историческій матеріалъ изъ литературныхъ памятниковъ.

Послѣ этихъ первыхъ неудачныхъ попытокъ доказать тожество показаній Іакова съ показаніями лѣтописной повѣсти, на защиту этого мнѣнія выступилъ профессоръ А. И. Соболевскій [1]). Почтенный ученый не сталъ отстаивать неправдоподобную мысль о двукратномъ походѣ Владиміра на Корсунь, а высказалъ слѣдующую остроумную догадку. Іаковъ говоритъ, что Владиміръ „на второе лѣто по крещеніи къ *порогомъ* ходи, на третье лѣто Корсунь городъ *взя*". Въ этомъ показаніи г. Соболевскій предложилъ читать: вмѣсто „къ порогомъ"—„къ порохомъ", а вмѣсто „взя"—„основа", и затѣмъ сдѣлалъ предположеніе, что Владиміръ на второй годъ послѣ крещенія путешествовалъ „къ какимъ-то „порохомъ" (вѣроятно, къ жителямъ Поросья)", а на третій годъ, вѣроятно, *основалъ городъ Корсунь на р. Роси*. Догадка остроумная, но принятіе ея было бы равносильно произвольному искаженію текста древняго памятника. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать подобную поправку? Прежде всего замѣтимъ, что списки „Похвалы", извѣстные издателямъ этого памятника (пр. Макарію и проф. Голубинскому), не знаютъ чтенія къ „порохомъ". Но допустимъ, что редакція съ подобнымъ чтеніемъ существуетъ; въ такомъ случаѣ еще нужно доказать, что чтеніе „къ порохомъ" правильнѣе чтенія „къ порогомъ"; а доказать это

---

[1]) Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историч. Общ. Нестора лѣтописца, состоявшемся 13 марта 1888 г.; см. „Кіевлянинъ" № 60

едвали возможно. Мы не намѣрены оспаривать, что чтеніе это не противорѣчитъ законамъ филологіи; но дѣло въ томъ, что оно никогда не было терминомъ для обозначенія извѣстнаго географическаго понятія. Для обозначенія области по рѣкѣ Роси начальная лѣтопись употребляетъ терминъ „Поросье", а жители Поросья въ лѣтописи называются „Порошане". Напротивъ, терминъ „пороги" въ лѣтописи постоянно употребляется для названія извѣстныхъ Днѣпровскихъ пороговъ. Въ лѣтописи часто встрѣчается еще слово „порокы", употреблявшееся для обозначенія извѣстнаго рода военныхъ стѣнобитныхъ машинъ; но въ даномъ случаѣ о *поракахъ* не можетъ быть и рѣчи. Что же касается замѣны глагола *взя* глаголомъ *основа*, то на нее можно смотрѣть лишь какъ на доказательство того отчаяннаго положенія, въ какомъ оказались защитники лѣтописной повѣсти послѣ того, когда историки стали оказывать должное вниманіе показаніямъ Іакова.

Также настойчиво, но также безуспѣшно, защитники лѣтописной повѣсти пытаются доказать, что и хронологическія показанія Іакова тожественны съ показаніями лѣтоп. повѣсти. Еще Погодинъ категорически заявилъ, что у Іакова „хронологія не та, что у Нестора (въ лѣтописи): Владиміръ крестился въ 987 г., ходилъ къ порогамъ въ 988, взялъ Корсунь въ 989, заложилъ церковь въ 990, основалъ Переяславль въ 991, установилъ десятину 995" [1]). Этотъ выводъ Погодина въ свое время принятъ былъ благосклонно въ ученомъ мірѣ, а проф. Голубинскій положилъ его, какъ извѣстно, въ основаніе своего сужденія по вопросу о *времени* крещенія Владиміра. Но позднѣйшими скептиками и этотъ вопросъ не оставленъ былъ въ покоѣ. Въ то время, какъ одни доказывали, что годъ крещенія Владиміра у Іакова тотъ же, что и у лѣтописца, вышеупомянутый г. И. М—ко пустился даже обличать Іакова въ хронологической *путаницѣ* и „въ *гру-*

---

[1]) Извѣст. II отд. Ак. Н.. Листъ 21, стр. 330.

бомъ противорѣчіи" самому себѣ [1]). Легкомысленность такого сужденія въ свое время нами наглядно была показана [2]). Вообще же, поднявшаяся по этому вопросу полемика выяснила, что для его рѣшенія необходимо предварительно уяснить: а) какой годъ считается у Іакова *первымъ* послѣ крещенія, т. е. годъ ли самаго крещенія, или годъ, непосредственно слѣдовавшій за нимъ, и б) какъ понимать у Іакова цифру 28, т. е. означаетъ ли она *текущій* годъ или *истекшій*, или что тоже: Владиміръ умеръ на 28 году послѣ крещенія, или прожилъ 28 лѣтъ и скончался на 29 году? Для рѣшенія перваго вопроса и въ лѣтописи и у самаго Іакова есть достаточное количество прямыхъ фактическихъ указаній. Изъ встрѣчающихся въ лѣтописи данныхъ непосредственно очевидно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ лѣтописи дается круглое число, означающее промежутокъ времени между двумя конечными моментами въ актѣ продолженія даннаго событія, первымъ годомъ, вошедшимъ въ составъ этого круглаго числа, считается годъ самаго начала или возникновенія событія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно къ датѣ, означающей годъ, непосредственно предшествующій году начала событія, прибавить данную круглую цифру и въ результатѣ непремѣнно получится дата, означающая годъ окончанія событія. Вотъ примѣры. Въ хронологическомъ перечнѣ, помѣщенномъ въ началѣ лѣтописи и составленномъ на основаніи данныхъ самой же лѣтописи, читаемъ: „отъ перваго лѣта Олгова, по нелѣ же сѣде въ Киевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31". Олегъ занялъ Кіевскій столъ въ 882 году, а Игорь „поча княжити" въ 913 году. Ясно, что здѣсь въ сумму 31 вошли всѣ годы княженія въ Кіевѣ Олега, начиная съ года прибытія въ Кіевъ въ 882 году, до года его смерти (912) включительно. Дѣйствительно если къ 881, т. е. къ первому году, не вошедшему въ число 31, прибавимъ 31, то въ результатѣ получимъ 912, т. е.

[1]) „Кіевлянинъ", № 27.
[2]) Тамъ же, №№ 32 и 35.

годъ смерти Олега, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ послѣднимъ годомъ его княженія. Примѣнивъ эту же систему провѣрки къ цифрамъ, означающимъ число лѣтъ княженія Игоря (33), Святослава (28), Ярополка (8), Ярослава (40), получимъ тотъ же результатъ. Также можно провѣрить цифры, означающія число лѣтъ, протекшихъ отъ смерти Святослава до смерти Ярослава (85), отъ смерти Ярослава до смерти Святополка-Михаила (60), число лѣтъ сидѣнія Судислава въ порубѣ (24), число лѣтъ княженія Мономаха (13) и т. д. Если при такой провѣркѣ и встрѣтятся нѣкоторыя неточности, то онѣ во всякомъ случаѣ говорятъ въ нашу пользу. Не поддается провѣркѣ только цифра, означающая число лѣтъ княженія св. Владимира (37), но это потому, что лѣтопись, какъ мы видѣли, ошибочно отвесла начало княженія Владимира въ Кіевѣ къ 980 году. Что этой же системы счисленія придерживался и нашъ Іаковъ, это видно изъ того, что поставивъ годъ крещенія Владимира исходнымъ пунктомъ въ своемъ хронологическомъ перечнѣ, онъ начинаетъ далѣе этотъ перечень со *втораго* года послѣ крещенія, считая, очевидно, *первымъ* самый годъ крещенія.

Что касается, далѣе, втораго выше поставленнаго вопроса, т. е. какъ нужно понимать цифру 28 у Іакова, то и онъ можетъ быть рѣшенъ съ категорическою точностію. Во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ выше указаннаго „Сказанія“ о Борисѣ и Глѣбѣ читаемъ: „*уже минувшемъ* лѣтомъ 28 по святомъ хрыщеніи (Володимеръ) впаде въ недугъ крѣпокъ“, т. е. когда уже скончался 28 годъ послѣ крещенія, Владимиръ впалъ въ крѣпкій недугъ и затѣмъ скоро умеръ. Итакъ въ мартѣ (начало года) 1015 года исполнилось 28 лѣтъ послѣ крещенія Владимира и онъ, значитъ, по крещеніи прожилъ 28 лѣтъ, 4 мѣсяца и 14 дней, и, согласно показанію Іакова и лѣтописи, скончался 15 іюля 1015 года. Имѣя такія точныя даты, мы теперь легко можемъ опредѣлить и годъ крещенія Владимира. Отъ Р. Хр. до смерти Владимира прошло 1014 л., 4 м. и 14 дн.

Вычтя изъ этого числа 28 л., 4 м. и 4 дн., получимъ 986. Это значитъ, что Владимиръ крестился 1 марта 987 года, т. е. какъ разъ на новый годъ. Здѣсь, впрочемъ, можетъ быть еще поднятъ вопросъ о томъ, какъ понимать въ данномъ случаѣ „лѣто", т. е. въ строго ли математическомъ смыслѣ, или въ смыслѣ новолѣтія, въ смыслѣ наступленія новой весны? Если будемъ понимать въ первомъ смыслѣ, то полученный выводъ придется признать математически точнымъ; если же поймемъ во второмъ смыслѣ, то отъ точнаго опредѣленія мѣсяца и числа крещенія Владимира придется отказаться, но за то точность года не можетъ подлежать сомнѣнію. Этому выводу противорѣчитъ, по видимому, слѣдующее показаніе самаго Іакова: крестижеся князь Володимеръ въ *десятое* лѣто по убіеніи брата своего Ярополка". Еще Погодинъ обратилъ вниманіе на это мѣсто и сдѣлалъ выводъ, что Іаковъ здѣсь противорѣчитъ самому себѣ: „сочинитель говоритъ сначала, что Владимиръ жилъ по крещеніи 28 лѣтъ, а онъ скончался въ 1015 году, слѣдовательно крестился въ 987 г., а потомъ говоритъ, что Владимиръ крестился въ 10 лѣто по убіеніи Ярополка, а Ярополкъ убитъ въ 980 г., слѣдовательно Владимиръ крестился въ 990 году" [1]). Недоумѣніе это разъяснилъ г. Голубинскій, указавши на то, что смерть Ярополка Іаковъ относитъ не къ 980 году, а къ 978. Этотъ же ученый въ словахъ Іакова „въ десятое лѣто" видитъ ошибку и, ссылаясь на Никоновскую и Псковскую лѣтописи, предлагаетъ читать: „въ девятое лѣто" [2]). Ничего не имѣя противъ этой поправки, мы однакожъ думаемъ, что и безъ нея можно согласить разсматриваемыя показанія Іакова. Іаковъ говоритъ, что Владимиръ занялъ великокняжескій столъ 11 іюня 978 года, что, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа, случилось одновременно съ убіеніемъ Ярополка. Значитъ, отъ Р. Хр. до смерти Ярополка

---

[1]) Изв. II отд. Ак. Н. Л. 21., стр. 330.

[2]) Истор. I. 1, стр. 113, примѣчан.

прошло 977 лѣтъ, 3 м. и 11 дн.; онъ же говоритъ, что крестился Владиміръ въ *десятое* лѣто по убіеніи Ярополка; это значитъ, что прошло полныхъ 9 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ (X). Произведя сложеніе, получимъ: 977 л. 3 м. 11 д.+9 л. X м.=986 л. 3+X м. и 11 дн. Если здѣсь на долю неизвѣстнаго числа (X) отступимъ даже 6 мѣсяцевъ, т. е. ровно полгода, то и тогда годъ крещенія получится все тотъ же 987. Итакъ, крестившись въ 987 году, Владиміръ по показанію Іакова, 1) въ слѣдующемъ 988 году ходилъ къ порогамъ, 2) въ 989 г. городъ Корсунь взялъ, 3) въ 990 г. заложилъ церковь во имя Богородицы, 4) въ 991 г. городъ Переяславъ основалъ, 5) въ 995 г. десятину установилъ. Оставляя пока въ сторонѣ двѣ первыя даты, относительно остальныхъ замѣтимъ, что онѣ стоятъ въ противорѣчіи съ показаніями лѣтописи; но относительно 3 и 4 необходимо замѣтить, что и сама лѣтопись въ данномъ случаѣ не одинаково показываетъ въ различныхъ своихъ списках. Заложеніе церкви, въ *Лаврентіевскомъ* спискѣ, по очевидной опискѣ переписчика, отнесено къ 982 (6490), въ *Радзивиловскомъ* и *Академическомъ* къ 989 г., въ *Ипатскомъ* къ 991 г.; основаніе Переяславля въ *Лавр.* отнесено къ 992 г., а въ *остальныхъ* къ 993 году. Эта хронологическая путаница, начинающаяся въ лѣтописи послѣ 988 года, по нашему мнѣнію, произошла отъ невѣрнаго распредѣленія по годамъ содержанія выше разсмотрѣнной повѣсти о крещеніи. Ясно, что полагаться въ этомъ пунктѣ на лѣтописную хронологію нельзя, и попытка провѣрить ею показанія Іакова, была бы грубой ошибкой. Что же касается десятины, то всѣ лѣтописные списки установленіе ея относятъ 996 году; оспаривать эту дату нѣтъ основанія. Для примиренія въ этомъ пунктѣ разногласія Іакова съ лѣтописью высказано нѣсколько соображеній; но всѣ они имѣютъ гадательный характеръ и поэтому мы на нихъ не останавливаемся.

VI.

Третьимъ памятникомъ, сохранившимъ намъ дату крещенія Владимира, является „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба“ препод. Нестора Печерскаго [1]). Сказаніе это написано, какъ полагаютъ, прежде 1091 года; вообще древность его неоспаривается. Сказавъ о крещеніи Владимира и народа, лѣтописецъ замѣчаетъ: „се бысть въ лѣто 6000 и 400 и 90“, т. е. въ 982 году. Дата эта, взятая въ настоящемъ своемъ видѣ, настолько неправдоподобна, что изслѣдователи не усумнились признать въ ней не ошибку автора, а *описку* переписчика. Такіе тонкіе специалисты въ области нашей древней письменности, какъ Е. Е. Голубинскій и А. И. Соболевскій, происхожденіе этой описки объясняютъ такимъ образомъ: лицо, писавшее этотъ списокъ, опустило въ концѣ цифры находившуюся въ оригиналѣ букву „*е*“ (5), принявъ ее за окончаніе вин. пад. ед. числа порядковаго числительнаго; такъ что для оригинала „Сказанія“ признается возможнымъ возстановить цифру 6495, т. е. 987 годъ. Дата эта, подтверждая дату Іакова, противорѣчитъ датѣ лѣтописца. Для устраненія этого противорѣчія высказана была мысль, что Владимиръ крестился между 1 марта и 1 сентября въ одинъ изъ послѣднихъ пяти мѣсяцевъ 987 *сентябрскаго* года, которые будто бы были вмѣстѣ съ тѣмъ начальными мѣсяцами 988 *мартовскаго* года [2]). Объясненіе это есть плодъ простаго недоумѣнія. Еще Погодинъ въ спорѣ съ Хавскимъ доказалъ, что не мартовскій годъ предшествовалъ сентябрскому, какъ предполагаетъ это догадка, а наоборотъ—*сентябрскій мартовскому*, вслѣдствіе чего послѣдніе мѣсяцы сентябрскаго 987 года соотвѣтствовали первымъ мѣсяцамъ того

---

[1]) Сказаніе это издано нѣсколько разъ: Правосл. Собесѣдн. 1858 г. Кн. 1; Чтеніе Общ. Истор. и Др. Росс. 1859 г. Кн. 1. Бодянскаго и Академическое издан. Срезневскаго въ „Сказаніяхъ о св. Борисѣ и Глѣбѣ“ Спб. 1860 г. Лучшее изслѣдованіе въ Исторіи Голубинскаго 1 пол. 1 т., стр. 619 и слѣд.

[2]) „Кіевлянинъ“ 1888 г. № 60, стр. 3, столб. 2.

же 987 мартовскаго года. Вотъ почему, если предположить, что въ „Сказаніи“ Нестора дата крещенія Владиміра выставлена по сентябрскому году, то, при переводѣ ея на мартовскій годъ, фактъ крещенія Владиміра необходимо переносить или на конецъ 986 года, или на начало 987 г.; но на 988 годъ онъ никакимъ образомъ переносимъ быть не можетъ.

Косвенное подтвержденіе показанія Іакова и авторовъ обоихъ „Сказаній“ о Борисѣ и Глѣбѣ находимъ у Льва Діакона. Мы видѣли, что Іаковъ взятіе Владиміромъ Корсуня относитъ къ третьему году послѣ крещенія. Ясно, что если дата взятія Корсуня будетъ установлена, то получится возможность провѣрить и дату крещенія Владиміра. У Льва Діакона встрѣчается извѣстіе, которое помогаетъ точно установить дату взятія Корсуня. Разсказавъ о возмущеніи Склира, о несчастномъ болгарскомъ походѣ императора и о бунтѣ Варды Фоки, Левъ Діаконъ продолжаетъ: „и другія тяжкія бѣдствія предвѣщалъ восходъ появившейся тогда звѣзды, а также показавшіеся въ *глухую ночь* и опять на сѣверной части *огненные столбы*, наводящіе страхъ на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ— они *предсказывали* послѣдовавшее затѣмъ *взятіе Херсона Тавроскоами* и захватъ Верріи Мисянами (Болгарами)“ [1]. Объ этихъ столбахъ, предвѣщавшихъ взятіе Корсуня, говоритъ и Яхъя, который даетъ намъ точную дату ихъ появленія. „И случилось, говоритъ Яхъя, въ Каирѣ въ *ночь* на субботу 27-го Зу л-Хиджы 378 (7 Апрѣля 989) громъ и молнія и буря сильная и не переставали они *до полуночи*. Потомъ покрылся мракомъ отъ нихъ городъ и была тьма, подобія которой невидывали, до самаго утра. И вышло съ неба подобіе огненнаго столба и покраснѣли отъ него небо и земля весьма сильно. И сыпалось изъ воздуха премного пыли, похожей на уголь, которая захватывала дыханіе, и продолжалось это до четвертаго часа дня. И взошло солнце съ измѣненнымъ цвѣтомъ

---

[1]) Приводимъ въ переводѣ пр. Васильевскаго. Журналъ М. Н. Пр. 1876 г. Мартъ, стр. 156.

и продолжало восходить съ измѣненнымъ цвѣтомъ до вторника втораго Мухаррема 379 (12 Апрѣля 989)"[1]). Итакъ, огненные столбы, предвѣщавшіе, по показанію Льва Діакона взятіе русскими Корсуня, появились, по показанію Яхъи, 7 апрѣля 989 г. Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что Корсунь взятъ былъ Владиміромъ не раньше 7 апрѣля 989 года; а 989 годъ, по Іакову, есть именно третій годъ послѣ крещенія Владиміра; значитъ, и по показанію Льва Діакона Владиміръ крестился въ 987 году. Но и этотъ выводъ, какъ и слѣдовало ожидать, защитниками лѣтописной повѣсти не оставленъ безъ возраженія. „Левъ Діаконъ, говорятъ, въ своемъ повѣтствованіи *смѣшалъ* событія разныхъ годовъ, причемъ для него легче было смѣшать событіе 989 г. съ событіемъ 988 г., чѣмъ съ событіемъ 987, 986 и еще болѣе ранняго года. *Ошибка* Льва Діакона удобнѣе всего можетъ быть истолкована въ пользу 988 г., какъ года взятія Корсуня и крещенія"[2]). Возраженіе это забываетъ, что *возможное* можетъ имѣть различныя степени вѣроятности и что прежде чѣмъ истолковывать ошибку, нужно доказать ее существованіе. А доказать существованіе въ этомъ мѣстѣ у Льва Діакона ошибки рѣшительно не возможно. Мы не станемъ повторять той общеизвѣстной истины, что Левъ Діаконъ былъ современникомъ разсматриваемаго явленія и что онъ, не смотря на свою страсть къ краснорѣчію, признается самымъ лучшимъ между византійскими историками; мы обратимъ вниманіе лишь на слѣдующее обстоятельство. Свою исторію Левъ Діаконъ оканчиваетъ со смертію Іоанна Цимисхія (976) и всему тому, что у него сообщается послѣ 976 года, мы обязаны почти исключительно его страсти къ описыванію и толкованію необыкновенныхъ явленій, въ чемъ онъ чувствуетъ себя тонкимъ спеціалистомъ. Ближайшимъ же поводомъ къ внесенію въ исторію позднѣйшихъ событій послу-

---

[1]) Бар. Розенъ. стр. 28—29

[2]) „Кіевлянинъ". 1888 г. № 60, стр. 3, столб. 2.

жилъ для него слѣдующій фактъ. Въ августѣ 975 года, какъ сказано было выше, во время возвращенія Цимисхія съ Сирійскаго похода, явилась комета, за толкованіемъ смысла появленія которой императоръ обратился „къ знаменитымъ мудрецамъ того времени—Логоѳету и магистру Симеону и Никомидійскому проэдрому Стефану“. Толкователи эти, по словамъ Льва Діакона, истолковали это явленіе „не по правиламъ науки, но по его (императора) волѣ: предвѣщали ему побѣду надъ врагами и долгоденствіе“. Чтобы доказать, что „явленіе сей кометы означало не то, что они говорили изъ угожденія императору“, Левъ Діаконъ и сталъ приводить доказательства, въ число которыхъ попали и огненные столбы съ ихъ предзнаменованіемъ взятія Тавроскиѳами Корсуня, а Болгарами Верріи. Ясно, что вступая, такъ сказать, въ полемику по вопросу о значеніи знаменій съ спеціалистами этого дѣла, Левъ Діаконъ долженъ былъ вести себя какъ можно осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что лица, съ которыми онъ полемизируетъ, занимали высокіе государственные посты. Повторяемъ, что Льву Діакону можно навязывать какія угодно ошибки, только не эту.

Еще менѣе основательна слѣдующая претензія, заявленная защитниками лѣтописной повѣсти. Они требуютъ, чтобы дата появленія огненныхъ столбовъ засвидѣтельствована была не только лѣтописцами, но и современной намъ астрономической наукой. Требованіе это есть плодъ простаго недоумѣнія. Ненужно быть астрономомъ-спеціалистомъ, достаточно быть просто образованнымъ человѣкомъ, что бы понять, что столбы, о которыхъ идетъ рѣчь, не принадлежатъ къ числу тѣхъ явленій, которые поддаются строгой научной регламентаціи: это не какая нибудь комета, которая совершаетъ свое движеніе по опредѣленному кругу и время появленія которой на нашемъ горизонтѣ можно опредѣлить съ математическою точностью. Современная космографія еще слишкомъ юна для того, чтобы она могла точно рѣшать подобнаго рода задачи, въ которыхъ многое кажется для нея случайнымъ, а потому

и непонятнымъ. Намъ возражаютъ, что между Константинополемъ и Каиромъ слишкомъ большое разстояніе и что разсматриваемое явленіе едва-ли могло быть одновременно видимо въ столь отдаленныхъ пунктахъ. Отвѣчаемъ: объемъ территоріи, на пространствѣ которой одновременно можетъ быть видимо одно и тоже свѣтовое явленіе, обусловливается многими, иногда весьма случайными, причинами; сюда принадлежатъ: экстенсивная и интенсивная сила самого свѣтоваго явленія, состояніе въ данный моментъ атмосферы, т. е. большая или меньшая степень преломляемости ею свѣтовыхъ лучей, топографія мѣстности, отдѣляющей два отдаленные пункта и пр. При такихъ условіяхъ вопросъ о томъ, могли или не могли быть видимы разсматриваемые столбы одновременно въ Константинополѣ и Каирѣ, съ чисто метеорологической точки зрѣнія не можетъ быть рѣшенъ категорически. Единственная услуга, которую метеорологія могла бы оказать намъ въ данномъ случаѣ, это развѣ опредѣленіе, на основаніи описанія Яхъи, общаго типа разсматриваемаго явленія; но для насъ историковъ въ данномъ случаѣ это совершенно безразлично: для насъ важно знать лишь то, что въ 989 году, на пространствѣ отъ Константинополя до Каира, замѣчено было какое то свѣтовое явленіе, которое своимъ видомъ до такой степени поразило современниковъ, что одинъ изъ нихъ занесъ въ свою лѣтопись его дату, другой сдѣлалъ интересное для насъ его толкованіе въ примѣненіи къ современнымъ политическимъ событіямъ. Что же касается вопроса о томъ, объ одномъ ли и томъ же явленіи говорятъ эти писатели, то въ рѣшеніи этого вопроса приходится положиться на компетентность толкователей ихъ текста. Встрѣтивъ со стороны такихъ тонкихъ спеціалистовъ своего дѣла, какъ проф. Васильевскій и бар. Розенъ, признаніе того, что и Левъ Діаконъ и Яхъя говорятъ въ данномъ случаѣ объ одномъ и томъ же явленіи, историкъ съ покойною совѣстію можетъ свободно положиться на ихъ авторитетъ. Ниспровергнуть мнѣніе этихъ ученыхъ могутъ только византисты

и арабисты, но не лица, засѣдающія въ Пулковской или Кіевской обсерваторіяхъ. Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что противъ мнѣнія о взятіи Русскими Корсуня послѣ 7 апрѣля 989 года серьезныхъ возраженій до настоящаго времени не представлено.

Съ вопросомъ о *времени* крещенія Владиміра неразлучно связанъ вопросъ и о *мѣстѣ* крещенія. Русскіе источники, какъ мы видѣли, существенно расходятся между собою въ рѣшеніи этого вопроса. На одной сторонѣ стоитъ лѣтописная повѣсть, утверждающая, что Владиміръ крестился въ Корсуни, на другой сторонѣ стоятъ: 1) показанія тѣхъ современниковъ автора лѣтописной повѣсти, которые утверждали, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ или Василевѣ, 2) показаніе Іакова, свидѣтельствующаго, что Владиміръ ходилъ на Корсунь уже послѣ крещенія и 3) показанія авторовъ обоихъ „Сказаній" о Борисѣ и Глѣбѣ, относящихъ крещеніе къ 987 году и слѣдовательно подтверждающихъ показаніе Іакова по вопросу не только о годѣ, но и о мѣстѣ крещенія Владиміра. Согласно съ этимъ показываютъ и нѣкоторые иностранные источники. Яхъя прямо говоритъ: „*и послалъ къ нему* (царю Русовъ) царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они крестили *царя* и всѣхъ, кого обнимали его земли" [1]). По показанію Саги объ Олавѣ, какъ мы видѣли, епископъ Павелъ прибываетъ къ Конунгу Валдамару и здѣсь креститъ его, его супругу и весь народъ ихъ [2]). Въ такъ называемомъ *Бандуріевомъ Сказаніи* о крещеніи Владиміра также говорится, что посланные изъ Константинополя мужи Кириллъ и Афанасій прибываютъ въ землю короля Руссовъ и тамъ всѣхъ научаютъ, крестятъ и приводятъ къ христіанскому благочестію [3]). Послѣдніе два памятника представляютъ, конечно, мутный источникъ и мы ссылаемся на нихъ лишь

[1]) Бар. Розенъ, стр. 24.

[2]) Русск. Истор. Сборн. т. IV, кн. I, стр. 101.

[3]) Голубинскій. Исторія, стр. 218.

для того, чтобы показать, какъ одиноко стоитъ показаніе лѣтописной повѣсти о крещеніи Владимира въ Корсуни. Особенно любопытно отношеніе къ этому вопросу византійскихъ историковъ. Извѣстно, что Константинъ Порфирородный въ своемъ сочиненіи „О церемоніяхъ византійскаго двора" подробно говорить о пребываніи въ Константинополѣ нашей вел. кн. Ольги; византійскіе историки Кедринъ и Зонара нашли нужнымъ сказать о ея крещеніи тамъ. Крещеніе Владимира, ставшаго родственникомъ императора Василія, котораго онъ спасъ отъ серьезной опасности, было фактомъ гораздо большей важности для Византіи, чѣмъ крещеніе Ольги. Вотъ почему, если бы Владимиръ дѣйствительно крещенъ былъ Греками и на греческой территоріи, то тѣже самые Кедринъ и Зонара, говоря о помощи, оказанной Владимиромъ Василію, и о женитьбѣ его на Аннѣ, непремѣнно упомянули бы и о его крещеніи. А между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ даже не заикается объ этомъ. Кедринъ, Зонара, а также и Пселлъ, не упомянули объ этомъ фактѣ, очевидно, потому, что его никогда не существовало.—Въ виду такого единогласнаго, прямаго или косвеннаго, показанія всѣхъ источниковъ, можно съ увѣренностью утверждать, что если бы текстъ нашей *Начальной лѣтописи* не изуродованъ былъ вставкой легендарной повѣсти о крещеніи, то и лѣтописныя показанія по данному вопросу не отличались бы отъ показаній остальныхъ источниковъ. Вообще хотя мнѣніе нашего лѣтописца по вопросу о крещеніи Владимира теперь для насъ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ его не слѣдуетъ смѣшивать съ мнѣніемъ автора лѣтописной повѣсти.

Такъ же одиноко, какъ показаніе лѣтописной повѣсти, стоитъ и показаніе такъ называемой лѣтописи Іоакима. О крещеніи Владимира и всей русской земли здѣсь говорится слѣдующее: „Иде Владимиръ на Булгары, и побѣди ихъ, миръ учини, и пріятъ крещеніе самъ и сынове его и всю землю русскую крести. Царь же болгарскій Симеонъ (?) присла

іереи учены и книги довольны, и посла Владимиръ во Царьградъ ко царю и патріарху, просяти митрополита Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго, *болгарина* суща, съ нимъ четыре епископы и многи іереи, діаконы и демественны отъ *Славянъ*. Митрополитъ же, по совѣту Владимира, посажа епископы по градомъ въ Ростовѣ, Новѣградѣ, Владимирѣ, Бѣлѣградѣ. Сія шедше по земли съ вельможи и вои Владимировыми, учаху людь и крещаху всюду стами и тысящами, колико гдѣ прилучися, аще людіе невѣрніи вельми о томъ скорбяху, но отрицати воевъ ради не смѣяху [1]). По этому сказанію Владимиръ крестился непосредственно послѣ болгарскаго похода (985), слѣдовательно, у себя дома и до похода на Корсунь. Болгарскій царь Симеонъ (ошибка—вмѣсто Самуилъ), въ силу заключеннаго, по видимому, договора, присылаетъ въ Россію проповѣдниковъ въ лицѣ просвѣщенныхъ іереевъ и необходимыя богослужебныя книги, послѣ чего Владимиръ обращается въ Константинополь за іерархіей и получаетъ ее опять таки изъ лицъ болгарскаго происхожденія— отъ Славянъ. Не отвергая, такимъ образомъ, іерархической зависимости русской церкви отъ Константинопольскаго патріарха, сказаніе это славу первоначальнаго просвѣщенія насъ христіанствомъ переноситъ на единоплеменныхъ намъ Болгаръ: Болгары, по этому сказанію, присылаютъ къ намъ своихъ миссіонеровъ, даютъ намъ церковно богослужебныя книги и первый составъ церковной іерархіи. Подтверждая раньше высказанное предположеніе о результатахъ болгарскаго похода Владимира, стоя въ полномъ согласіи съ показаніями Іакова и сходныхъ съ нимъ источниковъ по вопросу о мѣстѣ и времени крещенія этого князя, сказаніе это представляетъ вполнѣ правдоподобное освѣщеніе тѣхъ фактовъ, которыхъ оно касается. Что просвѣщеніе Руси христіанствомъ и устройство у насъ богослуженія первоначально не обошлось безъ участія единоплеменныхъ Болгаръ—это слѣдуетъ признать исторической аксіомой; что наша церковь

[1]) Татищевъ, Истор. Россія. Кн. 1. ч. 1, стр. 38.

сразу же стала въ зависимое отношеніе отъ Константинопольскаго патріарха—это тоже фактъ, не требующій доказательства. Но признаніе этихъ двухъ фактовъ заставляетъ предположить существованіе такихъ отношеній между Греками и Болгарами, при которыхъ Константинопольскій патріархъ, для просвѣщенія Руси христіанствомъ, могъ свободно распоряжаться просвѣтительными силами болгарской церкви и при которыхъ вообще возможно было единодушное согласное воздѣйствіе на Русь со стороны Константинопольской и Болгарской церквей. А между тѣмъ при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ между Византіей и Болгаріей подобное единодушіе представляется рѣшительно невозможнымъ. И такъ, мы здѣсь встрѣчаемся съ противорѣчіемъ, разъясненію котораго какъ нельзя лучше способствуетъ разсматриваемое сказаніе. Рѣшившись доставить у себя торжество христіанству и признать его на Руси государственной религіею, зная, что этого ему нельзя достигнуть безъ содѣйствія Грековъ и Болгаръ, и видя въ тоже время, что, при враждебномъ отношеніи другъ къ другу тѣхъ и другихъ, ихъ согласное служеніе его интересамъ невозможно, Владиміръ рѣшается дѣйствовать на тѣхъ и другихъ по одиночкѣ. Пользуясь обстоятельствами, онъ сначала предпринимаетъ походъ на Болгаръ, одерживаетъ надъ ними побѣду, заключаетъ миръ, по которому, вмѣсто военной контрибуціи, заставляетъ побѣжденныхъ служить ему своими просвѣтительными средствами. Такой исходъ болгарскаго похода, на который Владиміръ, какъ мы раньше видѣли, могъ быть вызванъ византійской дипломатіей, не могъ, конечно, понравиться императору Василію. Но постигшія послѣдняго скоро послѣ этого несчастія заставили его преклониться предъ Владиміромъ, который, воспользовавшись обстоятельствами, заставилъ и Грековъ служить осуществленію задуманнаго имъ великаго просвѣтительнаго плана. Такой выводъ совершенно естественно вытекаетъ изъ сопоставленія всѣхъ выше высказанныхъ соображеній съ данными, заключающимися въ разсма-

триваемомъ сказаніи Іоакимовской лѣтописи. Не выдавая этотъ выводъ за единственно возможный, мы признаемъ его однакожъ весьма вѣроятнымъ; здѣсь Владимиръ представляется тонкимъ политикомъ, который, встрѣтивъ затрудненіе осуществленію своего великаго плана въ тогдашнихъ греко-болгарскихъ отношеніяхъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, вмѣшивается въ ихъ дѣла и заставляетъ тѣхъ и другихъ служить своимъ интересамъ. Вотъ почему, будемъ ли мы смотрѣть на Іоакимовскую лѣтопись какъ на первоисточникъ, признаемъ-ли мы въ ней произведеніе, написанное только на основаніи первоисточниковъ, или, наконецъ, взглянемъ-ли на нее, какъ на личный домыселъ какого-нибудь новѣйшаго автора,—во всѣхъ этихъ случаяхъ сказаніе ея о крещеніи Владиміра заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ первыхъ двухъ случаяхъ это сказаніе будетъ говорить о существованіи у насъ въ старину теперь неизвѣстныхъ источниковъ, представлявшихъ фактъ крещенія Владиміра въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ лѣтописной повѣсти; въ послѣднемъ случаѣ оно будетъ служить доказательствомъ того, какъ рано появилось у насъ сознаніе несостоятельности разсказа лѣтописной повѣсти и какъ рано почувствовалась у насъ потребность взглянуть на фактъ крещенія Владиміра подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ тотъ, который установила эта повѣсть.

VII.

Съ вопросомъ о мѣстѣ и времени крещенія Владиміра непосредственно связанъ вопросъ о причинѣ и ближайшемъ поводѣ крещенія. Что касается общеисторическихъ причинъ, доставившихъ торжество на Руси христіанству, то о нихъ много у насъ писано, и останавливаться на нихъ подробно нѣтъ нужды. Причины эти слѣдующія. 1) Жизненность самаго христіанства, успѣвшаго побѣдить всю южную и западную Европу и постепенно подвигавшагося въ своихъ завоеваніяхъ къ востоку. 2) Просвѣтительное вліяніе Византіи, съ которою наша Русь искони поддерживала торгово-поли-

тическія связи. 3) Политическія сношенія Руси съ другими европейскими христіанскими державами, каковы: Поляки, Угры, Чехи, Нѣмцы. Войдя въ систему христіанскихъ государствъ, Русь не могла долго оставаться языческою. 4) Существованіе въ Кіевѣ, а можетъ быть и въ Переяславлѣ, общества христіанъ, состоявшаго изъ Русскихъ и Варяговъ и доставлявшаго возможность ознакомиться съ христіанствомъ всякому, кто имъ интересовался. 5) Примѣръ в. кн. Ольги, авторитетъ которой высоко цѣнился современниками и которая была воспитательницею самаго Владимира.—Все это причины болѣе или менѣе общаго характера: причины эти существовали и при Святославѣ, что не помѣшало ему однакожь остаться язычникомъ, не смотря на убѣжденія матери. Вотъ почему, что бы уразумѣть фактъ крещенія Владимира, необходимо поискать такихъ причинъ, которыя непосредственно воздѣйствовали на личность этого князя, вызывая его на рѣшительный шагъ.

Надъ пріисканіемъ этихъ причинъ задумывались уже наши первые писатели и въ ихъ сочиненіяхъ сохранились весьма цѣнныя на этотъ счетъ указанія. Но прежде чѣмъ переходить къ этимъ указаніямъ, мы позволимъ себѣ остановиться на фактѣ, не имѣющемъ, по видимому, прямаго отношенія къ интересующему насъ вопросу, но который тѣмъ не менѣе не мало способствуетъ его уясненію. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Владимиръ, возвратившись съ удачнаго похода на Ятвяговъ, „творяше требу кумиромъ съ людми своими; и рѣша старци и боляре: „мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ". Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ, дворъ котораго находился на томъ мѣстѣ, на которомъ потомъ Владимиръ построилъ церковь св. Богородицы. „Бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ и держаше вѣру хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею; на сего паде жребій по зависти дьяволи". Когда посланные объявили Варягу волю боговъ, онъ отказался выдать сына: „не суть то бози, возразилъ онъ, но древо; днесь есть, а утро изъ-

гнееть, не ядятъ бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками в деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служать Грѣци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани; не дамъ сына своего бѣсомъ". Когда полученъ былъ этотъ отвѣтъ, толпа, подстрекаемая, конечно, заправилами, бросилась съ оружіемъ въ рукахъ ко двору Варяга, разломала его и стала требовать у стоявшаго „на сѣнехъ съ сыномъ" Варяга выдачи послѣдняго: „вдай сына своего, кричала толпа, да вдамы богомъ его".—„Аще суть бози, отвѣчалъ Варягъ, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете"? Въ отвѣтъ на это толпа посѣкла сѣни и умертвила обоихъ— отца и сына, „и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я".

Въ этомъ разсказѣ прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что старцы и бояре, рѣшивъ принести человѣческую жертву, дѣлаютъ предварительно разъясненіе того, какъ это сдѣлать. Этотъ фактъ даетъ основаніе предполагать, что предложенная ими на этотъ разъ форма выбора лица для жертвы не была обычнымъ явленіемъ. Страннымъ здѣсь представляется и то, что въ *благодарность* за побѣду приносится не плѣнникъ, а лицо, принадлежащее къ народу, одержавшему побѣду: вѣдь жребій, предполагается, случайно палъ на сына Варяга; онъ могъ пасть на каждаго изъ Кіевлянъ, въ томъ числѣ и на сына самаго князя. Если бы это была жертва *умилостивительная* или *просительная*, приносимая по обѣту, тогда смыслъ ея былъ бы понятенъ; человѣческія жертвы такого рода извѣстны исторіи. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ жертвой *благодарственной*. Наши языческіе предки, по видимому, даже умилостивительныя жертвы приносили не изъ своихъ, а изъ иностранцевъ. На эту мысль наводитъ извѣстное извѣстіе Льва Діакона о томъ, какъ воины Святослава, послѣ одной несчастной битвы, въ которой палъ знаменитый богатырь Икморъ, ночью „вышли на́ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ

стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, *заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ*. Совершивъ сію кровавую *жертву*, они погрузили въ струи Истра *младенцевъ* и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили[6]. Нѣтъ основанія думать, чтобы упоминаемыя здѣсь женщины и младенцы не принадлежали къ числу плѣнныхъ, захваченныхъ въ Болгаріи. Не въ духѣ Святослава было водить за собою женъ и дѣтей.—Подозрительною кажется намъ и самая форма выбора жертвеннаго лица по жребію. Чтобы этотъ жребій брошенъ былъ правильно, необходимо было переписать имена всѣхъ кіевскихъ отроковъ и дѣвицъ на отдѣльныя дощечки и вытянуть одну изъ нихъ; но сложность этой процедуры заставляетъ усумняться въ томъ, чтобы ею воспользовались въ данномъ случаѣ. Вопросъ о выборѣ жертвеннаго лица, по всей вѣроятности, рѣшенъ былъ представителями языческаго культа по какимъ нибудь примѣтамъ, выражавшимъ будто бы волю боговъ. Намъ кажется, что самая мысль о выборѣ жертвеннаго лица изъ Кіевскихъ отроковъ и дѣвицъ придумана была именно для того, чтобы путемъ обмана избрать для жертвы сына христіанина, который могъ быть однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ Кіевской христіанской общины. Обратимъ вниманіе также на то, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не самому Владиміру и не кому нибудь изъ близкихъ къ нему людей, а старцамъ и боярамъ. Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, „иде Києву, и твориша требу кумиромъ с *людми своими*", т. е. онъ съ своими людьми, иначе съ дружиною, принесъ обычную благодарственную жертву. Вопросъ же объ экстраординарной, такъ сказать, жертвѣ, съ которою мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, поднятъ былъ лицами, стоявшими во главѣ городской общины, и бывшими представителями и охранителями ея религіозно-національныхъ интересовъ. Общее поведеніе Варяга, особенно его рѣчь, направленная противъ языческихъ боговъ и въ пользу христіанства, заставляетъ видѣть въ немъ человѣка выдающагося, быв-

шаго, вѣроятно, ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства среди Кіевлянъ, что и сдѣлало его человѣкомъ опаснымъ и ненавистнымъ въ глазахъ охранителей національной религіи. Зная напередъ, что этотъ Варягъ не только не дастъ сына въ жертву языческимъ богамъ, но еще отнесется къ нимъ неуважительно, агитаторы, вѣроятно, разсчитывали возбудить въ толпѣ фанатизмъ и воспользоваться имъ для избіенія не только самаго Варяга, но и всѣхъ Кіевскихъ христіанъ. Всѣ эти соображенія приводятъ къ предположенію, что Варягъ съ сыномъ сдѣлались жертвою языческаго фанатизма. А такъ какъ мы не имѣемъ основанія думать, чтобы наши языческіе предки отличались особеннымъ фанатизмомъ, то необходимо предположить, что разсматриваемый случай взрыва языческаго фанатизма вызванъ былъ какою нибудь серьезною причиною. Такую причину всего естественнѣе видѣть въ усиленіи и оживленіи въ Кіевѣ христіанства и въ успѣхахъ его пропаганды. Признавая успѣхи христіанства опасными для національной религіи и будучи не въ состояніи бороться съ христіанскою пропагандою ея же собственнымъ оружіемъ, представители язычества рѣшили прибѣгнуть къ единственно доступному для нихъ оружію, т. е. къ грубой физической силѣ. Словомъ, на убіеніе Варяга съ сыномъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть какъ на фактъ гоненія на Кіевскихъ христіанъ со стороны язычниковъ. Но при такомъ освѣщеніи этого факта не совсѣмъ понятнымъ представляется тотъ окольный путь, къ которому прибѣгли язычники въ данномъ случаѣ. Варяга убиваютъ не за то, что онъ былъ христіаниномъ, а за то, что случайное обстоятельство дало ему поводъ нанести оскорбленіе языческимъ богамъ. Что же, спрашивается, мѣшало язычникамъ обвинить Варяга просто за то, что онъ былъ христіаниномъ и почему имъ необходимо было поставить его предварительно въ такія условія, при которыхъ онъ оказался вынужденнымъ совершить тяжкое преступленіе противъ господствующей религіи, безъ чего они, по ви-

димому, не считали себя въ правѣ подвергнуть его смертной казни? Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ редакціяхъ (Ипатск. и Хлѣбн.) замѣчено, что этотъ Варягъ исповѣдывалъ христіанство *втайнѣ*. Въ виду этого можно было бы предположить, что старцы и бояре, избравъ его сына для привесенія въ жертву, имѣли въ виду прежде всего обнаружить его христіанскія убѣжденія. Но, вдумываясь въ характеръ нравственной личности Варяга-мученика, нельзя допустить, что бы онъ, будучи христіаниномъ, считалъ нужнымъ скрывать свои убѣжденія. Его поведеніе предъ смертію скорѣе заставляетъ предположить, что онъ былъ особенно ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства, и что это именно и было причиною ненависти къ нему со стороны представителей язычества. Вотъ почему мы позволимъ себѣ высказать догадку, что причины избранія старцами и боярами окольнаго пути для нанесенія удара кіевскимъ христіанамъ, слѣдуетъ искать въ отношеніи къ христіанству самаго великаго князя. Мы видѣли, что Владимиръ Кіевскимъ столомъ обязанъ былъ лицамъ, ревностно оберегавшимъ интересы національной религіи и поэтому напервыхъ порахъ, искренно или не искренно, долженъ былъ поддерживать ихъ стремленія, направленныя къ поднятію языческаго религіознаго культа. Но скоро онъ долженъ былъ сознать, что будущее въ его государствѣ принадлежитъ не язычеству, а христіанству, и это невольно должно было развить въ немъ симпатію къ Кіевской христіанской общинѣ, которая должна была послужить основаніемъ для будущей христіанской церкви на Руси. Считая однако жъ несвоевременнымъ открыто переходить на сторону христіанства, Владимиръ свои симпатіи къ нему на первыхъ порахъ могъ выражать строгимъ соблюденіемъ принципа вѣротерпимости, обезпечивавшаго свободу христіанской проповѣди. Кіевскіе христіане широко, конечно, пользовались предоставленнымъ имъ правомъ пропаганды своего ученія, чѣмъ естественно вызывали ненависть къ себѣ со стороны представителей язычества. По-

слѣдніе, будучи лишены возможности поднять прямое и открытое гоненіе противъ христіанскихъ проповѣдниковъ вообще, стали придумывать для этого окольные пути, съ однимъ изъ которыхъ мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ. Поставивъ Варяга предварительно въ такія условія, при которыхъ онъ вынужденъ былъ совершить преступленіе противъ національной религіи, старцы и бояре устранили этимъ возможность заступничества за него князя: если бы Владиміръ взялъ подъ свою защиту человѣка, грубо поправшаго народную святыню, онъ самъ обнаружилъ бы этимъ неуваженіе къ богамъ.

Направленныя противъ христіанъ грубыя насильственныя мѣропріятія не могли, конечно, достигать своей цѣли. Кровь мучениковъ всегда служила лучшимъ удобреніемъ нивы, на которой произростали семена христіанскаго ученія. Наши языческіе предки, высоко цѣнившіе всякій геройскій подвигъ, не могли не оцѣнить самоотверженнаго подвига христіанина, геройски умиравшаго за свои убѣжденія. Особенно глубокое впечатлѣніе должна была произвести предсмертная рѣчь Варяга: „ваши боги не боги, а дерево, говоритъ Варягъ въ своей пламенной рѣчи; сегодня оно есть, а завтра изгніетъ; ваши боги не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ; они сдѣланы человѣческими руками съ дерева; истинный же Богъ только одинъ, Ему служатъ и кланяются Греки; онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему бытіе на землѣ; а эти боги что сдѣлали? они сами сдѣланы... И что вы хлопочете о нихъ? Если они дѣйствительно боги, то пусть пошлютъ одного изъ своей среды и возьмутъ сына моего“. Такая рѣчь, произнесенная съ воодушевленіемъ и запечатлѣнная мученическою смертію, не могла не произвести впечатлѣнія на тѣхъ, кто ее слышалъ. Варягъ былъ убитъ, но его величественный, сіяющій внутреннимъ воодушевленіемъ образъ крѣпко напечатлѣлся въ сознаніи тѣхъ, кто его видѣлъ, а слова его пламенной рѣчи, переходя изъ устъ въ уста, не-

вольно вызывали язычниковъ на раздумье. Больше всего, конечно, пришлось подумать о случившемся самому князю, который долженъ былъ думать не только за себя, но и за все свое государство. Тутъ невольно вспоминаются слѣдующія слова изъ знаменитой *Похвалы* Кагану митроп. Иларіона: „пришло на него (Владиміра) посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердце его разумъ; онъ уразумѣлъ суету *идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое.* А особенно,—онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою *землѣ Греческой*, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему; какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія; какъ церкви тамъ полны людей; какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все это, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ—быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство" [1]). Сравнивая это показаніе Иларіона о мотивахъ обращенія Владиміра въ христіанство съ словами выше приведенной рѣчи Варяга, можно подумать, что эта именно рѣчь привела Владиміра къ уразумѣнію суеты идольскаго заблужденія и взысканію единаго Бога, котораго почитала земля греческая.

Прямое указаніе на ближайшія причины обращенія Владиміра въ христіанство находимъ въ четырехъ древнихъ памятникахъ: 1) въ лѣтописной повѣсти о крещеніи, 2) въ Похвалѣ Кагану митр. Иларіона, 3) въ Похвалѣ Владиміру Іакова мниха и 4) въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ преп. Нестора Печерскаго.

Взглядъ лѣтописца вообще, и автора лѣтописной повѣсти о крещеніи—въ частности, на причины крещенія Владиміра достаточно извѣстенъ. По представленію этого памятника Владиміръ, погруженный въ чувственный развратъ,

[1]) Прибавл. къ творен. Св. Отцевъ. Часть II. М. 1844 г., стр. 272—273.

не помышлялъ о перемѣнѣ вѣры до 986 года. Прибывшіе въ этомъ году иновѣрные миссіонеры впервые поселяютъ въ его душѣ сомнѣніе въ состоятельности язычества, а греческій философъ зарождаетъ въ немъ симпатіи къ христіанству. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ при этомъ на Владиміра развернутая предъ нимъ картина страшнаго суда, на которой представлено было отправленіе праведниковъ въ рай, а грѣшниковъ „въ муку". Для обсужденія показаній миссіонеровъ Владиміръ собираетъ совѣтъ изъ старцевъ и бояръ, на которомъ, для повѣрки миссіонерскихъ показаній, рѣшено было отправить въ иновѣрныя земли 10 пословъ. Возвратившіеся послы высказались въ пользу греческой вѣры и Владиміръ рѣшилъ принять ее. Итакъ, по этому представленію, первымъ и главнымъ виновникомъ обращенія Владиміра въ христіанство является греческій философъ.

Совсѣмъ иначе рѣшаетъ этотъ вопросъ митроп. Иларіонъ въ своей Похвалѣ Кагану. Здѣсь авторъ сначала обращается къ Владиміру съ рядомъ вопросовъ, на которые потомъ даетъ свой отвѣтъ. „Какъ ты увѣровалъ? Какъ воспламенился любовію Христовою? Какъ вселился въ тебя разумъ, высшій разума земныхъ мудрецовъ, чтобы возлюбить невидимаго и стремиться къ небесному? Какъ взыскалъ ты Христа? Какъ предался Ему? Скажи намъ, рабамъ твоимъ, скажи намъ, учитель нашъ: откуда повѣяло на тебя благоуханіе Святаго Духа? Кто далъ тебѣ испить отъ сладкой чаши памятованія о будущей жизни? Кто далъ тебѣ вкусить и видѣть, яко благъ Господь? Не видѣлъ ты Христа, и не ходилъ по Немъ: какъ же сталъ ты ученикомъ Его? Другіе, видѣвъ Его, не вѣровали: а ты, не видѣвъ, увѣровалъ... *Не видѣлъ ты Апостола, который бы, пришедъ въ землю твою*, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою, *преклонилъ твое сердце къ смиренію*. Не видѣлъ какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ прелагался огонь въ холодъ, воскресали

мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ? Дивное чудо! Другіе цари и властители, видя, какъ все сіе совершалось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданіямъ и мученіямъ. Но ты, блаженный, безъ всего этого притекъ ко Христу; *руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ*, ты постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ невидимаго и видимаго, небеснаго и земнаго, и что послалъ Онъ въ міръ для спасенія Своего возлюбленнаго Сына. И съ сими помыслами вступилъ ты въ святую Купель. Такимъ образомъ, что другимъ казалось безуміемъ, то было для тебя силою Божіею" [1]). Итакъ, по свидѣтельству митр. Иларіона, Владимиръ *не видѣлъ Апостола, приходившаго въ его землю*, который бы преклонилъ его сердце къ смиренію; напротивъ, онъ притекъ ко Христу самъ, руководствуясь *только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ*. Но если Владимиръ не видѣлъ Апостола, приходившаго въ его землю, то какъ же однакожъ онъ познакомился съ христіанскимъ ученіемъ? „Онъ *всегда слышалъ* о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, *какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему;* какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія; какъ церкви тамъ полны людей; какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все это, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ—быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось". По свидѣтельству Иларіона, значитъ, не какой нибудь греческій философъ впервые ознакомилъ Владимира съ христіанскимъ ученіемъ, а самъ онъ *всегда* слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ *чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему* и пр. Вообще, если бы мы не знали, что Похвала Иларіона появи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 274—276.

лась раньше лѣтописной повѣсти, то можно было бы подумать, что она написана съ цѣлью опровергнуть заблужденія автора этой повѣсти. Такъ велико противорѣчіе въ показаніяхъ этихъ двухъ памятниковъ по разсматриваемому вопросу.

Прекраснымъ дополненіемъ къ показанію Иларіона служитъ показаніе Іакова мниха. Владимиръ, по словамъ Іакова, слышалъ о бабкѣ своей Ольгѣ, какъ она, отправившись въ Царьградъ, приняла тамъ святое крещеніе, и подъ вліяніемъ этого „разгарашегся Святымъ Духомъ сердце его, хотя святого крещенія. Видя же Богъ хотѣніе сердца его, провидя доброту его и призри съ небесѣ милостію своею и щедротами... и просвѣти сердце князю русскыя земля Володимеру пріати святое крещеніе" [1]. По свидѣтельству Іакова, слѣдовательно, Владимиръ обратился ко Христу, увлеченный примѣромъ бабки своей Ольги и благодаря непосредственному воздѣйствію на него благодати Святаго Духа, на что указываетъ и митр. Иларіонъ, когда говоритъ, что въ сердцѣ Владимира возсіялъ разумъ отъ того, что „пришло на него посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога". Послѣдняя мысль съ особою силою выступаетъ въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ препод. Нестора. „Бысть бо рече, читаемъ здѣсь, князь въ тыи годы, володыи всею землею Русскою, именемъ Владимеръ. Бѣ же мужь *правдивъ* и *милостивъ* къ нищимъ, и къ сиротамъ и ко вдовицамъ, елинъ же вѣрою. Сему Богъ *спону нѣкаку навѣды* и *створи быти ему христьяну*, якоже древле Плакидѣ. Бѣ бо Плакида мужь праведенъ и милостивъ, елинъ же вѣрою, якоже въ житии его пишется. Но егда видѣ явльшемуся ему кресть Господа нашего Исуса Христа, тогда поклонися ему, глаголя: Господи, кто еси и что велиши рабу твоему? Господь же къ нему: Азъ есмь Исусъ Христосъ, его же ты невѣдыи чтеши, но иды и крестися. Онъ же ту абие поимъ

---

[1]) Христ. Чтен. 1849 г. Ч. II, стр. 317—318.

жену свою и дѣтища своя и крестися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и наречено имя ему бысть Еустафѣй. *Такоже и сему Владимеру явленіе Божие бытии ему крестьяну створися*, ему же наречено бысть имя Василии. Тако потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ, да ся крестять во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Слышите *чюдо* исполнь благодати!..." [1]). Итакъ, и препод. Несторъ Печерскій, подобно Иларіону и Іакову, ничего не говоритъ ни о предшествующей развратной жизни Владимира, ни о воздѣйствіи на него греческаго философа, ни о корсуньскомъ крещеніи: ему извѣстенъ лишь фактъ духовнаго возрожденія Владимира путемъ непосредственнаго воздѣйствія на него божественной благодати въ чудесномъ актѣ. Словомъ, по представленію Нестора, самъ божественный Промыслъ является на помощь русскому князю и въ чудесномъ актѣ обращаетъ его ко Христу съ тѣмъ, чтобы чрезъ него просвѣтить свѣтомъ христіанскаго ученія и всю русскую землю. Мы не знаемъ, что можетъ быть возвышеннѣе и идеальнѣе этого представленія и что можетъ быть достойнѣе вѣры и преданія великаго Русскаго народа! Обращаемъ на этотъ фактъ вниманіе тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые въ нашемъ скептическомъ отношеніи къ разсказу лѣтописной повѣсти видятъ попраніе древняго, освѣщеннаго вѣками, народнаго преданія. Непосредственно очевидно, что мы не только не попираемъ древняго преданія, но, напротивъ, возстановляемъ его въ его чистомъ и неиспорченномъ видѣ: авторитету никому неизвѣстнаго автора мутной лѣтописной повѣсти мы противопоставляемъ авторитетъ хорошо извѣстныхъ и дѣйствительно авторитетныхъ лицъ.

Итакъ, ближайшими причинами, непосредственно воздѣйствовавшими на принятіе Владимиромъ христіанства, были слѣдующія: 1) авторитетъ великой княгини Ольги, которая первая могла заронить въ воспріимчивую душу

---

[1]) Академич. изд. Срезневскаго, стр 5—6.

своего внука сѣмена христіанскаго ученія, 2) всестороннее и обстоятельное ознакомленіе Владиміра съ христіанствомъ частію путемъ постоянныхъ сношеній съ Греками и Болгарами, частію при посредствѣ Кіевскихъ христіанъ, и наконецъ, 3) третья и, конечно, самая главная причина—это *посѣщеніе Вышняго*, призрѣвшаго на нашего князя всемилостивымъ окомъ Своимъ, какъ выражается Иларіонъ, *воспламененіе сердца его Святымъ Духомъ*, какъ выражается Іаковъ, и непосредственное *явленіе Божіе* въ чудесномъ актѣ, какъ свидѣтельствуетъ преп. Несторъ. Что же касается греческаго философа, то въ той роли, какую отводитъ ему лѣтописная повѣсть, онъ является полнѣйшимъ анахронизмомъ. Мысль, что до прибытія греческаго философа Владиміръ незнакомъ былъ съ христіанствомъ—какъ это слѣдовало бы заключать на основаніи предлагаемыхъ имъ философу вопросовъ—и что для провѣрки показаній философа оказалось необходимымъ отправлять въ Константинополь нарочитое посольство—эта мысль является чистѣйшей аномаліей. Греческій философъ, равно какъ и другіе послы, упоминаемые въ лѣтописной повѣсти, могли приходить и дѣйствительно приходили въ Кіевъ, но главная цѣль ихъ прихода, какъ мы видѣли, была политическая, неисключавшая, впрочемъ, возможности переговоровъ и по религіознымъ вопросамъ. На посольства иноземныхъ государей Владиміръ отвѣтилъ своими посольствами; но главная цѣль этихъ посольствъ опять таки была политическая, а не та, какую навязываетъ имъ лѣтописная повѣсть. Чтобы убѣдиться въ томъ, что Владиміръ не имѣлъ ни малѣйшей нужды отправлять въ Константинополь своихъ пословъ съ тою цѣлью, какую приписываетъ ему авторъ лѣтописной повѣсти, достаточно вспомнить слѣдующее извѣстіе дѣйствительной Начальной лѣтописи. Говоря о пріемѣ, который византійскій императоръ оказалъ посламъ в. кн. Олега, лѣтописецъ замѣчаетъ: „и приставы къ нимъ мужи свои показати имъ *церковьную красоту*, и полаты златыя, и въ нихъ сущая богатьства, злато

много и паволокы и каменья драгое, и *страсти Господни, вѣнецъ и гвоздье и хламиду багряную, и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ истинную вѣру*; и тако отпусти ихъ въ свою землю" [1]). Ясно, что Греки пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы ознакомить Русскихъ съ христіанствомъ: а недостатка въ такихъ случаяхъ, при тогдашнихъ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ Константинополемъ, конечно, не могло быть. Не даромъ же митр. Иларіонъ говоритъ, что „Владиміръ *всегда слышалъ* о православной, христолюбивой и сильной вѣрою земѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Тройцѣ" и пр. Словомъ, у Владиміра не было недостатка въ средствахъ для ознакомленія съ греческимъ христіанствомъ. Въ виду этого спеціальное отправленіе пословъ съ цѣлію *испытать, какъ Греки служатъ Богу*, является полнѣйшею несообразностью. Тѣ свѣдѣнія, которыя эти послы могли принести изъ Константинополя, Владиміръ могъ собрать у любаго изъ своихъ купцовъ, нѣсколько разъ побывавшаго въ Греціи; не говоримъ уже о кіевскихъ христіанахъ, изъ которыхъ многіе могли креститься въ самомъ Константинополѣ. Итакъ, и здѣсь, какъ и въ другихъ пунктахъ, лѣтописная повѣсть представляетъ полнѣйшую несообразность, которая сразу же обнаруживается, какъ только ея показанія приходятъ въ соприкосновеніе съ показаніями другихъ первоисточниковъ.

VIII.

Мы выяснили причины, подъ вліяніемъ которыхъ Владиміръ изъ язычника сдѣлался внутреннимъ христіаниномъ. Но этихъ причинъ не слѣдуетъ смѣшивать съ ближайшимъ *поводомъ* или тѣмъ, такъ сказать, послѣднимъ толчкомъ, подъ вліяніемъ котораго Владиміръ рѣшился на оконча-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 16.

тельный шагъ, т. е. на самое крещеніе. Исторія христіанства знаетъ не мало такихъ фактовъ, когда язычники, и въ частности лица царственныя, ставши внутренно христіанами, въ виду разнаго рода обстоятельствъ, не спѣшили съ актомъ крещенія, выжидая для этого болѣе удобнаго момента. Такъ, напр., поступилъ Константинъ В., такъ могъ поступить и нашъ Владиміръ, на что у него дѣйствительно были свои серьезныя причины. Что же заставило его положить конецъ такому выжидательному состоянію и рѣшиться на послѣдній и окончательный шагъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ лѣтописи извѣстнаго намъ арабскаго писателя Яхъи Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ этой лѣтописи. a) „И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ..., и овладѣлъ страною Грековъ до Дорилея и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. b) И стало опаснымъ дѣло его и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились его богатства и побудила его нужда послать къ царю руссовъ—а они его враги—чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. c) И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій. И не причисляли себя русы тогда ни къ какому закону и не признавали никакой вѣры. И послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они окрестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. d) И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ, которыя были у царя Василія, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушей, въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку и завладѣлъ царь Василій приморскою областью и захватилъ всѣ суда, которыя были

въ рукахъ Фоки"[1]). Здѣсь ясно сказано, что Владимиръ крестился въ силу заключеннаго имъ договора съ Императоромъ Василіемъ II. И этотъ пунктъ въ приведенномъ отрывкѣ никѣмъ не оспаривается. Но за то другія обстоятельства, которыми сопровождался фактъ заключенія этого договора, вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣній и нуждаются въ серьезныхъ разъясненіяхъ.

Здѣсь прежде всего возникаетъ недоумѣніе по вопросу о времени отправленія и прибытія въ Кіевъ императорскихъ пословъ. При бѣгломъ чтеніи приведеннаго отрывка получается такое впечатлѣніе, что императоръ Василій отправилъ пословъ своихъ къ Владиміру послѣ того, какъ войска Фоки дошли до Хрисополя и соорудили тамъ, какъ это видно изъ другихъ источниковъ, сильную крѣпость. Справляясь съ другими источниками, узнаемъ, что укрѣпленіе хрисопольскаго лагеря и сосредоточеніе тамъ части непріятельскихъ войскъ было, по видимому, однимъ изъ послѣднихъ актовъ въ поступательномъ движеніи бунтовщика Фоки. Вотъ что говоритъ по этому поводу Левъ Діаконъ. „Магистръ Варда Фока возсталъ на государей, покорилъ Азіатскія Римскія области, овладѣлъ приморскими торговыми городами и крѣпостями, заградилъ Геллеспонтъ множествомъ судовъ, непропуская купеческихъ кораблей къ столицѣ, и у Авидоса высадилъ на берегъ великое войско подъ начальствомъ магистра Льва Парсакутинскаго, какъ для охраненія судовъ, такъ и для осады сего города. Послѣ того онъ поставилъ крѣпкій станъ на хрисопольскомъ холмѣ, противъ Византіи, и отправилъ туда многочисленную конницу и пѣхоту подъ предводительствомъ брата своего Патрикія Никифора и Патрикія Калокира Дельфинаса"[2]). Если Фока сталъ сосредоточивать свои войска у Хрисополя только послѣ ряда перечисленныхъ здѣсь предварительныхъ успѣшныхъ дѣй-

---

[1]) Б. Розенъ, стр 23—24.

[2]) Поповъ, стр. 107.

ствій и если признать, что Василій отправилъ своихъ пословъ къ Владиміру только послѣ того, какъ войска Фоки дошли до Хрисополя, то необходимо будетъ допустить, что эти послы прибыли въ Кіевъ не скоро послѣ открытія бунта (15 сентября 987 г.), и во всякомъ случаѣ никакъ не раньше конца 987 или даже начала 988 года. Почтенный издатель лѣтописи Яхъи б. Розенъ дѣйствительно и пришелъ къ тому заключенію, что послы Василія прибыли „къ Владиміру во всякомъ случаѣ *только въ первые мѣсяцы* 988 года"[1]). Мы ничего не имѣли бы противъ такого вывода, если бы онъ не стоялъ въ противорѣчіи съ показаніями другихъ источниковъ. Если первые послы Василія прибыли въ Кіевъ въ первые мѣсяцы 988 года, если Владиміръ крестился въ силу договора, заключеннаго съ нимъ этими же послами, то фактъ крещенія въ такомъ случаѣ долженъ быть перенесенъ на 988 годъ, а взятіе Корсуня, случившееся на третій годъ послѣ крещенія, должно быть отнесено къ 990 году. Но согласиться съ такимъ выводомъ, въ силу раньше представленныхъ доводовъ, мы не можемъ, и это заставляетъ насъ вновь обратиться къ показанію Яхъи и подвергнуть его болѣе внимательному анализу.

Въ вышеприведенной выпискѣ изъ лѣтописи Яхъи мы отмѣтили четыре отрывка, изъ которыхъ каждый, какъ это не трудно замѣтить, содержитъ отдѣльный вполнѣ законченный эпизодъ. Заговоривъ о томъ или другомъ предметѣ, авторъ, чтобы не возвращаться къ нему вторично, спѣшитъ сообщить о немъ, хотя коротко, все, что считалъ нужнымъ и возможнымъ сообщить. Въ первомъ отрывкѣ представленъ maximum успѣховъ Фоки, во второмъ—maximum униженія Василія, въ третьемъ—maximum слѣдствій заключеннаго договора для Владиміра, въ четвертомъ—maximum ближайшихъ результатовъ этого договора для императора Василія. При такомъ способѣ изложенія событіе, передавае-

---

[1]) Примѣчан. 158, стр. 198.

мое въ концѣ каждаго отрывка, неизбѣжно должно предупреждать событіе, о которомъ говорится въ началѣ слѣдующаго отрывка, хотя бы послѣднее совершилось на дѣлѣ раньше перваго. Такъ, дѣйствительно, и случилось у Яхъи въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Такъ, напр., въ четвертомъ отрывкѣ сообщается о хрисопольскомъ пораженіи Фоки, а между тѣмъ это случилось позже передаваемаго затѣмъ извѣстія объ отправленіи Таронита въ Требизондъ; въ третьемъ отрывкѣ говорится о крещеніи всей Русской земли, объ отправленіи къ Владиміру сестры императоровъ и о построеніи ею многихъ церквей въ странѣ Русовъ; но все это несомнѣнно случалось послѣ отправленія Владиміромъ вспомогательнаго отряда Василію и послѣ хрисопольской битвы, о чемъ говорится въ слѣдующемъ четвертомъ отрывкѣ. Такое же отношеніе, по нашему мнѣнію, существуетъ и между первымъ и вторымъ отрывками: положеніе Василія сдѣлалось *опаснымъ* и вынудило его искать помощи у Владиміра гораздо раньше того, какъ войска Фоки дошли до Хрисополя, что совершенно согласно съ ходомъ уже изложенныхъ событій: такъ какъ почти всѣ наличныя военныя силы находились въ рукахъ Фоки, то положеніе Василія сдѣлалось опаснымъ уже съ самаго начала бунта. Вообще, не трудно замѣтить, что у Яхъи въ данномъ случаѣ хронологическая послѣдовательность въ передачѣ извѣстій принесена въ жертву эпизодической законченности. Не трудно понять и причину этого обстоятельства. Яхъя вообще любитъ быть обстоятельнымъ, точнымъ, послѣдовательнымъ и питаетъ особую страсть къ хронологіи. Въ данномъ же случаѣ эти превосходныя качества, несомнѣнно, измѣняютъ ему: здѣсь его извѣстія являются краткими, отрывочными и довольно сбивчивыми. Объяснить это обстоятельство можно всего легче и естественнѣе характеромъ источниковъ, которыми Яхъя пользовался для даннаго отдѣла. Изъ Антіохіи, стоявшей на сторонѣ бунтовщика Фоки, трудно было слѣдить за дипломатическими сношеніями враждебнаго ей Кон-

стантинополя съ отдаленнымъ Кіевомъ. Не нужно также забывать и того, что сношенія эти, какъ этого требовала сущность дѣла, велись тайно, непосредственные результаты ихъ держались въ строгомъ секретѣ и доступны были только для лицъ, близко стоявшихъ къ самому императору. И въ настоящее время ведутся сношенія между императорскими кабинетами, а о результатахъ многихъ изъ нихъ узнаютъ только наши потомки изъ государственныхъ архивовъ. А что Яхъѣ недоступенъ былъ государственный архивъ или вообще—оффиціальные документы, это непосредственно очевидно изъ характера сообщаемыхъ имъ извѣстій. Оказанная Владиміромъ Василію военная помощь, его крещеніе и женитьба на сестрѣ послѣдняго—все это заставляло современниковъ предполагать, что раньше, чѣмъ все это случилось, между Константинопольскимъ и Кіевскимъ дворами должны были происходить дипломатическіе переговоры; на основаніи сдѣлавшихся потомъ извѣстными результатовъ этихъ переговоровъ можно было составить даже болѣе или менѣе правдоподобное представленіе объ общемъ характерѣ самыхъ дипломатическихъ сношеній; но что касается интересующихъ насъ теперь подробностей, то онѣ могли остаться недоступными не только для лѣтописца, писавшаго свою лѣтопись на далекомъ востокѣ, но и для писателей, жившихъ въ самомъ Константинополѣ. И если между современными историками не окажется лица, близко стоявшаго къ тогдашнему императорскому правительству, то подробности разсматриваемыхъ переговоровъ навсегда могутъ остаться тайною для науки.—Изъ сказаннаго ясно, что современный изслѣдователь долженъ съ большою осторожностью относиться къ показаніямъ Яхъи по данному вопросу, иначе онъ рискуетъ навязать этому писателю то, чего онъ не могъ и не хотѣлъ сообщать.

Нѣсколько легче установить хронологическую послѣдовательность между такими событіями, какъ отправленіе вспомогательнаго отряда, крещеніе и женитьба Владиміра.

Изъ текста разсматриваемаго отрывка можно съ полною вѣроятностью вывести такое заключеніе, что, по представленію Яхъи, Владиміръ сначала отправилъ вспомогательный отрядъ, потомъ крестился, а затѣмъ женился. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ: „И послалъ къ нему (царю русовъ) царь Василій *впослѣдствіи* митрополитовъ и епископовъ и они окрестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ“ Здѣсь Яхъя первымъ ставитъ фактъ крещенія царя, а вторымъ—отправленіе къ нему сестры Василія; затѣмъ выраженіемъ—„*впослѣдствіи*“ прямо показываетъ, что эта эпизодическая вставка относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ то событіе, о которомъ онъ будетъ далѣе говорить, т. е. чѣмъ отправленіе вспомогательнаго отряда. Слѣдующія затѣмъ слова: „и когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ“, опять таки всего естественнѣе понимать въ томъ смыслѣ, что войска русовъ прибыли тогда, когда рѣшенъ былъ *вопросъ* о бракѣ, или что тоже—когда было заключено *условіе* о бракѣ.

Сопоставляя это показаніе Яхъи съ раньше разсмотрѣнными другими извѣстіями о положеніи дѣлъ въ тогдашней Византіи, мы находимъ возможнымъ допустить слѣдующій взглядъ на сношенія Василія съ Владиміромъ. Василій поспѣшилъ вступить въ переговоры съ Владиміромъ тотчасъ же, какъ только узналъ объ измѣнѣ Фоки. Узналъ же онъ объ этомъ отъ сына Склира Романа, который ушелъ къ Василію между 2 мая и 15 сентября 987 г., т. е. гораздо раньше открытаго возстанія Фоки. Извѣстивъ Василія о томъ, „какое соглашеніе состоялось между его отцомъ и Фокой“, Романъ могъ также сообщить императору и о намѣреніяхъ союзниковъ завязать переговоры съ Владиміромъ. Возможно даже, что со стороны Фоки въ это время уже приняты были мѣры къ расположенію русскаго князя въ свою пользу. Во всякомъ случаѣ для Василія это обстоятельство

было вопросомъ существенной важности. Послѣ болгарскаго похода Владимира и предполагаемаго участія русскихъ войскъ въ Сардикской битвѣ отношенія между Василіемъ и Владимиромъ должны были принять враждебный характеръ. Не даромъ же Яхъя выражается о Русскихъ, что *они враги* царя Василія На это обстоятельство Фока могъ возлагать большія надежды и поэтому естествено долженъ былъ поспѣшить заручиться союзомъ Владимира, который представлялся ему естественнымъ союзникомъ. Въ свою очередь и Василій не могъ оставить этого пункта безъ вниманія; но не надѣясь на успѣхъ непосредственныхъ переговоровъ съ Владимиромъ, онъ долженъ былъ позаботиться о посредникѣ; а естественнымъ посредникомъ для него въ данномъ случаѣ являлся нѣмецкій императоръ Оттонъ III, или вѣрнѣе—его мать, сестра Василія, Θеофано. Вотъ почему намъ думается, что какъ только Василій узналъ отъ Романа о затѣяхъ Фоки, онъ, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно же отправилъ пословъ къ императрицѣ Θеофано и, заручившись поддержкой нѣмецкаго двора, вошелъ въ сношенія съ Владимиромъ.

Мы предвидимъ, что тутъ противъ насъ можетъ быть выставлено слѣдующее возраженіе. Намъ могутъ замѣтить, что представляя успѣхъ непосредственнаго сношенія Василія съ Владимиромъ затруднительнымъ, мы забываемъ, что для русскаго князя, у котораго уже созрѣлъ къ этому времени планъ просвѣщенія Руси христіанствомъ, союзъ съ византійскимъ императоромъ былъ необходимъ и во всякомъ случаѣ не менѣе желателенъ, чѣмъ для Василія союзъ съ Владимиромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Владимиръ долженъ былъ дорожить союзомъ своего государства съ Византіей и по всей вѣроятности стремился къ нему. Скажемъ больше: въ этомъ стремленіи, по нашему мнѣнію, скрывается узелъ тогдашнихъ русско-византійскихъ отношеній. Но дѣло въ томъ, что для Владимира почти безразлично было—будетъ-ли на византійскомъ престолѣ сидѣть Василій или Фока. Даже,

напротивъ, Фока лично могъ казаться человѣкомъ болѣе подходящимъ для цѣлей Владиміра, чѣмъ Василій: обязанный престоломъ поддержкѣ Владиміра, Фока могъ быть по отношенію къ нему внимательнѣе и предупредительнѣе, чѣмъ Василій, который носилъ корону по праву. Но на сторонѣ Василія было одно серьезное преимущество: онъ имѣлъ возможность предложить Владиміру въ невѣсты сестру свою Анну, вступая въ бракъ съ которою, русскій князь роднился сразу съ двумя могущественнѣйшими государями: византійскимъ и нѣмецкимъ. Это преимущество одержало перевѣсъ, и Василій восторжествовалъ надъ Фокой. Между Владиміромъ и Василіемъ заключенъ былъ договоръ, по которому Владиміръ обязывался креститься и оказать Василію военную помощь, а Василій обязывался выдать за Владиміра свою сестру Анну. Такъ какъ крещеніе для Владиміра было лишь вопросомъ времени, то онъ совершилъ этотъ актъ тогда же въ присутствіи императорскихъ пословъ, а можетъ быть изъ рукъ находившихся въ посольской свитѣ духовныхъ лицъ. Это случилось въ концѣ 987 мартовскаго года и *по всей вѣроятности въ началѣ 988 январскаго года*, т. е. въ промежутокъ времени между 1 января и 1 марта (см. хронол. таблицу). Такъ что, по современному нашему счисленію, Владиміръ крестился въ 988 году, т. е. какъ разъ ровно 900 лѣтъ тому назадъ. А такъ какъ крещеніе Владиміра было актомъ, повлекшимъ за собою крещеніе всей Русской земли, то празднуемое нынѣ торжество и есть истинный 900-лѣтній юбилей крещенія Руси. Другаго момента, который можно было бы положить началомъ русской христіанской эры, нельзя придумать, такъ какъ слѣдовавшее за тѣмъ крещеніе народа совершалось исподоволь, въ различныхъ городахъ и областяхъ въ различное время.

Крещеніе Владиміра совершено было скромно, безъ особой торжественности и на первыхъ порахъ, по всей вѣроятности, было скрыто отъ народной массы. Это необходимо допустить въ виду смутнаго и сбивчиваго представле-

нія первоисточниковъ объ этомъ актѣ: „се же не свѣдуще право глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ; и инии же рѣша: Василиви; друзіи же инако скажють". Такъ сильно разногласили между собою современники въ своихъ показаніяхъ о мѣстѣ крещенія Владиміра. Если этотъ фактъ остался неизвѣстнымъ для современниковъ Владиміра, то естественно онъ долженъ былъ остаться тайною и для слѣдующихъ поколѣній. Вотъ почему наши древнѣйшіе и ближайшіе ко времени Владиміра писатели, Иларіонъ, Іаковъ и препод. Несторъ, сочли нужнымъ умолчать объ этомъ обстоятельствѣ, въ чемъ, конечно, сказалось, ихъ высшее благоразуміе.

Мысль эта, высказанная нами раньше, вызвала, къ сожалѣнію, нѣсколько недоумѣній: одни нашли, что мы причину крещенія Владиміра видимъ въ политической сдѣлкѣ, хотя мы никогда не смѣшивали *причинъ* принятія этимъ княземъ христіанства съ *поводомъ* его крещенія; другіе стали толковать, что мы профанируемъ священное имя равноапостольнаго князя, вводя въ характеръ его нравственной личности черту „хитрости" и пр. Все это несправедливо. Не мелкая хитрость, а высшая политическая мудрость и истинно педагогическая осторожность, словомъ, все тотъ же „добрый смыслъ и острый умъ" заставили Владиміра сохранить въ тайнѣ актъ своего крещенія: въ виду благопріятно сложившихся политическихъ обстоятельтвъ, отъ которыхъ должно было зависѣть многое въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, откладывать этотъ актъ напослѣ найдено было неудобнымъ; но и объявить о неожиданной перемѣнѣ княземъ отцовской вѣры той черни, которая недальше, какъ четыре года тому назадъ (983), свою ненависть къ христіанству выразила фанатическимъ взрывомъ противъ христіанъ Варяговъ, было бы безтактно и опасно. Мы еще слишкомъ наивно представляемъ себѣ личность Владиміра, а поэтому многое въ дѣятельности его остается для насъ непонятнымъ. Рѣшившись просвѣтить всю свою землю христіанствомъ и ввести свою державу въ систему христіанскихъ государствъ, Владиміръ прекрасно

понималъ громадное значеніе этой реформы и поэтому, прежде чѣмъ рѣшился осуществить ее, долженъ былъ предусмотрительно обдумать всѣ обстоятельства, благопріятствовавшія или неблагопріятствовавшія ея осуществленію. Онъ, напр., не могъ не понимать, что въ религіозныхъ вѣрованіяхъ сосредоточивается все, что есть идеальнѣйшаго въ сознаніи массы и святѣйшаго въ ея чувствѣ, и что поэтому народъ не можетъ отказаться отъ своихъ исконныхъ вѣрованій легко, безъ всякаго протеста. Народная масса вообще не податлива на рѣзкія перемѣны въ ея жизни и истинная мудрость всегда считалась съ этимъ факторомъ исторической жизни народовъ. Вспомнимъ, какимъ протестомъ сопровождались даже политическія реформы другаго геніальнаго нашего преобразователя, Петра Великаго, только потому, что онѣ посягали на освященную вѣками старину. Предъ глазами Владиміра къ тому же былъ живой примѣръ съ его братомъ Ярополкомъ, который сдѣлался жертвою своихъ симпатій къ христіанству. Вотъ почему, только возвратившись побѣдителемъ изъ корсунскаго похода и имѣя въ своемъ распоряженіи подготовленную и расположенную къ себѣ армію, Владиміръ могъ открыто объявить о своемъ крещеніи и о намѣреніи крестить весь народъ, грозно заявивъ: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, *противенъ мнѣ да будетъ*“; только при такихъ обстоятельствахъ онъ могъ осмѣлиться поднять руку на народную святыню, на боговъ своихъ отцовъ; только при такихъ обстоятельствахъ масса могла безъ рѣзкаго протеста отказаться отъ своихъ исконныхъ завѣтныхъ вѣрованій въ пользу чего то мало ей извѣстнаго, находя успокоеніе своей совѣсти въ примѣрѣ князя и бояръ: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“.

Для окончанія ли переговоровъ, или для утвержденія уже заключеннаго договора, Владиміръ отправилъ въ Константинополь свое отвѣтное посольство. Не въ интересахъ

императорскаго правительства было задерживать русскихъ пословъ, и къ половинѣ лѣта Владиміръ уже могъ приступить къ выполненію второй статьи договора, къ оказанію Василію военной помощи. Изъ русскихъ источниковъ извѣстіе объ этомъ сохранилось въ лѣтописной повѣсти, годъ которой принадлежитъ, по видимому, самому начальному лѣтописцу, и въ Похвалѣ Іакова. Оба эти источника единогласно свидѣтельствуютъ, что въ 988 году Владиміръ лично предпринималъ военный походъ изъ Кіева; разнятся же они въ слѣдующемъ: лѣтописная повѣсть называетъ этотъ походъ *корсунскимъ*, Іаковъ же говоритъ, что походъ этотъ предпринятъ былъ *къ порогамъ*. Ниже увидимъ, что въ этомъ разногласіи нѣтъ противорѣчія. Изъ этого похода Владиміръ возвратился въ Кіевъ дѣйствительно только послѣ взятія Корсуня и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть названъ корсунскимъ. Что же касается похода къ порогамъ, то смыслъ этого извѣстія выяснится дальше.

Изъ иностранныхъ писателей объ этомъ походѣ, или вѣрнѣе, о помощи, оказанной Василію Владиміромъ, говорятъ византійцы: Михаилъ Пселлъ, Кедринъ и Зонара, и арабы: Яхъя, Ал-Макинъ и Ибн-ал-Атиръ. Разница въ ихъ показаніяхъ заключается въ томъ, что по представленію Ал-Макина и Ибн-ал-Атира Владиміръ лично командовалъ войскомъ, сражавшимся противъ Фоки, тогда какъ всѣ остальные упомянутые писатели говорятъ лишь о русскомъ вспомогательномъ отрядѣ, что, какъ увидимъ ниже, гораздо ближе къ дѣйствительности.

Какъ только прибыли русскія войска, Василій немедленно напалъ на хрисопольскій лагерь и нанесъ своимъ противникамъ полное пораженіе. Вотъ какъ описываетъ этотъ бой Асохикъ: „начальникъ гавани (константинопольской), заключивъ съ царемъ Василіемъ мирный договоръ, ночью перевелъ на противоположный берегъ всѣ войска, (бывшія) въ городѣ, равно какъ и войска западныхъ странъ (русскихъ и другую наемную силу). Они обошли крѣпость

сзади и засѣли въ засадѣ. Между тѣмъ съ разсвѣтомъ со стороны города военные корабли съ факелами двинулись на крѣпость. Крѣпостныя войска при видѣ этого вышли противъ нихъ на бой. Тогда сидѣвшіе въ засадѣ за крѣпостью пошли на нихъ и часть войска Дельфинаса предали мечу, а другую загнали въ море"[1]). Оба начальника непріятельскаго войска попали въ плѣнъ: брата Фоки, Никифора, Василій въ оковахъ заключилъ въ темницу, а Калокира Дельфинаса приказалъ живымъ посадить на колъ[2]). По словамъ Асохика это случилось въ 988 году. Сказавъ это, Асохикъ продолжаетъ: „съ наступленіемъ слѣдующаго года" и пр. Изъ этого можно заключить, что хрисопольская битва произошла въ концѣ 988 мартовскаго года, и во всякомъ случаѣ глубокою осенью этого года, что согласно съ общимъ ходомъ событій.

IX.

Гдѣ же былъ и что дѣлалъ въ это время самъ Владиміръ, вышедшій, какъ мы видѣли, съ войскомъ изъ Кіева? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратиться на востокъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлалось въ это самое время.

Осажденный въ Константинополѣ и не имѣя возможности предпринять наступленіе противъ Фоки, Василій рѣшилъ устроить демонстрацію противъ его союзника, Давида Тайскаго. Яхъя разсказываетъ объ этомъ слѣдующее. „И уже послалъ царь Василій, послѣ того какъ войска Фоки расположились въ окрестностяхъ города Константинополя и завладѣли областью востока, магистра Таронита моремъ въ Требизондъ. И собралъ онъ людей и направился къ берегу Евфрата. И послалъ Варда Фока своего сына Никифора Криваго къ Давиду, царю Грузіи, владѣтелю города ал-Тай, чтобы

---

[1]) Всеобщ. Истор., стр. 178—179.

[2]) Л. Діаконъ, изд. Попова, стр. 107.

просить у него помощи противъ Таронита. И отправилъ Давидъ съ нимъ одного своего раба съ тысячею всадниковъ и пошли съ нимъ также оба сына Баграта, патриціи, владѣтели ал-Халидіата, съ тысячею всадниковъ и столкнулись съ Таронитомъ и разбили. И дошла до нихъ въ эту пору вѣсть о побѣдѣ войскъ царя Василія надъ Фокою на морѣ въ Хрисополѣ. И вернулся рабъ Давида Грузинскаго со своими людьми и также оба сына Баграта во свояси и оправдывались передъ нимъ тѣмъ, что они уже исполнили то, чего онъ отъ нихъ требовалъ, то есть, разбили Таронита" [1]). Итакъ, когда Василій разбилъ генерала Фоки, Дельфинаса, въ тоже время войска союзника Фоки, Давида, нанесли пораженіе генералу Василія, Тарониту. Обезсиленный потерею хрисопольской арміи, Фока вправѣ былъ ожидать поддержки отъ одержавшаго побѣду своего союзника Давида. На дѣлѣ же вышло нѣчто странное: Фока не только не получилъ поддержки, но вынужденъ былъ даже, по требованію конечно Давида, отпустить находившійся въ его распоряженіи грузинскій отрядъ [2]). Странность эта разъясняется слѣдующимъ, сохранившимся у Асохика, драгоцѣннымъ извѣстіемъ.

Въ то время, какъ происходили вышеизложенныя событія у Хрисополя и на Евфратѣ, „многочисленное войско изъ *земли Сарматовъ*", предводительствуемое Абхазскимъ царемъ Сембатомъ, переваливъ чрезъ кавказскій хребетъ, расположилось на берегахъ рѣки Куры и стало угрожать Давиду и его союзнику Багарату иверійскому. Сембатъ однакожъ почему-то не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Воспользовавшись этимъ, Давидъ успѣлъ стянуть громадныя силы, собралъ всѣхъ закавказскихъ владѣтелей, въ томъ числѣ армянскаго царя Сембата и Карсскаго Абаса и безъ боя заключилъ выгодный для себя

---

[1]) Б. Розенъ, стр. 24.

[2]) Это сообщаетъ Асохикъ, стр. 179.

миръ [1]). Асохикъ причину этого столкновенія объясняетъ такимъ образомъ. Сембатъ апхазскій былъ сынъ Гургена и внукъ Богарата иверійскаго. Послѣ смерти своей первой жены старикъ Багаратъ женился на другой женѣ, которая стала гнать Гургена изъ его вотчины. За отца вступился сынъ Сембатъ и предпринялъ описанный походъ. Въ этомъ объясненіи есть нѣчто правдоподобное; но оно однакожъ далеко не уясняетъ всей сущности факта. Оно напр. не объясняетъ, какимъ образомъ въ распоряженіи ничтожнаго апхазскаго царька оказалась громадная армія *изъ земли Сарматовъ*, чтобы противустоять которой понадобилось стягивать силы всего Закавказья. Съ этимъ объясненіемъ не мирится и самый образъ дѣйствія этой арміи, которая явилась, по видимому, не для того, чтобы вести настоящую войну, а для простой демонстраціи. Представляется мало вѣроятнымъ, чтобы Сембатъ, располагая значительными силами, даже не сдѣлалъ попытки навести ударъ своимъ противникамъ, какъ бы намѣренно выжидая, пока Давидъ съ Багаратомъ соберутся съ силами. Походъ этотъ, далѣе, предпринимался въ интересахъ Гургена, а между тѣмъ при заключеніи мира, о Гургенѣ, по видимому, не было и рѣчи; по крайней мѣрѣ, Асохикъ не говоритъ объ этомъ ни слова. Все это приводитъ насъ къ мысли, что Сембатъ апхазскій здѣсь не причемъ, что онъ былъ лишь слѣпымъ орудіемъ другой воли, которая, воспользовавшись неурядицей въ семьѣ Багарата, заставила его внука Сембата сослужить себѣ службу. „Земля Сарматовъ", „Сарматія"—это классическій—сначала этнографическій, а потомъ чисто географическій терминъ, который на языкѣ армянскаго писателя означаетъ тоже, что на языкѣ византійцевъ означала „Скиѳія" и „Тавроскиѳія". И поэтому войско „изъ земли Сарматовъ" было *русскимъ* войскомъ, которымъ снабдилъ Сембата нашъ Владиміръ. Случилось это, очевидно, такимъ образомъ. Дойдя до пороговъ, какъ показываетъ

[1]) Тамъ же, стр. 180—181.

Іаковъ мнихъ, Владиміръ тѣмъ путемъ, которымъ Руссы, по словамъ Константина Багрянороднаго, отправлялись изъ Днѣпра въ Черную Булгарію, Хазарію, Сирію, и который наша лѣтопись называетъ *залозным*ъ, направился въ свою при-азовскую колонію Тмутаракань. Путь этотъ начинался выше пороговъ и шелъ рѣками: Самарой, ея притокомъ Волчьей, волокомъ, р.р. Кринкой, Міусомъ, а затѣмъ Азовскимъ моремъ. Отсюда, а можетъ быть еще раньше Днѣпромъ, онъ отправилъ достаточный отрядъ на помощь Василію противъ Фоки, а самъ сталъ промышлять изъ Тмутаракани противъ союзниковъ послѣдняго. Воспользовавшись недовольствомъ Сембата апхазскаго противъ своего дѣда, Владиміръ снабдилъ его войскомъ и направилъ противъ союзниковъ Фоки, Давида и Багарата. Устрашенный Давидъ сталъ стягивать войска и между прочимъ отозвалъ бывшій въ распоряженіи Фоки грузинскій отрядъ. Ослабленный хрисопольскимъ пораженіемъ и оставленный на произволъ судьбы, Фока у Абидоса разбитъ былъ на голову соединенными силами и лишился головы.

Этотъ походъ Владиміра не окончился упомянутой демонстраціей. Въ Похвалѣ Іакова мниха сохранилось слѣдующее драгоцѣнное извѣстіе, которое несомнѣнно относится ко времени этого же похода. Сказавъ о побѣдѣ надъ Болгарами, авторъ продолжаетъ: „и на Казары шедъ побѣди я и дань на нихъ положи. Умысли же и на греческый градъ Корсунь...“. Здѣсь авторъ не даромъ взятіе Корсуня ставитъ непосредственно послѣ побѣды надъ хозарами: эти два факта совершились одновременно, во время одного и того же похода. Извѣстіе Іакова о побѣдѣ Владиміра надъ Хозарами мы считаемъ драгоцѣннымъ не потому, чтобы оно было единственнымъ въ своемъ родѣ, а потому, что оно даетъ намъ твердую точку опоры въ пониманіи показаній другихъ источниковъ, не отличающихся такою ясностью и точностью. Къ числу этихъ источниковъ относится: „Житіе“ св. Стефана Сурожскаго и Отрывки какого-то аноним-

наго автора, получившіе съ легкой руки академика А. А. Куника названіе „Записки Готскаго Топарха".

Древній городъ Сурожъ въ Крыму есть нынѣшнее мѣстечко Судакъ. Архіепископъ Сурожскій Стефанъ жилъ въ VIII вѣкѣ и умеръ около 790—795 г. Въ Житіи св. Стефана для насъ интересенъ собственно его конецъ, гдѣ въ разсказѣ о чудесахъ этого святаго говорится о нападеніи на Сурожъ какого-то Новгородскаго князя, о пораженіи его тяжкою болѣзнію, чудесномъ исцѣленіи и крещеніи его и его бояръ. Князь этотъ, будучи „бранливъ и силенъ зѣло", плѣнивъ всю страну „отъ Корсуня до Керчи", подступилъ къ Сурожу и, послѣ десятидневнаго кровопролитнаго боя, взялъ этотъ городъ и подвергъ разграбленію, между прочимъ, драгоцѣнности, которыми украшенъ былъ гробъ святаго мужа, за что пораженъ былъ тяжкою болѣзнію: „обратилось лицо его назадъ и лежа источалъ пѣну и возопилъ: „Великій человѣкъ и святой есть тотъ, который лежитъ здѣсь: онъ ударилъ меня по лицу и обратилось лицо мое назадъ". Раскаявшійся князь приказалъ возвратить все награбленное, вывести войска изъ города, отпустить плѣнниковъ, и крестился, за что получилъ полное исцѣлѣніе.—Непосредственно за этимъ, безъ всякаго ближайшаго мотивированія, говорится: „Анна же царица отъ Корсуня въ Керчь идучи, разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на Чернѣй водѣ (Карасу)", и помолившись св. Стефану, тоже получила исцѣлѣніе.—Очищая этотъ разсказъ отъ легендарнаго наслоенія, академикъ Куникъ находитъ, что въ Житіи идетъ рѣчь о Крымскомъ походѣ Владиміра въ 988 году, а царица Анна „никто иная, кромѣ Анны византійской". Если ученая догадка не должна быть произвольнымъ вымысломъ, то болѣе удачнаго объясненія этого сказанія и придумать нельзя: въ исторіи отношенія нашихъ первыхъ князей къ Тавридѣ нельзя указать другаго случая, который бы болѣе подходилъ къ этому разсказу Житія Св. Стефана, чѣмъ походъ Владиміра 988—989 годовъ. Правда, въ разсматриваемомъ

разсказѣ говорится, что нашествіе русскаго князя на Корсунь, Керчъ и Сурожъ случилось „мало лѣтъ“ спустя послѣ смерти св. мужа, что заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей относить этотъ фактъ къ болѣе раннему времени. Но почтенный академикъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что повѣсти о чудесахъ вообще не отличаются строгою вѣрностью своихъ хронологическихъ показаній“. Если самое житіе отличается „хронологическими несообразностями“, то что же говорить о припискѣ о чудесахъ, которая можетъ принадлежать перу гораздо позднѣе жившаго автора, имѣвшаго современно смутное представленіе о времени жизни св. Стефана. Не лишено интереса сопоставленіе этого сказанія съ разсказомъ лѣтописной повѣсти о походѣ Владимира на Корсунь и съ Житіемъ св. Георгія Амастридскаго. „По Житію, говоритъ г. Куникъ, князь сперва овладѣлъ Корсунью, потомъ Керчью, забралъ въ обоихъ городахъ церковные сосуды, увелъ оттуда мужей, женъ и дѣтей, но потомъ въ Сурожѣ приказалъ возвратить сосуды и отпустить плѣнныхъ. По лѣтописи, при крещеніи Владимира совершилось также чудо: не задолго передъ тѣмъ онъ ослѣпъ, и вновь прозрѣлъ только при самомъ крещеніи. Чудо, совершившееся при крещеніи въ Сурожи, почти одинаково съ чудомъ, проявившимся еще въ 865 году въ Амастридѣ [1]), при крещеніи одного вождя или повелителя Росовъ“. Чудомъ, подобнымъ тому, которое совершилось при крещеніи Владимира, сопровождалось также въ Польшѣ, въ 965 году, обращеніе въ христіанство Мешка. Сопоставляя, далѣе, сказаніе лѣтописной повѣсти и Житія св. Стефана о мѣстѣ

---

[1]) Въ Житіи этого святаго говорится, что Руссы, напавъ на г. Амастриду, вошли въ храмъ, гдѣ покоилось тѣло св. Георгія. Ища сокровищъ, нѣкоторые изъ нихъ стали раскапывать гробъ святаго, за что поражены были онѣмѣніемъ рукъ и ногъ и стали какъ бы связанные невидимыми узами. Пораженный чудомъ, вождь Руссовъ отпустилъ плѣнныхъ и пострадавшіе воины его, по молитвѣ христіанъ, получили исцѣлѣніе.

крещенія Владимира, г. Куникъ колеблется, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе: „такъ какъ весь разсказъ о крещеніи Владимира, говоритъ онъ, въ лѣтописи сильно изукрашапъ легендарными дополненіями, то показаніе лѣтописца о Корсуни, какъ мѣстѣ крещенія, нельзя считать не подлежащимъ никакому сомнѣнію, какъ ни несомнѣнно то, что корсуньское духовенство имѣло большое вліяніе на послѣдовавшее затѣмъ крещеніе русскаго народа. Во всякомъ случаѣ должно допустить возможность того, чтобы первое побужденіе къ крещенію явилось Владимиру изъ Сурожа“ [1]). Мы уже знаемъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ и побужденій Владимиръ крестился, и сказаніе Сурожской легенды для насъ важно собственно какъ новое доказательство того, какимъ разнообразіемъ отличаются показанія разныхъ источниковъ по вопросу о крещеніи этого князя.

Прекраснымъ дополненіемъ къ показанію Іакова мниха и сурожскаго сказанія служитъ выше названная записка Готскаго топарха. Интересна первоначальная судьба этого памятника. Въ Парижской „королевской библіотекѣ“ отысканъ былъ греческій рукописный сборникъ, содержавшій разныя письма св. Василія Великаго, Фаларида и св. Григорія Назіанзина. Въ этомъ сборникѣ, въ различныхъ мѣстахъ его, оставлено было при первоначальной перепискѣ нѣсколько чистыхъ листовъ, на которыхъ отрывками и вписанъ былъ интересующій насъ памятникъ. Честь открытія этого памятника принадлежитъ знаменитому византинисту К. Б. Газе. Этотъ тонкій спеціалистъ въ области палеографіи нашелъ, что весь сборникъ писанъ былъ въ исходѣ X вѣка, а эта рукопись, хотя, по видимому, и моложе нѣсколько, но тоже можетъ быть отнесена къ концу X и

---

[1]) Записки Императ. Акад. Наукъ. Т. XXIV, кн. 1. Спб. 1874 г. О Запискѣ Готскаго топарха, стр. 103 и слѣд. См. также Истор. Русск. Ц. у Голубинскаго. I пол. перв. т., стр. 42 и слѣд. Съ мнѣніемъ почтеннаго профессора по этому вопросу едва-ли можно согласиться.

началу XI вѣка. Принимая во вниманіе это обстоятельство и соображаясь съ самымъ содержаніемъ этого фрагмента, Газе призналъ, что въ немъ идетъ рѣчь о взятіи Владиміромъ Корсуня. Вотъ почему, издавая въ 1818 г. по порученію нашего канцлера граф. Н. П. Румянцева Исторію Льва Діакона, Газе помѣстилъ этотъ фрагментъ въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ въ качествѣ комментарія къ краткому извѣстію этого историка о взятіи Русскими Корсуня. На русскомъ языкѣ этотъ памятникъ сначала появился въ вольномъ переводѣ Попова (въ приложеніи къ переводу Исторіи Л. Діакона), а въ 1876 году—въ точномъ переводѣ нашего византиниста пр. Васильевскаго, снабдившаго его учеными комментаріями [1]). Состоитъ онъ изъ трехъ отрывковъ, изъ которыхъ первый и второй видимо выхвачены изъ средины: первый, по видимому, не имѣетъ начала и конца, а второй—начала, что заставляетъ предполагать, что Газе не успѣлъ вполнѣ изучить сборника, на страницахъ котораго могли находиться и другіе отрывки. Дѣло въ томъ, что сборникъ этотъ былъ только временнымъ гостемъ въ „королевской библіотекѣ", куда онъ попалъ, какъ думаютъ, въ числѣ книгъ, захваченныхъ Наполеономъ I въ качествѣ контрибуціи изъ частныхъ библіотекъ, и вмѣстѣ съ ними, въ силу трактатовъ 1814 и 1815 г.г., возвращенъ былъ по принадлежности. Во всякомъ случаѣ позднѣйшая судьба его не извѣстна. Мы сначала передадимъ содержаніе этихъ отрывковъ съ выпускомъ мѣстъ, не имѣющихъ для насъ въ данномъ случаѣ значенія.

Отрывокъ первый. „Они съ трудомъ приставали, хотя каждое изъ нихъ не вмѣщало на себѣ болѣе трехъ человѣкъ: такъ они были мизерны. Но даже и такія (небольшія суда) все-таки не находили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія; ибо многія изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть. Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, вы-

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1876 г. Іюнь, стр. 368 и слѣд.

скакивали изъ него, садились на льдину и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою, такъ какъ *Днѣпръ* былъ въ сильномъ волненіи". Спустя нѣсколько дней Днѣпръ замерзъ. „Теперь наше уныніе превратилось въ радость; выразивъ ее достаточными рукоплесканіями, мы подошли ближе и *конные* вступили на рѣку. Совершивъ *переправу* безпрепятственно и прибывъ въ селеніе *Борiонъ*, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми, такъ какъ и онѣ терпѣли до сихъ поръ недостатокъ и были утомлены въ высшей степени. Проведя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти *по направленію къ Маврокастрону*". Но задержанные „жесточайшей вьюгой", наши путники только спустя достаточное количество дней нашли возможность подумать „*о возвращеніи во свояси*". Дальнѣйшій путь совершался съ большимъ затрудненіемъ, благодаря вьюгѣ и глубокому снѣгу; лошади исчезали по самую шею, а вьючныя животныя совсѣмъ падали (околѣвали), такъ что ихъ много осталось на дорогѣ. Даже *многіе* изъ проводниковъ воротились домой. Путники ночевали подъ открытымъ небомъ, причемъ постелями для нихъ служили *щиты*. Но самое большее бѣдствіе заключалось въ томъ, что они шли „*по непріятельской землѣ*", вслѣдствіе чего положеніе ихъ не было *безопасно;* напротивъ, имъ угрожала опасность какъ отъ зимы, такъ и отъ *враговъ*.

Второй отрывокъ начинается зачеркнутыми словами: „Именно ради этого и сѣверные берега Дуная". Затѣмъ слѣдуетъ текстъ. „Только тогда мы рѣшились начать войну съ *варварами*, или если уже сказать сущую правду, мы отступили (передъ) ними изъ опасенія, чтобы они, предупредивъ, не истребили насъ (не покончили съ нами) и мы разсудили (за лучшее) противостоять имъ (здѣсь) сколько возможно, между тѣмъ какъ они самымъ безчеловѣчнымъ образомъ разоряли и губили всѣхъ, подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляющимъ свою ярость. Имъ не была доступна ка-

кая либо пощада къ *своимъ близкимъ*, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ либо разборомъ или вниманіемъ къ справедливости; напротивъ, злымъ и безполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ (зачеркнуто: *нашей*) *ихъ земли*—какъ говорится—*добычу Мисянъ*. Рушилась ихъ прежняя справедливость и законность,—тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того сами они достигли *величайшихъ трофеевъ*, *а города и народы* добровольно приступали къ нимъ (присоединялись къ нимъ). А теперь, какъ будто на оборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ *подданнымъ*. Вмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ *подвластныхъ городовъ* и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ. Жалуясь на своихъ *властителей* и ясно доказывая, что они ни въ чемъ *неповинны*. Эти люди добивались только того, чтобы они оставляемы были въ живыхъ. Похоже было на то, какъ будто разразился какой сильный злой порывъ, такъ что для человѣчества, казалось, наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой (открывшейся) бездны. *Болѣе десяти городовъ* лишились своего населенія, не менѣе *пяти сотъ селеній* превратились въ пустыню: словомъ, вся *сосѣдственная и близкая* къ нимъ область какъ будто послѣ бури лежала въ развалинахъ; люди, ни въ чемъ неповинные, *подъ предлогомъ* (нарушенной) *клятвы*, сдѣлались добычею насилія и меча.—Жестокая судьба привела, наконецъ, и къ *моей области* ту заразу, которая злымъ образомъ губила всѣхъ и ужъ обошла (кругомъ) моихъ несчастныхъ *сосѣдей*. *Я заранѣе ожидалъ* этого прежде, и уже принималъ всякія мѣры предосторожности, чтобъ она не захватила насъ въ расплохъ, или чтобы внезапнымъ тайнымъ нападеніемъ не нанесла намъ гибели. Когда жъ опасность на яву пришла къ намъ, и когда всѣ ясно сознали, что дѣло идетъ теперь о нашей жизни, то я *тогдашнюю язву* отстранилъ наиболѣе мудрымъ способомъ, какъ только умѣлъ, хотя

при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности (едва не рисковалъ своею жизнію). А что касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго, то у насъ съ варварами безъ *всякаго* (предварительнаго) *объясненія* началась война, причемъ они *уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи*, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія. И вотъ *война тотчасъ началась и наступленіе зимы было близко*, ибо солнце находилось не далеко отъ *зимняго поворота*. Между тѣмъ варвары собравшись большими силами, вторгнулись *въ нашу землю* съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, думая захватить насъ при первомъ нападеніи и расчитывая на слабость нашей страны и на нашу оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно основательны, такъ какъ мы имѣли мѣстопребываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ и дѣлали вылазки скорѣе изъ (открытаго) селенія, чѣмъ изъ настоящаго города (зачеркнуто: Но потерявъ многихъ изъ своихъ и подвергшись посрамленію, къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра. Ибо противъ пѣхоты и я самъ противупоставилъ стрѣлковъ изъ лука, а противъ конницы—конницу, раздѣливъ войско на двѣ части). Потому что эта земля *раньше* того уже *была разорена самыми варварами и превращена въ совершенную пустыню*, причемъ они разрушали и стѣны; и только тогда я первый пришелъ къ мысли *снова поселиться въ Климатахъ*. Итакъ изъ находящихся на лицо матеріаловъ я выстроилъ подлѣ него сперва одну крѣпостцу, и имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить (занять) весь остальной городъ".

Третій отрывокъ. „И она (крѣпость) была выстроена съ большою поспѣшностью и ограждена была рвомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война. Крѣпость была раздѣлена между отдѣльными семьями, и въ ней было положено на сохраненіе все наиболѣе цѣнное; а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея, въ другой оградѣ города. Ибо ужъ и *весь городъ сталъ населяться*; а крѣпость приготовлена была для

того, чтобы спасать насъ въ большой опасности. Но варвары, потерявъ тогда многихъ и подвергшись посрамленію, къ ночи ушли, поопасшись утра; а я вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ вступить въ бой. У меня было тогда не многимъ болѣе ста всадниковъ, а пращниковъ и лучниковъ не болѣе трехъ сотъ. Не видя нигдѣ варваровъ, я занялся тѣмъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было полезно, *воздвигая старую стѣну* и научая своихъ лучше приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я *разослалъ гонцовъ къ тѣмъ*, которые *держались насъ*, приглашая ихъ къ себѣ (и при этомъ) имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе. Когда они пришли со всѣхъ сторонъ, и составилось вѣче изъ *лучшихъ людей*, то я держалъ рѣчь, въ которой объяснялъ, какихъ *господъ* (властителей) *болѣе нужно желать*, и какихъ, получивъ какую пользу, нужно стараться извлекать (?) изъ нихъ и вообще — что теперь слѣдуетъ дѣлать; о чемъ я говорилъ тогда и все то, что я сказалъ, было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь и по порядку, если бы даже я и цѣнилъ это (свою рѣчь) болѣе всего. — Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся болѣе о еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего *стремятся къ независимости*, или потому что они *сосѣдятъ съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная*, и вмѣстѣ съ тѣмъ могучъ большимъ войскомъ и надмѣвается силою въ бояхъ, и (потому наконецъ, что) *не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ* (жителей) въ своемъ собственномъ быту (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообща всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать тоже самое. Итакъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять *всю власть надъ Климатами* и присоединилъ къ этому *цѣлую сатрапію*,

а сверхъ того, подарилъ *въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы*".

Надъ изслѣдованіемъ этой записки въ большей или меньшей степени останавливались слѣдующіе ученые: К. Б. Газе, д—ръ. Б. фонъ—Кеве, С. А. Гедеоновъ, Н. П. Ламбинъ, Ф. К. Брунъ, А. А. Куникъ, Д. И. Иловайскій, В. Г. Васильевскій [1]). Не смотря однакожъ на труды столь серьезныхъ ученыхъ, нельзя сказать, чтобы вопросъ объ этомъ памятникѣ можно было считать разъясненнымъ. Причина этого обстоятельства скрывается въ самомъ характерѣ памятника. При его чтеніи сразу бросается въ глаза почти полное отсутствіе въ немъ собственныхъ именъ и какихъ бы то ни было хронологическихъ указаній. Мѣсто, время, дѣйствующія лица изображены здѣсь такими общими чертами, что изслѣдователю на каждомъ шагу угрожаетъ опасность допустить громадный промахъ. Единственной точкой прицѣпы для изслѣдователя являются пять географическихъ названій: Днѣпръ, Боріонъ, Маврокастронъ, Дунай и Климаты. Особенно драгоцѣннымъ является послѣднее названіе, опредѣляющее мѣсто, гдѣ происходитъ главное событіе, описываемое въ запискѣ. Почти всѣ перечисленные ученые единогласно признали, что подъ *Климатами слѣдуетъ понимать южный берегъ Крыма.* Какъ ни бѣдны извѣстія источниковъ о состояніи южнаго берега Крымскаго полуострова въ X в., но, благодаря трудамъ вышеназванныхъ ученыхъ, особенно Гедеонова, Ламбина, Бруна, Куника, Васильевскаго и Иловайскаго, о немъ можно, кажется, сказать слѣдующее. Въ *географическомъ* отношеніи южный берегъ Крыма дѣлился на слѣдующихъ три части: на западѣ—Корсунская область, на востокѣ—Босфорская, а между ними лежали города Климатовъ, которые въ свою очередь дѣлились на Климаты Готскіе и Хазарскіе, въ которыхъ насчитывалось 10 городовъ.

[1]) Общій обзоръ литературы вопроса сдѣланъ у В. Г. Васильевскаго (тамъ же).

Въ *этнографическомъ* отношеніи, при всей пестротѣ народонаселенія, здѣсь преобладали, по видимому, три народности: греческая, готская и хазарская. Въ *политическомъ* отношеніи край этотъ опять таки дѣлился на двѣ части: *западную*, которая находилась подъ протекторатомъ *византійскихъ* императоровъ, и *восточную*, признававшую надъ собою власть нашихъ *кіевскихъ* князей, смѣнившихъ приблизительно со времени Игоря господство здѣсь Хазаръ. Сдѣлать точныя географическія, этнографическія и политическія разграниченія въ этомъ краѣ пока нѣтъ никакой возможности.

Итакъ, по мнѣнію ученыхъ, какъ сказано, мѣстомъ совершенія описываемыхъ въ запискѣ событій были Климаты крымскіе. Исключеніе изъ этого составляетъ мнѣніе г. Васильевскаго, который переноситъ это мѣсто въ при Дунайскую область. Такъ какъ это мнѣніе стоитъ одиноко, то мы прежде всего на немъ и остановимся.

Сущность аргументаціи г. Васильевскаго сводится къ слѣдующему. Опираясь на буквальный смыслъ Записи, онъ находитъ, что здѣсь подъ Климатами разумѣется не цѣлая область, а не большой городъ. Не встрѣчая въ южномъ Крыму города съ такимъ названіемъ, онъ переходитъ въ при-Дунайскую область и начинаетъ тамъ искать Климатовъ, и его поиски, какъ будто, увѣнчиваются успѣхомъ. Между укрѣпленіями, возстановленными Юстиніаномъ въ Аквесійской области, Прокопій указываетъ между прочимъ крѣпость Κλέμαδες. Произведя разысканіе о мѣстѣ нахожденія этой крѣпости, почтенный профессоръ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Такъ или иначе, но кажется, мы можемъ считать доказаннымъ существованіе Климатовъ въ *восточной Болгаріи*, притомъ — именно въ такомъ видѣ, какой *вполнѣ* соотвѣтствуетъ описанію ихъ въ Запискѣ топарха—въ видѣ небольшаго городка съ укрѣпленными стѣнами. Этого для насъ достаточно“ [1]). Установивъ этотъ фактъ, авторъ находитъ, что

---

[1]) Тамъ же, стр. 428.

событіе, описанное въ Запискѣ, имѣло мѣсто въ Болгаріи, во время втораго похода туда Святослава, и подъ этимъ угломъ зрѣнія объясняетъ все содержаніе Записки.

Нѣтъ сомнѣнія, что при бѣгломъ чтеніи этой Записки она больше всего располагаетъ къ такому толкованію, какое даетъ ей г. Васильевскій. Но при болѣе внимательномъ анализѣ ея такое толкованіе не выдерживаетъ критики. Самымъ слабымъ въ этомъ толкованіи, конечно, является его основной пунктъ, именно взглядъ на Климаты. Если въ Болгаріи дѣйствительно и существовалъ когда нибудь городъ съ этимъ именемъ, то во всякомъ случаѣ, съ чѣмъ согласенъ и почтенный авторъ, онъ представлялъ изъ себя нѣчто настолько ничтожное, что остался совершенно незамѣченнымъ въ исторіи, чего нельзя сказать о другихъ болгарскихъ городахъ. Города же, о которомъ идетъ рѣчь въ Запискѣ, никакимъ образомъ нельзя назвать ничтожнымъ. Не смотря на то, что раньше онъ былъ окончательно разрушенъ, въ данное время онъ представляется уже настолько заселеннымъ, что состоитъ, выражаясь нашимъ языкомъ, изъ кремля и посада, который тоже укрѣпленъ стѣною. Это прямо видно изъ того мѣста третьяго отрывка, гдѣ говорится, что въ ожиданіи нападенія непріятеля все цѣнное изъ имущества горожанъ положено было на сохраненіе въ *крѣпости*, „а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея въ *другой оградѣ города*, ибо уже *весь городъ сталъ населяться*". Если, далѣе, подъ Климатами понимать болгарскую крѣпостцу, то прежнее разрушеніе ея тѣми же варварами придется отнести къ первому походу Святослава, за которымъ непосредственно послѣдовалъ и второй. Между тѣмъ между разрушеніемъ и вторичнымъ заселеніемъ Климатовъ Записки предполагается нѣкоторый промежутокъ времени: крѣпость сначала находилась въ развалинахъ, потому что и вся та страна превращена была въ пустыню; авторъ, пришедши первый къ мысли поселиться въ Климатахъ, сначала построилъ только одну крѣпостцу, остальной же городъ потомъ сталъ населяться. Едва ли это представленіе о про-

цессѣ заселенія Климатовъ можно примирить съ промежуткомъ времени между первымъ и вторымъ пребываніемъ Святослава въ Болгаріи. А главное вотъ что: Климаты Записки несомнѣнно составляли военно-административный центръ значительной области. Это видно изъ того, что когда для рѣшенія вопроса о средствахъ защиты автору нужно было собрать вѣче, онъ вынужденъ былъ разсылать *гонцовъ во всѣ стороны*, и дѣйствительно со всѣхъ сторонъ собираются лучшіе люди, предъ которыми онъ держитъ политическую рѣчь о томъ, какихъ *господъ болѣе нужно желать*. Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ какою-то полу-независимою политическою единицею, для которой вопросъ о перемѣнѣ верховной власти представляется совершенно естественнымъ. Объ объемѣ области Климатовъ можно судить на основаніи того, что когда ея начальникъ подчинился извѣстному варвару, то послѣдній въ благодарность за это присоединилъ къ ней еще *цѣлую сатрапію* и *подарилъ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы*. Объемъ присоединяемаго заставляетъ предполагать, что и основная область, которою владѣлъ ея начальникъ, была довольно крупная. Начальникъ этой области кромѣ того получаетъ отъ варвара *опять всю власть надъ Климатами*. Какую это такую *всю власть* могъ получить начальникъ крѣпостцы, заключавшей площадь въ нѣсколько квадратныхъ саженей? Но всего невѣроятнѣе представляется, чтобы нашъ Святославъ Игоревичъ сталъ такъ ухаживать за греческимъ офицеромъ, сдавшимъ ему такую ничтожную крѣпость, какою г. Васильевскій представляетъ болгарскіе Κλέμαδες.—Изъ Записки, далѣе, видно, что земля, которую опустошали варвары, была *ихъ землею*, жители этой земли были *подданными* варваровъ, а варвары были ихъ *властителями*. Между тѣмъ жители Климатовъ были подданными *императовъ, благорасположеніемъ которыхъ они никогда будто бы не воспользовались*.—Въ то время какъ варвары свирѣпствовали въ сосѣдней съ Климатами области, Климатамъ на первыхъ порахъ, повидимому, не угрожала опасность, иначе начальнику ихъ не

зачѣмъ было бы хвастаться тѣмъ, что онъ *заранѣе ожидалъ* нападенія, тогда какъ *всѣ другіе сознали это* только потомъ, когда бѣда сдѣлалась очевидною. То обстоятельство, что варвары захватили нашего автора врасплохъ, показываетъ, что въ то время какъ они разоряли сосѣднюю область, Климаты считали себя почему-то гарантированными отъ нападенія. Правда, во второмъ отрывкѣ, онъ, оправдывая свою оплошность, старается представить дѣло такъ, какъ будто онъ только что появился въ Климатахъ и поэтому не успѣлъ ничего сдѣлать. Но въ третьемъ отрывкѣ онъ не хотя выдаетъ себя: изъ словъ этого отрывка ясно видно, что самая крѣпость уже раньше существовала, что вокругъ ея уже успѣлъ даже образоваться посадъ, и что посадъ этотъ уже успѣли обвести второю стѣною. Не трудно понять и причину такой безпечности. Изъ втораго отрывка видно, что нашъ авторъ сначала находился въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ варварами и считалъ себя вполнѣ гарантированнымъ отъ ихъ нападенія. „А что касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго, говоритъ онъ, то у насъ съ варварами *безъ всякаго* (предварительнаго) *объясненія* началась война, причемъ они *уже не вступали съ нами въ сношенія*, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія". Ясно, что Климаты раньше находились въ сношеніяхъ съ варварами и сношенія эти были мирнаго характера. Затѣмъ варвары, перемѣнивъ, очевидно, свою прежнюю политику, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ, начали войну, не принимая никакихъ предложеній о перемиріи, а требуя полной покорности. Предлагаемъ обратить особое вниманіе на этотъ пунктъ; смыслъ его потомъ выяснится.—Изъ сказаннаго, намъ кажется, ясно, что г. Васильевскій напрасно оставилъ общепринятое мнѣніе о географическомъ положеніи Климатовъ.

Въ виду несостоятельности основнаго положенія второстепенные доводы уже не имѣютъ никакого значенія.

Мнѣніе г. Васильевскаго, что Маврокастронъ находился въ устьѣ Днѣстра, на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана, несомнѣнно гораздо правдоподобнѣе догадокъ г.г. Бруна и Куника, ищущихъ его на востокѣ отъ Днѣпра. Но изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что отрядъ, направлявшій свой путь на Мавроκастронъ, непремѣнно двигался къ Дунаю. Намъ кажется, что въ первомъ отрывкѣ мы имѣемъ дѣло съ возвращающимся изъ Кіева посольствомъ. Конная часть посольскаго отряда двигалась сухимъ путемъ по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а какіе-то лодочники, можетъ быть провожатые, о которыхъ далѣе говорится, плыли Днѣпромъ. Недалеко отъ селенія Боріонъ, положеніе котораго опредѣлить трудно, отрядъ по льду переправился на правый берегъ Днѣпра и ближайшимъ путемъ двинулся къ гавани Мавро кастронъ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь сѣсть на суда и отправиться *во свояси*, т. е, въ страну Крымскихъ Климатовъ. Относимое къ русскому князю выраженіе третьяго отрывка, что онъ „царствуетъ на сѣверѣ Дуная", будетъ показывать въ такомъ случаѣ, что авторъ Записки смотрѣлъ на Русь чрезъ Мавроκастронъ. Если смотрѣть подъ этимъ угломъ зрѣнія, то для жителя южнаго берега Крыма тогдашнія русскія владѣнія дѣйствительно могутъ показаться находящимися на сѣверѣ Дуная. Не слѣдуетъ также забывать и того предположенія г. Куника, что Записка могла предназначаться для жителя Константинополя, для котораго русскій князь дѣйствительно казался царствующимъ на сѣверѣ Дуная.

Зачеркнутыя въ началѣ втораго отрывка слова: „именно ради этого и сѣверныя берега Дуная", по мнѣнію г. Васильевскаго, указываютъ на мѣсто, гдѣ совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя. Догадка остроумная, но не обязательная для принятія. Второй отрывокъ несомнѣнно не имѣетъ начала. Впереди могла идти рѣчь о *томъ*, „кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная и кто изъ своихъ Крымскихъ владѣній собирался сдѣлать нападеніе на Климаты. Въ связи съ этою рѣчью и могло быть написано это

начало какой-то фразы, долженствовавшей служить развитіемъ предыдущей мысли. Вообще, зная содержаніе Записки, можно придумать цѣлый рядъ предложеній, въ составъ которыхъ войдетъ эта фраза, но которыя тѣмъ не менѣе будутъ содержать другую мысль, чѣмъ та, которую находитъ въ ней г. Васильевскій.

Всѣ остальные изслѣдователи, какъ сказано было, единогласно признаютъ, что подъ Климатами въ Запискѣ слѣдуетъ понимать Крымскіе Климаты, а подъ государемъ, царствующимъ на сѣверѣ Дуная—нашего русскаго князя. Расходятся же они во взглядѣ на слѣдующіе три вопроса: ко времени какого русскаго князя должно быть отнесено описываемое въ Запискѣ событіе? Кто были варвары, опустошавшіе сосѣднюю съ Климатами область? И начальникомъ какого именно города въ Климатахъ былъ авторъ Записки?

По первому вопросу высказано было нѣсколько мнѣній, выраженныхъ въ большинствѣ случаевъ осторожно, въ формѣ предположенія: *одни* относили это событіе ко временамъ перваго Кіевскаго князя Олега (Ламбинъ), *другіе* ко времени Игоря (Иловайскій), *третіе* ко времени Святослава (Кёве, Гедеоновъ, Васильевскій), *четвертые* ко времени Владимира (Газе, Брунъ, Куникъ).—Представители первыхъ трехъ, и особенно первыхъ двухъ, теорій игнорируютъ слѣдующій существенно важный фактъ. Газе, единственный ученый, имѣвшій подъ руками сборникъ, изъ котораго имъ извлеченъ этотъ фрагментъ, категорически заявилъ, что самый сборникъ относится къ концу X вѣка, а нашъ фрагментъ, представляющій черновую, писанную рукою самаго автора, еще *моложе* сборника и относится къ началу XI и въ крайнемъ случаѣ—къ концу X в., т. е. ко времени княженія Владимира. Такъ какъ компетентность Газе въ области палеографіи выше всякаго сомнѣнія, то каждый изслѣдователь, не имѣющій возможности лично провѣрить его показаній, обязательно долженъ считаться съ его мнѣніемъ по этому вопросу. Вотъ почему каждый изслѣдова-

тель, приступающій къ изученію этой Записки, прежде всего обязанъ испробовать всѣ средства къ тому, чтобы истолковать содержаніе ея въ примѣненіи ко времени княженія Владимира, и только тогда, когда эта попытка не увѣнчается успѣхомъ, искать новыхъ путей для ея объясненія. Но мы думаемъ, что ни одна эпоха не представляетъ столько данныхъ для объясненія содержанія этой Записки, какъ эпоха Владимира. Принимая во вниманіе сдѣланныя нами разъясненія по вопросу о русско-византійскихъ отношеніяхъ тогдашняго времени, легко можно объяснить не только общій смыслъ, но всѣ детали въ содержаніи этой Записки. Само собою разумѣется, что мнѣніе Газе, а потомъ и Кёне, Ламбина и Рамбо, о томъ, что подъ Климатами въ этой Запискѣ слѣдуетъ понимать г. Корсунь, должно быть оставлено, какъ совершенно не сообразное съ существующимъ научнымъ представленіемъ о Корсуни тогдашняго времени. Напротивъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ Климатахъ Записки видятъ одинъ изъ второстепенныхъ городовъ въ *готскихъ* Климатахъ, находившійся подъ протекторатомъ византійскихъ императоровъ, можетъ быть принято, какъ вполнѣ правдоподобное. Вопросъ, значитъ, только въ томъ, кого понимать подъ *варварами*, разорявшими сосѣднюю съ Климатами страну. Общепринятое мнѣніе то, что это были Русскіе. Но академикъ Куникъ, съ которымъ согласенъ и г. Брунъ, склонны видѣть въ этихъ варварахъ Хазаръ. Намъ думается, что это мнѣніе стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ тѣмъ, что говорится объ этихъ варварахъ въ Запискѣ. Изъ той характеристики, которая представлена во второмъ отрывкѣ и которая напоминаетъ характеристику Тавроскиѳовъ у Льва Діакона, видно, что нападавшіе варвары находились въ апогеѣ развитія своей силы и могущества, что въ данное время они сдѣлались свирѣпѣе и жесточе, чѣмъ были прежде, вслѣдствіе чего рушилась ихъ прежняя справедливость и законность. Но дальше авторъ проговаривается и даетъ весьма не двусмысленный намекъ на то, что справедливость и за-

ковность тутъ не причемъ, что жестокость варваровъ къ своимъ подданнымъ въ данномъ случаѣ вызвана была клятвопреступленіемъ послѣднихъ. Едва ли такая характеристика можетъ быть примѣнима къ Хазарамъ временъ Владимира: прежняя ихъ слава уже давно стала меркнуть, а со времени разгрома Святослава Хозарская держава пришла въ полное уничиженіе. Во времена Владимира едва ли своевременно было вспоминать о тѣхъ временахъ, когда Хозары „достигали величайшихъ трофеевъ, а *города и народы добровольно приступали къ нимъ*". А между тѣмъ фраза эта представляетъ почти дословное повтореніе слѣдующихъ словъ изъ рѣчи Святослава, которую онъ, по словамъ Льва Діакона, произнесъ къ своей дружинѣ предъ послѣдней битвой съ Цимихіемъ: „погибнетъ слава, сопутница русскаго оружія, *безъ труда побѣждавшаго сосѣдственные народы и, безъ пролитія крови, покарявшаго цѣлыя страны*, если мы теперь постыдно уступимъ Грекамъ". И мы знаемъ, что эти слова не были пустой фразой: нѣкоторые изъ русскихъ племенъ дѣйствительно добровольно, безъ пролитія крови, признали надъ собою власть Кіевскихъ князей; не говоримъ уже о томъ, что Кіевскіе князья вели свое происхожденіе отъ добровольно призваннаго Рюрика. Вообще, намъ кажется, что авторъ нашей Записки уже успѣлъ познакомится съ Исторіей Льва Діакона, доведенной до 989 г., и находился подъ ея вліяніемъ: сравненіе, напр., варваровъ *съ дикими звѣрями*—это любимый пріемъ Льва Діакона. Высказывая это предположеніе, мы, конечно, допускаемъ, что Записка эта написана была нѣсколько позже того времени, къ которому относится описываемыя въ ней событія, что согласно съ тѣмъ мнѣніемъ Газе, что почеркъ оригинала относится скорѣе къ началу XI, чѣмъ къ концу X вѣка.

Не можемъ мы въ варварахъ Записки признать Хозаръ еще вотъ почему. При внимательномъ чтеніи третьяго отрывка получается такое впечатлѣніе, что собранное начальникомъ Климатовъ вѣче постановило *заключить миръ* и пе-

редаться тому, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, потому именно, что онъ былъ государемъ нападавшихъ варваровъ и находился въ данное время здѣсь гдѣ то, не вдалекѣ отъ Климатовъ. *Заключать миръ* можно только съ тѣмъ, къ кому находишься въ враждебныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ, представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы въ то время, когда городу угрожала серьезная опасность со стороны страшнаго врага, начальникъ города самъ лично предпринималъ далекое путешествіе въ Кіевъ, чтобы отдать себя подъ покровительство русскаго князя и найти у него помощь противъ этого врага. Вѣдь могло случиться, что прежде чѣмъ поспѣла бы изъ Кіева помощь, въ оставленныхъ безъ начальника Климатахъ не осталось бы, какъ говорится, и камня на камнѣ; а между тѣмъ это путешествіе предпринимается съ увѣренностью, что *владѣнія останутся сохранными*. Напротивъ, дѣло представится въ другомъ свѣтѣ, если мы допустимъ, что угрожавшіе Климатамъ варвары были Русскіе, что царствующій на сѣверѣ государь находился въ данное время по сосѣдству съ Климатами хотя бы напр., въ Тмутараканскихъ владѣніяхъ, что онъ раньше не соглашался на перемиріе потому, что требовалъ онъ Климатовъ полной покорности, встрѣтивъ которую онъ ласково отнесся къ ихъ начальнику, утвердилъ его въ прежнихъ правахъ и пожаловалъ его, по русскому обычаю, волостью и данью съ другой волости въ своихъ тамошнихъ владѣніяхъ. Все это въ отношеніи къ хазарскому кагану того времени представляется совершенно непримѣнимымъ. Впрочемъ, самъ г. Куникъ не особенно настаиваетъ на этой своей гипотезѣ. „Никакъ нельзя исторически доказать, сознается онъ, чтобы господство Хазаръ надъ крымскими городами и народами удержалось, въ прежнемъ своемъ объемѣ, до того времени, къ которому Газе относитъ происхожденіе помянутыхъ отрывковъ, т. е. до начала XI вѣка“ [1]). А намъ думается, что раз-

---

[1]) О Запискѣ готскаго топарха. Тамъ же, стр. 86.

сматриваемая записка служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что господство Хазаръ въ Крыму гораздо раньше окончательно замѣнено было здѣсь господствомъ Русскихъ и что въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, мы имѣемъ дѣло съ возстаніемъ самихъ Крымскихъ Хазаръ противъ русскаго князя. Изъ Записки ясно видно, что варвары подвергали разоренію земли *своихъ подданныхъ за нарушеніе клятвы*, т. е., за измѣну; другими словами, они просто подавляли возстаніе. Въ извѣстіи Іакова мниха о походѣ Владимира на Хазаръ и о побѣдѣ надъ ними имѣется, очевидно, этотъ именно фактъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ русской, т. е. въ восточной части южнаго Крыма, коренное населеніе, по всей вѣроятности, было готское. Хазары же, какъ прежніе повелители этого края, составляли здѣсь аристократическій классъ. Они, конечно, больше всего тяготились русскою властью, они то, вѣроятно, и подняли знамя бунта, противъ нихъ, слѣдовательно, и направленъ былъ ударъ Владимира. Возстаніе это, какъ намъ кажется, необходимо ставить въ причинную связь съ бунтомъ Варды Фоки и съ движеніемъ всего Закавказья во главѣ съ Давидомъ Тайскимъ. Явившись посредниками, какъ раньше было сказано, въ переговорахъ Фоки съ Владимиромъ, Хазары, очевидно, разсчитывали изъ этого посредничества извлечь для себя извѣстную выгоду. Когда же дипломатія Фоки потерпѣла при русскомъ дворѣ фіаско, Хазары все таки не потеряли надежды на его успѣхъ и рѣшили связать съ его судьбою свою собственную судьбу. Понятно, что Владимиръ, ставши на сторону Василія, счелъ нужнымъ прежде всего усмирять этихъ своихъ бунтовщиковъ, и, отправивъ въ Константинополь вспомогательный отрядъ, самъ лично направился въ Тмутаракань, откуда устроилъ демонстрацію, какъ сказано было, противъ закавказскихъ союзниковъ Фоки и разгромилъ Крымскихъ Хазаръ.

Послѣ всего сказаннаго, уже не трудно понять смыслъ и слѣдующаго мѣста въ разсматриваемой Запискѣ. Объ-

ясняя предположительно причины того, что заставило население Климатовъ передаться тому, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, авторъ говоритъ, что это случилось „или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся болѣе объ еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому, что они *сосѣдятъ съ тѣмъ*, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ могучъ большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ, и (потому, наконецъ, что) *не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту*"... Зная, что византійскія владѣнія въ Крыму соприкасались съ русскими и что коренное населеніе въ тѣхъ и другихъ въ значительной степени было родственное, мы не находимъ ничего непонятнаго какъ въ томъ, что Климаты находились въ *сосѣдствѣ* съ владѣніями русскаго князя, такъ и въ томъ, что жители Климатовъ *не отличались своими обычаями отъ тамошнихъ* жителей, т. е. отъ жителей русскихъ владѣній въ Крыму.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу содержанія перваго отрывка. Изслѣдователи относятся къ этому отрывку не одинаково: одни ставятъ его впереди двухъ другихъ, другіе позади, третіе совсѣмъ его игнорируютъ, полагая, что онъ взятъ изъ фрагмента, не имѣющаго ничего общаго съ двумя другими отрывками. Намъ кажется, что ключъ къ пониманію этого отрывка заключается въ слѣдующихъ словахъ втораго отрывка: „я тогдашнюю язву отвратилъ наиболѣе мудрымъ способомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности". Такъ какъ опасность отвращена была *мудрымъ способомъ*, а не мужественно, храбро, т. е. не оружіемъ, то г. Васильевскій весьма основательно догадывается, что она „отвращена была какимъ либо дипломатическимъ способомъ, т. е. сношеніемъ, переговорами либо съ повелителемъ самихъ „варваровъ", грозившихъ нападеніемъ,

либо съ какимъ либо другимъ народомъ, способнымъ остановить варваровъ или помѣшать имъ". Намъ кажется, что отрядъ, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ отрывкѣ, представляетъ возвращающееся изъ Кіева посольство, которое отправлялось туда съ цѣлію мудрымъ способомъ отвратить опасность, угрожавшую не только Климатамъ, но всей византійской имперіи и прежде всего, конечно, императору Василію. Извѣстно, что византійскіе императоры, въ своихъ сношеніяхъ съ русскими князьями, любили пользоваться услугами своихъ крымскихъ губернаторовъ, какъ лицъ, которыя имѣли возможность ближе познакомиться съ политическими нравами кіевскаго двора. Извѣстно, напр., что Никифоръ Фока для переговоровъ съ Святославомъ избралъ Калокира, сына Корсунскаго губернатора (стратега). Нѣтъ поэтому ничего неправдоподобнаго въ томъ предположеніи, что и Василій, въ своихъ сношеніяхъ съ Владиміромъ, пользовался услугами автора нашей Записки, занимавшаго должность топарха въ городѣ, находившемся въ сосѣдствѣ съ русскими владѣніями въ Крыму. Какъ крымскіе Хазары взяли на себя роль посредниковъ въ сношеніяхъ Фоки съ Владиміромъ, такъ топархъ Климатовъ избранъ былъ Василіемъ для тѣхъ же сношеній. Если бы миссія топарха въ Кіевѣ окончилась неудачею, то результаты этой неудачи прежде всего, конечно, отразились бы на его области, которая, благодаря своему непосредственному сосѣдству съ русскими владѣніями, первая подверглась бы нападенію Русскихъ. Въ виду этого заявленіе топарха, что онъ *тогдашнюю язву отвратилъ наиболѣе мудрымъ способомъ*, нужно понимать въ смыслѣ одержанной имъ дипломатической побѣды, которая на время отвратила бѣду отъ Климатовъ. *Послѣдняя опасность*, которой онъ *едва не подвергся*, указываетъ въ такомъ случаѣ на ту опасность, которой онъ дѣйствительно подвергался на обратномъ пути изъ Кіева и которая подробно описана въ первомъ отрывкѣ.

Если такъ, то Записка топарха знакомитъ насъ въ такомъ случаѣ и съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ произошелъ разрывъ Владимира съ Василіемъ: „а что касается времени затѣмъ послѣдовавшаго, то у *насъ* съ варварами *безъ всякаго* (предварительнаго) *объясненія* началась война, причемъ они *уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи*, и уже между *ними* дѣло не обходилось безъ оружія". Въ поискахъ за причинами, приведшими недавнихъ союзниковъ, Владимира и Василія, къ неожиданному разрыву, нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и мы лично, главную вину въ данномъ случаѣ сваливали на Василія, и именно на нежеланіе его исполнить статью договора о сватовствѣ. На эту мысль наводила насъ все та же злополучная лѣтописная повѣсть, представляющая Анну, не желающею отправиться къ Владимиру, „яко въ полонъ" и видящею въ этой поѣздкѣ нѣчто равносильное смерти: „лучи бы ли сдѣ умрети", говорила будто бы Анна, соглашаясь на просьбу братьевъ. Разсматриваемыя слова Записки представляютъ дѣло въ иномъ свѣтѣ. Изъ контекста рѣчи видно, что послѣ того какъ первая причина къ войнѣ устранена была „наиболѣе мудрымъ способомъ", Греки не подавали повода къ разрыву: не вступая ни въ какія сношенія, варвары начали войну *безъ всякаго* (предварительнаго) *объясненія*, не отвѣчая на тысячи предложеній о перемиріи. И нужно сознаться, что такое представленіе факта гораздо ближе къ дѣйствительности. Послѣ усмиренія бунта Фоки, на востокѣ опять поднялъ голову получившій свободу старый Склиръ. При такихъ обстоятельствахъ едва ли Василій осмѣлился бы оскорблять того, „кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмѣвается въ бояхъ". Если византійцы не рѣшились прямо отказать въ рукѣ Анны болгарскому Самуилу, то едвали бы у нихъ хватило смѣлости сдѣлать это въ отношеніи къ нашему Владимиру. Въ виду этого представляется не невѣроятнымъ, что въ

сознаніи Владимира къ этому времени созрѣлъ планъ, для осуществленія котораго признано было необходимымъ предварительно заставить Василія почувствовать силу своего прежняго союзника. Возможно, что Владимиръ въ данномъ случаѣ повторилъ тотъ же пріемъ, къ которому онъ еще раньше прибѣгъ въ Болгаріи: явившись въ эту страну союзникомъ Византіи, онъ сначала, преслѣдуя свои интересы, побѣдилъ Болгаръ, а потомъ помогъ имъ нанести пораженіе Василію подъ Сардикой. Точно также, по видимому, онъ поступилъ и въ данномъ случаѣ. Правда, отъ такого рода политики вѣетъ византійскимъ духомъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: какъ позднѣе Петръ Великій, оказавшись достойнымъ ученикомъ Шведовъ, доказалъ учителямъ свою зрѣлость подъ Полтавой, такъ точно не менѣе великій Владимиръ Святой, оказавшись достойнымъ ученикомъ византійцевъ, потомъ поражалъ ихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ.

Но прежде чѣмъ спѣшить съ выводами, необходимо произвести еще нѣкоторыя предварительныя разъясненія разсматриваемаго мѣста Записки. Авторъ говоритъ: „*Я* тогдашнюю язву отвратилъ..., а что касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго, то у *насъ* съ варварами“ и пр. Какъ понимать эту замѣну *единственнаго* числа личнаго мѣстоимѣнія *множественнымъ* числомъ? Кто это такіе „мы“, съ которыми варвары начали войну? Понимаетъ-ли авторъ подъ этимъ словомъ только свои Климаты, или здѣсь идетъ рѣчь о цѣломъ государствѣ, въ составъ котораго входили Климаты? Другими словами: объявили-ли варвары войну только Климатамъ, или всей имперіи или, по крайней мѣрѣ—всей византійской области въ Крыму? Византійское краснорѣчіе и личная хвастливость автора, старающагося выставить на видъ свою дѣятельность, представляютъ не малое затрудненіе при рѣшеніи этого вопроса. Въ Запискѣ дальше говорится: „между тѣмъ варвары, собравшись *большими силами*, вторгнулись въ *нашу землю* съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, думая захватить насъ при первомъ нападеніи и рас-

читывая на слабость нашей страны и на нашу оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно основательны, такъ какъ *мы имѣли мѣстопребываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ*" и пр. И затѣмъ далѣе уже говорится, что рѣчь идетъ собственно о Климатахъ. Между тѣмъ, если слѣдить за общимъ ходомъ разсказа, то приходится сдѣлать другой выводъ. Авторъ, напр., говоритъ, что въ то время, когда онъ посылалъ къ варварамъ предложенія о *перемиріи*, *дѣло уже необходилось безъ оружія*. Ясно, что если не всѣ, то часть посольствъ отправлена была къ варварамъ уже тогда, когда они дѣйствовали оружіемъ. Самое слово „перемиріе" предполагаетъ существованіе войны. Между тѣмъ изъ третьяго отрывка видно, что во время нападенія варваровъ на Климаты нашъ авторъ не посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи: послѣ неудачной попытки взять городъ приступомъ, варвары къ ночи ушли и больше не возвращались. Авторъ, далѣе, говоритъ, что варвары вторгались въ нашу землю, собравшись *большими силами*. На Климаты же несомнѣнно сдѣлалъ нападеніе какой-то ничтожный отрядъ; это видно изъ слѣдующаго. Въ третьемъ отрывкѣ авторъ говоритъ, что въ его распоряженіи было тогда немногимъ болѣе *ста всадниковъ*, а *пращниковъ* и *лучниковъ не болѣе трехъ сотъ*. И вотъ, располагая такимъ жалкимъ отрядомъ, онъ не только нанесъ варварамъ *большой уронъ*, но и кромѣ того на-завтра съ зарею вывелъ войско изъ крѣпости *съ намѣреніемъ вступить въ бой*. Не забудемъ, что онъ имѣлъ дѣло съ варварами, которые раньше, „подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляли свою ярость". Когда эти варвары свирѣпствовали въ сосѣдней съ Климатами области, то, по словамъ самаго же автора, „похоже было на то, какъ будто разразился какой сильный злой порывъ, такъ что для человѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или роковой (открывшейся) бездны". Понятно, что еслибы на Климаты тѣ же варвары напали съ *большими*

силами, то съ ними случилось бы нѣчто другое, чѣмъ то, о чемъ говоритъ ихъ топархъ. Ясно, что если все это не хвастливая ложь завравшагося византійскаго краснобая, то необходимо допустить, что варвары съ *большими силами* дѣйствовали гдѣ-то въ другомъ пунктѣ; на Климаты же напалъ какой-то ничтожный отрядъ, посланный, вѣроятно, въ надеждѣ захватить городъ врасплохъ. Когда же разсчетъ оказался невѣрнымъ, то варвары, направившіе свои силы на другой болѣе важный пунктъ, вѣроятно, порѣшили оставить на время Климаты въ покоѣ. Между тѣмъ испуганные жители, собравшись на вѣчѣ, пришли къ мысли предупредить новое нападеніе и рѣшились сдаться. Такой неожиданный сюрпризъ начальникомъ варваровъ встрѣченъ былъ, конечно, съ удовольствіемъ, чѣмъ и объясняется его высшая любезность къ нашему топарху, имѣвшая, вѣроятно, цѣлью склонить къ покорности и другихъ.

Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующій выводъ. Если Климаты были однимъ изъ второстепенныхъ городовъ въ греческой части Крыма, если варвары, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были Русскіе, то тотъ пунктъ, на который они напали съ *большими силами*, былъ, слѣдовательно, главный греческій городъ въ Крыму, т. е. Корсунь. Выйдя изъ Керченскаго пролива, большой русскій флотъ, обойдя южный берегъ Крыма, присталъ къ Корсуню, и, высадивъ десантъ, самъ сталъ „объ онъ полъ города въ лимени". Конница же, о которой говорится въ Запискѣ, могла прибыть сюда берегомъ. Сюда, вѣроятно, нашъ топархъ „тысячи разъ присылалъ предложенія о перемиріи", сюда наконецъ, и самъ явился съ изъявленіемъ покорности Владиміру.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ о томъ, въ какое именно время произошелъ разрывъ между недавними союзниками и когда именно началась осада Русскими Корсуня?

Мы уже видѣли, что явившіеся 7 апрѣля 989 года огненные столбы, по словамъ Льва Діакона, еще только

предвѣщали взятіе Русскими Корсуня. Иначе и быть не могло. Для насъ непосредственно очевидно, что до тѣхъ поръ, пока русскія войска дѣйствовали въ союзѣ съ греческими или даже—пока они находились на византійской территоріи, враждебное дѣйствіе противъ грековъ со стороны русскаго князя было не возможно. Вспомнимъ, какъ отнеслись осторожные византійцы даже къ мирнымъ русскимъ купцамъ, когда Владимиръ Ярославичъ появился въ Черномъ морѣ: всѣ находившіеся въ Византіи русскіе купцы были схвачены и лишены свободы. Съ русскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, конечно, нельзя было такъ легко раздѣлаться; но и оставить его въ покоѣ, въ виду обнаружившаго враждебныя дѣйствія самаго русскаго князя, тоже нельзя было. Вопросъ, очевидно, долженъ былъ бы рѣшиться рѣзней, которая не могла бы ускользнуть отъ вниманія лѣтописцевъ. А главное: не въ интересахъ Владимира было оставлять въ рукахъ Василія свое войско въ то время, когда самъ онъ началъ противъ него открытую войну. Вотъ почему необходимо принять за фактъ, что прежде чѣмъ русскій вспомогательный отрядъ не оставилъ византійской территоріи, Владимиръ не могъ открыто обнаружить своихъ враждебныхъ плановъ противъ своего недавняго союзника. А такъ какъ русскій отрядъ участвовалъ въ обѣихъ битвахъ съ войсками Фоки, т. е. въ хрисопольской и абидоской, и такъ какъ бунтъ окончательно подавленъ былъ только въ половинѣ апрѣля (13) 989 года, то русскія войска могли оставить византійскую территорію никакъ не раньше конца этого мѣсяца.

Но этотъ выводъ можетъ быть оспариваемъ на основаніи слѣдующаго извѣстія Асохика, относящагося къ 1000 году. Мѣстомъ происшествія ниже передаваемаго событія была Арменія, въ которой остановился отправлявшійся на востокъ императоръ Василій; императора въ этомъ походѣ сопровождалъ 6,000 отрядъ Русскихъ. „Изъ пѣхотнаго отряда Рузовъ, говоритъ Асохикъ, какой то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ

и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ на помощь Рузу другой Рузъ. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые убили перваго Руза. Тогда весь народъ Рузовъ, бывшій тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6,000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ *то время*, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ то же самое время Рузы увѣровали во Христа. Всѣ князья и вассалы Тайскіе выступили противъ нихъ и были побѣждены" [1]). На основаніи этого извѣстія нѣкоторые изслѣдователи дѣлаютъ заключеніе, что русскій вспомогательный отрядъ, участвовавшій въ подавленіи бунта Фоки, не возвращался изъ Византіи до самаго 1000 года. Выводъ этотъ не можетъ быть названъ точнымъ. Мы раньше видѣли, что Асохику не неизвѣстно было участіе русскихъ войскъ въ подавленіи бунта Фоки. Поэтому, если бы Асохикъ имѣлъ въ виду отождествить этотъ шеститысячный отрядъ съ прежнимъ вспомогательнымъ отрядомъ, то онъ прямо и сказалъ бы, что это были тѣ Рузы, которыхъ царь Василій испросилъ у ихъ царя въ то время, когда велъ войну съ бунтовщикомъ Фокой. Въ дѣйствительности же Асохикъ не то говоритъ. Этотъ шеститысячный отрядъ, по его словамъ, испрошенъ былъ въ *то время, когда онъ* (Василій) *выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго* (царя Рузовъ). Такъ какъ достовѣрно извѣстно, что Владиміръ женился на Аннѣ послѣ взятія Корсуня, что случилось послѣ усмиренія бунта Фоки, то. по буквальному смыслу разсматриваемаго извѣстія, и шеститысячный отрядъ испрошенъ былъ Василіемъ у Владиміра въ это именно время, т. е. во время женитьбы на Аннѣ. Отрядъ этотъ отправленъ былъ, по всей вѣроятности, на другихъ условіяхъ и дѣйствительно могъ остаться на службѣ у императора, для чего онъ, по всей вѣроятности, и предназначался. Во всякомъ случаѣ, если придерживаться точнаго смысла словъ

[1]) Всеобщ. Истор., стр. 200.

Асохика, то этотъ отрядъ не слѣдуетъ смѣшивать съ вспомогательнымъ войскомъ, временно посланнымъ для борьбы съ Фокой; вышеприведенное извѣстіе Асохика само по себѣ не даетъ на это права.

Устанавливая время, раньше котораго Корсунь не могъ быть взятъ Русскими, изслѣдователи обнаружили попытку опредѣлить и другой крайній предѣлъ, позже котораго это не могло случиться. Основаніемъ для этого послужило слѣдующее извѣстіе Льва Діакона, начало котораго намъ уже извѣстно. Разсказавъ о возмущеніи Склира, о несчастномъ болгарскомъ походѣ и о бунтѣ Фоки, Левъ Діаконъ продолжаетъ: „и другія тяжкія бѣдствія предвѣщалъ восходъ появившейся тогда звѣзды, а также показавшіеся въ глухую ночь и опять на сѣверной части неба огненные столбы, наводящіе страхъ на тѣхъ, кто ихъ видѣлъ—они предсказывали послѣдовавшее затѣмъ взятіе Херсона Тавроскифами и захватъ Верріи Мисянами (Болгарами)—и, сверхъ того, звѣзда, появляющаяся съ закатомъ солнца на западѣ, которая, совершая свой восходъ по вечерамъ, не сохраняла однако прочнаго положенія въ одномъ центрѣ, но, испуская свѣтлые и блестящіе лучи, дѣлала частыя перемѣщенія, будучи видима то сѣвернѣе, то южнѣе, а иногда на одномъ и томъ же восхожденіи измѣняя свое мѣстоположеніе въ эѳирномъ пространствѣ, и совершая рѣзкое и быстрое передвиженіе, такъ что видящіе это удивлялись, поражались страхомъ и думали, что недобромъ кончится *страшное движеніе* кометы: что и сбылось согласно съ догадками толпы [1]). Сбылось это, по словамъ того же историка, въ землетрясеніи, произведшемъ страшныя разрушенія, и въ другихъ бѣдствіяхъ, каковы: голодъ, моровая язва, засуха, наводненіе, неурожай и сильные вѣтры.— Огненные столбы, какъ уже намъ извѣстно, появились, по

---

[1]) Поповъ, стр. 108. Мы приводимъ по болѣе точному переводу пр. Васильевскаго. Журн. М. Н. Пр. 1876 г. Мартъ, стр. 156.

свидѣтельству Яхъи, 7-го апрѣля, а комета—28 іюля. Основываясь на этихъ извѣстіяхъ, б. Розенъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ: „если допустить, что Левъ при связываніи этихъ знаменій съ указанными событіями не увлекается, такъ сказать, симметричностью, пріурочивая къ каждому знаменію особое событіе, то мы должны будемъ признать, что взятіе Верріи болгарами и Корсуня русскими случилось не только 7 апрѣля, но и раньше 27 іюля, т. е. раньше появленія кометы, предвѣстницы новаго бѣдствія"[1]). Другими словами: такъ какъ Левъ Діаконъ не говоритъ о томъ, что появленіе кометы предзнаменовало взятіе Корсуня, то изъ этого будто бы слѣдуетъ, что комета явилась позже взятія Корсуня. Проф. Успенскій находитъ этотъ выводъ *совершенно законнымъ*. Но намъ кажется, что къ этому выводу необходимо относиться крайне осторожно. Дѣло въ томъ, что Левъ при связываніи этихъ знаменій съ указанными событіями дѣйствительно могъ увлечься симметричностью и аналогичностью ихъ. У древнихъ писателей вообще замѣчается страсть отыскивать соотвѣтствіе между небесными знаменіями и тѣми событіями, которыя ими были предсказаны. Такъ напр., Асохикъ, сказавъ, что явившаяся во время жатвы на востокѣ звѣзда лучи своего свѣта въ видѣ копья простирала на западъ *на греческую землю*, непосредственно за этимъ добавляетъ, что въ исходѣ этого года умеръ царь Кир-Жанъ во дворцѣ своемъ. Возможно, поэтому, что и Левъ Діаконъ, сопоставляя эти двоякаго рода явленія, руководствовался дѣйствительно замѣчаемою между ними нѣкоторою аналогичностью; несомнѣнно то, что фактъ этотъ не ускользнулъ отъ его вниманія и онъ несомнѣнно оттѣняетъ его. Говоря о кометѣ, Левъ обращаетъ особенное вниманіе на ея *рѣзкія и быстрыя передвиженія*, причемъ даетъ понять, что страхъ на толпу наводила не комета сама по себѣ, а „страшное движеніе кометы", и что сбылось опасеніе, вызы-

---

[1]) Б. Роз., стр. 215.

ваемое этимъ именно *движеніемъ*, а не самою кометою. Словомъ, онъ старается оттѣнить мысль, что между движеніями кометы и движеніями земли при землетрясеніи есть нѣкоторое соотвѣтствіе. Точно также, говоря объ огненныхъ столбахъ, Левъ обращаетъ вниманіе на то, что они показались на *сѣверной сторонѣ неба*, т. е. съ той именно стороны, съ которой потомъ нашла гроза на Корсунь. Отыскивать при такихъ условіяхъ строгую хронологическую последовательность между знаменіями и бѣдствіями будетъ нѣсколько рисковано.—Не нужно при этомъ забывать и слѣдующаго обстоятельства. Комета—это не какое нибудь атмосферическое явленіе, которое появилось и скоро исчезло. Комета эта могла стоять цѣлый рядъ мѣсяцевъ на горизонтѣ. Извѣстны кометы, которыя наблюдались въ теченіи почти цѣлаго года. Въ виду того, что Левъ Діаковъ самъ не даетъ даты появленія этой кометы, еще возникаетъ вопросъ, какой именно моментъ въ ея движеніи онъ имѣетъ въ виду, когда описываетъ ея движенія. Извѣстно, что дата появленія этой кометы не у всѣхъ лѣтописцевъ отмѣчена одинаково: въ ихъ показаніяхъ замѣчается даже странное противорѣчіе. Яхъя говоритъ: „и появилась звѣзда хвостатая на западѣ въ ночь на воскресенье 19 Рабі-а II 379 (27 іюля 989) и стояла двадцать слишкомъ дней и исчезла[1]). По показанію Яхъи, слѣдовательно, комета, явившись 27 іюля, исчезала около 15 августа. По показанію же Асохика, она явилась какъ разъ въ это именно время. „Въ этомъ именно году, т. е. въ 438—989, говоритъ Асохикъ, въ 15 день мѣсяца кахоца, въ праздникъ Успенія всесвятой Дѣвы Богородицы, снова *явилась* (первая явилась въ 974 г.) копьевидная звѣзда на *восточной сторонѣ* (неба). Въ продолженіи *нѣсколькихъ* дней она пускала свѣтлые лучи свои *на югъ*; потомъ, перемѣнивъ положеніе, она стала *на западѣ* надъ западною страною, простирая оттуда копьеобразный

---

1) Б. Роз., стр. 29.

свѣтъ на востокъ" [1]). Замѣтимъ, что при наблюденіи кометы, такое ничтожное пространство, какое отдѣляло мѣста наблюденія обоихъ этихъ лѣтописцевъ, не имѣетъ никакого значенія. Такъ что мысль о томъ, что въ Египтѣ комета могла появиться раньше, а въ Арменіи позже, не имѣетъ мѣста въ данномъ случаѣ.—Затѣмъ, есть третье и на этотъ разъ уже вполнѣ точное извѣстіе объ этой кометѣ. Имѣемъ въ виду точныя астрономическія вычисленія, по которымъ эта комета чрезъ свой перигелій прошла 12 сентября. Долго ли она послѣ этого была доступна наблюденію, сказать трудно, такъ какъ для рѣшенія этого вопроса потребовались бы сравнительно весьма сложныя вычисленія. Но на основаніи аналогичныхъ примѣровъ съ нѣкоторою вѣроятностью можно допустить, что послѣ своего прохожденія чрезъ перигелій она не тотчасъ исчезла. Извѣстно, напр., что явившаяся въ 1858 году большая комета Донати открыта была 18 іюля новаго стиля, чрезъ перигелій прошла 29 сентября, а послѣдній разъ наблюдаема была 15 октября. Въ общемъ, слѣдовательно, комета Донати наблюдаема была около 5 мѣсяцевъ. Представимъ себѣ теперь, что и комета 989 года наблюдаема была приблизительно столько же времени. Теперь спрашивается, какой же именно моментъ имѣетъ въ виду Левъ Діаконъ въ своемъ описаніи? Обратимъ вниманіе на то, что, по словамъ Асохика, комета сначала появилась на *восточной сторонѣ*, а потомъ, перемѣнивъ положеніе, стала *на западъ*. Левъ же Діаконъ прямо указываетъ на *западное* положеніе кометы, т. е. имѣетъ въ виду, по видимому, послѣдній моментъ ея пребыванія на земномъ горизонтѣ. Съ этимъ согласуется и самый характеръ описанія кометы у Льва Діакона. Онъ, какъ мы видѣли, съ особою силою указываетъ на ея *рѣзкое* и *быстрое движеніе*. А извѣстно, что по 2-му закону Кеплера планета наибольшей скорости движенія достигаетъ около перигелія. Что

---

[1]) Всеобщ. Истор., стр. 179.

касается въ частности кометъ, то онѣ при переходѣ чрезъ перигелій перемѣняютъ и направленіе своего хвоста: до перигелія хвостъ идетъ позади кометы, послѣ перехода чрезъ перигелій—впереди. Въ виду сказаннаго представляется весьма вѣроятнымъ, что Левъ Діаконъ наблюдалъ комету позже не только Яхъи, но и Асохика. Возможно даже, что онъ наблюдалъ ее за небольшой промежутокъ времени предъ землетрясеніемъ, случившимся 25 октября, а потому и поставилъ эти два явленія въ причинную связь. Вообще, намъ кажется, что историкамъ лучше оставить эту комету въ покоѣ. При помощи такихъ сбивчивыхъ данныхъ точныхъ хронологическихъ датъ нельзя устанавливать.

Впрочемъ, намъ и нѣтъ нужды пускаться въ подобнаго рода рискованныя гаданія. Въ запискѣ топарха на этотъ счетъ есть гораздо болѣе точныя указанія. Авторъ говоритъ: „и вотъ *война тотчасъ началась*, и наступленіе зимы было близко, ибо *солнце находилось недалеко отъ зимняго поворота*". Война, значитъ, началась немногимъ раньше 10-го декабря, т. е. приблизительно въ половинѣ или даже въ концѣ ноября. А такъ какъ тому моменту, который авторъ называетъ *началомъ* войны, по видимому, предшествовали такія отношенія, при которыхъ нашъ топархъ еще не терялъ надежды на миръ и посылалъ „тысячи предложеній о перемиріи", но когда тѣмъ не менѣе дѣло уже необходилось „безъ оружія", то съ нѣкоторою вѣроятностію можно предположить, что враждебныя намѣренія варваровъ обнаружились гораздо ранѣе. Есть основаніе думать, что уже въ концѣ сентября императорское правительство находилось подъ давленіемъ какой-то серьезной опасности. На эту мысль наводитъ слѣдующій фактъ. Въ началѣ октября 989 года, по личному почину со стороны императора [1]), произошло примиреніе между Василіемъ и бунтовавшимъ Склиромъ, на весьма выгодныхъ

[1]) Вопросъ этотъ обстоятельно разъясненъ б. Розеномъ, стр. 209, примѣч. 166.

для послѣдняго условіяхъ. Не только Склиръ лично былъ прощенъ, удостоенъ титула куропалата, пожалованъ двумя провинціями, но его братъ, всѣ его приближенные и слуги получили должности. Императоръ простеръ свою милость даже на сына Фоки, Никифора, и далъ ему прекрасное имѣніе [1]). По поводу этого факта б. Розенъ высказываетъ слѣдующее соображеніе. „Относя паденіе Верріи и Корсуня, говоритъ онъ, примѣрно къ іюню или къ началу іюля, мы сразу поймемъ, почему починъ въ переговорахъ со Склиромъ долженъ былъ принадлежать императору и почему Склиру предложены были самыя выгодныя условія. Положеніе Василія опять стало въ высшей степени критическимъ.... Взятіе Корсуня получило особенную важность потому, что совершенно, по видимому, неожиданно показало врага, и притомъ врага, далеко не маловажнаго, тамъ, гдѣ только недавно былъ союзникъ“ [2]). Вполнѣ соглашаясь съ почтеннымъ ученымъ въ томъ, что превращеніе Владимира изъ союзника въ врага должно было повліять на примиреніе императора съ Склиромъ, мы въ тоже время думаемъ, что полною амнистіей Склиръ обязанъ былъ не взятію Корсуня, а только осадѣ его, или вообще обнаружившимся враждебнымъ дѣйствіямъ со стороны Владимира. За взятіемъ Корсуня, какъ извѣстно, послѣдовали переговоры, окончившіеся бракомъ Владимира на Аннѣ и опять превратившіе Владимира изъ врага въ союзника. Какъ бы долго ни велись эти переговоры, во всякомъ случаѣ, если Корсунь взятъ былъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, то къ началу октября они могли покончиться, или по крайней мѣрѣ, исходъ ихъ настолько выяснился бы, что императору нечего было бояться дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Владимира. Даже, напротивъ, при содѣйствіи Владимира императоръ такъ же легко подавилъ бы возстаніе Склира, какъ прежде подавилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

[2]) Тамъ же, стр. 215.

бунтъ Фоки, и во всякомъ случаѣ ухаживать за Склиромъ у него не было бы ни малѣйшей нужды. Но дѣло представится въ другомъ свѣтѣ, если мы признаемъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ еще только началась осада Корсуня. Допустивши это, мы дѣйствительно поймемъ, почему счастливый побѣдитель надъ Фокою не только далъ полную амнистію другому бунтовщику, но и осыпалъ его даже своими щедрыми милостями.

Итакъ, съ значительною вѣроятностію можно признать, что разрывъ между недавними союзниками произошелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ или приблизительно около этого времени. Но у насъ все еще остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что же именно вызвало Владимира на этотъ шагъ. Послѣ сдѣланныхъ разъясненій можно съ увѣренностію утверждать, что Василій и безъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Владимира съ точностію исполнялъ бы заключенный съ нимъ договоръ, по крайней мѣрѣ статью о сватовствѣ. Приходится въ такомъ случаѣ допустить, что Владимиръ, путемъ войны, имѣлъ въ виду получить съ Василія больше того, на что послѣдній обязанъ былъ по заключенному договору. Чего же именно хотѣлъ Владимиръ отъ Василія? Единственный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ Похвалѣ Іакова мниха. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя слова молитвы, съ которою Владимиръ обратился къ Богу предъ взятіемъ Корсуня: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебѣ прошю, даси ми градъ, да пріиму, да *приведу люди крестьяны и попы* на свою землю, и да *научать люди закону крестьянскому*. И послуша Богъ молитвы его, и прия градъ Корсунь. И взя *съсуды* церковныя и *иконы* и *мощи* святаго священномученика Климента и иныхъ святыхъ“. Затѣмъ Владимиръ отправилъ пословъ къ императорамъ, „прося у нихъ сестры оженитися, да ся бы болма на крестьяньскый законъ направилъ“... Если вѣрить этому показанію, то цѣль войны Владимира съ Василіемъ заключалась въ томъ, чтобы привести въ свою землю учителей, которые научили бы людей закону

христіанскому, чтобы получить церковные сосуды, иконы и мощи святыхъ, и наконецъ, чтобы жениться на сестрѣ императоровъ и этимъ путемъ еще больше просвѣтить себя закономъ христіанскимъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о женитьбѣ, мы получаемъ здѣсь нѣчто такое же, что было результатомъ и болгарской войны. Разница только та, что изъ Болгаріи Владимиръ привезъ церковно-богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, а изъ Корсуни онъ привезъ церковные сосуды, иконы, мощи святыхъ и другія, вѣроятно, принадлежности церковнаго богослуженія; въ томъ и другомъ случаѣ онъ приглашаетъ съ собою и учителей для просвѣщенія своихъ подданныхъ христіанскимъ ученіемъ. Словомъ, прежде чѣмъ приступить къ крещенію народа, Владимиръ съ поразительною предусмотрительностью заботится о всемъ, что необходимо было для правильнаго устройства юной христіанской церкви.—Вопросъ только въ томъ, нужно ли было изъ-за этого вести войну и брать Корсунь? Уже ли же Василій, который въ условія заключеннаго договора внелъ статью о крещеніи Владимира и всего русскаго народа, отказалъ бы своему союзнику и родственнику въ такихъ предметахъ, безъ которыхъ не возможно было правильное устройство церкви? Несомнѣнно—не отказалъ бы, но все это обошлось бы Владимиру слишкомъ дорого. За всякую мелочь Греки могли бы потребовать съ богатаго русскаго князя громадныя деньги. Правда, и теперь Владимиръ все это получалъ, по видимому, не даромъ: онъ вѣдь возвратилъ Василію завоеванный Корсунь; но въ дѣйствительности онъ возвращалъ то, что ему не принадлежало; а поэтому въ сущности самъ онъ ничего не терялъ.

Высказывая эту догадку, мы однакожъ должны сознаться, что она основывается на фактахъ, явившихся уже слѣдствіемъ взятія Владимиромъ Корсуня. Что же касается первоначальныхъ мотивовъ самаго похода на Корсунь, то наши источники указываютъ лишь одинъ, который въ проложномъ сказаніи о Владимирѣ, а равно и въ нѣкоторыхъ другихъ

позднѣйшихъ памятникахъ, выраженъ слѣдующими словами. Убѣдившись въ истинности греческой вѣры, Владиміръ сказалъ себѣ: „сице створю, пойду въ землю ихъ и плѣню ихъ, и *обрящю учителя*". Это, очевидно, таже самая мысль, какая высказана въ вышеприведенныхъ изъ Похвалы Іакова словахъ молитвы, съ которою Владиміръ обратился къ Богу предъ самымъ взятіемъ города. Итакъ, по точному смыслу источниковъ, Владиміръ пошелъ войною на Грековъ для того, чтобы обрѣсти себѣ *учителя*, или что тоже—чтобы привести въ свою землю *христіанъ и поповъ*, т. е. свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, которыя *научили бы его людей христіанству*. Нельзя не видѣть, что такое представленіе, не объясняя факта, стремится къ его идеализаціи, и вообще отъ него вѣетъ скорѣе личнымъ домысломъ автора, чѣмъ документальною фактичностью. Отсутствіе документальности въ нашихъ источникахъ высказывается также и въ томъ, что они совершенно умалчиваютъ о договорахъ Владиміра съ Василіемъ; такихъ договоровъ должно быть два: съ содержаніемъ одного изъ нихъ мы уже познакомились на основаніи свидѣтельства Яхъи; другой долженъ былъ явиться слѣдствіемъ корсуньской войны. Этою войною нарушена была слѣдующая статья договора Святослава: „никогда не буду посягать на страну вашу (Грековъ), ни собирать войска, ни наводить другой народъ, ни на области, состоящія подъ греческою властью: область *Корсуньскою со всѣми ея городами*, и область Болгарскую; а если кто другой посягнетъ на страну вашу, то я буду противникъ его и стану бороться съ нимъ". Этимъ же договоромъ подтверждались и статьи прежнихъ договоровъ Олега (907 и 911 гг.) и Игоря (945 г.), содержавшія въ себѣ рядъ финансовыхъ постановленій и постановленій частнаго международнаго права, относящихся къ порядку торговли, процессуальному, уголовному и гражданскому праву. Корсуньскою войною договоръ этотъ со всѣми его стѣснительными обязательствами былъ нарушенъ и ниспровергнутъ. Нельзя ли здѣсь искать глав-

ной причины Корсуньской войны? Во всякомъ случаѣ, разъ прежній договоръ былъ нарушенъ, установившіяся традиціи требовали или его возстановленія, или заключенія новаго договора. Между тѣмъ наши источники не только не даютъ намъ текста этого договора, но и не сохранили даже *прямаго* на него указанія. Единственный намекъ на него содержится, по видимому, въ слѣдующихъ словахъ лѣтописной повѣсти: „вдасть же (Владимиръ) за вѣно Грекамъ Корсунь опять царицѣ дѣля". Но сохранялъ ли силу съ возвращеніемъ Корсуни договоръ Святослава со всѣми его обязательствами, лѣтопись ничего не говоритъ объ этомъ. Можно бы предположить, что съ установленіемъ новыхъ, такъ сказать, родственно-христіанскихъ отношеній между Кіевскимъ и Константинопольскимъ дворами, дальнѣйшія отношенія между Русью и Византіей основывались на личномъ довѣріи государей, устранявшемъ необходимость формальнаго договора; но не нужно забывать, что всѣ прежніе наши договоры съ Греками заключались отъ имени не только великаго князя, но и отъ его великихъ бояръ и отъ всѣхъ русскихъ людей, а въ первыхъ двухъ договорахъ еще и отъ имени удѣльныхъ князей, находившихся подъ рукою великаго князя. Такимъ образомъ, въ разсматриваемое время у насъ личностью князя представительство Русской земли не исчерпывалось. Въ только что вышедшей *первой книгѣ* „Исторіи Русскаго Права" Д. Я. Самоквасова, почтенный авторъ, сдѣлавъ анализъ трехъ первыхъ русскихъ договоровъ съ Греками, въ заключеніе говоритъ: „Владиміръ Святославичъ, предпринявъ новый походъ противъ Грековъ, на пути, при взятіи Херсонеса, встрѣтилъ вѣру Христову, и съ этого момента начинается *новая эпоха въ исторіи сношеній Россіи съ Византіей*" [1]). Будемъ надѣяться, что въ имѣющей скоро появиться *второй* книгѣ этого труда интересующій насъ вопросъ получитъ возможно полное разъясненіе со стороны этого ученаго специалиста.

---

[1]) Истор. Русск. Пр. Варшава. 1888 г., стр. 196

X.

Какъ бы долго ни продолжалась осада Корсуня, во всякомъ случаѣ, если она началась, какъ сказано было, приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ 989 года, то къ началу лѣта слѣдующаго 990 года Владимиръ уже могъ покончить всѣ свои счеты съ Греками и возвратиться въ Кіевъ.

Съ возвращеніемъ Владимира въ Кіевъ наступила минута, которая по глубинѣ своего внутренняго смысла представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе во всей нашей исторіи: въ эту минуту верховный вождь великаго русскаго народа въ торжественномъ актѣ засвидѣтельствовалъ своимъ подданнымъ, что съ этого момента во всѣхъ предѣлахъ его обширной державы наступаетъ конецъ царству языческаго бога брани и войны и вмѣсто него возникаетъ царство христіанскаго Бога, Бога мира и любви. Эту мысль лѣтописецъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя онъ наивно влагаетъ въ уста діавола: „Увы мнѣ, ибо отсюда гонять меня! Здѣсь я надѣялся имѣть пристанище для себя, потому что здѣсь не было ни ученія апостольскаго, ни вѣдущихъ истиннаго Бога, и я радовался о службѣ ихъ, которую они служили мнѣ. И вотъ я уже побѣжденъ и отъ кого же? не отъ апостоловъ и не отъ мучениковъ, а отъ простыхъ невѣждъ, и теперь я уже не буду царствовать въ этихъ странахъ". Сущность происшедшей перемѣны выражалась въ томъ, что новый Богъ требовалъ и новаго служенія себѣ: Онъ требовалъ введенія въ сознаніе своихъ поклонниковъ совершенно новаго воззрѣнія на міръ, Онъ указывалъ имъ новую цѣль жизни и открывалъ имъ новые нравственные идеалы. Словомъ, онъ требовалъ полнаго духовнаго перерожденія человѣка, за которымъ неизбѣжно слѣдовало измѣненіе семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ отношеній.

Чтобы показать, что новое ученіе не можетъ мириться съ старыми вѣрованіями, и что каждый человѣкъ, прежде чѣмъ сдѣлаться христіаниномъ, долженъ разъ навсегда от-

казаться отъ всего языческаго, Владимиръ приказалъ торжественно, на глазахъ у всѣхъ, уничтожить всѣ идольскія капища: это было, такъ сказать, актомъ торжественнаго отреченія отъ язычества. Идолы второстепенныхъ божествъ были ниспровергнуты и одни посѣчены, другіе сожжены; а красовавшійся на челѣ ихъ идолъ главнаго бога Перуна, для большаго посрамленія, привязанъ былъ къ лошадиному хвосту, свезенъ въ рѣку и сплавленъ внизъ по Днѣпру. У нашихъ языческихъ предковъ было конечно много боговъ; можно сказать даже, что они въ той или другой степени, въ той или другой формѣ, боготворили почти всю окружавшую ихъ природу; но все то, что составляло специфическую особенность ихъ религіознаго міровоззрѣнія и въ чемъ выразились характеристическія особенности ихъ, такъ сказать, нравственной физіономіи, то, по видимому, олицетворено было въ личности Перуна. Такъ что, если мысль о замѣнѣ язычества христіанствомъ выразить въ конкретномъ образѣ то правильнѣе всего будетъ сказать, что сущность происшедшей у насъ въ данномъ случаѣ перемѣны состояла въ томъ, что *Перунъ уступилъ мѣсто Христу.* Эту мысль прекрасно выразилъ профессоръ Самоквасовъ въ своей вышеназванной новой книгѣ. Почтенный ученый находитъ нѣкоторую аналогію между лицами Св. Троицы и главными славянскими божествами. Первому лицу христіанской Св. Троицы, по его мнѣнію, соотвѣтствовалъ „*Единый Богъ, творецъ неба, и единый владыка всей вселенной*", котораго, по свидѣтельству Прокопія и Гельмгольда, признавали Славяне и Анты. „Понятіе третьяго лица Св. Троицы, Животворящаго Духа, соотвѣтствовало понятію языческаго Волоса, какъ началу живленному, оживляющему вещество, животворящему—одухотворяющему. Но въ понятіи о третьемъ лицѣ языческая тройца существенно отличалась отъ христіанской: *Перунъ, сынъ Бога язычниковъ*, представляя собою начало массы, силы, разрушенія, войны, *требовалъ воинственности отъ народа, битвъ и кровавыхъ жертвоприношеній*, а

Сынъ Бога христіанъ требовалъ мира и любви. Отсюда Перунъ служилъ главнымъ различіемъ языческой религіи отъ христіанской и главнымъ препятствіемъ къ принятію Славянорусcами—язычниками Св. Тройцы Славянорусcовъ—христіанъ (исповѣдовавшихъ христіанство до Владимира) „Давно бяше въ Россіи, говорятъ источники, вѣра христіанская: *но частыми браньми бяше угнетаема*". Консерватизмъ культа Арея—Перуна объясняется политическими условіями жизни нашихъ предковъ, требовавшими поддержанія воинственности въ народѣ, вслѣдствіе частыхъ войнъ, свойственныхъ народамъ, живущимъ въ политической разрозненности племенъ. Но *съ политическимъ объединеніемъ славяно русскихъ племенъ* подъ властію первыхъ князей Рюрикова дома, *значеніе Перуна, какъ бога войны, сократилось само собою: объединенная Русь требовала внутренняго устроенія, основаннаго на мирѣ* между народами, вошедшими въ составъ русскаго государства, занявшаго области отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Волги до Карпатскихъ горъ. Въ эпоху князя Владимира военная сила Руси казалась непобѣдимою и безъ помощи бога войны, а внутренняго порядка въ ней не было: подвластныя кіевскому князю племена возставали, въ надеждѣ на своего бога войны, а эта война была уже внутреннимъ государственнымъ безпорядкомъ. Тогда *кіевскій князь его дружина и всѣ старѣйшины государства пришли къ сознанію необходимости окончательно замѣнить языческую троицу государственныхъ боговъ Святою Тройцею*, поставивъ въ первой, на мѣсто браннаго Перуна, христіанскаго Бога мира и любви" [1]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о языческой тройцѣ и даже вопросъ о сознательной замѣнѣ изъ *политическихъ видовъ* бога брани Богомъ мира и любви, мы ставимъ вопросъ проще: когда Владимиръ рѣшался на эту реформу, вполнѣ ли онъ сознавалъ всю глубину ея послѣдствій для своего государства? Была-ли эта реформа слѣдствіемъ про-

[1]) Истор. Русск. Пр., стр. 336—337.

этой уступки требованіямъ времени, или Владимиръ и его сотрудники дѣйствительно воодушевлялись христіанскими идеями и горѣли желаніемъ пересоздать жизнь русскаго язычника по началамъ христіанской доктрины? Для великихъ дѣлъ исторія обыкновенно создаетъ великихъ дѣятелей. Особенность такого рода людей заключается между прочимъ въ томъ, что, обладая въ высокой степени даромъ иниціативы, они фанатически преданы бываютъ своимъ убѣжденіямъ и проводятъ ихъ съ неустанной энергіей. Образцовый примѣръ такого великаго дѣятеля наша отечественная исторія представляетъ въ лицѣ Петра Великаго. Преданный до фанатизма своимъ преобразовательнымъ идеямъ и стремленіямъ, онъ съ изумительною энергіей проводилъ ихъ вездѣ, куда только проникала его геніальная проницательность, и передѣлывалъ все, что поддавалось его желѣзной волѣ. Можно-ли что нибудь подобное сказать о Владимирѣ? Его велеречивые панигиристы даютъ слишкомъ мало данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Но если судить на основаніи тѣхъ немногихъ фактовъ, которые находимъ въ первоисточникахъ, то можно, кажется, придти къ тому заключенію, что *Владимиръ, уступая Петру въ геніальности, превосходилъ его въ благоразуміи.* Отчасти вслѣдствіе особенностей своего характера, отчасти вслѣдствіе того, что ему приходилось имѣть дѣло съ закоренѣлыми предразсудками вѣрившаго въ свою непогрѣшимость „новаго израиля", Петръ В. слишкомъ мало вѣрилъ въ исторію и слишкомъ много полагался на себя, а поэтому съ необузданною энергіей ломалъ все, что мѣшало его преобразовательнымъ стремленіямъ. Вотъ почему, выражаясь гиперболически, можно сказать, что путь его реформъ усѣянъ человѣческими трупами и политъ человѣческою кровью. Въ дѣятельности Владимира мы видимъ меньше личной иниціативы и энергіи, но больше осторожности и разумности. Главнѣйшія стороны своей реформы онъ проводитъ съ такою же твердостью и рѣшительностью, какъ и Петръ В. Когда послѣ разрушенія идоль-

скихъ капищъ дѣло дошло до крещенія народа, Владимиръ издаетъ краткій, но полный силы и твердой рѣшимости, указъ: „аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ—ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, *противенъ мнѣ да будетъ*“. Съ такого же рода фактомъ встрѣчается потомъ при основаніи перваго христіанскаго училища для дѣтей: не обращая вниманія на протестъ матерей, оплакивавшихъ своихъ, набираемыхъ въ школу, дѣтей, какъ покойниковъ, Владимиръ, „пославъ, нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное“. Но проводя энергично въ исполненіе тѣ стороны своего преобразовательнаго плана, которыя не терпѣли отлагательства, Владимиръ съ замѣчательною мудростью щадилъ тѣ стороны народной жизни, для измѣненія которыхъ требовалось время. Онъ, напр., не поднялъ руки даже на такое антихристіанское явленіе языческой старины, какъ кровавая месть, которую вынужденъ былъ терпѣть даже его сынъ и преемникъ Ярославъ. Владимиръ, очевидно, ясно сознавалъ ту истину, что прежде чѣмъ вводить христіанскіе обычаи, необходимо раньше воспитать народъ въ христіанскихъ понятіяхъ. Но тутъ можетъ явиться соблазнительная мысль о томъ, достаточно ли самъ Владимиръ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, проникся христіанскими идеями. и не былъ-ли онъ самъ еще, такъ сказать, полуязычникомъ? Лѣтопись сохранила намъ одинъ весьма цѣнный фактъ, который вводитъ насъ въ кругъ первоначальныхъ христіанскихъ понятій Владимира. Увеличилось число разбойниковъ и вотъ епископы сказали Владимиру: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“. Онъ же рече имъ: „боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ“ [1]). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который хорошо усвоилъ основныя положенія воспринятаго имъ ученія, но который еще не успѣлъ озна-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 24.

комиться со всѣми частными случаями его примѣненія къ дѣйствительной жизни, слишкомъ разнообразной въ своихъ проявленіяхъ. Любопытно то, что Владимиръ удерживается отъ казни разбойниковъ не потому, что находитъ это несогласнымъ съ *формой* христіанскаго законодательства, а потому, что *боится грѣха*. Это значитъ, что христіанство для него не было простой формой: христіанское ученіе, очевидно, перешло у него въ актъ воли, овладѣло всѣмъ его существомъ, что неизбѣжно должно было отразиться на всѣхъ его мысляхъ и дѣйствіяхъ. Прекрасную характеристику нравственной личности Владимира, какъ христіанина, встрѣчаемъ въ Похвалѣ митр. Иларіона, который, какъ мы уже знаемъ, былъ весьма высокаго мнѣнія и о его умственныхъ дарованіяхъ. Обращаясь къ Владимиру, авторъ восклицаетъ: „Радуйся, учитель нашъ и наставникъ благовѣрія! Ты былъ облаченъ *правдою*, препоясанъ *крѣпостію*, вѣнчанъ *смысломъ*, и украшенъ *милостынею*, какъ гривною и утварью златою. Ибо ты, честная главо, былъ одеждою нагимъ, ты былъ питателемъ алчущихъ, былъ прохладою для жаждущихъ, ты былъ помощникомъ вдовицамъ, ты былъ успокоителемъ странниковъ, ты былъ покровомъ, не имѣющимъ крова, ты былъ заступникомъ обижаемыхъ, обогатителемъ убогихъ.“ [1]). Милосердіе Владимира единогласно восхваляютъ всѣ источники.

Тотъ же митр. Иларіонъ говоритъ, что Владимиръ, „часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ *совѣтовался съ ними, какъ уставить законъ* сей (христіанскій) среди людей, недавно познавшихъ Господа“ [2]). *Установленіе закона* христіанскаго среди недавнихъ язычниковъ было одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ реформаторской дѣятельности Владимира. Христіанство устанавливало совершенно другую точку зрѣнія на жизнь и прав-

---

[1]) Прибавл. къ твор. св. отц. М. 1844. Ч. II, стр. 280.

[2]) Тамъ же, стр. 277.

ственую дѣятельность человѣка, чѣмъ та, которая установлена была языческимъ міровоззрѣніемъ. Многія изъ самыхъ обыденыхъ явленій жизни, которыя прежде повторялись на каждомъ шагу и которыя освящались языческой стариной, теперь пришли въ столкновеніе съ христіанскимъ понятіемъ о нравственности человѣка и трактовались, какъ явленія противузаконныя. Но къ этому присоединялось еще другое затрудненіе. Христіанство переходило къ намъ въ формахъ, выработанныхъ народомъ, находившимся на сравнительно очень высокой степени культурнаго развитія. Какъ бы ни были объективны сами по себѣ христіанскія истины, но, воплощаясь въ ту или другую форму, они неизбѣжно должны были принимать въ себя элементъ субъективности, что особенно слѣдуетъ сказать о церковномъ законодательствѣ. Греческій номоканонъ, который долженъ былъ лечь въ основаніе нашего церковнаго законодательства, выработанъ былъ при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ и поэтому носилъ на себѣ слѣды времени и національности, не соотвѣтствовавшіе новой исторической почвѣ, на которою онъ теперь переносился. Для устраненія этихъ затрудненій нужно было много истинной мудрости, житейскаго опыта и высшаго педагогическаго такта. Само собою разумѣется, что людьми, обладавшими всѣми этими качествами, въ тогдашнее время на Руси были только епископы и вообще духовенство; съ ними-то и совѣщался Владиміръ о томъ, какъ *уставить законъ* христіанскій, ихъ попеченію онъ и ввѣрилъ воспитаніе членовъ юной русской церкви; а для усиленія воспитывающаго вліянія духовенства онъ расширилъ область церковнаго суда, предоставивъ вѣденію епископовъ прежде всего, конечно тѣ преступленія, которыя въ языческой Руси не, считались преступленіями [1]).

Съ принятіемъ Христіанства Русь естественно должна

---

[1]) Лучшее изслѣдованіе по этому вопросу см. въ Истор. Голубинскаго. Тамъ и о такъ называемомъ Церковномъ Уставѣ Владиміра.

была шире раскрыть двери для культурнаго вліянія Византіи. Чѣмъ больше наша наука знакомится съ русско-византійскими отношеніями въ IX и X вѣкѣ, тѣмъ глубже она убѣждается въ серьезности связей, существовавшихъ въ это время между этими двумя народами. Было время, когда подложность договоровъ Олега и Игоря съ Греками, съ легкой руки Шлецера, признавалась у насъ чуть-ли не исторической аксіомой. Правда, къ стыду русской науки, взглядъ этотъ и по настоящее время повторяется нѣкоторыми учеными; но несомнѣнно то, что дни его сочтены. Теперь даже высказывается мысль, что Русь находилась въ договорныхъ отношеніяхъ съ Греками не только при Аскольдѣ и Дирѣ, но и до 866 года [1]). Съ X же вѣка наши отношенія къ Византіи становятся особенно близкими. „Къ концу (?) X вѣка — скажемъ словами проф. Успенскаго—языческая Россія порывалась къ Византіи всѣми необузданными влеченіями своей безпокойной природы. Столица имперіи не разъ дрожала передъ русскими полками. Составилось убѣжденіе, перешедшее въ мистическую литературу, что городу не устоять и что въ концѣ концовъ онъ будетъ взятъ Русью. . Но Русь врывалась въ Византію не только своими завоевательными стремленіями, она давала о себѣ знать и нѣкоторыми человѣчными сторонами: желала во чтобы то ни стало установить правильныя торговыя сношенія, выхлопотать привилегіи для обмѣна своихъ произведеній на греческія, интересовалась устройствомъ быта и въ особенности вѣрой" [2]). Правильныя торговыя сношенія Руси съ Византіей должны были производить благопріятное дѣйствіе и на ея собственное культурное развитіе. Русскіе купцы массами посѣщали Константинополь, а Константинополь былъ лучшимъ представителемъ тогдашней греческой образованности: византійская промышленность, наука, искусство, внѣшній блескъ

---

[1]) Самоквасовъ. Истор. Русск. права. Тамъ же, стр. 109.

[2]) Русь и Византія въ X вѣкѣ. Одесса. 1888 г., стр. 30.

формъ культурной жизни—все это выступало въ столицѣ съ особою силою и рельефностью. Одна св. Софія съ ея великолѣпной архитектурой, пышной обстановкой, роскошными фресками и мозаикою, торжественнымъ богослуженіемъ и художественно исполняемымъ пѣніемъ—должна была производить неотразимое впечатлѣніе на нашихъ предковъ, не видѣвшихъ ничего подобнаго у себя дома. Возвращаясь назадъ, Русскіе привозили съ собою произведенія искусства и промышленности: золотыя издѣлія, роскошныя паволоки, вино, овощи и пр. Все это мало по малу должно было развивать вкусъ къ изящному, вызывать запросъ на комфортъ, способствовать смягченію грубыхъ нравовъ и пр. Вступая въ торговыя сдѣлки съ льстивыми, вкрадчивыми и хитрыми греческими торговцами, наши купцы въ свою очередь должны были пріобрѣтать извѣстную сноровку, расторопность, находчивость, предпріимчивость. Запасшись опытомъ, они впослѣдствіи могли примѣнять его въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ и съ другими сосѣдними народами. Если вѣрить своду Татищева, то по заключенному въ 1006 году договору между Русью и Волжско-Камскими Болгарами, русскіе и болгарскіе купцы должны были являться по дѣламъ торговли не иначе, какъ съ особыми *печатями* отъ своего правительства. Не трудно видѣть, что это тоже самое мѣропріятіе, которое практиковалось, какъ извѣстно, въ торговыхъ сношеніяхъ Руси съ Византіей. По тому же русско-болгарскому договору русскимъ купцамъ предоставлялась монополія торговли по селамъ. Чтобы понять значеніе этого пункта въ договорѣ, достаточно вспомнить, съ какимъ трудомъ позднѣйшимъ московскимъ купцамъ пришлось отстаивать право розничной торговли на Руси отъ напора иностранныхъ, особенно англійскихъ, купцовъ. Но что особенно характеризуетъ экономическую политику нашихъ первыхъ Кіевскихъ князей, такъ это статья въ договорахъ съ греками о *мѣсячинѣ*. Вотъ въ какой редакціи представилъ эту статью Олегъ при заключеніи договора 907 года: „Русскіе

имѣютъ право приходить и пользоваться *хлѣбомъ*, по мѣрѣ надобности; а русскіе купцы имѣютъ право на *полугодичное*, *мѣсячное содержаніе*, состоящее изъ *хлѣба*, *вина*, *мяса*, *рыбы* и *овощей*; русскіе имѣютъ право пользоваться *банями*, по ихъ желанію, и на обратный путь въ отечество свое получаютъ изъ *царской казны съѣстные припасы*, *якори*, *веревки и паруса*, сколько потребуется для дороги". И эта редакція, по отношенію къ *купцамъ*, принята была безъ измѣненія. Какъ ни велики были привиллегіи готландскихъ и ганзейскихъ купцовъ, эксплоатировавшихъ въ свое время нашъ Новгородъ, но все же они съ завистью прочитали бы эту статью въ греко-русскихъ договорахъ.

Таковы въ общемъ были наши отношенія къ Византіи до Владимира. Что же новаго привнесла въ эти отношенія реформа этого князя? Она внесла существенный элементъ. Какъ ни велико было стремленіе Византіи къ тому, чтобы „укротить западныхъ волковъ", какъ называетъ Русскихъ одинъ писатель, путемъ моральнаго воздѣйствія на него, но это воздѣйствіе не могло быть глубокимъ, потому что между этими двумя народами не было внутренняго единенія, не было посредствующаго связующаго звена, которое могло бы послужить проводникомъ для пересадки на русскую почву плодовъ греческой образованности. Единственный поводъ, когда Византіи представлялась возможность оказывать непосредственное воздѣйствіе на Русскихъ, это случаи заключенія договоровъ, когда культурное византійское право сталкивалось съ существенно отличнымъ отъ него русскимъ обычнымъ правомъ. Но и тутъ едва ли Русскіе могли серьезно обогащаться греческими правовыми идеями, какъ это думаетъ проф. Сергѣевичъ; скорѣе можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ проф. Владимирскаго Буданова, что въ греко-русскихъ договорахъ *гораздо болѣе слѣдовъ русскаго права, чѣмъ византійскаго*, по той простой причинѣ, что, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ этотъ ученый, „культурному человѣку гораздо легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ на-

оборотъ". Съ принятіемъ христіанства вліяніе Византіи на Русь принимаетъ совершенно другой характеръ. Съ христіанствомъ сразу перешла къ намъ цѣлая сумма новыхъ идей и понятій. Правда, эти новыя идеи и понятія не сразу сдѣлались достояніемъ сознанія русскаго народа; но разъ онѣ получили на Руси права, такъ сказать, гражданства, то проникновеніе ихъ въ жизнь сдѣлалось лишь вопросомъ времени. Съ христіанствомъ, далѣе, какъ неотъемлемый его спутникъ, перешла къ намъ и книжная грамота, составившая новый неизсякаемый источникъ дальнѣйшаго просвѣтительнаго вліянія на насъ Византіи. Грамотные люди, положимъ, были у насъ и до Владиміра: они были, во первыхъ, при княжескомъ дворѣ, на что указываютъ данныя, заключающіяся въ договорахъ; во вторыхъ, они были среди Кіевской общины, имѣвшей въ Кіевѣ церковь, при которой, конечно, было и грамотное духовенство. Но грамотность, взятая въ этомъ своемъ видѣ, была чѣмъ то случайнымъ, не имѣвшимъ подъ собою твердой почвы и въ количественномъ отношеніи ничтожнымъ. Съ крещеніемъ же народа и съ построеніемъ по городамъ церквей, сразу почувствовалась потребность въ большомъ количествѣ грамотныхъ людей и богослужебныхъ книгъ, такъ какъ каждая церковь нуждалась въ церковномъ причтѣ и богослужебныхъ книгахъ. Извѣстно, что, по свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго, къ концу жизни Владиміра въ одномъ Кіевѣ насчитывали 400 церквей; а по словамъ Никоновской лѣтописи во время пожара 1017 года въ Кіевѣ же сгорѣло будто бы „яко до семи сотъ" церквей. Если при каждой изъ нихъ было по два только грамотныхъ человѣка (священникъ и псаломщикъ), то все же получается громадная цифра отъ 800 до 1400 человѣкъ. Чтобы удовлетворить такой сильной потребности въ грамотныхъ людяхъ, Владиміръ и поспѣшилъ основать выше-упомянутое училище. Для сооруженія церквей, особенно каменныхъ, понадобились „каменосѣчци и здатели полатъ каменныхъ", и вотъ Владиміръ „по-

славъ приведе мастеры отъ Грекъ". Но простыми каменосѣчцами ограничиться нельзя было; нужны были мастера высшаго порядка: архитекторы, иконописцы и др.; они, конечно, тоже приглашены были оттуда же. Словомъ, началось тоже самое явленіе, съ которымъ мы позднѣе встрѣчаемся въ Москвѣ, начиная съ Ивана III, съ тою только разницею, что московскіе государи уже не могли за подобнаго рода услугами обращаться къ Византіи, а искали ихъ на западѣ.—Есть основаніе думать, что Владимиръ былъ любителемъ греческаго искусства, на что указываетъ слѣдующій фактъ. Возвращаясь изъ Корсуня, Владимиръ захватилъ съ собою „мѣдянѣ двѣ *капищи*, и 4 *конь* мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею; яко же не вѣдуще мнять я мраморяны суща". Не совсѣмъ понятное слово „капищи" въ другихъ лѣтописныхъ редакціяхъ разъяснено. Въ Никоновской лѣтописи читается: „два болвана мѣдяны"; въ Лѣтописи Переясл. Суздальскомъ сказано еще точнѣе: „яко жены образомъ мѣдяны суще"; рѣчь, очевидно, идетъ о двухъ статуяхъ.

Мы раньше сравнивали Владимира съ Петромъ В.; доведемъ это сравненіе до конца. Одною изъ характеристическихъ чертъ Петра В. была страсть къ подражанію иностранцамъ, которую онъ, какъ извѣстно, доводилъ иногда до мелкой скрупулезности. Можно ли что нибудь подобное сказать о св. Владимирѣ? Лѣтопись даетъ на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „*И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню*". Отвѣтъ краткій, но краснорѣчивый. Конечно, русскіе люди, особенно зажиточнаго класса, знакомясь съ удобствами культурной жизни, не могли не увлекаться имъ. Предъявленное, напр., дружиною Владимира требованіе на счетъ замѣны деревянныхъ ложекъ серебряными было, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ знакомства съ лучшимъ комфортомъ жизни у иностранцевъ. Но между разумнымъ пользованіемъ плодами высшей цивилизаціи и неразборчивымъ подражаніемъ всему иностранному лежитъ цѣлая

пропасть. Украшеніе столицы произведеніями греческаго искусства не мѣшало Владиміру оставаться въ тоже время чисто русскимъ человѣкомъ и жить „по устроенью отьню и дѣдню". Но какая громадная разница между такимъ отношеніемъ къ иноземному и отношеніемъ хотя бы, напр., знаменитаго Стефана Душана, который не прочь бы былъ всѣхъ своихъ Сербовъ превратить въ византійскихъ Грековъ, и для котораго, во всякомъ случаѣ, все византійское было гораздо симпатичнѣе роднаго сербскаго. Вообще, какъ ни бѣдны источники показаніями о личной дѣятельности Владиміра, но и на основаніи того немногаго, что въ нихъ находится, можно видѣть, что этотъ князь обладалъ высокою разумностью и что ему въ одинаковой степени принадлежитъ титулъ *мудраго*, какъ и *святаго*.

На этомъ мы и покончимъ настоящую нашу работу. Благосклонный читатель не могъ не замѣтить, что главное наше вниманіе на этотъ разъ сосредоточено было на уясненія современныхъ Владиміру русско-византійскихъ отношеній. Мы по возможности старались воспользоваться всѣмъ, что выдвинуто было по настоящему вопросу современной наукой и что, конечно, было для насъ доступно. Бѣдность показаній источниковъ мы старались наверстать разнообразными комбинаціями наличныхъ данныхъ, а гдѣ и это не помогало, прибѣгали къ всевозможнымъ, иногда очень смѣлымъ, догадкамъ и предположеніямъ. Встрѣчаясь съ различными, иногда вполнѣ противорѣчивыми, мнѣніями ученыхъ по тому или другому частному вопросу и не находя въ источникахъ достаточныхъ данныхъ для ихъ критической провѣрки, мы часто, пренебрегая даже своими личными убѣжденіями, отдавали предпочтеніе тому изъ нихъ, которое больше гармонировало съ общимъ ходомъ историческихъ обстоятельствъ, выдвигая общеисторическую точку зрѣнія предъ частною мѣстною. Что же получилось въ результатѣ? Многое изъ того, что прежде было

совершенно не понятнымъ, теперь, по крайней мѣрѣ для насъ лично, сдѣлалось яснѣе и понятнѣе. Но, къ сожалѣнію, гораздо больше все таки осталось такого, надъ чѣмъ все еще лежитъ печать тайны, раскрыть которую едва ли въ состояніи наука при настоящемъ состояніи источниковъ. Не говоримъ уже о томъ, что на многомъ изъ того, что теперь и удалось уяснить при помощи догадокъ и предположеній, лежитъ роковая печать субъективности: мнѣ кажется такъ, другому иначе, третьему еще иначе; а гдѣ объективная истина, рѣшить мудрено; выкапанный изъ архива кусокъ исписанной бумаги можетъ сразу уничтожить все то, что создано было головоломными размышленіями цѣлаго ряда первокласныхъ изслѣдователей. Мирясь съ этою печальною дѣйствительностью, современному изслѣдователю остается утѣшать себя вѣрою въ прогрессивное движеніе науки. Пройдетъ сто лѣтъ—и Русская земля опять, какъ нынѣ, приступитъ къ празднованію тысячелѣтія своего просвѣщенія свѣтомъ христіанскаго ученія. Возможно, что тогдашніе ученые, располагая новыми богатыми научными данными, получать возможность сказать послѣднее слово по тѣмъ вопросамъ, которые теперь никакъ не поддаются нашему рѣшенію. Утѣшаясь этою надеждою, намъ остается лишь пожелать имъ счастливаго успѣха.

Важнѣйшія опечатки.

Въ „Сравнительной хронологической таблицѣ" (см. выше) допущено двѣ опечатки: въ графѣ *сентябрскаго* года послѣ 988 года долженъ слѣдовать 989 г.; въ графѣ *мартовскаго* года, послѣ 986 г., долженъ слѣдовать 987 г.

ДРЕВНІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ СВ. ВЛАДИМІРА[1]).

Древнѣйшимъ изображеніемъ св. Владиміра считается монетное его изображеніе на древнихъ монетахъ съ именемъ Владиміра. Оно воспроизведено художественнымъ образомъ на первомъ листѣ изслѣдованія графа И. И. Толстаго: „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго. С.-Петербургъ. 1882.“. Князь Владиміръ изображенъ впрямь во весь ростъ, сидящимъ на широкомъ сѣдалищѣ съ высокой спинкой; верхняя перекладина спинки находится на уровнѣ шеи великаго князя. Лицо—съ бритою бородою и большими усами. На главѣ—шапка, усѣянная крупными бусами, съ крестомъ изъ бусъ на верхушкѣ ея; отъ шапки, по обѣимъ сторонамъ лица, ниспадаютъ снурки изъ мелкихъ бусъ, изъ-за которыхъ виднѣются вьющіеся на головѣ волосы. На великомъ князѣ надѣтъ короткій плащъ, застегнутый на правой сторонѣ груди пряжкой; лѣвая рука покоится на груди, а правая держитъ крестъ на длинномъ древкѣ; на шеѣ ожерелье изъ бусъ; нижняя длинная одежда (далматикъ) князя украшена нѣсколькими рядами бусъ. По

---

[1]) Археологическая замѣтка о древнихъ изображеніяхъ св. Владиміра была помѣщена нами въ „Трудахъ Кіевской духовной Академіи“ за май 1887 года. Послѣ того появились нѣкоторыя возраженія, касающіяся содержанія этой замѣтки, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и новыя данныя для уясненія предмета, которыя и приняты во вниманіе въ настоящей статьѣ.

лѣвую руку князя, а иногда и на оборотной сторонѣ монеты, загадочная фигура, можетъ быть хоругвь. Кругомъ изображенія князя—слѣдующая надпись, иногда переносимая и на оборотную сторону: „Владимиръ на столѣ, а се его злато“ (или—сребро). На оборотной сторонѣ Владиміровыхъ монетъ изображается или помянутая хоругвь, или Спаситель.

Насколько достовѣрно это изображеніе? Достовѣрность его опредѣляется степенью достовѣрности самихъ монетъ. Монеты съ именемъ Владиміра принадлежатъ къ одному типу съ другими подобными монетами, на которыхъ читаются имена Святополка и Ярослава или Георгія. По величинѣ своей онѣ равняются куфическимъ диргемамъ, привозившимся въ древнюю Русь съ VIII до XI вѣка, а по характеру чеканки представляютъ подражаніе византійскимъ монетамъ. Что всѣ эти монеты съ именами Владиміра, Святополка и Ярослава или Георгія суть монеты русскаго происхожденія и принадлежатъ означеннымъ на нихъ первымъ русскимъ князьямъ, доказательства на это указываются слѣдующія: 1) Замѣчательное совпаденіе дознаннаго времени чеканки ихъ и времени княженія на Руси тѣхъ государей, имена которыхъ находятся на монетахъ. По составу кладовъ, въ которыхъ найдены нѣкоторыя изъ этихъ монетъ, двѣ изъ нихъ съ именемъ Владиміра указываютъ на конецъ X или начало XI столѣтія, а монета Ярослава—на XI столѣтіе. Такимъ образомъ мы имѣемъ монеты какого—то Владиміра, княжившаго въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка, и какого—то Ярослава, княжившаго въ XI-мъ. Если заглянемъ въ исторію, то найдемъ, что другаго Ярослава въ XI вѣкѣ не было, кромѣ великаго князя Кіевскаго Ярослава Владиміровича, а въ началѣ XI вѣка хотя и былъ другой Владиміръ, кромѣ кіевскаго, именно сербскій († 1016 г.), но по сходству Владиміровыхъ монетъ съ монетами русскаго Ярослава слѣдуетъ заключить, что онѣ принадлежатъ русскому князю, а не сербскому кралю. 2) Мѣсто находки. Всѣ наши монеты найдены или въ предѣлахъ самой Россіи, или въ странахъ, смежныхъ съ нею. 3) Находя-

щіяся на монетахъ имена—Владиміръ, Святополкъ, Ярославъ, Юрій (Георгій) вполнѣ соотвѣтствуютъ именамъ кіевскихъ государей XI столѣтія, причемъ на одной монетѣ рядомъ съ именемъ Владиміра находимъ и христіанское имя этого князя—Василій, а на монетахъ Ярослава—изображеніе его ангела св. Георгія. Это соединеніе и сочетанія именъ вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстіямъ лѣтописцевъ. 4) Кромѣ совершенно обособленнаго характера нашихъ монетъ, свойственныя имъ однимъ надписи рѣзко отличаютъ ихъ отъ монетъ всѣхъ другихъ народовъ: „Владиміръ на столѣ, а се его сребро" и т. п. 5) Кромѣ надписей, характеристична неразгаданная еще фигура, неизмѣнно изображенная на всѣхъ означенныхъ монетахъ, которую графъ И. И. Толстой называетъ изображеніемъ хоругви и считаетъ знаменемъ (въ смыслѣ отличительнаго знака герба) великихъ князей кіевскихъ [1]).

На эти выводы графа Толстаго мы въ свое время сдѣлали слѣдующія замѣчанія: 1) Монеты съ именами Владиміра, Святополка и Ярослава исполнены весьма грубо и неотчетливо и могутъ дать только самое общее представленіе о физіономіи и одеждѣ изображенной на монетахъ личности. 2) Является сильное сомнѣніе въ русскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, монетъ, извѣстныхъ съ именами Владиміра, Святополка и Ярослава или Георгія, особенно же монетъ съ именемъ послѣдняго государя. На такъ называемыхъ Ярославовыхъ монетахъ перваго типа читается, сверху внизъ, имя Πετρος и *Петар*, т. е. Петръ въ юго-славянской формѣ, а не Γέγιος (Γεώργιος) или Геюр(ги), какъ читаютъ сбоку Волошинскій и за нимъ графъ Толстой. Поэтому нужно полагать, что между такъ называемыми древнѣйшими русскими монетами великаго княжества кіевскаго и особенно между приписываемыми Ярославу моне-

---

[1]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго", гр. И. Толстаго, С.Петербургъ, 1882 г., стр. 156—158.

тами есть монеты не русскаго, а южно-славянскаго происхожденія. А такъ какъ приписываемыя Ярославу монеты имѣютъ большое сходство съ такъ называемыми Святополковыми и Владиміровыми монетами, то можно заключать, что или и эти послѣднія монеты южно-славянскаго же происхожденія, или же, по крайней мѣрѣ, чеканены по образцу южно-славянскихъ. Послѣднее предположеніе имѣетъ за себя всѣ данныя, такъ какъ извѣстно, что южные славяне раньше подверглись византійской цивилизаціи, чѣмъ русскіе, и передали послѣднимъ богатую переводную литературу и начатки культуры. Древнѣйшимъ памятникомъ русской миньятюрной живописи служитъ заглавный листъ харатейнаго изборника, списаннаго въ 1073 году, по повелѣнію великаго князя Святослава Ярославича, діакономъ Іоанномъ. На немъ изображены самъ Святославъ, супруга его и дѣти Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ и Ярославъ. Но костюмъ этихъ князей представляетъ замѣчательное сходство съ одеждою болгаръ, изображенныхъ въ греческомъ минологіѣ X вѣка. Да и самый Изборникъ Святославовъ есть не что иное, какъ только копія съ Изборника болгарскаго царя Симеона. Поэтому, если бы монеты съ именемъ Владиміра дѣйствительно принадлежали св. равноапостольному князю Владиміру (что́ требуетъ еще новыхъ доказательствъ), то и въ такомъ случаѣ монетное изображеніе св. Владиміра было бы лишь подражаніемъ южно-славянскимъ изображеніямъ и не имѣло бы портретнаго характера [1]). Во всякомъ случаѣ, это изображеніе весьма важно по изображенію костюма и внѣшней обстановкѣ славянскаго князя того времени.

Другое древнѣйшее изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра издано хромолитографически П. Н. Батюшковымъ въ книгѣ „Холмская Русь", 1887 года, съ древнѣйшей фрески Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Храмъ этотъ, основанный великимъ княземъ Андреемъ

---

[1]) „Труды Кіевской Духовной Академіи", за май, 1887 г., стр. 66—68.

Юрьевичемъ Боголюбскимъ въ 1158 году, былъ расписанъ въ 1161 году знаменитыми греческими художниками того времени и около двухъ столѣтій былъ главнымъ храмомъ земли Русской, имѣя богато украшенныя иконы и обладая драгоцѣнною утварью, которая потомъ частію была разграблена татарами, частію погибла отъ пожара. Впослѣдствіи соборъ пришелъ въ запустѣніе и былъ возстановленъ лишь въ 1708 году. Послѣ того онъ былъ неоднократно реставрированъ. При послѣдней реставраціи, въ 1882 году, на стѣнахъ собора были открыты древнія фрески, которыя, при содѣйствіи Московскаго Археологическаго Общества, возстановлены изографомъ Н. М. Сафоновымъ; при чемъ на одномъ изъ столповъ, поддерживающихъ соборный куполъ, противъ праваго клироса, открыта и фреска св. Владиміра. Предполагаютъ, что у этого столпа, какъ болѣе центральнаго, нѣкогда находился тронъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, впослѣдствіи перенесенный въ Московскій Успенскій соборъ. Теперь здѣсь находится святительское мѣсто. Надъ этимъ мѣстомъ, въ иконостасѣ была живописная икона Спасителя. Когда ее сняли для изслѣдованія остатковъ стѣнописи, то за нею обнаружилась фресковая живопись, заслоненная отчасти иконостасомъ. Для дальнѣйшихъ изслѣдованій выпилили часть иконостаса, и предъ изслѣдователями представилась довольно хорошо сохранившаяся фреска равноапостольнаго князя Владиміра. Св. Владиміръ здѣсь изображенъ стоящимъ, во весь ростъ, съ нимбомъ вокругъ главы. На головѣ—корона, усыпанная жемчугомъ, съ жемчужнымъ же крестикомъ наверху. Волосы—курчавые, брови и длинная борода—сѣдыя, носъ—греческій. Въ правой рукѣ св. Владиміръ держитъ восьмиконечный крестъ около груди, а въ лѣвой, опущенной внизъ,—перевитый тесьмой мечъ съ крестообразной рукояткой. На плечахъ князя накинутъ пурпуровый плащъ, застегнутый на правой сторонѣ груди пряжкой; а подъ плащемъ—болѣе длинная нижняя одежда изъ клѣтчатой матеріи сине-голубаго

цвѣта (далматикъ), съ бахрамою на подолѣ; на ногахъ— желтая обувь, вѣроятно—сафьянная. По характеру письма и орнаментамъ,—говоритъ М. И. Городецкій,—фреска эта составляетъ иконопись XII вѣка, что подтверждается и греческими надписями, оказавшимися при другихъ открытыхъ фрескахъ. При фрескѣ не сохранилось никакой надписи о томъ, что это—изображеніе именно Владиміра; но въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ съ мечемъ въ рукѣ, какъ извѣстно изъ древнѣйшихъ подлинниковъ, изображали только равноапостольнаго князя. Открытая фреска, конечно, не составляетъ портрета крестителя Русской земли; но несомнѣнно, что это—самое древнѣйшее изображеніе св. Владиміра, и если сопоставить время его княженія (980—1014 гг.) съ временемъ производства живописныхъ работъ Владимірскаго собора (1161 г.), то окажется, что фреска написана въ эпоху, не столь отдаленную отъ жизни Владиміра, чтобы преданія о внѣшности его могли совершенно утратиться. Съ этой фрески Н. Н. Батюшкову были доставлены копіи—акварельная, воспроизведенная до реставраціи фрески, и фотографическая, снятая послѣ реставраціи. По этимъ копіямъ воспроизведенъ художникомъ В. А. Барвитовымъ рисунокъ, съ котораго сдѣлана хромолитографія [1]).

Нѣкто К. Цибульскій въ „Кіевской Старинѣ“ оспариваетъ древность фрески этой и не узнаетъ на ней св. Владиміра. „Этотъ храмъ,—говоритъ онъ,—дѣйствительно былъ росписанъ живописью при Андреѣ Боголюбскомъ и, конечно, фресковою, греческою. Но извѣстно изъ лѣтописей, что въ 1185 году онъ страшно потерпѣлъ отъ пожара, при чемъ погибли всѣ его украшенія, дорогіе сосуды, паникадила, иконы въ окладахъ, оксамиты и княжескія одежды, изъ коихъ нѣкоторыя хранились на хорахъ. Послѣ сего братъ Андрея, Всеволодъ Юрьевичъ, возобновляя Владимірскій

---

[1]) „Холмская Русь“, С.Петербургъ, 1887 г., стр. 6—7, и „Объясненія къ рисункамъ“ въ этой книгѣ, стр. 13 и 14.

Успенскій соборъ, сильно измѣнилъ его, расширивъ пристройкой трехъ стѣнъ съ трехъ сторонъ храма и надстроивъ 4 купола вокругъ бывшаго доселѣ одного. Въ 1238 году, по взятіи города Владиміра, татары, чтобы погубить княжеское семейство, запершееся въ Успенскомъ соборѣ съ епископомъ Митрофаномъ на хорахъ, произвели въ немъ новый пожаръ, зажегши навесенный внутрь его въ большомъ количествѣ хворостъ. Въ послѣдствіи времени, хотя и неизвѣстно, когда именно, въ этомъ соборѣ, для его расширенія и лучшаго освѣщенія, выломаны преобразователями три стѣны Андрея Боголюбскаго и хоры. При такихъ огненныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Владимірскій Успенскій соборъ, и при двукратномъ его преобразованіи, безъ сомнѣнія, немного могло уцѣлѣть въ немъ изъ фресковой иконописи князя Андрея и даже изъ иконописи князя Всеволода, а вмѣсто нихъ, впослѣдствіи, конечно, могла и должна была явиться новая иконопись русской Суздальской школы. Что касается въ частности такъ называемаго изображенія св. Владиміра,— продолжаетъ Цыбульскій,—то, хотя намъ неизвѣстно, фресковое ли оно, или воспроизведенное масляными красками, мы не можемъ отнести его къ XII вѣку. Тутъ, во 1-хъ, у князя въ рукѣ крестъ восьмиконечный, а не четвероконечный, между тѣмъ восьмиконечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI вѣка, а на Востокѣ нѣтъ ихъ и понынѣ; во 2-хъ, у него борода длинная, клинообразная, и волосы расчесаны по великорусскому, а не малорусскому манеру, а на извѣстныхъ древнихъ изображеніяхъ Владиміра, именно—въ спискѣ сказанія XIV вѣка о свв. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, въ Новгородской Ѳеодоровской церкви 1369 г. и на Владиміровскихъ монетахъ князь Владиміръ изображенъ съ круглою бородой, въ Ѳеодоровской же церкви и на монетахъ, кромѣ того, и съ семиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ; въ 3-хъ, вѣнецъ на головѣ князя не сходенъ съ вѣнцами Владиміра на его монетахъ; въ 4-хъ, въ XII вѣкѣ Владиміръ еще не былъ внесенъ въ число святыхъ; въ числѣ ихъ имя

его въ первый разъ встрѣчается въ половинѣ XIII вѣка, а потому ни при Андреѣ, ни при Всеволодѣ Юрьевичахъ онъ не могъ быть изображенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ на лицевой сторонѣ алтарнаго столба, гдѣ открыто будто бы его изображеніе. Полагаемъ,—заключаетъ г. Цибульскій, что приложенное къ книгѣ „Холмская Русь“ изображеніе князя есть произведеніе XVI или XVII вѣка и представляетъ, по всей вѣроятности, Андрея Боголюбскаго, создателя Успенскаго собора. Къ этой догадкѣ слѣдуетъ обратиться тѣмъ болѣе, что надпись при образѣ не сохранилась, а противъ столба, на которомъ онъ написанъ, почиваютъ въ ракѣ мощи св. князя Андрея Боголюбскаго, который, какъ мученикъ, могъ быть изображенъ съ крестомъ, а какъ воинственный князь, и съ мечемъ“ [1]).

Однако всѣ эти возраженія г. Цибульскаго не имѣютъ достаточныхъ основаній для себя. Огненныя и другія бѣдствія и перестройки, какимъ подвергался Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, знакомы и Кіевскимъ храмамъ Софійскому, Михайловскому и Кирилловскому, въ которыхъ однако же сохранились фрески. Притомъ же, всѣ перестройки Успенскаго Владимірскаго собора были такого рода, что онѣ, какъ можно видѣть изъ словъ самого г. Цибульскаго, не касались того алтарнаго столба, на которомъ сохранилась фреска съ изображеніемъ св. Владиміра. Что именно это—фреска, а не масляная живопись,—въ этомъ отношеніи мы скорѣе повѣримъ Московскому Археологическому Обществу, на мѣстѣ принимавшему участіе въ возобновленіи живописи собора, чѣмъ г. Цибульскому, не видавшему этой живописи. На частнѣйшія возраженія г. Цибульскаго относительно сюжета фрески можно отвѣтить слѣдующее: 1) Совершенно не вѣрно, будто бы восьмиконечные кресты не были извѣстны у насъ въ Россіи до XVI вѣка. Съ древнихъ временъ св. крестъ употреблялся у насъ во всѣхъ своихъ видахъ. Крестъ

---

[1]) „Кіевская старина“, за ноябрь, 1887 г., стр. 555—556.

преп. Марка гробокопателя, XI в., доселѣ хранящійся въ его пещерѣ, есть крестъ четвероконечный. Крестъ, начертанный въ извѣстномъ сборникѣ словъ св. Григорія Богослова, XI в., въ концѣ послѣдняго слова,—шестиконечный. Крестъ изъ животворящаго древа, присланный въ началѣ XII в. великому князю Владиміру Мономаху изъ Константинополя и донынѣ хранящійся въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ,—осмиконечный. Крестъ, начертанный, въ числѣ другихъ священныхъ изображеній на окладѣ евангелія, писаннаго въ началѣ XII в. для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича,—шестиконечный [1]). 2) Величина бороды на различныхъ изображеніяхъ св. Владиміра различна и сама по себѣ ничего не доказываетъ. На Владиміровыхъ монетахъ князь изображенъ съ обритою или, по крайней мѣрѣ, коротко обстриженною бородою [2]); а на остальныхъ всѣхъ изображеніяхъ—съ отпущенною бородою. На разсматриваемой фрескѣ борода пропорціальна росту князя, вполнѣ соотвѣтствуетъ величинѣ бороды на миньятюрѣ въ спискѣ сказанія о свв. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ XIV вѣка [3]), и если кажется на первый взглядъ длиннѣе послѣдней, то только потому, что длиннѣе сама фигура князя на фресковомъ изображеніи. Приблизительно съ такой же удлиненной бородой св. Владиміръ изображался въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. О манерѣ разчески волосъ на фресковомъ изображеніи св. Владиміра замѣтимъ, что въ этой манерѣ, равно какъ и во всемъ изображеніи лица св. князя, какъ будто замѣтенъ сѣверорусскій, суздальскій пошибъ иконописи, хотя и не имѣемъ данныхъ утверждать, принадлежитъ ли онъ позднѣйшему реставратору ея Сафо-

---

[1]) „Христіанское Чтеніе“, 1855 г., част. II, стр. 446 и 447; ср. стр. 478—480.

[2]) „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго“, гр. И. И. Толстаго.

[3]) „Древности. Археологическій Вѣстникъ, изд. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ“, январь-февраль, 1867 г., стр. 3, и прилож. табл. 1.

нову, или же какому либо другому, болѣе раннему. 3) Вѣнецъ на головѣ князя, изображеннаго на фрескѣ, дѣйствительно несходенъ, или,—точнѣе,—мало сходенъ съ вѣнцами на монетахъ съ именемъ Владиміра; но онъ еще менѣе похожъ на ту зубчатую, съ отвороченными, въ видѣ лепестковъ, зубцами, корону, въ какой св. Владиміръ изображается на иконахъ XVI и XVII вв. [1]) и въ иконописномъ лицевомъ подлинникѣ XVII вѣка [2]). Онъ представляетъ посредствующую, переходную форму отъ монетнаго вѣнца къ коронѣ XVI—XVII вв., и слѣдов. долженъ былъ явиться ранѣе XVI вѣка. 4) Сильнѣе, по видимому, послѣднее возраженіе г. Цибульскаго, что въ XII вѣкѣ Владиміръ еще не былъ внесенъ въ число святыхъ: „въ числѣ ихъ,—говоритъ Цибульскій, имя его въ первый разъ встрѣчается въ половинѣ XIII вѣка, а потому ни при Андреѣ, ни при Всеволодѣ Юрьевичахъ онъ не могъ быть изображенъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ на лицевой сторонѣ алтарнаго столба, гдѣ открыто будто бы его изображеніе". Дѣйствительно, профессоръ Голубинскій въ своей „Исторіи Русской церкви" доказываетъ, что Владиміръ не былъ причисленъ къ лику святыхъ ни при Ярославѣ, ни потомъ до конца монгольскаго періода или точнѣе до 15 іюля 1240 года включительно; а профессоръ Н. И. Малышевскій добавляетъ, что признаніе Владиміра святымъ и чествованіе памяти его впервые установлено въ Новгородѣ Александромъ Невскимъ послѣ 15 іюля 1240 года, но въ ближайшее послѣ того время и въ связи съ событіемъ этого года и дня—Невскою побѣдою его,—установлено, говоря точнѣе, между 15 іюля и октябремъ этого года, а служба Владиміру написана или тогда же вслѣдъ за установленіемъ празднованія, или немного позже

---

[1]) „Описаніе коллекціи древнихъ русскихъ иконъ" Сорокинской или Филаретовской, іером. Христофора, Кіевъ, 1883 г., стр. 50, 51 и 156.

[2]) „Строгановскій лицевой иконописный подлинникъ", Москва, 1869 года, подъ 15 іюля.

начала 1241 года, въ которомъ затѣмъ впервые и праздновалась память его 15 іюля, какъ уже святаго, внесеннаго въ святцы [1]). Вполнѣ соглашаясь, что полная канонизація князя Владиміра, какъ святаго, могла послѣдовать и дѣйствительно послѣдовала не раньше 1240 года; мы однакоже имѣемъ основаніе полагать, что и до 1240 года Владиміръ пользовался соотвѣтственнымъ церковнымъ почитаніемъ, какъ *блаженный*, а не *святой*, и что фреска Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ могла изображать не *святаго*, а пока еще только *блаженнаго* князя Владиміра [2]). Но что это—не св. князь Андрей Боголюбскій,—какъ предполагаетъ г. Цибульскій,—это можно видѣть уже изъ иконописныхъ подлинниковъ, по наставленіямъ которыхъ св. Андрей Боголюбскій изображался вовсе не сѣдымъ и не въ такой одеждѣ. Объ изображеніи св. Андрея Боголюбскаго въ подлинникѣ сказано: „подобіемъ русъ, волосы малокудреваты, брада не велика, аки князя Бориса, ризы княжескія, шуба бархатная, багряная, выворотъ соболей, на главѣ шапка княжеская, опушка соболья, исподняя риза лазоревая, и въ сапогахъ“ [3]).

Древность фресковаго изображенія князя доказывается преимущественно его костюмомъ и особенно верхнимъ плащемъ, застегивающимся пряжкою на правомъ плечѣ. Въ послѣдствіи времени на св. Владимірѣ изображался, вмѣсто древняго плаща, охабень съ отложеннымъ воротникомъ и длинными узкими рукавами, такъ какъ уже не считалось приличнымъ писать князя въ оставленной и забытой одеждѣ [4]).

---

[1]) „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля?“. Н. И. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“, за январь 1882 года.

[2]) См. подробнѣе въ моей замѣткѣ о „древнѣйшихъ изображеніяхъ св. Владиміра“ въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, за май, 1887 г., стр. 71—75.

[3]) „Книга глаголемая Описаніе о россійскихъ святыхъ“, изд. графа М. В. Толстаго, Москва, 1888 г., стр. 216.

[4]) „Древнія изображенія в. к. Владиміра и в. к. Ольги“ И. И. Срезневскаго, въ „Древностяхъ, Археологич. Вѣстникѣ, изд. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ“, январь-февраль, 1867 г., стр. 2.

Что фреска дѣйствительно изображаетъ св. князя Владиміра, а не другаго князя или царя,—это доказывается тѣмъ, что фресковое изображеніе это соотвѣтствуетъ изображенію и наставленіямъ иконописныхъ подлинниковъ и болѣе позднимъ иконамъ св. Владиміра, гдѣ онъ изображается съ сѣдою бородою, въ двухъ одеждахъ—верхней багряной и нижней лазоревой, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ, а иногда и съ крестомъ въ правой рукѣ.

Прежде всего, съ фресковымъ изображеніемъ Успенскаго Владимірскаго собора должны идти въ сравненіе три изображенія св. Владиміра XIV—XV вв., указываемыя Из. И. Срезневскимъ. Изъ нихъ одно невкусное изображеніе св. Владиміра XIV в. извѣстно въ спискѣ Сказанія о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, съ надписью: „Володимиръ посылаетъ Бориса противу Печенѣгъ". Владиміръ изображенъ сидящимъ на сѣдалищѣ, въ родѣ кресла, передъ стоящимъ княземъ Борисомъ и его дружиной, съ приподнятой правой рукой, какъ бы для благословенія. Головы обоихъ князей въ сіяніи. Оба князя въ одинаковыхъ одеждахъ—въ красныхъ плащахъ, въ длинныхъ подпоясанныхъ зеленаго цвѣта свитахъ, съ желтою, т. е. золотою накладкою по подолу и съ узкими рукавами, въ черныхъ сапогахъ; у князя Владиміра—довольно большая сѣдая борода.—Болѣе важное изображеніе князя Владиміра находилось при сборникѣ начала XV вѣка (1414 г.), который въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстенъ былъ въ кругу любителей древности подъ названіемъ „Похвалы великому князю Владиміру". Въ письмѣ Оленина о Тмутараканскомъ камнѣ, въ описаніи этого сборника отмѣчено между прочимъ (стр. 41), что „въ началѣ книги живописью изображенъ св. великій князь Владиміръ съ дѣтьми его Борисомъ и Глѣбомъ", что „сей образъ писанъ на пергаминѣ водяными красками". Въ другомъ изданіи Оленина, въ „Литографированныхъ рисункахъ къ опыту о славянахъ отъ временъ Трояна и Русскихъ до нашествія Татаръ" (Спб., 1833), дано мѣсто подобію этого изображенія, нарисованному, какъ кажется, по па-

мяти съ помощію воображенія, а если вѣрно съ подлинникомъ, то тѣмъ болѣе любопытному. Князь Владиміръ представленъ положившимъ руки на плеча сыновей, къ нему склонившихся. Всѣ три князя въ сіяніи, плащахъ и длинныхъ свитахъ. Владиміръ въ шапкѣ, дѣти—простоволосые. Но отсутствіе клобуковъ или шапокъ на головахъ Бориса и Глѣба и взаимное положеніе князей, особенно Бориса и Глѣба въ отношеніи къ Владиміру, кажутся г. Срезневскому необычными и странными. Едва ли можно найти другое иконное или неиконное изображеніе древняго русскаго князя въ плащѣ безъ клобука на головѣ. Съ другой стороны, на иконныхъ изображеніяхъ св. Владиміра и Бориса и Глѣба обыкновенно они представляются стоящими въ рядъ, въ срединѣ отецъ, по бокамъ сыновья. Въ Нижнемъ Новгородѣ, по слухамъ, есть образъ св. Владиміра, Бориса и Глѣба „въ короткихъ пестрыхъ мантіяхъ", на которомъ св. Владиміръ сдѣланъ большимъ, а св. Борисъ и Глѣбъ сравнительно очень малы, всѣ три съ крестами, слѣдовательно, стоящими прямо, а не бокомъ. Не такъ ли, хоть и безъ крестовъ, были написаны св. князья и на изображеніи при сборникѣ 1414 года?—Наконецъ, въ Новгородской Θеодоровской церкви начала второй половины XIV вѣка есть настѣнное изображеніе святыхъ князей Владиміра, Бориса и Глѣба. Имъ дано мѣсто надъ хорами на лѣвой южной сторонѣ стѣны храма противъ алтаря. Всѣ трое въ древнихъ княжескихъ одеждахъ, съ сіяніемъ вокругъ головы. Въ срединѣ князь Владиміръ, сѣдобородый старецъ, нѣсколько повыше дѣтей, на кругломъ подножіи, съ крестомъ въ правой рукѣ, съ приподнятою лѣвою рукою, какъ будто что-то держащею (мечъ?), что́ именно—не видно. По лѣвую руку отъ него князь Глѣбъ, юноша также съ крестомъ въ правой рукѣ и съ мечемъ въ опущенной лѣвой. Направо отъ князя Владиміра—князь Борисъ; но его ликъ очень попорченъ: не видно ни лица, ни груди, ни рукъ; всѣ это замазано известью. Вверху надъ

ликами князей Спаситель съ распростертыми надъ ними руками [1]).

Въ общихъ чертахъ сходна съ последнимъ изображеніемъ икона свв. князей Владиміра, Бориса и Глѣба, XVI вѣка, находящаяся въ Филаретовской коллекціи иконъ въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. Академіи, но съ особенностями въ костюмѣ, относящимися къ болѣе позднему времени въ сравненіи съ предыдущими изображеніями. Вверху, на полѣ иконы, изображена св. Троица въ видѣ трехъ ангеловъ за трапезою. Средину иконы занимаетъ св. Владиміръ, изображенный, какъ и сыновья его, во весь ростъ. Голова увѣнчана уже не шапкою, а зубчатою короною, обдѣланною золотомъ, и окружена золотымъ ореоломъ. Строгое мужественное лицо окаймлено довольно большою бородою, въ самомъ концѣ нѣсколько вьющеюся; взглядъ строгій, усы большіе, падающіе на бороду, невысокое чело, впалыя щеки. На немъ нижняя узкая, длинная одежда, съ поясомъ, шитымъ золотомъ, и съ широкими золотыми каймами около шеи, на рукавахъ и подолѣ; сверху широкая порфира, опушенная по краямъ мѣхомъ и испещренная золотыми украшеніями. Въ лѣвой рукѣ, опущенной внизъ, Владиміръ держитъ мечъ, а правую руку держитъ на груди, ладонью къ зрителю. Свв. Борисъ и Глѣбъ—въ закругленныхъ къ верху шапкахъ съ опушкою и золотою отдѣлкою. Въ лѣвой рукѣ у обоихъ князей по мечу. Въ правой рукѣ св. Борисъ держитъ осмиконечный крестъ, а св. Глѣбъ сложилъ правую руку именословно, вѣроятно—для крестнаго знаменія [2]).

Въ связи съ древними изображеніями стоятъ иконописные подлинники, лицевые и нелицевые. Лицевые иконописные

---

[1]) Тамъ же, стр. 3 и 4, и прилож., таблицы 1, 2 и 3.

[2]) „Описаніе коллекціи древнихъ русскихъ иконъ" Сорокинской или Филаретовской коллекціи, іером. Христофора, Кіевъ, 1883 г., № 36, стр. 50 и 51.

подлинники, по всей вѣроятности, представляютъ изъ себя собраніе на весь церковный годъ прорисей съ древнихъ и болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи иконъ и священныхъ изображеній,—прорисей, которыя стали потомъ образцами для послѣдующихъ иконописцевъ. Старѣйшій изъ извѣстныхъ лицевыхъ иконописныхъ русскихъ подлинниковъ есть „Строгоновскій лицевой иконописный подлинникъ" первой половины XVII вѣка, изданный въ Москвѣ въ 1869 году. Кромѣ того, мы имѣемъ еще письменный, неполный экземпляръ этого подлинника, скопированный съ оригинала иконописцемъ М. С. Пошехоновымъ въ 1845 году и принадлежавшій покойному Сахарову. Въ этомъ иконописномъ лицевомъ подлинникѣ подъ 15 іюля значится: „въ той же день великаго князя Владимера; сѣдъ; риза камка багрова, исподняя камка лазорева". Св. Владиміръ изображенъ во весь ростъ съ довольно длинной сѣдой бородой, съ зубчатой короной на головѣ; поверхъ нижней одежды, на плечи накинутъ опашень съ рукавами. Въ лѣвой рукѣ св. Владиміръ держитъ мечь съ крестообразной рукояткой, а правую, сжатую и какъ бы держащую что то, держитъ у груди [1]). Очевидно, на рисункѣ не достаетъ чего то, бывшаго въ правой рукѣ св. Владиміра, и по всей вѣроятности, креста. Подтвержденіемъ этому могутъ служить иконописные святцы XVII вѣка, находящіеся въ Церковно-Археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. Академіи. Здѣсь подъ 15 іюля изображенъ св. Владиміръ, тоже съ довольно длинной сѣдой бородой и въ двойной коронѣ: въ правой рукѣ онъ держитъ у груди осьмиконечный крестъ, а въ лѣвой, опущенной внизъ,—мечъ; поверхъ нижней багряной одежды, на плечи накинутъ отороченный мѣхомъ

---

[1]) „Указатель Церковно-Археологич. Музея при Кіевской дух. Академіи", Кіевъ, 1880 г., стр. 12; сн. „Строгоновскій лицевой иконописный подлинникъ", Москва, 1869 г., подъ 15 іюля.

опашенъ [1]). Но случайная ошибка лицеваго иконописнаго подлинника, забывшаго изобразить крестъ въ рукѣ св. Владиміра, не осталась безслѣдною въ позднѣйшей русской иконописи. Замѣтивъ, что чего-то не достаетъ въ правой рукѣ св. Владиміра, вложили ему въ эту руку хартію съ молитвою, съ которою онъ обратился къ Богу по крещеніи Кіевлянъ. Въ сводномъ рукописномъ нелицевомъ подлинникѣ начала XVIII вѣка, подъ 15 іюля, значится слѣдующее наставленіе относительно изображенія св. Владиміра: „И святаго равноапостольнаго великаго князя Кіевскаго Владимера, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія, всея Россіи самодержца и просвѣтителя: подобиемъ старъ, и сѣдъ, власы мало кудреваты, брада аки Иоанна Богослова, на главе венецъ царскій, ризы камчатныя княжеския багряныя, исподняя камчатная лазоревая; на нихъ травы золотыя, въ руке мечъ въ ножнахъ, а въ другой свиток, в немъ написано: Боже сотворивы небо и землю, призри на новопросвѣщенныя люди своя, дажде имъ Господи увѣдети тебе истиннаго Бога, и и утверди ихъ въ правую вѣру“ [2]). Это наставленіе отчасти и принято во вниманіе при исполненіи изображенія св. Владиміра, приложеннаго къ изданной С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ брошюрѣ П. И. Малышевскаго: „Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра“. Художникъ, изобразивъ св. Владиміра старымъ, съ длинной сѣдой бородой, въ зелено голубомъ далматикѣ и верхнемъ красномъ плащѣ, застегивающемся на правомъ плечѣ, въ правую руку далъ ему восьмиконечный крестъ, а въ лѣвую, опущенную внизъ,—свитокъ съ молитвою [3]).

---

[1]) „Описаніе коллекціи древнихъ русскихъ иконъ“., іером. Христофора, Кіевъ, 1883 г., № 104, стр. 156.

[2]) „Описаніе рукописей Церковно-Археолог. Музея при Кіев. дух. Академіи“, Н. И Петрова, Кіевъ, 1875—1879 гг., № 394, стр. 374—5.

[3]) „Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра“ П. И. Малышевскаго, изд. С.Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, С.ПБ. 1888 г.

Въ заключеніе мы остановимся еще на одномъ изображеніи св. Владиміра, которое, по видимому, стояло особнякомъ и не участвовало въ развитіи иконописныхъ типовъ изображеній св. просвѣтителя Руси, но тѣмъ не менѣе можетъ пролить на эти изображенія нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ въ виду изображеніе св. Владиміра на одномъ знамени, вѣроятно XVI вѣка, доставленномъ изъ Польши сыномъ сенатора Ѳ. П. Ключарева и посвященномъ имъ въ соборъ св. Андрея Первозваннаго, въ селѣ Грузинѣ, близъ Новгорода. Вотъ описаніе этого знамени: „На пробѣленной ткани (миткалѣ) на немъ изображенъ красками золотомъ и серебромъ, въ греческомъ стилѣ, съ надписью: *Благовѣрный Великій Князь Владиміръ и вои*. Одно и тоже изображеніе по обѣ стороны, что́ очень часто встрѣчается на старинныхъ знаменахъ... Съ одной стороны великій князь Владиміръ I написанъ въ вѣнцѣ святыхъ сверхъ златой царской шапки византійской формы; въ правой рукѣ зубчатая булава, знакъ военачалія, въ лѣвой—кованая золотая узда, которою онъ правитъ коня. Сверхъ зипуна изъ узорчатаго зеленаго аксамита золотая броня съ оплечіями и наручами; сверхъ брони платно безъ рукавовъ изъ червчатаго аксамита; на ногахъ золотные сапоги. Сѣдло съ стременами. На другой сторонѣ изображеніе Владиміра тоже, съ тою разницею, что царская шапка болѣе похожа на великокняжескую, и въ правой рукѣ булава съ круглымъ шаромъ. Позади Владиміра конные воины въ шлемахъ; трое переднихъ везутъ хоругвь съ изображеніемъ креста и два знамени съ откосами. Передъ Владиміромъ врата, надъ которыми видѣнъ крестъ съ копіемъ и съ тростію, какъ изображался оный на знаменахъ, представляющихъ явленіе креста на небесахъ Константину Великому. Предъ вратами воевода, приподнявъ надъ головою шлемъ, встрѣчаетъ Владиміра или принимаетъ его приказанія; позади встрѣчающаго два юныхъ воина. Это изображеніе ясно напоминаетъ св. Владиміра, водворяющаго св. крестъ надъ градами русскими. Г. Писаревъ, по-

мѣстившій въ „Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ свѣдѣніе о хоругви св. Владиміра, предполагаетъ, что встрѣчаетъ Владиміра братъ его Святополкъ, а за нимъ Борисъ и Глѣбъ. Святополка трудно присоединить къ изображенному событію; но свв. Борисъ и Глѣбъ дѣйствительно изображались на знаменахъ вмѣстѣ съ св. Владиміромъ. Не смотря на это, утвердительно признать за князей Бориса и Глѣба двухъ воиновъ близъ вратъ на знамени Владиміра Великаго не возможно; въ 1072 году вскрыты уже мощи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, причтенныхъ церковію къ лику святыхъ, и въ иконописи они изображались не иначе, какъ въ вѣнцѣ святыхъ“ [1])

И это изображеніе на знамени имѣетъ общее сходство съ иконописнымъ изображеніемъ св. Владиміра: здѣсь также онъ изображенъ съ греческимъ носомъ и довольно большою, почти сѣдою бородою, но нѣсколько моложе, чѣмъ на иконахъ и фрескахъ. Но интереснѣе всего въ этомъ изображеніи на знамени то, что оно обнаруживаетъ новую черту вліянія Византіи на исторически слагавшійся и развивавшійся типическій образъ просвѣтителя Руси. Разсматриваемое знамя, по всѣмъ признакамъ, сдѣлано по образцу знамени съ изображеніемъ равноапостольнаго царя Константина. Въ царской оружейной казнѣ 1687 году хранилось „знамя на немъ писано по миткалямъ видѣніе Костянтина. Вооблацы написанъ Спасовъ образъ, да въ томъ же облацы крестъ Господень. Царь Костянтинъ на конѣ съ воинствомъ...“ Въ той же срединѣ подписано: „и явися благовѣрному царю Костянтину на небеси крестъ Господень и бысть гласъ изъ облака, глаголя: Костянтинѣ, симъ побѣждай враги твоя борющіятися! Да у той подписи крестъ съ копіемъ и тростію“ [2]). И св. Владиміръ на знамени также изображенъ на

---

[1]) „Древности Россійскаго Государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію“. Отдѣленіе III. Москва, 1853 г., стр. 1—3 и рисунки 1 и 2.

[2]) Тамъ же, стр. 2.

конѣ съ воинствомъ; но, что всего замѣчательнѣе, надъ воротами передъ Владиміромъ также изображенъ крестъ съ копіемъ и тростію. А такъ какъ св. Владиміръ вообще сравнивается и уподобляется, по своему просвѣтительному подвигу, съ равноапостольнымъ царемъ Константиномъ: то можно думать, что самый крестъ въ правой рукѣ св. Владиміра и Спасовъ образъ въ облакахъ надъ нимъ на изображеніи въ Новгородской Θеодоровской церкви XIV вѣка, замѣненный на иконѣ XVI вѣка св. Троицею, явились по образцу изображеній св. равноапостольнаго царя Константина.

Итакъ, изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра явилось у насъ въ Россіи сначала подъ сильнымъ византійско-болгарскимъ вліяніемъ, которое прежде всего выразилось въ монетномъ изображеніи просвѣтителя Руси, не имѣющемъ портретнаго характера. Болѣе національныя, русскія черты въ изображеніи князя Владиміра являются уже нѣсколько позже, на фрескѣ Успенскаго собора въ Владимірѣ на Клязьмѣ и затѣмъ на миньятюрахъ въ сказаніи о святыхъ мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ XIV вѣка, въ „Похвалѣ“ великому князю Владиміру 1414 года и, наконецъ, на стѣнѣ въ Нновгородской Θеодоровской церкви XV вѣка. Болѣе постоянныя, устойчивыя черты этихъ изображеній слѣдующія. Св. Владиміръ изображается старцемъ съ довольно длинною сѣдою бородою. Въ правой рукѣ на груди онъ держитъ восьмиконечный крестъ, а въ лѣвой рукѣ, опущенной внизъ, мечъ съ крестообразной рукояткой, перевитый тесьмою. На плечахъ князя накинутъ пурпуровый плащъ, застегнутый на правой сторонѣ груди пряжкою, и подъ плащемъ—болѣе длинная нижняя одежда изъ клѣтчатой матеріи синеголубаго цвѣта (далматикъ), съ бахромою на подолѣ; на ногахъ—желтая обувь, вѣроятно—сафьянная. Надъ св. княземъ иногда изображался Господь въ облакахъ, благословляющій Владиміра, впослѣдствіи замѣненный св. Троицею. Къ этому общему типу изображеній св. Владиміра болѣе

всего подходитъ и лучше и отчетливѣе другихъ сохранилась фреска въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ, а изъ новѣйшихъ воспроизведеній—изображеніе при изданномъ С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ „Житіи св. равноапостольнаго князя Владиміра", съ тѣмъ только существеннымъ отступленіемъ отъ древняго типа, что на послѣднемъ изображеніи въ лѣвую руку св. Владиміра, вмѣсто меча, дана хартія.

Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ.

Съ нынѣшнимъ торжественнымъ воспоминаніемъ крещенія Руси при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ неразрывно соединяется въ нашемъ представленіи воспоминаніе и о предкахъ нашихъ, благоговѣйно чествовавшихъ святую память равноапостольнаго князя нашего, передавшихъ ее въ наслѣдіе намъ и такимъ образомъ подготовившихъ настоящее торжество. Поэтому въ настоящее юбилейное торжество 900-лѣтія крещенія Руси естественно обратиться мыслію къ минувшимъ временамъ и отжившимъ поколѣніямъ, которыя рады бы были, дабы видѣли день сей, и—такъ сказать—мысленно пригласить ихъ къ соучастію въ настоящемъ торжествѣ, дабы они видѣли день сей и возрадовались.

Съ самой блаженной кончины св. равноапостольнаго князя Владиміра и до послѣдняго времени память его всегда была дорога и священна для русскаго сердца, какъ память законоположника православной вѣры для Россіи, положившаго начало христіанскому просвѣщенію и самосознанію русскаго народа, какъ святаго покровителя и защитника Русской земли. Но въ тяжелыя годины испытаній для Русской земли и въ эпохи подъема народнаго духа съ особеннымъ усердіемъ и сердечною теплотою обращались наши

предки къ заступничеству и покровительству св. равноапостольнаго князя Владиміра и воздавали ему соотвѣтственное чествованіе.

До 1240 года св. равноапостольный князь Владиміръ именовался въ древнихъ памятникахъ нашей письменности не святымъ, а только блаженнымъ, и имя его не было внесено въ памяти святыхъ, въ церковные мѣсяцесловы или святцы, съ пріуроченіемъ его памяти и службы ему къ извѣстному дню. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, празднованіе памяти равноапостольнаго князя Владиміра, какъ святаго, установлено впервые въ Новгородѣ св. благовѣрнымъ княземъ Александромъ Невскимъ, по случаю славной побѣды его надъ Шведами, совпавшей со днемъ успенія Владиміра и приписанной его молитвенному ходатайству предъ Богомъ за землю Русскую. Оно установлено между 15 іюля и октябремъ 1240 года, а служба св. Владиміру написана или тогда же, вслѣдъ за установленіемъ празднованія, или немного позже, но не позже начала 1241 года, въ которомъ затѣмъ впервые и праздновалась память его 15 іюля, какъ уже святаго, внесеннаго въ святцы. Съ тѣхъ поръ память св. Владиміра воспоминалась русскою Церковію не только на сѣверѣ Россіи, гдѣ она собственно и установлена была, но и на югѣ. Ипатская или галицко-волынская лѣтопись подъ 1254 годомъ называетъ Владиміра уже святымъ [1]). По словамъ католическаго ученаго Ассемани, русскіе въ той и другой Россіи, т. е. сѣверной и южной, почитали святыми и чествовали Владиміра, Елену (Ольгу), Бориса и Глѣба и другихъ еще задолго до учрежденія патріаршества въ Россіи. Въ анѳологіонѣ, уставѣ и мѣсячныхъ минеяхъ или прологахъ, которые, по словамъ Ассемани, восходятъ ранѣе 1500 года, воспоминаются указанные русскіе святые и между ними св. Владиміръ [2]).

---

[1]) „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля“ Н. И. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, Январь, 1882 года.

[2]) „Западно-русская Церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ“ А. Ѳ. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 года, стр. 424.

Къ прискорбію, въ самый годъ установленія памяти св. Владиміра и составленія службы ему, именно 6 декабря 1240 года, разоренъ былъ татарами Кіевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрушена и Десятинная Церковь св. Владиміра, на долгое время скрывшая подъ своими развалинами и мощи св. Владиміра. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и впечатлѣніяхъ, и только-что установленное празднованіе памяти св. Владиміра осталось въ строгомъ смыслѣ не нарочитымъ празднованіемъ, а только рядовымъ чествованіемъ. Жалкая вообще судьба раззореннаго татарами Кіева, продолжавшаго оставаться незначительнымъ городомъ, не способствовала къ сохраненію и оживленію памяти о его славномъ прошломъ, а затѣмъ и о его славномъ князѣ [1]).

Оживленію воспоминаній о св. князѣ Владимірѣ на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ содѣйствовали съ одной стороны бѣдствія православной южно-русской церкви отъ католиковъ и уніатовъ, особенно послѣ люблинской государственной уніи Литвы съ Польшей въ 1569 году и религіозной Брестской уніи 1569 года, а съ другой—постепенное возрастаніе Кіева, снова становившагося правительственнымъ и умственнымъ центромъ для южной Россіи. Въ виду той назойливости, съ какою польско-католики навязывали русскимъ православнымъ унію съ римскою церковію и даже католичество, западно-русскіе православные укрѣплялись въ своей вѣрѣ мыслію о томъ, что они получили православную вѣру отъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, который принялъ ее не отъ западной римской церкви, а отъ восточной византійской, и тѣмъ какъ бы завѣщалъ ее русскому народу на вѣчныя времена. Поэтому съ XVI вѣка память о св. Владимірѣ съ особой силой возстановляется на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ какъ въ цѣломъ рядѣ полемическихъ и литературныхъ произведеній, такъ и въ церковномъ чествованіи.

---

[1]) „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля" Н. И. Малышевскаго, стр. 65 и 66.

Латинскіе и уніатскіе полемисты, склоняя южно-русскихъ православныхъ къ уніи съ Римомъ, старались доказывать, что эта унія издавна и непрерывно существовала между Римомъ и греческою церковію, отъ которой зависѣла и южнорусская [1]), что св. Владиміръ крестился при цареградскомъ патріархѣ Николаѣ Хрисовергѣ, который будто бы былъ въ уніи съ западною церковію, и что если и были между Русью и польско-католиками какіе либо споры, то они касались только обрядовъ, а не вѣры [2]). Въ послѣдствіи времени іезуитъ Кулеша въ своемъ сочиненіи Wiara prawosławna доказывалъ даже, будто бы св. Владиміръ крещенъ былъ католическимъ миссіонеромъ св. Бонифаціемъ [3]). Съ своей стороны южно-русскіе и западо-русскіе православные, опровергая католиковъ и уніатовъ, доказывали, что во время крещенія Руси при св. Владимірѣ Римъ уже отпалъ отъ единенія со вселенскою церковію, не имѣлъ общенія съ нею и не принималъ никакого участія въ крещеніи Руси, что св. Владиміръ принялъ православную вѣру отъ Грековъ, получилъ увѣреніе въ ея истинности чудеснымъ исцѣленіемъ отъ слѣпоты и самъ, наконецъ, причисленъ православною церковію къ лику святыхъ. Доказательства этого рода разсѣяны у православныхъ въ сочиненіяхъ ихъ: Werificatiy newinnosci 1621 г. [4]), „Палинодіи“ Захаріи Копыстенскаго, того же года [5]), Supplementum Synopsis 1632 г. [6]), силлабическихъ стихотвореніяхъ 1670-хъ годовъ [7]), Fundamenta, na których lacinnicy

---

[1]) „Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западнорусской полемики XVI и XVII вв.“, В. З. Завитневича, Варшава, 1883 г., стр. 239 и 243.

[2]) Rozmowa, 1634 г., ксендза Скупинскаго, въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VII, Кіевъ, 1887 г., стр. 703, 710 и др.

[3]) „Палинодія“ Захаріи Копыстенскаго, В. З. Завитневича, стр. 251.

[4]) Изд. въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, Кіевъ, 1887.

[5]) Изд. въ „Исторической Библіотекѣ“, кн. 1, С.Петербургъ, 1878 г.

[6]) Изд. въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, Кіевъ, 1887 г.

[7]) Въ копіи находится въ рукописи Кіевской академической библіотеки, № О. Л. 27, т. II. Здѣсь о св. Владимірѣ говорится въ двухъ стихотвореніяхъ:

iedność Rusi z Rzymem fundują, 1683 года [1]), и др. Самымъ капитальнымъ изъ этихъ сочиненій нужно признать „Палинодію“ кіево-печерскаго архимандрита Захаріи Копыстенскаго, написанную имъ въ 1621 году противъ уніата Льва Кревзы.

„Како Андрей святый апостолъ пришолъ въ Кіевъ градъ къ невѣрнымъ“ и „О крещеніи русскомъ“. Въ первомъ изъ нихъ говорится:

Великая Россія ажъ до океана
За Володиміра свято просвѣщенна...
Яко же бо звѣзды изъ неба упали,
Тако и отступницы востоку отпали.
Но слава Христова, иже насъ спасаетъ,
И отъ еретиковъ вѣрныхъ заступаетъ.
По лѣтехъ же многихъ свѣтъ Руси возсіявъ,
Князь кіевскій поганинъ Христови увѣривъ
Володимеръ, его же патріарха крестилъ,
Кгды отъ идольской темности отступилъ
И себе и люди о Христѣ просвѣтилъ.
И за молитвами Андрея святого
Вѣруемо нынѣ въ Бога живого.

Въ стихотвореніи „О крещеніи русскомъ“ говорится:

Володимеръ великій васъ у вѣру крестилъ
И отъ идольской темности освѣтилъ.
А то Богъ даровалъ зъ милости благоя,
Абы прилучилъ васъ до воли своея,
Ижъ мертвымъ идоломъ служити престали
И живому Богу сынами зостали,
Кгды съ востоку святая вѣра возсіяла
И многобожную прелесть погасила.
Съ Константинополя святыхъ патріарховъ
Просвѣщени есьмы (отъ) восточныхъ іерарховъ,
Любите жъ и чтите восточныи права,
И пребудеть съ вами правдивая слава.
Чому жъ есте вѣру марне отступили
И еретицкія науки взюбили?
Чому церковь Божію нищую творите,
Чому о забвенью своемъ нерадите?“

[1]) „Палинодія Захаріи Копыстенскаго“ В. З. Завитневича, стр. 251.

Въ своей „Палинодіи" Захарія Копыстенскій нѣсколько разъ заводитъ рѣчь о крещеніи Руси при св. Владимірѣ и доказываетъ, что въ то время, когда крестился св. Владиміръ и съ нимъ вся Русь,—римская церковь уже уклонилась въ схизму и прервала единеніе съ Константинопольскою и со всею восточною церковію. Св. Владиміръ принялъ крещеніе при греческихъ царяхъ Василіѣ и Константинѣ, при которыхъ цареградскими патріархами были Николай Хрисовергъ, Сисиній и Сергій. А эти патріархи, по свидѣтельству самихъ же латинскихъ историковъ (Баронія), уже не имѣли общенія съ Римомъ; патріархъ же Сергій, при которомъ совершилось крещеніе Руси, писалъ противъ папы и всей западной церкви, обличая ихъ, что они измѣняютъ вѣру и догматы и новыми вымыслами своими раздираютъ Христову церковь. Къ этому русскія лѣтописи присовокупляютъ, что Греки неоднократно предостерегали св. Владиміра отъ заблужденій римской церкви: однажды чрезъ греческаго философа Кирилла въ Кіевѣ, а другой разъ въ Корсуни, тотчасъ по принятіи крещенія. Въ числѣ книгъ, полученныхъ русскою церковью отъ греческой, есть и Евхологіонъ или Требникъ, заключающій въ себѣ чинъ, какъ принимать въ православную церковь приходящихъ отъ римскаго костела. По этому чину, они должны были предварительно отречься отъ латинской вѣры, потомъ дать обѣщаніе твердо держаться вѣры восточной каѳолической церкви, а затѣмъ получить помазаніе св. мvромъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ своей „Палинодіи" Захарія Копыстенскій, разсказавъ подробно объ обстоятельствахъ крещенія св. Владиміра, о чудесномъ исцѣленіи его отъ слѣпоты и причисленіи къ лику святыхъ, дѣлаетъ изъ своего разсказа тотъ выводъ, что „Господь Богъ Россомъ не до Риму старого латинского показалъ дорогу, для одержанія крещенія и вѣры христіанской, а въ

---

1) „Палинодія" Захаріи Копыстенскаго въ „Русской Исторической библіотекѣ", кн. 1, С.-Петербургъ, 1878 года, стр. 999 – 1002 и 1004—1005.

отъ того ему науки, учители, книги и на божество подалъ, але зъ Риму нового грецкого, зъ Константинополя... Такій теды мы, Россове, выводъ нашего крещенія и увѣреня маючи, ижъ естъ отъ Бога, какъ чудами знаменитыми естъ потвержено, и ижъ Володимера и многихъ отъ Россовъ въ каталогу святыхъ маемо, не можемо вѣры той отступити"[1]).

Въ связи съ полемикою между католиками и православными, выдвинувшею на первый планъ вопросъ о крещеніи Руси при св. Владимірѣ и о православномъ его характерѣ, возстановлялось и церковное чествованіе св. Владиміра на югѣ Россіи и въ Кіевѣ. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила возстановляетъ, хотя и не въ первоначальномъ видѣ, Десятинную церковь въ Кіевѣ, основанную св. Владиміромъ, при чемъ открываетъ и части мощей св. Владиміра[2]). Вѣроятно, съ этого времени положено было и особое церковное чествованіе св. Владиміра въ Кіевѣ, продолжавшееся въ теченіи всего XVIII столѣтія и перешедшее отчасти и въ нынѣшнее столѣтіе. Въ мѣсяцесловѣ святыхъ при виленскомъ печатномъ евангеліи 1575 года день памяти св. Владиміра 15 іюля обозначенъ еще обыкновенными типографскими чернилами, какъ простой, непраздничный день[3]). Но въ Анѳологіонѣ, изданномъ въ 1643 году во Львовѣ Михаиломъ Слезкою при Петрѣ Могилѣ, память св. Владиміра уже отмѣчена въ числѣ церковныхъ праздниковъ, и св. Владиміру положена особая служба, представляющая воспроизведеніе древнѣйшей службы ему, составленной въ 1240 году[4]). Въ числѣ небольшихъ церковныхъ праздниковъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 771—772, 973—997 и 982.

[2]) „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля" Н. И. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи" за январь, 1882 г., стр. 66 и 67.

[3]) Евангеліе, Вильно, 1575 года, въ мѣсяцесловѣ подъ 15 іюля.

[4]) Анѳологіонъ, Львовъ, 1643 годъ, подъ 15 іюля.

значится память св. Владиміра и въ Кіевскихъ изданіяхъ XVII вѣка, напримѣръ, въ Апостолѣ Кіевской печати 1695 года[1]) и др.

Съ переходомъ лѣвобережной Украины и Кіева подъ власть россійскаго государства въ 1654 году, Малороссія и представители ея образованія Кіевскіе ученые стали тянуть къ центру Россіи и мало по малу уклоняться отъ тѣхъ вопросовъ южно-русской жизни, которые сильно волновали умы и затрогивали интересы православныхъ въ первую половину XVII вѣка. Возсоединенная часть Украины была теперь свободна, подъ охраною русскаго государства, отъ какихъ бы то ни было новыхъ посягательствъ на православіе[2]); а потому и память о св. Владимірѣ мало по малу перестаетъ быть предметомъ и орудіемъ полемики между православными и католиками. Тѣмъ не менѣе, разъ пробудившееся на югѣ Россіи и въ Кіевѣ народное самосознаніе уже не забывало св. Владиміра, какъ главнаго виновника распространенія и утвержденія православной вѣры и христіанскаго просвѣщенія въ Россіи. Южно-русскіе ученые, выходившіе преимущественно изъ Кіевской Академіи, не оставляя вовсе и полемики съ польско-католиками, со второй половины XVII вѣка старались премущественно раскрывать положительныя стороны въ жизни православной церкви и русской народности и создать свою отечественную науку и литературу. Между прочимъ, они касались исторіи крещенія и просвѣщенія Руси при св. Владимірѣ и раскрывали ее съ положительныхъ сторонъ и въ научныхъ историческихъ трудахъ и въ литературныхъ произведеніяхъ. Къ первымъ преимущественно относится „Синопсисъ“ бывшаго профессора и ректора Кіевской Академіи Иннокентія Гизеля, а ко вторымъ—трагедокомедія профессора и ректора Кіевской же Академіи Өеофана Прокоповича, подъ заглавіемъ

---

[1]) Апостолъ, Кіевъ, 1695 года, подъ 15 іюля.

[2]) „Кіевская Старина“, за май, 1888 года, стр. 266 и 267.

„Владиміръ, славено-россійскихъ странъ князь и повелитель" и проч., и нѣсколько проповѣдей кіевскихъ профессоровъ XVIII вѣка.

„Синопсисъ" Иннокентія Гизеля въ свое время пользовался почетною извѣстностію, имѣлъ до пяти изданій и до исторіи Ломоносова считался классическимъ сочиненіемъ по русской исторіи. Въ основаніе „Синопсиса" легла хроника бывшаго ректора Кіевской Академіи Ѳеодосія Сафоновича о событіяхъ въ Россіи до 1290 года, составленная по Кіевской и Волынской лѣтописямъ, которую Гизель восполнилъ свѣдѣніями изъ польскихъ историковъ и изъ своихъ личныхъ наблюденій [1]). Самое обширное и видное мѣсто въ своей книгѣ Иннокентій Гизель отводитъ разсказу о св. Владимірѣ, по видимому, не имѣя въ виду полемики съ польско-католиками и уніатами. Переломъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Владиміра дѣлитъ его жизнь на двѣ половины: до принятія христіанства и послѣ него. Владиміръ, какъ язычникъ, изображается у Иннокентія Гизеля, согласно лѣтописямъ и хроникамъ, человѣкомъ въ высшей степени властолюбивымъ, сластолюбивымъ и ревностнымъ идолопоклонникомъ. Интересную особенность изложенія Гизеля въ этомъ отдѣлѣ составляютъ двѣ главы „о идолѣхъ" и „о обливаніи водою на Великъ день" (т. е. Пасху), гдѣ онъ пытается представить картину русскаго язычества при св. Владимірѣ на основаніи не только лѣтописныхъ свидѣтельствъ, но и остатковъ язычества въ народѣ, сохранившихся до временъ автора, и слѣдовательно пользуется тѣмъ сравнительнымъ методомъ, какой мы видимъ у новѣйшихъ изслѣдователей русской языческой старины. До его времени сохранялись въ народныхъ пѣсняхъ и обрядахъ названія языческихъ божествъ Лады съ дѣтьми Лелемъ и Полелемъ, покровительницы браковъ, Купала, бога плодовъ земныхъ, которому праздновали въ навечеріе рождества Іоанна Крести-

---

[1]) „Иннокентій Гизель" Н. Ѳ. Сумцова, Кіевъ, 1884 года.

теля, 24 іюня, Коляды и Тура наканунѣ Рождества Христова и вообще въ рождественскія святки, и др. Но чѣмъ темнѣе картина язычества, тѣмъ ярче выступаетъ на ея фонѣ просвѣтительный подвигъ св. Владиміра, который нашелъ въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы переломить себя и отстать отъ дурныхъ привычекъ и наклонностей, прервать всякія связи съ древнею праотеческою народною вѣрою и замѣнить ее новою, христіанскою. Разсказавъ подробно о крещеніи св. Владиміра съ семействомъ и Кіевлянъ, Иннокентій Гизель, какъ бы для объясненія той быстроты и легкости, съ какой совершилось это крещеніе, возвращается назадъ и говоритъ о подготовленіи Руси къ христіанству или о четырекратномъ крещеніи Руси отъ св. апостола Андрея первозваннаго, при свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, при патріархѣ Фотіѣ и русскомъ князѣ Олегѣ и при св. великой княгинѣ Ольгѣ. Такимъ образомъ у Иннокентія Гизеля замѣчается широкая научная постановка предмета: историкъ хотѣлъ обставить фактъ крещенія Руси при Владимірѣ предшествовавшими и современными ему обстоятельствами, съ одной стороны—изображеніемъ славяно-русскаго язычества, а съ другой—свѣдѣніями о предуготовительныхъ, частныхъ крещеніяхъ Руси до св. Владиміра. Но что касается разработки частностей, то въ этомъ отношеніи Иннокентій Гизель не былъ достаточно разборчивъ и довѣрчиво слѣдовалъ за своими источниками. Особенно рѣзко бросается въ глаза смѣшеніе у него города Владиміра Волынскаго съ несуществовавшимъ еще при св. Владимірѣ городомъ Владиміромъ на Клязьмѣ [1]).

Во всякомъ случаѣ, „Синопсисъ" Иннокентія Гизеля въ разсказѣ о крещеніи Руси при Владимірѣ представляетъ такую округленность и полноту, какой не было въ предыдущей южно-русской литературѣ по этому предмету, и въ

---

[1]) Мы пользовались Кіевскимъ изданіемъ „Синопсиса" 1680 года.

свою очередь подалъ толчекъ дальнѣйшей литературной обработкѣ этого предмета. Мы имѣемъ здѣсь въ виду преимущественно Ѳеофана Прокоповича, бывшаго профессоромъ, а потомъ ректоромъ Кіевской Академіи.

Посвятивъ лучшіе молодые годы свои Кіевской Академіи и Кіеву, Ѳ. Прокоповичъ удѣлилъ часть своихъ трудовъ и на прославленіе имени св. равноапостольнаго князя Кіевскаго Владиміра. Историческіе факты, относящіеся къ крещенію Руси при св. Владимірѣ, у Ѳ. Прокоповича предполагаются уже установившимися и общеизвѣстными, и онъ старается только дать имъ психологическое объясненіе и литературную обработку. Доселѣ извѣстны два произведенія Ѳ. Прокоповича: это 1) его трагедокомедія „Владиміръ, россійскихъ странъ князь и повелитель", сочиненная имъ по обязанности преподавателя піитики въ 1706 году для домашняго студенческаго представленія, и проповѣдь на день св. равноапостольнаго князя Владиміра, вѣроятно, произнесенная имъ въ 1707 году, когда Ѳ. Прокоповичъ былъ профессоромъ реторики въ Кіевской Академіи. Первая, можетъ быть, составлена по поводу появленія въ 1704 году сочиненія Кулеша Wiara prawosławna, гдѣ доказывалось, якобы Владиміръ крещенъ былъ католическимъ святымъ Бонифаціемъ [1]). Но какъ въ трагедокомедіи, такъ и въ проповѣди Ѳ. Прокоповичъ имѣлъ въ виду не столько полемику съ католиками, сколько раскрытіе положительныхъ сторонъ просвѣтительной дѣятельности св. Владиміра. Какъ ревнитель просвѣщенія и впослѣдствіи дѣятельнѣйшій сотрудникъ Петра I въ преобразованіи и просвѣщеніи Россіи по западно-европейскому образцу, Ѳ. Прокоповичъ цѣнилъ во св. Владимірѣ именно то, что онъ первый отвергъ мракъ язычества и поставилъ Россію на тотъ путь христіанскаго и европейскаго образованія, по которому пошелъ

---

[1]) О сочиненіи Кулеша см. „Палинодію Захаріи Копыстенскаго" В. З. Завитневича, Варшава, 1883 г., стр. 251.

затѣмъ ускоренными, быстрыми шагами Петръ I. Такимъ образомъ произведенія Ѳ. Прокоповича, посвященныя св. Владиміру, пытаются изобразить преимущественно внутреннюю сторону обращенія св. Владиміра къ христіанской вѣрѣ, угадать и раскрыть его внутреннія расположенія и мысли и выразить ихъ въ художественной литературной формѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ поступилъ преподавателемъ въ Кіевскую Академію вскорѣ по переименованіи ея изъ коллегіи въ Академію, т. е. изъ средняго въ высшее учебное заведеніе, и одинъ изъ первыхъ сталъ практиковать академическій методъ преподаванія, съ болѣе или менѣе научными пріемами и строго опредѣленнымъ направленіемъ. Довершивъ свое образованіе за границей и побывавъ въ Италіи, Ѳ. Прокоповичъ вынесъ оттуда уваженіе и любовь къ возрожденію классической и преимущественно древне-римской литературы и старался вытѣснить господствовавшую до него въ Кіевской Академіи схоластику. Въ этомъ отношеніи его можно назвать однимъ изъ первыхъ и лучшихъ представителей возрожденія классицизма въ Россіи. А это общее направленіе учено-литературной дѣятельности Прокоповича замѣтно отразилось и на его лекціяхъ по піитикѣ и реторикѣ, и на его собственныхъ литературныхъ опытахъ и между прочимъ на трагедокомедіи „Владиміръ" и проповѣди на день св. Владиміра. Въ составленныхъ имъ руководствахъ по піитикѣ и реторикѣ Ѳ. Прокоповичъ вездѣ рекомендовалъ классическіе образцы литературы или позднѣйшія удачныя подражанія древнимъ классикамъ, а въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ самъ старался осуществить свои теоретическія наставленія. Его трагедокомедія „Владиміръ" составлена, по всей вѣроятности, по подражанію комедіи Плавта „Amphitruo" [1]), а проповѣдь на день св. Владиміра или

---

[1]) См. мои статьи „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи до преобразованія ея въ 1819 году въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи" за 1866 годъ.

прямо упоминаетъ имя классическаго проповѣдника древней христіанской церкви Іоанна Златоустаго, или же, не упоминая его имени, пользуется его выраженіями и образомъ представленія.

Трагедокомедія „Владиміръ" открывается появленіемъ тѣни Ярополка, убитаго братомъ его Владиміромъ. Вышедши изъ преисподней, тѣнь Ярополка блуждаетъ около Кіева, мучится завистію при мысли о благоденствіи братоубійцы Владиміра и извергаетъ хулу не только на Христа, къ Которому намѣренъ обратиться Владиміръ, но и на своего бога Перуна, безнаказанно допустившаго братоубійство. Она встрѣчается съ верховнымъ жрецомъ Перуна Жериволомъ, предупреждаетъ его, что Владиміръ, дерзнувшій пролить кровь братнюю, намѣренъ возстать и противъ самихъ боговъ, и при этомъ разсказываетъ ему объ обстоятельствахъ своей смерти согласно со сказаніемъ лѣтописи и Синопсиса Иннокентія Гизеля. Жериволъ, совмѣщавшій въ себѣ шарлатанство, обжорство, низкую лесть, трусость и хвастливую заносчивость, по совѣщаніи съ сонмомъ нечистыхъ духовъ и съ другими жрецами Куроядомъ и Піяромъ (пьянчугой), призываетъ къ себѣ на помощь, для отвращенія Владиміра отъ христіанства, трехъ бѣсовъ,—бѣса міра, бѣса плоти и бѣса противленія Божія, которые являются въ пьесѣ лишь олицетвореніями наклонностей язычника Владиміра, задерживавшихъ его обращеніе ко Христу. Бѣсъ міра берется внушить Владиміру гордую мысль, что унизительно и стыдно было бы для него, какъ могущественнаго русскаго князя, преклонить свою выю распятому и нищему Христу. Бѣсъ хулы или противленія Божія изрыгаетъ хулу на Христа, что онъ не даромъ-де распятъ между двумя разбойниками и потому преимущественно привлекаетъ къ себѣ не праведниковъ, а грѣшниковъ, и пока Владиміръ отличался мужествомъ и пользовался доброю славою,—его не призывалъ къ себѣ Христосъ; но когда онъ осквернилъ себя братоубійствомъ, то сдѣлался угоднымъ Христу. Бѣсъ хулы и

противленія Божія обѣщается вложить въ умъ Владиміра христоненавистные помыслы и сдѣлать его вторымъ Юліаномъ отступникомъ. Наконецъ, бѣсъ плоти хвалится, что онъ только что въ одной далекой христіанской странѣ внушилъ двумъ князьямъ любовь къ одной дѣвѣ, поссорилъ ихъ и довелъ до междоусобной кровопролитной войны, и что онъ уже опуталъ Владиміра тремя стами женъ, которыя не дадутъ ему и съ мѣста двинуться и предохраняетъ его отъ принятія христіанства.

Съ третьяго дѣйствія трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича изображается процессъ обращенія Владиміра ко Христу. Владиміръ представляется бесѣдующимъ съ сыновьями своими Борисомъ и Глѣбомъ по поводу прибытія въ Кіевъ посла византійскихъ императоровъ, греческаго философа, съ предложеніемъ христіанской вѣры и для переговоровъ о свойствѣ. Борисъ и Глѣбъ явно обнаруживаютъ свое сочувствіе греческому философу и предлагаемой имъ новой вѣрѣ и просятъ отца, чтобы онъ вторично пригласилъ къ себѣ философа и подробно узналъ отъ него о сущности христіанскаго ученія. Владиміръ тѣмъ охотнѣе соглашается исполнить просьбу сыновей, что и самъ увлеченъ былъ евангельскою проповѣдію греческаго философа и чувствовалъ въ своемъ сердцѣ вѣяніе благодати Божіей, призывающей его ко спасенію. Для большаго освѣщенія высоты христіанской вѣры, Прокоповичъ выводитъ на сцену языческаго жреца Жеривола, который старается отстоять передъ Владиміромъ и философомъ упадающее славянское язычество, но обнаруживаетъ лишь грубое невѣжество, низменный плотской взглядъ на божество и низкія свои страсти и въ безсильной злобѣ удаляется отъ Владиміра. Тогда греческій философъ вступаетъ съ Владиміромъ, въ присутствіи Бориса и Глѣба, въ длинную бесѣду и отъ разума доказываетъ невидимость и духовность единаго истиннаго Бога и его свойства—величіе, всемогущество, премудрость, правосудіе, благость; затѣмъ говоритъ о грѣхопаденіи человѣка и искуп-

ленія его Іисусомъ Христомъ, вознесеніи его на небеса и о второмъ пришествіи Христовомъ и страшномъ судѣ. Вообще, эта бесѣда есть философско-богословскій трактатъ въ духѣ современнаго Ѳ. Прокоповичу богословія, только изложенный въ формѣ бесѣды или разговора и силлабическими стихами. По уходѣ философа, Борисъ и Глѣбъ окончательно и безповоротно склоняются на его сторону; но Владиміръ, не довѣряя ихъ дѣтскому уму, считаетъ нужнымъ наединѣ обсудить тщательно всѣ условія и обстоятельства предиамѣреваемой имъ перемѣны старой языческой вѣры на новую христіанскую. Въ это-то время и приступаютъ къ нему съ искушеніями гордые и хульные помыслы и плоть и всѣми силами стараются отвратить его отъ христіанства. Внутренняя, душевная борьба св. Владиміра съ этими врагами его спасенія весьма сходно изображается у Ѳ. Прокоповича какъ въ его трагедокомедіи, такъ и въ проповѣди. Въ послѣдней Ѳ. Прокоповичъ такъ изображаетъ величіе подвига и побѣды Владиміра: „Понеже убо,—говоритъ онъ,—міръ сѣнною своею славою и гордостію на души человѣческія ратуетъ, кому тутъ не явно, яко сію мірскую силу сломи Владиміръ святый, яко славолюбіемъ не побѣдился, яко духъ гордый преславнымъ своимъ дѣломъ испраздни? Не наносилъ ли сердцу его бѣсъ горделивый высокаго помышленія: отъ кого вѣры учитися имаши, Владиміре? отъ христіанъ ли, иже имени твоего ужасаются и множицею тобою были побѣждены? Побѣдители даютъ законъ побѣжденнымъ,—ты ли хощеши пріяти отъ побѣжденныхъ? Толикій владыка рода твоего отъ инородныхъ ученія просиши? Господь отечества твоего отъ странныхъ, наслѣдникъ князей россійскихъ отъ пришелецъ, еще же и въ возрастѣ совершенномъ? Посмѣются тебѣ вельможи твои,—и кто не речетъ, яко аще нынѣ учишися, убо отъ млада доселѣ безуменъ былъ еси? Къ тому и отъ безумныхъ отецъ и праотецъ рожденъ наречешися; явѣ бо сотвориши, яко весь родъ твой, чтуще боги своя, не вѣдяше истины и

слѣпъ и невѣжда бяше... И что о Христѣ слыша, еже бы къ толикому увѣренію божества его сердце его княжеское подвигнуло? Яко сынъ тектоновъ бѣ, нищій, странный, не имѣющій гдѣ главы приклонити, таже яко злодѣй со злодѣями повѣшенъ на древѣ. Сему подобаше кланятися, сего Бога нарицати, сего рабомъ нарицатися. О тяжестное слышаніе княжескому сердцу!"—Другую важную побѣду одержалъ Владиміръ надъ своею сластолюбивою плотію. „Воистину не можно не дивитися,—говоритъ Прокоповичъ,—яко того, который отъ дѣтства во всѣхъ сластехъ плотскихъ погруженный валялся, не устрашило новое ученіе христіанское, повелѣвающее въ великомъ трезвеніи животъ исправляти. А что есть наибольшее,—толь необузданнымъ устремленіемъ за похотми плотскими течаше и тако раздирашеся отъ огненнаго блуднаго бѣса, яко, по свидѣтельсву Нестора святаго, кромѣ 6-ти женъ, 500 къ тому наложницъ имѣяше. Какая же тутъ война на сердце его наступила, когда отъ евангельскаго ученія сказоваше ему, яко и возрѣти на жену съ похотію, во еже вожделѣти ея, есть скверное прелюбодѣяніе, есть грѣхъ смертный, есть дѣло, за которое правда Божія вѣчнымъ огнемъ казнити будетъ? О трудное ученіе на сластолюбивыхъ и плотскихъ!"—На третьей побѣдѣ Владиміра надъ діаволомъ Прокоповичъ много не останавливается, какъ на явной и очевидной для всѣхъ. „Аще убо Владиміръ святый разорилъ домы діавольскіе, расхитилъ сосуды ихъ и кумиры бездушные, кому не явѣ есть, яко связа крѣпкаго, побѣди, поверже, попра торжественно самаго діавола"?

Въ послѣднемъ, пятомъ дѣйствіи трагедокомедіи излагается внѣшняя исторія истребленія идолопоклонства и водворенія христіанства въ Россіи. Вождь Владиміровыхъ войскъ Мечиславъ, вмѣстѣ съ Храбрымъ Вождемъ, истребляютъ, по приказанію Владиміра, идоловъ и ихъ жрецовъ Курояда и Піяра, причемъ Храбрый Вождь, а потомъ и самъ Владиміръ въ особой грамотѣ сообщаютъ Мечиславу

подробно объ обстоятельствахъ крещенія св. Владиміра. Въ заключеніе св. апостолъ Андрей съ ангелами въ торжественномъ гимнѣ радуется исполненію своего предсказанія о просвѣщеніи Кіева свѣтомъ христіанской вѣры и въ пророчественномъ тонѣ обозрѣваетъ послѣдующіе успѣхи православія и христіанскаго просвѣщенія въ Кіевѣ до самыхъ временъ Ѳ Прокоповича, какъ плоды просвѣтительнаго подвига св. Владиміра. Таже мысль яснѣе и отчетливѣе раскрывается и въ проповѣди Ѳ. Прокоповича на день памяти св. Владиміра. Вторая половина этой проповѣди посвящена рѣшенію вопроса о томъ, „что за добро во время царствованія своего учинилъ намъ Владиміръ святый?" „Кое благодареніе, равное благодѣяніямъ твоимъ, воздати можемъ?" говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ св. Владиміру. „Тебѣ благодарственная восписуемъ, яко отъ толь темной тьмы (т.е. язычества) къ великому евангелія свѣту воспрянухомъ. Тебѣ восписуемъ, яко величавыи демоны, Перуны, Волосы, Подзвизды, Лады, Купалы, и малымъ у насъ дѣтямъ единымъ поруганіемъ и смѣхомъ остались. Тебѣ восписуемъ, яко на самую повѣсть мерзкихъ прежнихъ жертвъ рода нашего плюемъ и гнушаемся. Кто же уже изрещи можетъ, како Россія, отъ святаго Владиміра просвѣщенная, процвѣла въ добродѣтели, коликими чудесами прославилася, коликихъ угодниковъ Божіихъ породила и раждаетъ? А тому всему, яко зданію нѣкоему, основаніе положилъ Владиміръ. Хощетъ ли кто совершенно вся его благодѣянія исчислити, да изочтетъ всѣхъ въ Россіи просіявшихъ чудотворцевъ, преподобныхъ, мучениковъ, архіереовъ, учителей, да исчислитъ въ семъ градѣ (т. е. Кіевѣ) видѣнная, и во всей державѣ Россійской безчисленная чудеса, да обыдетъ умомъ многонародное и пространное монарха нашего царство, коль многія обители, храмы, престолы архіерейскіи, церковныи сосуды, орудія, украшенія, пѣнія, книги евангельскія! Не собываются ли дни Андрея Первозваннаго, предрекшаго о имущемъ просіяти въ земли нашей благочестіи, и многимъ

церквамъ Божіимъ воздвигнутися? А всему тому начало, причина и поводъ—Владиміръ святый", и проч. [1]).

Со времени Ѳ. Прокоповича и въ теченіи всего XVIII столѣтія не прекращалось въ Кіевѣ особое чествованіе памяти св. Владиміра какъ особымъ церковнымъ празднествомъ, такъ и нарочитыми поученіями на день его памяти. Кромѣ проповѣди Ѳ. Прокоповича, намъ удалось найти еще двѣ неизданныя доселѣ проповѣди кіевскихъ ученыхъ XVIII вѣка на день памяти св. Владиміра. Одна изъ нихъ помѣщена вмѣстѣ съ другими проповѣдями на праздники свв. Бориса и Глѣба и Успенія Богородицы и, по всей вѣроятности, составлена и произнесена въ 1705 году [2]), а другая помѣщена въ числѣ словъ на праздники и составлена и произнесена въ Кіево-Академической Богоявленской церкви въ 1779 году преподавателемъ Кіевской Академіи іеромонахомъ Амвросіемъ Келембетомъ, впослѣдствіи архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ [3]). Мы не будемъ долго останавливаться на этихъ проповѣдяхъ, такъ какъ содержаніе ихъ не представляетъ ничего особеннаго и замѣчательнаго. Первая изъ нихъ, раскрывая общую мысль, что св. Владиміръ сдѣлался великимъ чрезъ вѣру и крещеніе, останавливается на рѣшеніи вопроса о томъ,—„почто всемогущій Богъ допускаетъ избраннымъ своимъ угодникамъ падати въ прегрѣшенія или въ невѣріе, яко и сему равноапостольному князю Владиміру?". Онъ допускаетъ это, во-первыхъ, для того, „да явитъ бездну своего милосердія, а также всемогу-

---

[1]) Трагедокомедія „Владиміръ" издана г. Тихонравовымъ, но мы пользовались ею въ рукописномъ спискѣ библіотеки Кіевской Дух. Академіи, N I. III. 93. Слово Ѳ. Прокоповича на день св. Владиміра впервые напечатано въ изданіи „Ѳеофана Прокоповича Слова и рѣчи", С.Петербургъ, 1765 г., ч. III, стр. 335—349.

[2]) Рукопись Кіевской Дух. Семинаріи, № VIII. 1. 90. Тотчасъ за проповѣдью на день Успенія Богородицы здѣсь выписано заглавіе піитики, преподанной въ Кіевской Академіи въ 170⁵/₆ году.

[3]) Рукопись Кіевской Дух. Академіи, № О. Л. 18.

щую крѣпость и силу своего Божества, яко можетъ съ сосуда въ нечестіи суща и разваленнаго создати сосудъ въ честь и преизрядный"; во-вторыхъ, для того, чтобы впавшіе въ прегрѣшенія и невѣріе „потомъ большую любовь и ревность имѣли ко хвалѣ Божіей, воспоминая тяжкое свое бѣдствіе и опасность"; въ третьихъ, для того, „да явитъ Господь Богъ свое тщаніе прилежное и стараніе ко грѣшному человѣку; ибо, аще человѣкъ отъ тьмы грѣховной обратится къ свѣту, велія радость на небеси бываетъ о единомъ грѣшницѣ кающемся". Для подтвержденія этихъ мыслей, проповѣдникъ подбираетъ факты изъ жизни и дѣятельности св. Владиміра.—Проповѣдь же Амвросія Келембета отличается еще болѣе общимъ характеромъ. Отъ частной мысли о просвѣщеніи Россіи христіанскою вѣрою при св. Владимірѣ проповѣдникъ переходитъ къ болѣе общей мысли объ обращеніи грѣшниковъ по гласу Спасителя или призванію благодати Божіей и въ заключеніи примѣняетъ эту общую мысль и къ обращенію св. Владиміра. Но обѣ эти проповѣди имѣютъ для насъ значеніе не по своему содержанію и характеру, а какъ свидѣтели и показатели продолжавшагося въ Кіевѣ, на протяженіи всего XVIII столѣтія, церковнаго чествованія памяти св. Владиміра.

Къ концу XVIII столѣтія въ Кіевѣ появляются и монументальные памятники въ честь св. Владиміра. Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка явилась въ Кіевѣ на Печерскѣ первая церковь во имя св. Владиміра, деревянная, перенесенная потомъ на нынѣшнее свое мѣсто, на Новомъ Строеніи. Едва ли не къ этому времени относится первое устройство Кіевлянами надъ Крещатицкимъ источникомъ, какъ предполагаемымъ мѣстомъ крещенія Кіевлянъ, памятника св. Владиміру въ видѣ деревянной часовни, въ которой совершался и крестный ходъ изъ сосѣдней Христорождественской церкви дважды въ годъ: 15 іюля въ день св. Владиміра и 2 мая въ день перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба. Здѣсь же въ 1802 году кіевскіе граждане, по случаю подтвержденія

Государемъ Императоромъ Александромъ I старинныхъ правъ кіевскаго городскаго магистрата, построили существующій въ обновленномъ видѣ донынѣ памятникъ съ двумя надписями, изъ коихъ одна гласитъ: „Св. Владиміру, просвѣтителю Россіи". Императоръ Александръ I изъявилъ гражданамъ свое благоволеніе и признательность за это, а Кіевскій митрополитъ Серапіонъ въ 1804 году къ существовавшимъ уже прежнимъ крестнымъ ходамъ къ крещатицкому источнику присоединилъ новый— изъ Софійскаго собора въ день преполовенія. Эти крестные ходы съ 1843 года, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, временно прекратились, вслѣдствіе начавшихся тогда извѣстныхъ земляныхъ работъ по обѣимъ сторонамъ мѣстности, а затѣмъ пришелъ въ запустѣніе и самый памятникъ 1802 г. Но и въ то же царствованіе Николая I съ особенною силою возстановляется память о св. Владимірѣ не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Россіи и въ самой царской Семьѣ.

Почипъ возстановленія и прославленія памяти св. Владиміра въ царствованіе императора Николая I въ Кіевѣ принадлежитъ Кіевскому митрополиту Евгенію Болховитинову, знатоку и любителю древностей, который открылъ нѣкоторые остатки древней Владиміровой Десятинной церкви и тѣмъ вызвалъ усердіе частныхъ лицъ (А. С. Анненкова) къ построенію (1828—1842 г.г.) новой Десятинной церкви съ придѣломъ во имя св. Владиміра. Съ своей стороны, правительство, укрѣпляя и поднимая Кіевъ па степень административнаго и умственнаго центра для юго-западной Россіи, именемъ св. Владиміра называло свои новыя учебныя учрежденія, какъ, напримѣръ, Университетъ и Кадетскій корпусъ, устроило во имя св. Владиміра церкви при Университетѣ, Кадетскомъ корпусѣ и въ Прозоровской башнѣ Кіевской крѣпости и въ 1853 году воздвигнуло ему величественный памятникъ на горѣ противъ стараго памятника. Въ это же царствованіе, по мысли Кіевскаго митрополита Филарета, поддержанной его преемниками и другими представи-

тельными лицами Кіева, а также и правительствомъ, предпринято на пожертвованія всей Россіи и пособія отъ правительства, построеніе въ Кіевѣ новаго величественнаго храма во имя св. Владиміра, въ настоящее время почти оконченное [1].

Замѣтную, выдающуюся особенность въ чествованіи памяти св. Владиміра въ царствованіе императора Николая I составляетъ то обстоятельство, что торжественность воспоминанія и празднованія памяти св. Владиміра изъ Кіева распространяется и по другимъ мѣстамъ Россіи, съ которыми такъ или иначе соединяется память о св. Владимірѣ. Бывшій ректоръ Кіевской Духовной Академіи и викарій Кіевской епархіи преосвященный Иннокентій (Борисовъ), сдѣлавшись въ послѣдствіи времени архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, возымѣлъ благую мысль возстановить древнія христіанскія святыни Тавриды и между прочимъ обратилъ просвѣщенное свое вниманіе на развалины Херсониса Таврическаго, послужившаго, такъ сказать, первою купелью для крещенія Руси при св. Владимірѣ. Онъ предположилъ возстановить здѣсь монастырь и въ 1850 году построилъ небольшую церковь съ келліями для монаховъ. Церковь эта во время осады Севастополя была разрушена, но въ 1857 году вновь возстановлена. Независимо отъ того, покойный археологъ, графъ А. С. Уваровъ, произвелъ въ 1853 году, по порученію Министерства внутреннихъ дѣлъ, изысканія и раскопки на развалинахъ древняго Херсониса и нашелъ остатки древняго храма, въ которомъ, по его мнѣнію, крестился св. Владиміръ. На мѣстѣ этого храма заложенъ былъ 23 августа, 1861 года, въ присутствіи Государя Императора Александра II Николаевича, новый величественный

[1]) „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля“ Н. И. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“. Январь, 1882 г., стр. 67 и 68.

храмъ во имя святаго равноапостольнаго князя Владиміра, нынѣ уже вчернѣ оконченный [1]).

Не можемъ, наконецъ, обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что съ царствованія Государя Императора Николая Павловича и до настоящаго времени Россійскій Императорскій Домъ, ведущій преемство свое отъ св. Владиміра, живѣе начинаетъ чувствовать свои кровныя, родственныя связи съ равноапостольнымъ просвѣтителемъ Руси и прославленными св. церковію его потомками и избираетъ ихъ святыми покровителями и патронами тезоименныхъ имъ своихъ августѣйшихъ членовъ. Блаженной памяти Государь Императоръ Александръ II Николаевичъ Освободитель и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Александръ III Александровичъ носятъ имя того самаго святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, который предстательствомъ и заступленіемъ предка своего святаго равноапостольнаго князя Владиміра и въ день его блаженной кончины одержалъ знаменитую свою побѣду надъ Шведами, какъ бы расчистившую мѣсто для будущей новой столицы С.-Петербурга, и въ память этой побѣды и въ благодарность за нее установилъ празднованіе памяти св. Владиміра, а братъ Государя Императора, Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, имѣетъ своимъ покровителемъ и патрономъ самого св. равноапостольнаго князя Владиміра и такимъ образомъ служитъ посредникомъ, соединяющимъ нынѣшнее торжественное всенародное празднованіе памяти св. Владиміра съ семейнымъ торжествомъ царствующаго Дома, и виновникомъ сугубаго нашего торжества.

Въ прошедшее царствованіе продолжало развиваться то, что̀ начато было въ царствованіе императора Николая I: созидались величественные храмы во имя св. Владиміра въ

---

[1]) „Путеводитель по Крыму" Н. Сосногоровой, 3-е изд., Одесса, 1880 г., стр. 237; св. „Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ", 1886 г., т. I: „Незабвенной памяти графа А. С. Уварова".

Кіевѣ и Херсонисѣ, оканчиваемые уже въ настоящее время, возстановлялось забытое и временно прекратившееся и учреждалось новое для прославленія имени св. Владиміра. Въ 1860—1 году возобновленъ былъ Кіевлянами старый городской памятникъ надъ крещатицкимъ источникомъ, вслѣдъ затѣмъ возстановленъ и крестный ходъ къ этому источнику, однажды въ годъ, 15 іюля, въ день памяти св. Владиміра [1]), и учреждено Кіевское Свято-Владимірское братство съ миссіонерскими и просвѣтительными цѣлями.

Съ настоящаго времени чествованіе памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра становится на будущія времена уже не Новгородскимъ, не Кіевскимъ и не Херсонисскимъ только, а всероссійскимъ церковнымъ и народнымъ празднествомъ. Почему именно теперь, въ 900-лѣтіе крещенія Руси, а не раньше, не чрезъ 500, 700 или 800 лѣтъ послѣ этого событія, устанавливается торжественный всероссійскій праздникъ въ честь и память св. Владиміра,—понять не трудно. Св. Владиміръ есть творецъ христіанскаго просвѣщенія, гражданственности и прочной государственной власти по христіанскимъ понятіямъ, есть первый и главный виновникъ пробужденія народнаго русскаго самосознанія и историческаго развитія Россіи. Но онъ положилъ только начатки просвѣщенію, самосознанію, гражданственности и могуществу Россіи, которые развивались и двигались впередъ медленнымъ и тяжелымъ многовѣковымъ трудомъ, среди разнаго рода препятствій и затрудненій внѣшнихъ и внутреннихъ, и значеніе этихъ начатковъ не было вполнѣ очевидно и осязательно для предшествовавшихъ поколѣній, непосредственно творившихъ нашу исторію. Въ настоящее же время уже завершается процессъ внѣшняго и внутренняго объединенія и образованія Россіи, и мы имѣемъ воз-

---

[1]) „Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владиміра 15 іюля" Н. И. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.", январь 1882 г., стр. 68.

можность яснѣе и отчетливѣе видѣть путь, пройденный Россіей до настоящаго времени, и полнѣе оцѣнить заслуги св. Владиміра въ дѣлѣ развитія русскаго народа и государства и русскаго народнаго самосознанія и самочувствія, а тѣмъ содѣйствовать и дальнѣйшему своему саморазвитію. Нѣтъ сомнѣнія, что настоящее время, настоящее царствованіе представляетъ сравнительно высшую точку подъема народнаго русскаго духа, самочувствія и самосознанія, опирающагося на отечественныхъ историческихъ началахъ. Празднуя торжественно память св. Владиміра, мы вмѣстѣ съ тѣмъ празднуемъ гражданственное, политическое и народное совершеннолѣтіе свое, празднуемъ,—такъ сказать,—имянины Русской земли, достигшей совершеннолѣтія. Съ запасомъ свѣдѣній и опытовъ, полученныхъ въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, мы вступаемъ теперь въ возрастъ зрѣлаго мужества народной жизни, чтобы примѣнять на дѣлѣ тѣ уроки и опыты мудрости, какіе преподала и завѣщала намъ наша родная историческая жизнь, начиная со временъ св. Владиміра.

Н. П.

СЛОВО,

сказанное 10 іюля 1888 г. (въ 4-ю недѣлю по пятидесятницѣ), накануне церковнаго торжества по случаю исполнившагося девятисотлѣтія со времени крещенія Россіи при св. Владимірѣ.

Наступаютъ дни великихъ, церковныхъ и отечественныхъ, воспоминаній. Съ завтрашняго дня,—дня памяти святой равноапостольной княгини Ольги,—православная россійская церковь начинаетъ торжественно праздновать воспоминаніе просвѣщенія святою вѣрою и святымъ крещеніемъ нашей свято-русской земли, совершившагося по благодати Божіей девять сотъ лѣтъ тому назадъ. Нашъ городъ, слывущій матерію городовъ русскихъ, былъ мѣстомъ, откуда возсіялъ и распространялся по всей странѣ русской спасительный свѣтъ вѣры Христовой. И нынѣ, къ горамъ кіевскимъ, бывшимъ колыбелью русскаго православія, обращены сочувственные взоры и сердца всѣхъ, живущихъ въ предѣлахъ необъятной Россіи и согласно съ нами исповѣдующихъ святое имя Христово. Живые отголоски сочувствія доносятся до насъ и изъ другихъ странъ, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ, лежащихъ за предѣлами нашего отечества, даже изъ странъ, не связанныхъ съ нами единствомъ вѣроисповѣданія. И въ нашемъ святомъ Кіевѣ священноначаліе россійской церкви указало совершить главное воспоминательное торжество. Такимъ образомъ намъ, населяющимъ горы, предгорія и долы кіевскіе, выпалъ счастливый жребій

воспринять обращенное къ намъ сочувствіе нашихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, и принять особенное живое и непосредственное участіе въ торжественномъ воспоминаніи церковію великаго для насъ событія.

Съ радостію откликнемся на приглашеніе церкви почтить молитвеннымъ торжествомъ дорогую для насъ память великаго просвѣтителя Россіи въ дни исполнившагося девятисотлѣтія крещенія нашего отечества. Служитъ знаменіемъ добраго настроенія совершающееся во очію нашею обращеніе народнаго чувства къ давно прошедшимъ событіямъ, положившимъ начало новой жизни, или давшимъ благопріятный оборотъ теченію судебъ, переживаемыхъ страною. Всякій частный человѣкъ, внимательный къ ниспосланнымъ ему благамъ, съ особеннымъ чувствомъ благодарности встрѣчаетъ дни своего рожденія и дни своего тезоименитства, которые у насъ заступаютъ мѣсто дней крещенія или пріобщенія къ церкви Христовой, и въ отличіе отъ простыхъ будничныхъ дней старается ознаменовать ихъ чѣмъ либо особеннымъ. Не тѣмъ ли болѣе народъ съ особеннымъ вниманіемъ долженъ воспоминать знаменательные дни своей прошедшей жизни, въ которые явлено было ему особенное посѣщеніе милости Божіей? Когда народъ, переступая вѣковыя грани своей жизни, съ умиленіемъ останавливается на тѣхъ годахъ, на которыхъ яркими чертами отмѣчены слѣды божественнаго промышленія о немъ, и съ благоговѣніемъ чествуетъ послужившихъ его спасенію или возвеличенію,—это свидѣтельствуетъ о томъ, что не притуплено, а живо и чутко его народное чувство, что онъ цѣнитъ то достояніе, которое наслѣдовалъ отъ предковъ. Уваженіе къ прошедшему есть прекрасный задатокъ для будущаго.

Но изъ событій прошедшей жизни нашего народа можетъ ли сравниться по своему значенію какое либо другое событіе съ тѣмъ, воспоминаніе о которомъ вызываютъ предстоящія церковныя торжества? Крещеніе нашихъ предковъ— это наше рожденіе въ духовную жизнь. Если какое воспо-

минаніе должно быть дорого для насъ, то первѣе всего то, которое нынѣ волнуетъ и трогаетъ сердца наши, и подвигаетъ къ радостному торжеству какъ нашъ древній Кіевъ, такъ и другіе старые и новые города и веси единой и нераздѣльной Россіи.

Къ чему же вызываютъ и обязываютъ насъ предстоящіе дни великихъ святыхъ воспоминаній?

Прежде всего вознесемъ отъ глубины сердецъ нашихъ великое благодареніе Богу, благоволившему такъ устроить о насъ. *Благословенъ Господь Богъ* отецъ нашихъ, *яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ* (Лук. 1, 68). Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже возлюби люди своя, землю русскую, и пріобщи ихъ къ лику избранныхъ своихъ. Мы сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной. Тамъ, гдѣ нынѣ мы видимъ святые храмы Божіи, въ которыхъ возносится спасительная безкровная жертва, стояли бездушные идолы, и наши предки въ слѣпотѣ душевной кланялись имъ и жертвы имъ приносили, не на спасеніе, а на погибель себѣ. И вотъ, по благодати Божіей, возсіялъ свѣтъ вѣры надъ нашею землею, погруженною въ мракъ языческихъ суевѣрій,—и мы познали Бога истиннаго, мы оставили пути погибели, по которымъ блуждали въ невѣдѣніи, и предъ нами открылись пути спасенія, приводящіе къ жизни вѣчной. И сколь многіе уже изъ нашихъ предковъ сподобились получить вѣнецъ славы за свою богоугодную жизнь, и нынѣ предстоятъ предъ престоломъ Божіимъ теплыми молитвенниками за насъ! И всѣ отцы наши, всѣ мы, ближніе и дальніе потомки св. Владиміра, ходили и ходимъ въ сладостномъ уповаміи на участіе въ великихъ обѣтованіяхъ, данныхъ вѣрующимъ во Христа Спасителя нашего.

Возблагодаримъ Бога, что, призвавъ насъ къ вѣрѣ, Онъ не только указалъ намъ тѣмъ путь къ наслѣдію живота вѣчнаго, но и далъ намъ силу, укрѣпляющую насъ въ несеніи труднаго подвига жизни временной. Среди невзгодъ, печалей и страданій, безъ какихъ никто не проживетъ вѣкъ свой, мы имѣемъ въ вѣрѣ нелožное утѣшеніе, зная, что

надъ нами бдитъ милосердое око Отца небеснаго, который печется о насъ болѣе, чѣмъ мать объ исчадіи чрева своего. Среди тяжелыхъ трудовъ и при изнеможеніи силъ вѣра научаетъ насъ молитвою испрашивать себѣ помощи отъ Господа, и при надеждѣ на эту помощь, при укрѣпленіи свыше, мы бодрѣе совершаемъ свой урочный трудъ,—легче, спорѣе и успѣшнѣе становится наша работа. Чрезъ вѣру мы избавляемся отъ сомнѣній, тревожащихъ и мучащихъ душу человѣка, не просвѣщеннаго свѣтомъ Христовымъ: при ней для насъ ясна темная загадка нашей жизни; мы знаемъ, откуда мы, что мы и куда идемъ, и для насъ не страшенъ самый гробъ, насъ ожидающій, при видѣ котораго въ отчаяніи поникалъ долу человѣкъ-язычникъ. Благотворная для частной жизни нашей, сила вѣры поддерживала и укрѣпляла народъ въ перемѣнныхъ судьбахъ его гражданскаго существованія. Бывали тяжкія годины для нашихъ предковъ, когда они страдали подъ игомъ иноплеменниковъ, и длинный рядъ десятилѣтій были данниками народа чуждаго и жестокаго, производившаго въ странѣ нашей страшныя опустошенія. Когда густыя тучи висѣли надъ ихъ головами, они, изнемогшіе въ борьбѣ съ врагами, къ небу обращали свои смущенныя и скорбныя сердца, и только вѣра, одна вѣра спасала и ободряла ихъ: научая покорности Провидѣнію, она питала ихъ отрадною надеждою на милосердіе Божіе, и черпая изъ источника вѣры силу оживленія, не палъ духомъ, не потерялся народъ нашъ, подавленный иноплеменниками, а очистившись въ горнилѣ бѣдствій, вышелъ побѣдителемъ надъ ними, и выросъ въ исполина. Видѣли напасти наши дѣды и по сверженіи иноплеменнаго ига, и когда, по видимому, оскудѣвали средства къ спасенію ихъ, осѣняемые крестомъ, они бодро выступали на встрѣчу имъ, и сила Божія съ торжествомъ выводила ихъ изъ пучины золъ, грозившей поглотить ихъ со всѣмъ, что они имѣли самаго дорогаго. Въ нашъ вѣкъ Благословенный изъ монарховъ предъ лицемъ всего свѣта исповѣдалъ, что наше

отечество своимъ спасенiемъ отъ бѣдъ, своимъ величiемъ обязано той духовной силѣ, которую принесла намъ святая вѣра, когда послѣ побѣды надъ величайшимъ изъ полководцевъ заявилъ: „не намъ, не намъ, но имени Твоему подобаетъ слава".

Вознесемъ благодаренiе Богу за то, что Онъ сподобилъ насъ принять свѣтъ вѣры съ православнаго востока,—съ того востока, гдѣ онъ явился первоначально, и гдѣ онъ сохранился чистымъ, непреломленнымъ. Поздно, позднѣе другихъ народовъ призваны мы къ трапезѣ Господней, къ наслѣдiю благъ, хранимыхъ въ церкви Христовой. Но мы не обдѣлены, не умалены предъ другими народами, призванными раньше насъ въ церковь Божiю. Намъ ввѣренъ кивотъ святыни Господней,—чистая, святая, апостольская, православная вѣра, и мы не только живемъ и пользуемся ею, но и призываемся быть ея хранителями. Господу угодно было взыскать насъ своею милостiю и призвать въ святую церковь, когда, съ одной стороны, трудами богоизбранныхъ мужей завершено было строенiе и благоукрашенiе церкви Божiей, по плану, указанному небеснымъ Архитектономъ, когда соборами и отцами съ полною точностью раскрыто и опредѣлено было ученiе вѣры, принесенное Господомъ, и со всею подобающею лѣпотою устроенъ былъ богослужебный чинъ церковный, и когда, съ другой страны, явились признаки прискорбныхъ раздѣленiй въ церкви, когда западъ, увлекаемый притязанiями честолюбiя, въ лицѣ римскаго епископа, ставя себя выше церкви соборной, началъ обнаруживать стремленiе къ самовольному измѣненiю того святаго достоянiя, храненiе котораго ввѣрено церкви. Въ лицѣ русскаго народа, призваннаго въ церковь, всеблагое Провидѣнiе избрало новый сосудъ, въ который и вложило для храненiя святое достоянiе вѣры. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала внѣшняя крѣпость церкви греческой, нашей воспитательницы и хранительницы православiя, Господь возвышалъ и укрѣплялъ русское православное царство, и нынѣ всѣ ревнители

православія съ надеждами взираютъ на Россію, и она стоитъ предъ глазами всѣхъ, какъ твердый оплотъ, какъ крѣпкая охрана и могущественная защита святой православной вѣры.

Возблагодаримъ Бога за то, что, даровавъ намъ благо святой православной вѣры, Онъ вмѣстѣ съ этимъ въ этой самой вѣрѣ далъ намъ твердые устои народной самостоятельности и залогъ самостоятельнаго гражданскаго развитія. Принявъ вѣру съ востока, мы не потерпѣли подчиненія чуждому языку, какого требовалъ отъ новообращенныхъ латинствующій западъ. Сокровища божественной истины переданы намъ на нашемъ родномъ славянскомъ языкѣ; вмѣстѣ съ исповѣданіемъ вѣры мы получили священныя и богослужебныя книги не на чуждомъ, а на своемъ языкѣ,—и онъ, съ первыхъ дней нашего обращенія ко Христу, былъ органомъ молитвы, богослуженія и ученія, равноправнымъ съ другими языками, на которыхъ славили Бога народы, прежде насъ вошедшіе въ церковь Христову. Вмѣстѣ съ уваженіемъ къ народному языку, наша воспитательница—церковь греческая—тщательно оберегала другія начала народной жизни. Она заботливо передавала намъ все, чѣмъ сама владѣла изъ наслѣдія Христова, но не посягала на самостоятельное развитіе народнаго духа, напротивъ, сколько возможно, благопріятствовала ему. Мы получили отъ нея божественную силу, оживляющую и укрѣпляющую великое тѣло великаго молодаго народа, но не видѣли покушеній оторвать этотъ народъ отъ его естественнаго корня, пересадить на другую почву и сдѣлать русскихъ греками. Внимательная къ духовнымъ потребностямъ человѣка, этою нравственною областію ограничивала она свое вліяніе, но не вторгалась насильственно въ кругъ жизни гражданской, не думала предписывать законы царямъ и правителямъ. Отсюда жизнь нашего народа, подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ вѣры, текла и развивалась свободно, и въ своемъ развитіи не надламывалась и не восплащалась чуждыми насилующими вліяніями, тяжкими и пагубными для самобытности народной. Наши

святители, носители церковнаго духа, дружно, рука объ руку, шли съ представителями власти государственной. Вѣрные завѣтамъ своей воспитательницы и будучи сынами своего народа, они вмѣстѣ съ князьями и царями печаловались о судьбахъ своего отечества, помогали имъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, въ тяжкія годины брали на себя всю тяготу, подъ какою стонала русская земля, но не присвоивали себѣ правъ кесаревыхъ. И вотъ здѣсь, въ этомъ благотворномъ дѣйствіи православной вѣры и церкви на развитіе народнаго духа, послѣ благословенія Божія, одно изъ главныхъ условій нашей народной силы и того величія, до какого достигла русская земля. Чтобы нагляднѣе видѣть это, сравните съ судьбою нашего отечества судьбы другихъ родственныхъ племенъ славянскихъ, получившихъ свѣтъ вѣры не съ востока, но съ запада, который, вмѣстѣ съ вѣрою, несъ въ обращаемыя страны насилующее и подавляющее вліяніе гражданское. Многія изъ нихъ потеряли свою самостоятельность и исчезли, какъ мелкіе ручьи, въ морѣ нѣмецкомъ, другія выносили долгую и тяжелую борьбу за сохраненіе своего народнаго достоянія, и только немногое удержали изъ него; самыя наиболѣе счастливыя племена не выбьются изъ своего зависимаго, можно сказать, рабскаго подчиненія другимъ. Только въ послѣднія десятилѣтія въ иныхъ славянскихъ странахъ, подчиненныхъ въ дѣлахъ вѣры державному господству Рима, пробудился духъ народнаго самосознанія, ищущій свободы. Но гдѣ сильно заявляетъ себя этотъ духъ, тамъ ростетъ сознаніе потребности освобожденія отъ латинствующаго или нѣмецкаго исповѣданія вѣры, и слышится сочувствіе нашей православной вѣрѣ, какъ залогу народной свободы и самобытности. Если бы, по устроенію Божію, не православіе было нашею вѣрою, а римское католичество или впослѣдствіи нѣмецкое лютеранство,—другой неблагопріятный ходъ принила бы наша жизнь. Мы не владѣли бы тогда тою самобытностію, какая нынѣ составляетъ нашъ удѣлъ, и не достигли бы той мѣры воз-

раста, какою возвышаемся надъ другими единоплеменными намъ народами, и какая поражаетъ чуждые окрестные народы. Намъ могла бы предстоять участь Польши, Богеміи или другихъ странъ славянскихъ, подпавшихъ игу державнаго Рима.

Воздавъ благодареніе Богу, дивными путями приведшему насъ къ наслѣдію великихъ благъ, прославимъ великаго просвѣтителя нашего, святаго равноапостольнаго князя Владиміра. Онъ послужилъ избраннымъ орудіемъ промыслительной Десницы Всевышняго, благоволившей возвести насъ изъ тьмы къ свѣту, отъ погибели къ спасенію. Его мудрости и благому изволенію мы обязаны тѣмъ счастіемъ, что отъ идолослуженія приведены были ко Христу, и исповѣдуемъ Отца и Сына и Святаго Духа во всей чистотѣ богопреданной вѣры. Когда народъ, ему подвластный, коснѣлъ въ темномъ языческомъ суевѣріи, и приносилъ требы истуканамъ, его свѣтлый умъ увидѣлъ суетность идолослуженія. Не мало заботила его мысль объ избраніи новой вѣры и онъ долгимъ размышленіемъ и не безъ труднаго подвига душевнаго приведенъ былъ на тотъ красный путь, которымъ Господь ведетъ къ животу вѣчному искупленныхъ Его честною кровію. Намъ, отъ колыбели вкушающимъ сладость вѣры Христовой, легко идти по этому пути. Но ему предлежали многіе другіе пути, и кто вѣрною рукою могъ направить его на путь истинный? Ему представлялъ преимущества своей вѣры народъ, нѣкогда богоизбранный, и нынѣ относящій къ себѣ великія обѣтованія Божіи, данныя ихъ отцамъ. Но онъ увидѣлъ, что этотъ богоизбранный народъ съ потерею своего отечества потерялъ и тѣ обѣтованія, какими гордился. Склоняли его къ себѣ поклонники Магомета, которые въ то время покорили многія сосѣдвія страны, достигли виднаго могущества и предлагали ученіе, льстившее чувственности. Но св. Владиміръ не плѣнился ихъ видимымъ могуществомъ, и хотя не мало работалъ плоти, не нашелъ въ ихъ ученіи удовлетворенія запросамъ

души своей. Онъ не видѣлъ Христа, но взыскалъ Его, не видѣлъ апостоловъ, проповѣдавшихъ спасеніе, но, какъ говорилъ нѣкогда одинъ изъ древнихъ святителей русскихъ, „руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ видимаго и невидимаго, и что послалъ Онъ въ міръ для спасенія людей Своего возлюбленнаго Сына (сл. митр. Иларіона)". И когда склонилось сердце его къ принятію вѣры Христовой, онъ не восхотѣлъ принять учителями этой вѣры тѣхъ людей, которые примѣшивали къ святому мірское, какіе являлись къ нему изъ странъ западныхъ, а пригласилъ къ себѣ наставниковъ изъ царства греческаго, гдѣ было наиболѣе чистое исповѣданіе вѣры и наиболѣе благолѣпное служеніе Богу.

Но не о себѣ только, не о своемъ только спасеніи думалъ святой равноапостольный Владиміръ, когда, сознавъ суетность язычества, искалъ новой вѣры. Какъ отецъ великой семьи подвластнаго ему народа, онъ заботился о спасеніи всѣхъ своихъ единоплеменниковъ, ввѣренныхъ его управленію. Подобно древнему пророку Моисею, онъ не хотѣлъ одно свое имя видѣть вписаннымъ въ книгу живота, когда бы народъ его блуждалъ вдали отъ Бога по путямъ погибельнымъ. Когда созрѣло его убѣжденіе въ святости и спасительности вѣры Христовой, онъ поставилъ долгомъ для себя привлечь вмѣстѣ съ собою въ ограду церкви Христовой весь любезный и дорогой ему народъ свой. Онъ убѣждалъ и просилъ чрезъ своихъ приставниковъ народъ, его окружающій, и, какъ князь, повелѣвалъ ему бросить пустые истуканы, обратиться ко Христу и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И народъ русскій, искони покорный князьямъ и царямъ своимъ, и чтущій ихъ волю, безропотно и охотно послѣдовалъ его зову,—и въ короткое время разсѣялся мракъ идолопоклонства, облегавшій нашу землю, всѣ въ ней согласно стали славить Христа со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Державный князь, приведши къ Богу

тысячи подвластнаго ему народа, съ чувствомъ благодарнаго умиленія могъ воскликнуть: *се азъ и дѣти, яже ми далъ еси.* И вотъ призвано на насъ благословеніе и помощь отъ Вышняго, указанъ и очищенъ путь, по которому могли идти къ спасенію цѣлые милліоны потомковъ, обращенныхъ ко Христу Владиміромъ, и которымъ мы идемъ нынѣ; положено твердое начало нашего просвѣщенія, нашего духовнаго и гражданскаго роста, дано спасительное направленіе всему послѣдующему теченію народной жизни нашей. Какъ же намъ не чествовать и не прославлять великаго князя земли нашей Владиміра, нашего отца, учителя и просвѣтителя, приведшаго насъ ко Христу и обогатившаго россійскую страну такимъ божественнымъ сокровищемъ, цѣна котораго превосходитъ цѣну всѣхъ другихъ благъ земныхъ!

Прославляя св. равноапостольнаго князя Владиміра, совершившаго великія и чудныя дѣла, помянемъ и увѣнчаемъ другихъ, послужившихъ дѣлу просвѣщенія русскія земли. Прославимъ бабку св. Владиміра, равноапостольную Ольгу, сіявшую, какъ луна въ ночи посреди язычниковъ, убѣждавшую сына принять вѣру Христову, и знакомившую съ проповѣдію Евангелія жившихъ окрестъ ея. Вмѣстѣ съ нею, помянемъ другихъ, исповѣдавшихъ въ землѣ нашей имя Христово, когда власти еще покровительствовали языческому суевѣрію, и бросавшихъ первыя сѣмена вѣры на нашу еще не початую и не разработанную почву. Помянемъ добрымъ словомъ и молитвою тѣхъ бояръ и старѣйшинъ, которые заявили сочувствіе мысли Владиміра о перемѣнѣ вѣры и посовѣтовали ему послать разумныхъ мужей къ разнымъ народамъ и царствамъ, чтобы извѣдать на мѣстѣ, какъ люди служатъ Богу. Помянемъ этихъ самыхъ пословъ, умѣвшихъ оцѣнить преимущество служенія Богу въ святой православной церкви греческой, и своими донесеніями князю и боярамъ и разсказами народу содѣйствовавшихъ св. Владиміру успѣшно предпринять и совершить водвореніе въ землѣ нашей право-

славнаго или греческаго христіанскаго закона. Не забудемъ заслугъ и святой церкви греческой, воспріявшей насъ отъ купели крещенія, долгое время бывшей пѣстуномъ нашимъ, посылавшей намъ заботливыхъ и просвѣщенныхъ пастырей, и безъ всякаго своекорыстія питавшей насъ святымъ ученіемъ Христовымъ. Воспомянемъ всѣхъ сподвижниковъ святаго и славнаго просвѣтителя Россіи, помогавшихъ ему въ обращеніи ко Христу народа своего. Прославимъ мудрыхъ пастырей, право правившихъ слово истины. Прославимъ насадителей иночества и всѣхъ, въ постѣ просіявшихъ. Прославимъ благочестивыхъ князей и княгинь, царей и царицъ, покровительствовавшихъ церкви, строившихъ святые храмы Божіи и заботившихся о распространеніи и утвержденіи вѣры Христовой въ предѣлахъ нашихъ. Помянемъ тѣхъ, которые словомъ и писаніемъ разъясняли ученія Евангелія, очищали его отъ примѣси суевѣрій, защищали отъ лжеучителей и старались насаждать его въ умахъ и сердцахъ своихъ соплеменниковъ. Помянемъ всѣхъ, благочестно поживпихъ и потрудившихся на пользу вѣры и церкви Христовой и на спасеніе свое и другихъ. Въ настоящіе дни воспоминаній предъ нами оживаетъ цѣлый облакъ свидѣтелей, сподвижниковъ великаго просвѣтителя Россіи и продолжателей его святаго дѣла. Намъ не достаетъ времени перечислять ихъ. Сохранимъ въ сердцахъ своихъ благодарную память о нихъ, и да будутъ навсегда благословенны имена ихъ!

Но недостаточно для насъ только возносить благодареніе Богу, взыскавшему насъ своею милостію, прославлять и чествовать святаго просвѣтителя нашего отечества, его сподвижниковъ и продолжателей его великаго дѣла. Нужно приложить всѣ заботы къ тому, чтобы быть достойными сынами богоизбранныхъ отцовъ, нужно тщательно хранить и пріумножать то святое наслѣдіе, которое они намъ завѣщали. Тогда только Господь не отъиметъ своей милости отъ насъ. Тогда только возрадуется о насъ сердце нашего родоначальника, приведшаго насъ въ ограду святой церкви православной, и всѣхъ его соработниковъ, благоугодившихъ

Богу. И къ утѣшенію нашему, мы не обинуясь можемъ указать на видимыя для всѣхъ дѣла, свидѣтельствующія о вѣрности нашей завѣтамъ отцовъ нашихъ. „Радуйся и веселись (восклицалъ нѣкогда въ день памяти св. Владиміра нашъ древній проповѣдникъ, только нѣсколькими десятилѣтіями отдѣленный отъ него)! Радуйся и веселись, что сѣмена вѣры, тобою посѣянныя, не изсушены зноемъ невѣрія, но, орошенныя дождемъ Божія благопоспѣшенія, расплодились изобильно“! Не тѣмъ ли более мы можемъ воскликнуть предъ лицемъ нашего равноапостольнаго просвѣтителя: радуйся и веселись! видя тѣ разнообразные и богатые плоды, какіе созрѣли на нивѣ Божіей среди нашего отечества въ теченіи девяти вѣковъ, и какими нынѣ украшается оно. Посмотрите на нашъ святой Кіевъ,—городъ дорогой и родной намъ, равно какъ дорогой и родной святому Владиміру. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ взиралъ бы нынѣ нашъ древній князь на свой стольный градъ! Какъ онъ возвеличенъ и благоукрашенъ нынѣ! Какое въ немъ обиліе и благоуханіе святыни Божіей, дѣлающей его подобнымъ священному городу Іерусалиму, и собирающей къ себѣ каждый годъ цѣлыя тысячи благочестивыхъ поклонниковъ со всѣхъ предѣловъ нашего отечества! Здѣсь чтимая во всемъ православномъ мірѣ святая Лавра, со множествомъ нетлѣнныхъ останковъ святыхъ и непрерывающимся родомъ подвижниковъ, ищущихъ высшаго евангельскаго совершенства, съ благолѣпнымъ служеніемъ Богу. Здѣсь во всемъ древнемъ величіи красуется святая Софія, созданіе мудраго и благочестиваго сына св. Владиміра. Къ прежнимъ обильнымъ памятникамъ христіанскаго благочестія наше время присоединяетъ новые, и изъ нихъ главный, великолѣпно созидаемый и украшаемый на нашихъ глазахъ, посвящается имени великаго просвѣтителя и служитъ выраженіемъ нашего благодарнаго и благоговѣйнаго чувства къ нему. Какое сильное чувство вѣры, какая теплота молитвы въ томъ множествѣ поклонниковъ, какіе стекаются сюда, проходя сотни и тысячи верстъ, чтобы въ святомъ чтимомъ мѣстѣ излить предъ Бо-

гомъ свою душу! Были здѣсь многіе изъ нашихъ братій, порвавшіе подъ давленіемъ чуждаго вліянія древнія связи съ святою православною церковію и вошедшіе въ единеніе съ римскою церковію. Но нынѣ здѣсь эта печальная такъ называемая унія сдѣлалась преданіемъ прошлаго, и православіе торжествуетъ въ тѣхъ странахъ нашихъ, въ которыхъ мнило подавить его римское владычество. Расширимъ кругозоръ свой, и посмотримъ на широкіе предѣлы нашего отечества. Сколько въ немъ святыхъ обителей! Сколько храмовъ, созданныхъ усердіемъ народа, въ которыхъ воспѣвается хвала Богу и возносится горячая молитва къ небу! Отъ конецъ до конецъ земли проносится святая православная вѣра: сынами Россіи имя Христово возвѣщается и въ отдѣленныхъ тундрахъ Сибири, и исповѣдники православной вѣры, благодаря ревности избранныхъ братій нашихъ, являются и увеличиваются въ числѣ даже въ далекой отъ насъ Японіи. Сколько на разныхъ мѣстахъ нашего отечества ревностныхъ и просвѣщенныхъ проповѣдниковъ Христова ученія! Заботился св. Владиміръ о заведеніи школъ и велѣлъ отдавать дѣтей въ ученіе книжное. Какъ бы возрадовалось его сердце, при видѣ множества разнообразныхъ училищъ, нынѣ повсюду заводимыхъ и щедро поддерживаемыхъ въ нашемъ отечествѣ, разносящихъ въ среду народа нашего свѣтъ просвѣщенія! Какъ бы возрадовалось его сердце, если бы видѣло, что эти школы стали доступны дѣтямъ не богатыхъ только лицъ, но и бѣдныхъ, и что въ нихъ люди власти стараются поддержать то церковное христіанское направленіе, которое такъ дорого было ему послѣ убѣжденія въ спасительности ученія Христова! На церковь онъ возлагалъ заботу о просвѣщеніи народномъ, и нынѣ церковь усиленно призывается служить дѣлу народнаго образованія въ духѣ вѣры и благочестія.

Утѣшаясь великими и обильными плодами, созрѣвшими на нивѣ Божіей изъ сѣмянъ, посѣянныхъ св. Владиміромъ, славя Бога за великія и дивныя судьбы, какими онъ увѣн-

чалъ и возвеличилъ апостольскій трудъ просвѣтителя Россіи, не скроемъ тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыя омрачаютъ нашъ свѣтлый горизонтъ, и уменьшаютъ радость, доставляемую видимымъ торжествомъ православія. Св. Владиміръ, обратившись ко Христу, вмѣстѣ съ собою восхотѣлъ привесть къ Нему и весь народъ свой. Онъ желалъ, чтобы всѣ въ его царствѣ, связанные единствомъ племени, блюли нераздѣльно единеніе вѣры въ союзѣ мира, чтобы во всемъ, подвластномъ ему, народѣ было едино стадо и единъ пастырь. Но есть ли между нами это единеніе духа въ союзѣ мира? Къ великому прискорбію, нѣтъ этого желаннаго единенія. Въ единой семьѣ русскаго народа не всѣми хранится завѣтъ нашего родоначальника и просвѣтителя, желавшаго, чтобы всѣ мы едиными устами и единымъ сердцемъ славили Отца и Сына и Святаго Духа. Цѣлыя и многія тысячи нашихъ братій, отличающіяся приверженностію къ старымъ обрядамъ, хотя держатся одного съ нами исповѣданія, изъ-за нѣкоторыхъ разностей въ обрядѣ церковномъ, вышли изъ повиновенія священноначалію церкви, поставленному Господомъ, блуждаютъ внѣ ограды церковной и разрываютъ союзъ крови и вѣры, который такъ дорогъ былъ для нашего общаго наставника и просвѣтителя. Уже болѣе двухъ вѣковъ продолжается это печальное раздѣленіе. Въ послѣднія времена являются новые отщепенцы, увлеченные чуждымъ духомъ: они не хотятъ признавать и слушать своихъ пастырей, имъ отъ Бога данныхъ, не хотятъ принимать отъ нихъ благодати Божіей, подаемой въ таинствахъ церковныхъ, не хотятъ кланяться честному кресту Господню и тѣмъ иконамъ, которымъ кланялись св. Владиміръ и всѣ, угодившіе Богу, предки наши, и измышляютъ свое скудное и извращенное ученіе вѣры. А нашъ просвѣщенный классъ? Хранитъ ли онъ завѣты св. Владиміра? Дорожитъ ли тою вѣрою, которую, какъ неоцѣненное сокровище, передалъ въ наслѣдіе всѣмъ своимъ потомкамъ нашъ просвѣтитель? Благодареніе Богу, въ немъ много истинно благочестивыхъ

душъ, которыя словомъ и примѣромъ стараются проводить въ жизнь народа спасительное вліяніе вѣры Христовой. Но между этими многими попадаются не мало и такихъ, въ которыхъ зной невѣрія изсушилъ добрыя сѣмена, данныя имъ церковію, и въ которыхъ вмѣсто добраго сѣмени, сѣяннаго на селѣ, произрастаютъ нанесенныя тлетворными вѣтрами плевелы лжеученій, противныхъ Евангелію и отвергаемыхъ церковію. Въ наше время, среди образованнаго православнаго общества, встрѣчаются люди, которые носятъ имя христіанъ, но живутъ и думаютъ по язычески. Они видимымъ образомъ принадлежатъ церкви, но у нихъ совершенно порвана внутренняя связь съ нею. Они служатъ не Христу, а Веліару, и тѣмъ печальнѣе это служеніе ихъ Веліару, что они соблазняютъ многихъ изъ меньшихъ братій своихъ.

Дни настоящаго всероссійскаго торжества вѣры да напомнятъ всѣмъ, отторгающимся отъ единенія съ церковію, объ опасномъ и гибельномъ ихъ отчужденіи отъ живительнаго корня, укрѣпленнаго въ нѣдрахъ святой церкви православной. Они представляютъ тоже, чѣмъ является вѣтвь, оторванная отъ ствола дерева. Имъ угрожаетъ изсушеніе и смерть. Пусть вспомнятъ они слово Господа: *аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ: и собираютъ ю, и въ огнь влагаютъ, и сгараетъ* (Іоан. XV, 6). Пусть вспомнятъ, и взыщутъ внутренняго тѣснѣйшаго единенія съ святою православною церковію, насъ спасающею. А мы, живущіе подъ кровомъ церкви, кто словомъ, кто писаніемъ, кто молитвою, кто дѣломъ любви, кто примѣромъ богоугодной жизни,—каждый по мѣрѣ данныхъ ему силъ и средствъ, будетъ содѣйствовать возвращенію во дворъ отчій блуждающихъ по горамъ, стремнинамъ и пропастямъ земнымъ.

Высказываемое нами желаніе единенія духа и вѣры въ союзѣ мира между всѣми членами великой семьи русскаго народа есть священный завѣтъ всѣмъ сынамъ Россіи нашего великаго просвѣтителя и его прославленныхъ сподвижниковъ. И о, если бы сбылось это желаніе! Тогда радость

была бы въ церкви первородныхъ, на небесахъ написанною. И мы съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ шли бы къ тѣмъ великимъ цѣлямъ, стремленіе къ которымъ указалъ своему народу чествуемый нами святой равноапостольный князь Владиміръ, пожелавшій принять крещеніе и святую вѣру *вмѣстѣ и нераздѣльно* со всѣмъ своимъ, единоплеменнымъ ему, народомъ.

В. Пѣвницкій.

РѢЧЬ,

сказанная въ торжественномъ собраніи Кіевской Духовной Академіи 14 іюля 1888 года по случаю исполнившагося девятисотлѣтія со времени крещенія Россіи.

Преосвященные Архипастыри

и

Милостивые Государи!

Въ благословенные дни настоящаго святонароднаго, кіевскаго и всероссійскаго, празднества сердце подсказываетъ ту мысль, что рады были бы видѣть дни сіи тѣ ближайшіе ко времени св. Просвѣтителя нашего русскіе мыслящіе люди, которые впервые вдумывались въ значеніе великаго дѣла, имъ совершеннаго. Съ благоговѣніемъ къ неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, они смиренно исповѣдывали, что Русская страна удостоилась быть призванною къ свѣту вѣры позже, чѣмъ многія другія страны. Но они утѣшались тѣмъ, что и позднія насажденія вѣры уже принесли свои плоды въ новопросвѣщенной Руси. Какъ утѣшились бы они, видя плоды этихъ насажденій на протяженіи девяти вѣковъ, какъ видимъ мы теперь! Но исповѣдуемъ благое смотреніе Божіе о насъ и за то, кажущееся позднимъ, время, когда Онъ благоволилъ призвать Русскую страну къ свѣту благодати своей. Научная мысль приходитъ къ отрадному убѣжденію, что время, когда посѣтилъ насъ *Востокъ свыше*, когда приблизился для Руси *день спасенія*, было временемъ для насъ наиболѣе благопріятнымъ.

Съ половины IX вѣка, Византія, которой судилъ Господь быть нашею просвѣтительницею, становится болѣе прежняго

способною и готовою къ выполненію своей высокой миссіи. Только къ этому времени Византія успокоивается отъ той многовѣковой внутренней борьбы съ ересями, которая, возникая въ разныхъ концахъ Греко-Востока, сосредоточивалась вокругъ Византіи, стоявшей во главѣ его. Теперь она, болѣе чѣмъ прежде, была въ твердомъ соотношеніи своего призванія, какъ хранительницы того единаго, апостольскаго ученія церкви, которое изложено и опредѣлено на вселенскихъ соборахъ, и которое она твердо ограждаетъ отъ посягательствъ на его цѣлость и неприкосновенность, явившихся съ Запада. Теперь Византія могла и намъ передать только единое, точно и твердо опредѣленное, православно христіанское ученіе Вселенской церкви. Это обстоятельство, чрезвычайно важное само по себѣ, было неизмѣримой важности для народа, такъ сказать, младенческаго, имѣвшаго начать свою христіанскую жизнь.

Съ половины IX вѣка и далѣе поднимается въ Византіи просвѣщеніе, предъ тѣмъ пріупадшее въ вѣкъ непріязненнаго ему иконоборчества. Сознаніе торжества православно-христіанской истины, достигнутое, послѣ многовѣковой борьбы съ ересями, цѣною великихъ усилій, жертвъ и страданій, проявляется замѣчательнымъ возбужденіемъ умственнымъ, напоминающимъ возбужденіе IV вѣка, послѣ успокоенія церкви отъ языческихъ гоненій. Выступаютъ на свѣтъ библіотеки и школы. Возстановляется, долго остававшаяся закрытою, высшая Константинопольская школа, собирающая учителей и учениковъ,—та школа, въ которой училъ Фотій, учился и училъ Константинъ философъ. Извѣстенъ теперь и потомъ цѣлый рядъ такихъ учителей, носившихъ названіе философовъ, по преданіямъ отъ классической Эллады. Въ лицахъ императорскаго дома Македонской династіи видимъ замѣчательныхъ представителей и ревнителей просвѣщенія. Видимъ такихъ лицъ и въ рядахъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, нерѣдко поступавшихъ поэтому и на высшія іерархическія служенія. Число просвѣщенныхъ

лицъ умножается и на іерархическихъ каѳедрахъ, начиная съ столичной, гдѣ Фотій былъ избраннѣйшимъ, но не одинокимъ, а имѣвшихъ цѣлый рядъ просвѣщенныхъ преемников. Въ иночествѣ видимъ тружениковъ просвѣщенія не только въ столицѣ и городахъ, но и на горахъ и склонахъ Олимпа, гдѣ нѣкоторое время жили св. Константинъ и Меѳодій, упражняясь въ молитвѣ и книжныхъ трудахъ. За Олимпомъ просіялъ Аѳонъ. Были, конечно, свои недостатки въ Византійскомъ образованіи, какъ и въ нравственномъ характерѣ тогдашней Византіи. Но тѣмъ, которые наклонны усиливать ихъ, предоставимъ оглянуться на то, каково было тогда латино-нѣмецкое образованіе на Западѣ, и каковъ былъ нравственный характеръ папства и Рима въ послѣднія десятилѣтія IX и почти во все X столѣтіе. Для насъ подъемъ просвѣщенія въ Византіи въ половинѣ IX вѣка и въ ближайшее затѣмъ время является благимъ предвѣстникомъ, что Византія съ христіанствомъ способна была дать намъ и христіанское просвѣщеніе.

Но были дѣйствительно весьма печальныя явленія въ состояніи тогдашняго Греко-Востока. Послѣ утраты въ трехъ восточныхъ патріархатахъ цѣлой группы церквей не греческой національности, отдѣлившихся отъ Греко-Востока подъ знаменемъ той или другой ереси, послѣ облегченныхъ этимъ обстоятельствомъ обширныхъ и страшныхъ завоеваній мусульманства въ тѣхъ же патріархатахъ, наличный составъ христіанской народной силы Греко-Востока крайне умалился. Вопіющею историческою потребностію Греко-Востока являлось восполнить живую наличность крайне умалившагося состава своего новыми духовными пріобрѣтеніями.

Міръ молодыхъ Славянскихъ племенъ первѣе и ближе всего обѣщалъ Греко-Востоку такое пріобрѣтеніе. Съ половины IX вѣка, съ успокоеніемъ отъ ересей, съ подъемомъ просвѣщенія, болѣе прежняго оживляется въ Византіи и сознаніе своего просвѣтительнаго призванія по отношенію къ

этимъ народамъ. Съ силою вдохновенія, съ силою апостольскаго духа сказывается оно въ св. Солунскихъ братьяхъ, образующихъ при себѣ ликъ учениковъ.

На встрѣчу идущему съ Востока свѣту быстрѣе прежняго „грядетъ и само славянское племя", выразимся словами одного древняго стиха. Ранѣе, чѣмъ отъ васъ, идетъ оно изъ другихъ мѣстъ. „Отъ васъ, говорили моравскіе князья въ посланіи въ Царьградъ, когда просили отъ него учителей, — отъ васъ добрый законъ исходитъ на вся страны". Обильны были плоды духовной жатвы св. братьевъ и ихъ учениковъ въ странахъ Славянскихъ. Силою проповѣди, Слова Божія и богослуженія на Славянскомъ языкѣ они пріобрѣтаютъ православію западныхъ Славянъ въ Моравіи, Паннонія, частію въ Чехіи, даже въ Польшѣ, а на югѣ — въ Болгаріи и Сербіи. Но увы! не всѣ эти пріобрѣтенія прочны, не всѣ и довольно радостны для Греко-Востока. Западныхъ Славянъ отнимаетъ у него Римъ и латино-нѣмецкая іерархія. Колебанія Бориса Болгарскаго даютъ поводъ Риму смотрѣть и на Болгарію, какъ на такую ниву, по которой, выражаясь словами папы Іоанна VIII, имѣетъ право ходить съ своей косой только римскій, а не цареградскій епископъ. Болгарія еще устояла въ союзѣ съ Византіею и Греко-Востокомъ. Но уже при преемникѣ Бориса Симеонѣ союзъ смѣняется ожесточенною войною, во время которой Болгарія со всѣмъ задоромъ молодости грозитъ Царьграду. Письма патріарха Николая Мистика къ Симеону, слезами писанныя, даютъ чувствовать признаки какого-то разочарованія, умѣряемаго только надеждою на лучшее будущее. Но будущее несло новыя печали и превратности судьбы и Грекамъ и Болгарамъ и другимъ Славянамъ. Зато успѣхами миссіи Греко-Востока у западныхъ и южныхъ Славянъ, трудами св. Первоучителей славянскихъ, ихъ учениковъ и продолжателей издали подготовлялся успѣхъ его у Русскихъ Славянъ, имѣвшихъ составить наиболѣе прочное и великое духовное пріобрѣтеніе Греко-Востока и всей Православно-

Христіанской церкви. Какъ бы въ знаменіе сего, св. братья прежде чѣмъ пошли въ миссію на западъ, прошли красными стопами своими юго-восточную окраину Русской земли, и на пути въ нее, въ Херсонѣ, Константинъ встрѣтилъ Русскаго человѣка-христіанина, имѣвшаго евангеліе, писанное Русскими письменами.

Константинъ видѣлъ Русскаго христіанина въ Херсонѣ въ 861 году. Чрезъ пять лѣтъ патріархъ Фотій, въ слухъ всего Востока, съ радостію возвѣщаетъ, что пресловутый народъ Руссы обращаются къ вѣрѣ Христовой и приняли епископа. Такъ, первые проблески христіанства у Руссовъ свѣтятся съ южной окраины Русской земли въ то самое время, когда на сѣверной окраинѣ ея зараждается Русское государство чрезъ объединеніе нѣсколькихъ племенъ подъ властію князей изъ Варяговъ—Руси. Политическое рожденіе Русскаго народа привѣтствовалось задатками духовнаго возрожденія чрезъ вѣру. Затѣмъ столица Руси съ сѣвера переносится въ Кіевъ, главный пунктъ на великомъ историческомъ пути изъ Варягъ въ Греки, ближайшій къ Греціи, какъбы на встѣчу засіявшимъ оттуда надъ Русью проблескамъ христіанства. Падаетъ державшееся предъ тѣмъ надъ Кіевомъ и сосѣдними славянскими племенами владычество хазаръ-азіатцевъ, грозившее оставить въ Руси плевельныя насажденія іудейства и мусульманства. А Славянскіе племена, за немногими исключеніями, съ легкостію признаютъ власть Варяго-Руссовъ, благодаря не только ихъ смышленности и воинственности, но также ихъ правдивому и благородному обхожденію съ подчиняемыми, какъ слышалъ о томъ Готскій топархъ въ Тавридѣ.

Судьбы исторіи, давшей намъ объединяющую власть въ Варяго-Руссахъ, оправдались и на зачаточной исторіи христіанства у насъ. Первыми христіанами являются у насъ христіане изъ Варяго-Руссовъ, принимавшіе христіанство на сѣверномъ Черноморьѣ или въ самомъ Царьградѣ, приносившіе его въ Кіевъ, гдѣ при Игорѣ они имѣли уже свою

церковь св. пророка Иліи,'а при Владимірѣ дали изъ среды себя первыхъ мучениковъ, св. Θеодора и Іоанна Варяговъ. При св. Ольгѣ и потомъ, безъ сомнѣнія, умножилось число христіанъ и изъ туземныхъ славянъ.

При Владимірѣ его личною дѣятельностію довершается объединеніе племенъ въ государственной области Руси. Новое государство было уже славянскимъ народнымъ тѣломъ, имѣвшимъ во главѣ истаго Славянина, какимъ чувствовалъ, давалъ себя чувствовать и варяжской дружинѣ Владиміръ, сынъ сѣверянской Славянки изъ Любеча. Установившійся славянскій характеръ Руси облегчалъ будущее распространеніе въ ней христіанской проповѣди на общемъ Славянскомъ языкѣ и устроеніе христіанской церкви въ Руси съ Славянскимъ обликомъ.

Богу вѣдомы судьбы Его въ вознесеніи избранныхъ Его отъ людей. Владиміръ былъ младшимъ между своими братьями. Но этотъ меньшій между братьями надѣленъ былъ отъ природы могучими силами: силою разума, разума благаго и остраго, какъ говоритъ о немъ митрополитъ Иларіонъ, напоминающаго разумъ бабки его Ольги святой, и силою чувства, способнаго къ широкой воспріимчивости, составляющей одну изъ лучшихъ чертъ его славянской природы. Задатки высшаго настроенія въ развитіи этихъ силъ, воспринятые въ отрочествѣ, когда Владиміръ приблизительно до 10—12 л. росъ и воспитывался на глазахъ св. Ольги, заглохли подъ вліяніемъ условій послѣдующей жизни его, но какъ бы для того, чтобы въ свое время проявиться съ большею мощію самоопредѣленія. Время это открылось на полномъ разцвѣтѣ мужескаго возраста Владиміра, когда онъ послѣ побѣдъ и успѣховъ политической дѣятельности, достигнувъ полнаго обладанія земными благами, обращается къ исканію высшаго духовнаго блага для себя и своего народа.

На исторіи обращенія Владиміра отъ ея начала до конца лежитъ печать нѣкоторой тайны, какъ то и бываетъ тамъ, гдѣ въ дѣлахъ человѣческихъ совершаются дѣла Божіи.

Въ тайнѣ незримаго дѣйствія благодати Божіей указываетъ м. Иларіонъ начало обращенія князя, говоря такъ: „когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ, пришло на него посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око всеблагаго Бога, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившагося все видимое и невидимое“. Тайный голосъ благодати обратилъ слухъ Владиміра къ слушанію голосовъ отъ людей. „Всегда слышалъ онъ“, говоритъ м. Иларіонъ, „о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ Греческой, о ея христіанахъ, храмахъ, святыняхъ, величіи тамошняго служенія Богу:—и, слыша все это, возгорался духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить въ христіанство всю землю свою“. Слышалъ онъ, прибавляетъ другой повѣствователь Іаковъ монахъ, о мудрой бабкѣ своей Ольгѣ, ходившей въ Царьградъ, принявшей Греческую вѣру и свято въ ней пожившей. Но Владиміру, какъ государю обширной и независимой страны и какъ человѣку высокаго разума, дано было, болѣе, чѣмъ это давалось другимъ, идти къ своей цѣли свободно, сознательно, съ испытаніемъ, вести къ ней такъ и другихъ, чтобы так. обр. и самому придти и другихъ привесть къ воспріятію св. вѣры вполнѣ искреннему и убѣжденному. Ему предоставлено было съ великимъ занимавшимъ его вопросомъ вѣры соединить и свои вопросы личные, нравственные и вопросы государственной пользы, сосредоточенные впрочемъ на той же главной цѣли. Но въ тотъ священнѣйшій часъ, когда могучему побѣдителю подобало проникнуться духомъ смиренія предъ волей Всевышняго, призывавшаго его въ чудный свѣтъ своей благодати, Всевышній являетъ ему знаменіе своей силы и милости. Въ таинствѣ крещенія, прозрѣвъ духовно и тѣлесно, Владиміръ воскликнулъ въ духовномъ восторгѣ, „теперь я позналъ Бога истиннаго!“.

Позвольте мнѣ, Преосвященные Архипастыри и Милостивые Государи, здѣсь остановиться въ обзорѣ явленій ве-

ликаго и священнаго событія. Ни какія слова мои не могутъ сказать болѣе того, что каждому могутъ сказать его мысль и сердце при оживляемомъ настоящимъ празднествомъ воспоминаніи о томъ величественномъ зрѣлищѣ крещенія тысящъ народа въ водахъ Днѣпра, при видѣ котораго, по выраженію лѣтописца, небо и земля ликовали, и въ духовномъ восторгѣ молился и славилъ Бога нашъ Просвѣтитель! Нынѣшнее стеченіе въ Русскій Сіонъ сыновъ земли Русской со всѣхъ концевъ ея лучше всякихъ словъ напомнитъ каждому то время, когда свѣтъ вѣры и благодати Божіей, возсіявшій на Кіевскихъ горахъ, распространился на всю землю Русскую, озарилъ весь народъ Русскій. Въ чьей мысли не живописуется въ эти дни свѣтлый обликъ святаго князя, какимъ онъ сталъ въ христіанствѣ, съ чертами его равноапостольнаго подвига въ распространеніи хр. вѣры и устроеніи христіанской церкви въ своемъ народѣ, который онъ привлекалъ къ этой вѣрѣ не только своимъ словомъ, велѣніемъ, но и тѣмъ, что въ себѣ самомъ являлъ жизнь новой вѣры, ея благость и красоту въ дѣлахъ своей любви, неистощимой щедрости, милосердія о бѣдныхъ, страждущихъ, угнѣтенныхъ? Онъ разумѣлъ вѣру, какъ источникъ просвѣщенія, и не обманулся въ царственной Византіи, отъ которой искалъ просвѣщенія. Одно имя Илларіона, вышедшаго изъ училищъ, основанныхъ Владиміромъ, даетъ понятіе о высотѣ и силѣ просвѣщенія, какое стало тогда доступнымъ новопросвѣщенной Руси, покрайней мѣрѣ избраннымъ лицамъ въ ней. Принявъ хр. вѣру со всею искренностію и силою убѣжденія, онъ неизмѣнно остался вѣрнымъ ей, не колебался между Востокомъ и Западомъ, какъ колебались другіе, сохранилъ ее до блаженной кончины своей, и, какъ священный завѣтъ, предалъ ее дѣтямъ и будущимъ поколѣніямъ.

Постиженіе народомъ своихъ великихъ людей воспитывается вѣками и проявляется въ особенно знаменательныя эпохи жизни его.

Жива была память о св. Владимірѣ въ народѣ Русскомъ. По своему въ былинахъ своихъ изобразилъ онъ Владиміра, ласковаго князя Кіевскаго, любящаго своихъ богатырей, подвизавшихся за землю Святорусскую, любящаго видѣть радость и веселіе вокругъ себя, Владиміра Красное Солнышко земли Русской, дающее ей эту радость и веселіе, грѣющее своимъ привѣтомъ, ласкою и добротою. Еще младенецъ въ вѣрѣ тогда, когда слагалъ свои былины, народъ не могъ достаточно уразумѣть величіе того духовнаго свѣта, который принесло это солнышко землѣ Русской, но гадалъ о существѣ его, называя самую землю свою Святорусскою, какъ засѣянную святымъ сѣменемъ вѣры, освященную служеніемъ Богу истинному.

Яснѣе уразумѣвали величіе Просвѣтителя и его подвига люди просвѣщенной вѣры,—изъ князей, пастырей, смиренныхъ лѣтописцевъ, списателей житія Владиміра и другихъ, имъ подобныхъ. Безъ сомнѣнія, по мысли просвѣщеннаго сына Владимірова Ярослава, сѣявшаго, какъ выражается лѣтописецъ, на той нивѣ, которую вспахалъ Владиміръ, устроенно было то священное торжество въ Десятинной церкви у гроба Владиміра, на которомъ сказано было Иларіономъ превосходное слово его съ похвалой блаженному князю Владиміру. Въ XII в. мы имѣемъ уже нѣсколько сказаній о св. Владимірѣ и совершившемся при немъ крещеніи Руси. Празднественное чествованіе памяти св. Владиміра установляется въ Новгородѣ, при Великомъ князѣ Александрѣ Невскомъ. Въ 1240 году, 15 іюля, въ день кончины и обычнаго поминовенія блаж. Владиміра, одержана знаменитая Невская побѣда надъ такими врагами съ Запада, которые, поощряемые папскою буллою изъ Рима, предприняли крестовый походъ на Русскую землю, какъ будто землю невѣрныхъ язычниковъ. Одушевленный на защиту земли и вѣры, доблестный и благочестивый князь, съ небольшою дружиною, но съ вѣрою и молитвою вышелъ на брань и блистательно отразилъ враговъ. Вѣруя, что сія побѣда, дарованная въ день кончины

и поминовенія блаж. Владиміра, дарована небеснымъ заступничествомъ его и его св. сыновей, мучениковъ Бориса и Глѣба, онъ, въ совѣтѣ съ Новгородскимъ святителемъ, установилъ чествованіе памяти св. Владиміра. Въ слѣдующее затѣмъ время св. Владиміръ чествуется, какъ святой, по всей землѣ Русской отъ Владиміра на Клязьмѣ до Кіева и Галича. Въ Новгородѣ въ 1311 году созидается первый, извѣстный по памятникамъ, храмъ въ честь его. Въ Москвѣ свято чтимая память о Владимірѣ особенно оживляется въ ту историческую эпоху, когда Царьградъ, на закатѣ своей политической жизни, угрожаемый Турками, дѣлается жертвою обольщенія со стороны главы Запада—Рима, предлагающаго сознательно-безнадежную помощь ему цѣною измѣны православной вѣрѣ. Соблазнъ огласился и въ Русской землѣ. Великій Князь и русскіе епископы приходятъ въ смущеніе, но затѣмъ ободряются въ мысли, что Русская страна не поддастся обольщенію, хотя бы оно предлагалось именемъ Царьграда. А Великій Князь Василій Ивановичъ, въ своей грамотахъ въ Царьградъ отъ 1441 и 1443 гг. съ замѣчательною ясностію вѣрующей мысли заявляетъ, что Русская страна приняла святую православную христіанскую вѣру съ Востока подвигомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, пятое столѣтіе живетъ она въ сей вѣрѣ и пребудетъ ей вѣрною. Іоаннъ III, напоминая, что Кіевъ, тогда бывшій подъ Литовско-Польскимъ владычествомъ, есть отчина его, какъ Русскаго государя, освѣщаетъ такое напоминаніе памятію и о томъ, что сія отчина есть такою по православной вѣрѣ, воспринятой при Владимірѣ. Въ 1514 году становится извѣстнымъ въ Москвѣ храмъ въ честь Владиміра. Въ Кіевѣ, гдѣ народная память о Владимірѣ и крещеніи Руси поддерживалась, между прочимъ, преданіемъ о св. мѣстѣ, какъ мѣстѣ крещенія его дѣтей и народа, объ оживленіи памяти о Владимірѣ ревнуетъ просвѣщенный митрополитъ Петръ Могила. Достигнувъ съ большими усиліями возстановленія правъ церкви православной, онъ возстановляетъ въ Кіевѣ священные

памятники времени Владиміра и открываетъ св. мощи его въ развалинахъ Десятинной церкви. О Владимірѣ напоминаетъ онъ разнымъ лицамъ тогдашнихъ дворянскихъ фамилій въ краѣ, еще вѣрнымъ православію, въ своихъ посвященіяхъ имъ на издаваемыхъ книгахъ, въ надеждѣ удержать ихъ въ православіи этимъ священнымъ и славнымъ именемъ. О Владимірѣ говоритъ онъ и въ своихъ письмахъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, которому еще предмѣстникъ Могилы м. Іовъ Борецкій робко высказываетъ надежду, что единство вѣры, воспринятой всею Русью при Владимірѣ, возстановитъ судьбами прерванный союзъ частей земли Русской. Надежда эта съ мощною силою воскресла въ богатырѣ Южной Руси Богданѣ Хмельницкомъ, поднявшемъ духъ и силы народа на избавленіе отъ угнетателей его вѣры, попиравшихъ также его народныя и человѣческія права. Въ своихъ воззваніяхъ къ народу этотъ вождь его, имѣвшій и образованіе, старался одушевлять народъ оживленіемъ въ его памяти преданій о былыхъ временахъ его родины. Въ универсалѣ 1648 г. 28 мая онъ говоритъ объ Украинѣ, какъ *предковѣчной отчизнѣ* нашей отъ св. равн. князя Владиміра, просвѣтившаго Русь св. крещеніемъ, съ котораго началось въ ней истинное благочестіе, непоколебимо сіяющее въ народѣ нашемъ, но теперь безбожно насилуемое. Именемъ Владиміра привѣтствуютъ м. Сильвестръ Коссовъ и духовныя власти въ Кіевѣ на встрѣчѣ бояръ царя Алексѣя Михайловича, когда они въ Январѣ 1654 г. прибыли сюда изъ Переяславля, послѣ принесенной тамъ Богданомъ Хмельницкимъ и всею казацкою старшиною присяги на присоединеніе Малороссіи подъ власть царя Восточнаго, православнаго. Позволимъ себѣ упомянуть здѣсь, что наша старая Кіевская коллегія, въ лицѣ славнаго Ѳеофана Прокоповича, дѣлаетъ первую попытку воспроизвесть въ поэтическомъ твореніи черты эпохи Владиміра, борьбы язычества съ христіанствомъ, торжества христіанства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и черты виновника событія и воздать похвалы ему. Во второй половинѣ

XVIII вѣка впервые видимъ наконецъ въ Кіевѣ и храмъ св. Владиміра, а въ началѣ XIX вѣка созидается Кіевскими гражданами скромный памятникъ надъ Днѣпромъ съ установленіемъ крестнаго хода и водоосвященія у бывшаго здѣсь источника. Явившійся въ Кіевѣ въ 1834 г., по волѣ Государя Императора Николая Павловича, университетъ, имѣвшій быть разсадникомъ своей науки и своего русскаго, согласнаго съ началами св. вѣры и народности, образованія въ дотолѣ ополяченномъ краѣ, назидательно украшенъ названіемъ Университета св. Владиміра. А въ 1853 году, по мысли того же Государя Императора, великаго покровителя народныхъ святынь, создается величественный памятникъ св. князя надъ Днѣпромъ на горѣ, изображающій князя въ моментъ духовнаго восторга его при видѣ крещенія народа въ этой купѣли Руси. Съ 1862 года возстановляется съ большимъ великолѣпіемъ водосвятное торжество 15 іюля въ память Владиміра и крещенія народа, и тогда же заложенъ новый соборъ его имени. То и другое совершилось въ связи съ проявившимся тогда патріотическо-религіознымъ возбужденіемъ общества и народа, вызваннымъ мечтательными притязаніями извѣстной среды, забывшей о томъ Владимірѣ, который властвовалъ не только надъ Кіевомъ и всею юго-западною и западною Россіею, но надъ Галиціей близъ Карпатъ.

Настоящее всероссійское, свято-церковное и свято-народное, торжество возноситъ насъ къ созерцанію плодовъ великаго событія на протяженіи всей девятивѣковой жизни нашей въ христіанствѣ и на всемъ необъятномъ пространствѣ земли Русской. Великъ былъ порывъ одушевленія у тѣхъ, которые, какъ пресвитеръ, въ послѣдствіи митрополитъ, Иларіонъ, созерцали плоды этого событія на протяженіи десятилѣтій. „Встань отъ гроба твоего, честныя главо!" взывалъ этотъ витія въ томъ словѣ своемъ, которое говорилъ въ Десятинномъ храмѣ въ виду бывшаго здѣсь гроба Владиміра и въ присутствіи князя Ярослава, его семейства и бояръ и народа. „Встанъ, и отряси сонъ!

ты не умеръ, но почіешь до общаго возстанія. Возведи очи и воззри на сына своего Георгія, своего кровнаго, возлюбленнаго, украшающаго престолъ земли твоей,—и возрадуйся и возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину, на внуковъ и правнуковъ своихъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ славятъ Христа, покланяются св. имени Его! Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, на процвѣтающія церкви, на возрастающее христіанство, на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, оглашаемый хвалами святыхъ и пѣснопѣніями божественными!... Радуйся и веселись, что сѣмена вѣры, тобою посѣянныя, не изсушены зноемъ невѣрія, но, орошенныя дождемъ Божіяго благопоспѣшенія, расплодились изобильно. Возрадуйся и возвеселись о семъ и восхвали Бога, строящаго все сіе!“.

Дастся ли намъ довлѣющее слово, чтобы выразить величіе плодовъ событія, созерцаемыхъ на протяженіи вѣковъ и на всемъ пространствѣ земли Свято-русской? ...Воззри, Просвѣтителю нашъ, на величіе благочестивѣйшаго православнаго Царя всея Россіи и Его Царственнаго Дома,—твое наслѣдіе въ Богодарованной Ему Россіи, по преемству отъ великихъ князей и царей Русскихъ, всегда непоколебимо вѣрныхъ завѣтамъ православной христіанской вѣры, покровителей церкви, строителей св. храмовъ и въ семъ Кіевѣ и по многимъ другимъ, большимъ и малымъ, городамъ и даже весямъ земли Русской,—князей и царей—защитниковъ, собирателей и расширителей земли Русской, созидателей государственнаго и земскаго строенія, насадителей и покровителей просвѣщенія, освободителей и образователей народа, благотворителей и заступниковъ угнетеннаго Греко-Востока, могучихъ выразителей и охранителей русской народно-государственной самобытности и чести, строителей блага и счастья народа, научившагося произносить краснорѣчивѣйшее слово: Царь надежа! Возведи очи твои, Просвѣтителю нашъ, на необъятныя пространства земли

Русской и ея многомилліонный народъ, въ величайшей части своего состава народъ славяно-русскій, сплоченный во едино единствомъ вѣры, племени, закона, преданій многовѣковой жизни, исполненной великихъ подвиговъ и тяжкихъ испытаній, среди которыхъ онъ и спасалъ себя чувствомъ и силою единой вѣры, наслѣдованной отъ отцевъ и праотцевъ, покорностію и любовію къ державнымъ двигателямъ и хранителямъ историческихъ судебъ его! Возрадуйся и возвеселись, видя въ семъ народѣ многовѣковое, здоровое и величественное расположеніе того малаго стада, какимъ онъ былъ въ твое время! Воззри на св. церковь твою въ землѣ Русской, возрадуйся и возвеселись, видя, какъ она расширилась въ пространствахъ земли Русской, какъ въ теченіи вѣковъ она пріобщала къ составу своего тѣла и вмѣстѣ къ составу живаго народнаго, славяно-русскаго тѣла новыхъ и новыхъ чадъ изъ разныхъ племенъ и разноплеменныхъ поселенцевъ и пришельцевъ, какую неувядаемую славу стяжала она въ сонмѣ святыхъ Божіихъ, прославленныхъ въ ней, изъ рядовъ князей и княгинь, пастырей, иноковъ, воиновъ, людей промысла и простыхъ поселянъ; какъ сія церковь довлѣла къ тому, чтобы воспитать въ народѣ св. чувство вѣры и благочестія, любовь и преданность своимъ царямъ, христіанское терпѣніе и покорность своей судьбѣ, но и способность подъ знаменемъ вѣры стать тѣмъ, чѣмъ былъ онъ во дни Донскаго, когда „бысть земля Русская, яко единъ человѣкъ", или во дни смутнаго времени, когда и въ грамотахъ патріарха Гермогена и въ отпискахъ городовъ повторялись слова: „мы—братья по единой святой православной вѣрѣ, по единымъ святынямъ нашей Церкви!" И сія основа народнаго единства и мужества и въ ближайшія къ намъ времена сказывалась такъ же могуче и величественно, какъ и въ давно былыя.

Сколько свѣтлыхъ и просвѣщающихъ воспоминаній вызываетъ настоящее всенародное празднество! Да! это первое за девять вѣковъ такое празднество,—чистое празднество

нашей вѣры, нашего христіанскаго просвѣщенія, нашего духовнаго, нравственнаго бытія! Въ немъ предощущается духовный подъемъ Русскаго народа, наитіе единаго духа, сіяніе единой мысли, біеніе единаго сердца по всей землѣ свято-Русской! Но тутъ я предпочелъ бы говорить вашими словами, Преосвященные Архипастыри и Милостивые Государи, собравшіеся изъ разныхъ концевъ земли Русской на это торжество въ мать градовъ русскихъ, въ Сіонъ земли Русской и принесшіе съ собою мысли и сердца тѣхъ, отъ которыхъ вы прибыли сюда, и въ согласіи съ которыми, какъ и съ вами, говоритъ теперь мысль и сердце всей Русской отчизны.

Съ какою отрадою видится и слышится, что на это чисто христіанское, тихое, мирное и священное торжество откликнулись сердца и мысли нашихъ единовѣрныхъ братій изъ другихъ странъ, племенъ и народовъ, въ лицѣ видимыхъ здѣсь гостей отъ нихъ, въ томъ числѣ достолюбезныхъ знакомцевъ этого нашего пріюта духовной науки! Привѣтъ вамъ, дорогіе гости, милые братья, во имя святаго Владиміра, отъ его престольнаго Кіева, благоухающаго святынями; привѣтъ отъ сего высокаго собранія, отъ нашей, сѣдой между другими, академіи, отъ всей страны Русской, васъ братски любившей, и въ лицѣ доблестнаго воинства, по великодушному призыву возлюбленныхъ царей своихъ, до крови подвизавшейся за васъ такъ часто, такъ безкорыстно и самоотверженно,—страны—и нынѣ любящей васъ, чающей и вашей любви! Скажите о нашей любви собратіямъ своимъ, возгрѣвайте и у нихъ любовь къ единовѣрному вамъ, великодушному Русскому народу! Довлѣетъ Россіи ея собственное величіе, видимое всѣмъ, завидное для многихъ; непоколебима и необъятна ея будущность, вѣками созданная на несокрушимой основѣ православной христіанской вѣры и самобытныхъ стихій ея народной жизни... Но и у счастливыхъ прибываетъ счатія отъ счастія другихъ, какъ чувствовалъ и думалъ въ христіанствѣ вашъ Владиміръ святой.

Намъ же, русскіе участники настоящаго празденства, да станетъ оно источникомъ духовной бодрости, долгаго утѣшенія и живительныхъ воспоминаній и для насъ и для нашихъ присныхъ, нашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ до грядущихъ поколѣній, когда подобное торжество совершится еще величественнѣе въ грядущее тысящелѣтіе просвѣщенія Руси христіанствомъ и памяти великаго Просвѣтителя нашего, святаго, равноапостольнаго князя Владиміра!

